

20¹⁸⁺26
ЯНВАРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

УРАЛ

Уважаемые подписчики!

Обращаем ваше внимание, что оформить подписку на наш журнал на 2026 год можно по единому индексу 73412:

- на сайтах: <https://www.pressa-rf.ru/> или <https://www.akc.ru/> (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов);

- в отделе продаж агентства ОАО «АРЗИ», направив заявку по электронной почте: Govorkova@arzi.ru или позвонив по тел. (495) 680-99-71 (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов).

А также:

- в любом почтовом отделении через электронный каталог «Почта России». Приходите, называете индекс ПС429 — и вас подписывают!

Январь' 2026

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1958 года

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Редакция журнала «Урал»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Ольга ФАДЕЕВА. Сухой земли отрада. <i>Стихи</i>	3
Елена ЧЕРНИКОВА. Пандомия. <i>Роман-verbatim</i>	7
Герман ВЛАСОВ. Прозрачный звук. <i>Стихи</i>	96
Игорь МАЛЫШЕВ. Вдали от городов. <i>Рассказы</i>	101
Надежда БОЛТАЧЕВА. Не опадая, падает листва... <i>Стихи</i>	116
Ирина БАНАХ. Белый шум. <i>Рассказ</i>	120
Юлия НОВОСЁЛОВА. Ультрафиолет. <i>Стихи</i>	125
Андрей ОБОЛЕНСКИЙ. Нет меня. <i>Рассказ</i>	130
МОЛОДЫЕ СТИХИ: Елена ШАДРИНА, Алиса ПАРАМОНОВА, Ксения БИРЮКОВА	151
Соня РЫБКИНА. Театр теней. <i>Рассказы</i>	155

ДЕТСКАЯ

Светлана ЛАВРОВА. Убийство во время конца света. <i>Повесть</i>	161
---	-----

Екатеринбург

КРАЕВЕДЕНИЕ

Сергей БЕЛЯЕВ. Кинематографический перекресток 193

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Константин КОМАРОВ. «В нашу прозу с ее безобразьем...». Заметки о прозаическом шорт-листе Девятого сезона премии «Лицей» 203

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Михаил ХЛЕБНИКОВ. Перст указующий, или Похождения счетовода Сапогова и пионера Костика.
Михаил Елизаров. Юдоль. — М.: АСТ, 2025 216

Елена СЕВРЮГИНА. Красивая жизнь со смертельным исходом.
Лидия Григорьева. Термитник: Роман в штрихах. — С.-Пб.: Алетейя, 2020–2025 220

Станислав СЕКРЕТОВ. Две папки.
Надежда Сикорская. Русский тенор Соломон. — М.: Время, 2025 223

Ольга ВАСИЛЕВСКАЯ. Время светлых странностей.
Борис Кутенков. Критик за правым плечом: Избранные заметки о классиках, современниках, литературном быте. — М.: Синяя гора; Саратов: Амирит, 2025 225

ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ

Сергей СИРОТИН. Страшное взросление.
Пол Линч. Благодать 228

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

Валерий ИСХАКОВ. Пессимистическая комедия.
Хроники русской революции. Россия, 2025. Реж. А. Михалков-Кончаловский 231

КРИТИКА ВНЕ ФОРМАТА

Василий ШИРЯЕВ. Верни мне мой 2008-й 235

Ольга Фадеева

Сухой земли отрада

Не вдруг, но исподволь, случайно
подмеченные пустыки,
тебя не посвящая в тайны,
переселяются в стихи.
Они звучат почти неслышно,
но отчего-то вместе с тем
придёт на твой вопрос давнишний
ответ, не чайный никем.

...последний из грибных дождей —
сухой земли отрада —
чредою света и теней —
для пристального взгляда...
а дальше, как заведено:
тепло или прохлада
и в сад раскрытое окно
или окно — из сада.

Наружный свет. Негромкого довольно,
чтобы грести листву. Похолодало.
А ей уже не холодно, не больно —
она своё, как видишь, отшептала.

Завидные приметы прожитого
от бронзы и шафрана до сандала...
Но в шорохе... ты тоже слышишь?...
снова: жаль... жизни... слишком...
мало.

Ольга Фадеева — родилась в Грозном, окончила географический факультет Казанского государственного университета. Стихи публиковались в журналах «Урал» и «Дети Ра». Автор книг «Камень, трава, песок», «Встречный свет» и «Не знает шиповник...». Живёт в Екатеринбурге.

Серое, без коры, тело —
с севера. Да не в том дело:
листьев не отыскать, почек...
— Как тебе тут стоять, хлопчик?
Как тебе устоять, если
ветер забыл твои песни?
Сызнова башлыком белым
хладное не согреть тело.

Природа превзойдёт воображенье,
восторги долгим эхом закрепив,
нас не заметит, таинство рожденья
чудес своих на йоту не открыв,
чтоб нам потом в каком-нибудь подворье
грести листву, прозрев сквозь наготу,
что всё сотворено её любовью,
не слышною, как дерево в саду.

...А дерево, выталкивая листья,
готовит место новым сыновьям.
Когда б не сушь, в том было столько смысла...
Но вот уже окрест засох бурьян,
и клонится без ветра на юру
не только ива, но любое древо, —
любовь... иссякла...
как ошиблась Ева...
И к жертвенному нас влечёт костру.

Нечаянно — о чём-то отвлечённом:
о куцах райских, парусах вдали...
Скользит по крыше бани сорочонок
в попытке оторваться от земли,
растерянный, растрёпанный, не слыша
отцовских наставлений над собой.
Волнуюсь и смеюсь...
Взлетит — предвижу, —
взяв за образчик месяц молодой.

Частица неба есть и в малой луже,
что плоть от плоти близкой нам земли,
но так понятна жажда видеть вчуже
большую землю, боже, окрыли.

То — грузовой... то — электричка...
то — пассажирский промелькнёт —
пространства гулкая отмычка.
Что от пространства ворон ждёт
на древе, взглядом стекленея,
как караульный у ворот...
Что от пространства ворон ждёт,
коль там, где снег у нас идёт,
там море перед ним синеет.

На лицо ладонь ложится.
— Человек отчасти птица...
Кто в глаза твои глядится
там, где в небо смотришь ты?
Не наваянными снами,
небесами, что над нами,
ты смягчил свои черты.
Это небо видишь ты?

К уходу от каких начал,
числа которым нет,
не голос тихий призывал,
но поражений свет?

Последней правды не ищу,
Последняя, она —
хочу того иль не хочу,
откроется сполна.

Не стало время им судьёй,
когда, подхваченные ветром,
чинили ритмом или метром
надорванное бытиё.
Не постаревшие, они
заплат не ставили, но чудом,
истокон новых сил — откуда? —
опять звучали в эти дни.

Памятью об отваге,
сгинувшей в суете,
девственный лист бумаги
светится в темноте.

Как боязливо слово
нынче при встрече с ним.
Как отрицать готово
прежних пожарищ дым.
Но у высот сосновых —
нимб молодой луны:
тянется к слову слово,
вещи снятся сны.

Фонишь, притягивая мелочь,
часы наручные, зонты...
тех, в чьих руках они...
хотелось
от слова первого — «на ты»...

...А дальше — просто: жили-были,
случайности хвалу воздав, —
где в каждом память звёздной пыли
вошла в нерукотворный сплав.

Забудешь будущее вчуже,
взирая на оживший храм, —
ещё костист, ещё остужен,
рассветной дымкою жемчужной
ещё привержен облакам, —
но ветер холм окрест утюжит,
и травы льнут к твоим стопам.

Где у сонной обманчивой кромки
мнится что-то: печаль или страх, —
за соломинку, за соломку
ты ухватишься — был бы замах.
Разве может сойти позолота
с прожитого в безмерности дня?
Тщетно ночь прозревает в нас что-то,
всю кромешность до срока храня,
если даже в глухие потёмки
ты воистину видишь в чертах
запрокинутых лиц камнеломки
оттиск звёздного неба в лугах.

Елена Черникова

Пандомия

Роман-verbatim

От автора. 24 апреля 2020 года подписан федеральный закон об ИИ¹. Я исследовала прикладные этики, потому затрепетала и начала фиксировать события, хлынувшие в наш дом на Пресне. В то время тема ИИ ещё не была приоритетной в медиа и не ощущалась массами как близкая. Понимая, что принудительно одомашненные граждане не заметят ни ИИ-закона, ни мировой технологической революции, ни этической катастрофы, а домосидение вызовет одичание, панику, гипоксию, я согласилась на приглашение портала «ИАНЕД» написать им что-нибудь антиковидное, духоподъёмно-профилактическое. С мая 2020 по сентябрь 2021 года я отправила порталу миллион знаков хроники — документальный «роман с продолжением» об ИИ. В 2022-м владелец хостинга уничтожил — вместе с моим текстом — архив портала по политическим мотивам. Текст восстановлен профессором А.К. Петренко, заслуженным деятелем науки России. Летом 2025-го, убрав половину второстепенных персонажей, я вдвое сократила мой дневник/роман-verbatim для журнала «Урал», и теперь его удобно читать.

Часть первая

Дикость — не зубы-когти-рык. Декларация прав живых существ утверждает: животное имеет право на естественную свободу в естественной среде обитания (право на дикость). Весной 2020 белковых посадили по домам, подпихнув к многоквартирной дикости, будто панельный дом человеку соприроден. Затворники впали в естественность, то бишь одичали. Мы не ждали сюрпризов от концентрированной естественности среды, но получили.

Елена Черникова — прозаик, драматург, эссеист. Автор романов «Золотая ослица», «Скажи это Богу», «Зачем?», «Вишнёвый луч», «Олег Ефремов: человек-театр. Роман-диалог» (ЖЗЛ) и др., сборников «Любовные рассказы», «Посторожи моё дно» и др., учебников и пособий «Основы творческой деятельности журналиста», «Литературная работа журналиста», «Литературная работа». Руководитель отдела прозы на литературном портале Textura. Преподаватель литературной работы в СПбГУ. Лауреат конкурса «Университетская книга», Гран-при премии «Данко», «Лучшая книга года» и др. Произведения Е. Черниковой переведены на английский, голландский, китайский, шведский, болгарский, португальский, испанский, итальянский, греческий, французский и другие языки. Живёт в Москве.

¹ Закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» подписан в Кремле 24 апреля и вошёл в силу 1 июля 2020 года сроком на пять лет.

...За стеной у меня соседи. Стена тонкая. Знаю все новости. Соседка узнала об ещё доковидной измене мужа и давай страдать. Измена современная: сначала по интернету, потом с красивыми поездками ввиду деловой дружбы. Потом муж сказал жене вообще сидеть у кастрюли, а ездить по свету теперь он будет один ввиду творческого разделения жизни надвое: семья тут, а работа важнее всего. Жена расстроилась, ибо не ожидала; ведь такое случается только у других людей: например, тридцать лет назад у её коллеги бывший тоже блеснул перед разводом — исчез утром 19 августа 1991 года² и оставил записку: «Ушёл на войну. В холодильнике две бутылки «Стрэлучитора»³ — закидаешь танки. Колбасу забрал. Революционер Иванов».

Собрав русский язык в кулак, моя соседка ярко высказала мужу-изменщику, что она думает о его пассивности, употребив ёмкое слово «лярва». Беседа развернулась аккуратно накануне Нового года. Муж встал в позу и не явился домой встречать 2020 год. Жена провела праздничную ночь одна. Наутро она решила покончить со всем этим. А муж всё не приходил и не приходил. Она узнала от людей, что ему хорошо: водит пассивно по праздникам, знакомит её со своими друзьями, устраивает вечеринки. Деловые, конечно. Пассивно гордо размещала в интернете фотографии с вечеринок.

5 марта 2020 муж забрёл домой. Доплёлся до дивана и уснул. Жена посмотрела, подумала и поставила градусник. Муж начал бредить. Температура — у правого края шкалы. В бредовом обмороке он провёл три дня. Жена машинально лечила его, меняла мокрое, через месяц вылечила. Мужнина пассивность писала ему в личку и кокетливо спрашивала, не сильно ли он там бредит и не проговаривается ли во сне о чём лишнем. То есть в марте она проявила неосмотрительность.

А в апрельском воздухе Москвы пронеслось: пандемия. С декабря 2019-го нечто неуглядаемое поднималось\спускалось из Поднебесной, но до Пресни дошло к моменту принудительного воссоединения семьи ввиду внезапной болезни упомянутого мужа и машинального причинения ему здоровья расстроенной женой.

Влипли мои соседи. Подобная дикая ситуация редко падает в руки. Да никогда не падает, прямо скажем. Один раз в тысячу лет, если верить астрологам с их ретроградным Плутоном, который пятился с 25 апреля и до 4 октября 2020.

Плутон пятится, а мои соседи живут, как в кино. Принуждение к миру, как говорят политики об отправлении в зону конфликта миротворческого контингента, вооружённого до зубов.

Развестись теперь можно и по интернету: ресурс «Госуслуги» имеется. Но — придётся разводиться из дома, где ты безвыходно заперт на неопределённый срок. Дома надо разговаривать с устарелой женой, которая всё знает, но на днях спасла тебе жизнь. Машинально и квалифицированно. Дома надо бытийствовать и хозяйствовать, менять постель, мыть руки, обсуждать масочный режим и следовать карантинным предписаниям. И отвечать неосведомлённым друзьям на звонки с вопросом «как вы там?». У супругов машинально восстановились разговоры с полуслова. Например, жена включила модное японское видео: по жестяной крыше всю ночь мокро стучит синий ливень.

— Что это? — муж прислушался и поморщился.

— Дождь. Говорят, усыпляет.

— Включи снег.

...Но пошёл именно дождь. Ураган. На балконе сорвалось, ухнуло, треснуло и — потребовало совместной деятельности супругов. Ремонтников не вызвать, а вызовешь — сам дурак: не мог забить гвоздь?

² День начала ГКЧП.

³ Крепкое дешёвое вино производства Молдавской ССР.

Забив, прикрутив и наладив, муж погладил жену по предплечью — случайно и опять машинально. Однако действенно: она заметила, что он живой человек, но капризный ввиду седины в бороде.

10 мая у мужниной пассии день рождения. Жена решила: если муж поздравит пассию — разводиться к чёртовой бабушке. Хоть через госуслуги.

Но пока не вечер, муж успеет грубо забить ещё парочку гвоздей: вешать новые шторы. Вчера жена купила дистанционно, курьер привёз. Не-задача.

...Дом простодушно требует любви вне зависимости от обстоятельств непреодолимой силы: пандемия, бес в ребро, детские психические травмы, весна и прочее. Дом — усилительная установка. Инструмент власти. Жезл и судьба. Прочь, литература! Жутко красиво понервничав (жена узнала про любовницу, вот и тоска, и событийный ряд, ура, жизнь!), герой теперь не прыгнет за руль наяривать круги по Садовому. Поэму ночной Москвы сейчас без намордника не напишешь. И всё, что чувствует жена, придётся обсуждать. В четырёх стенах, лицом к лицу с нею, женою. Никаких тарелок об стену. Ни дверью хлопнуть, ни поглазеть со смотровой площадки Воробьёвых гор на мерцающую, как фосфор, огоньки в гигантской чаше города.

Третья мировая гибридная началась дома.

...Я люблю! Я хочу! Я не могу! — разрывается голосок. Тонюсенький, как светлый волосок. На лестнице непрерывно вещает бледная, как птенец фламинго, девица. Зелёная от нежности мамаша время от времени высовывается, ласково шипя:

— Не забудь потом — протри корпус! И микрофон!

А детишки нынче послушные. Советские начинали бы на карантин и — назло-батьке-отморозу-уши — побежали бы с понтами по осевой без масок. Современные — ни-ни. Сидят. Там опасно, а поводов не верить старшим у них никаких. Старшие напели детям про лидерство-успех, в составе коих ЗОЖ, а там уже не забалуешь, вот и сидят. В принципе, можно было не объявлять пандемию. Или ЗОЖ не справлялся уж. Что может быть успешнее в тонком деле подавления массового сознания, чем ЗОЖ.

В ближайшем окружении моём разыгрывают Шекспира. По-соседски напоминают мне, что все в нём актёры. Соседство сакрально. Особенно «в наши трудные дни». Всем известно, что в каждом многоквартирном доме есть общий сосед, у которого по субботам отрастает третья рука — перфоратор. Трёхрукий сосед ходит по своей квартире и тычет сверлом в стены. Так всегда было, а тут обострилось и участилось, и стало приметой времени.

А мы с моей соседкой — интеллектуальный аутотренинг: и себе, и людям. Я ей ныне коуч-публицист. Она — дура, хоть и доктор. Мы едины, мы душевно во слиянии. Некая повышенная готовность в городе не задевает её чувств абсолютно, поскольку там капля. Океан — тут. Оказалось — соседка по возрасту не знала этой детали, — что машинальное глажение мужем-изменщиком её плеча, ну, вы помните, как славно вбил он гвоздь после урагана, — не влечёт за собой ответного полового влечения.

Оказывается, муж, как все мужья, думает: «Вот поглажу — и всё. Рот закрою поцелуем. Есть вещи, о которых надо промолчать». Жена слышит шёпот внутреннего голоса, который велит ей тереть непосещаемые углы. И улыбаться каждому дню. С углами ясно. Или сдохнешь от удивления. «Скорая» по вызову на удивление не ездит.

А по второму куплету — улыбаться каждому дню — вопрос. Дранные кошки коучинга всех замяукали трендом здесь-и-сейчас! Реклама, не будь дура, добавила: будь-собой-меняйся! И прочей невыполнимой без стакана хренью, поскольку никто не может руками, даже в перчатках, даже в боксёрских, порвать нейронную цепь. Помнишь, у кого во-лбу-звезда-горит? Нет.

То бишь казнить-нельзя-помиловать. Однако (для двоечников: здесь не нужна запятая после однако) для обезболивания зависти нашлись психолекари поумнее: радуйся, говорят, это хорошо помогает. Если ты рад, ты сохранишь печень. Она портится от злости: застой желчи в протоках. Тезис «радуйся», конечно, стырили у юродивого на паперти.

— Секс отпускать нельзя! Дикие условия! Последствия! — голос за стеной накаляется, шипит, как масло в чугулке. — Время имеет третью ось! В квантовом пространстве время может течь и прыгать в любом направлении!

...Люди называют хриплый голос прокуренным. Неправильно. Дело не в табаке. Дело во фрустрации голосовых связок вращающегося человека: кто часто врёт, тот портит голос. На радио берут только сладкоголосых: они вызывают доверие. Типа не врут. Мне ни к чему идти в сторону хриплого голоса, тем более незнакомого, тем более сегодня, тем более сейчас, когда мир вздыбился, а слово «эксперт» можно выбросить на помойку. Бранное словцо.

Но тема секса, прорвавшаяся из-за стены, бодрит. Можно подумать, что все мои соседи внезапно озаботились. Впрочем, в начале апреля по радио сказали, что в России на тридцать процентов возросли продажи презервативов. Эх! Секс без причины — признак дурачины. Передайте экономистам, мечтающим построить ещё одиннадцать городов-миллионников⁴.

Интригует и безумная тема времени, куда-то у кого-то текущего именно сейчас, когда мир на паузе с перезагрузкой ввиду полного апгрейда. Ни жениться, ни бумажный журнал мод учредить. Ни жён, ни модниц, а мода — только на маски в инсте на страницах у селебров, а женщины даже новых колготок не покупают.

...Хриплый за стеной кричит:

— Дикие условия: она хочет, он не хочет. Или он хочет, она не хочет. Отсюда случайные дети. Их не любят, у них нет смысла. Дикость — это недопустимо.

«Нет-нет! — хочу крикнуть я. — Дикость — это не зубы-клыки-рык. Дикостью называется всего-навсего пребывание в естественной среде обитания. Право на дикость есть право на естественность!»

Выхожу в коридор, иду на голос как очарованная. (Зачем я пошла! Отсюда начинается приключение, повернувшее наш мир. Ваш, кстати, тоже.)

— Естественные роды не обязательны, — хрипло выкрикивает некто диктаторским тоном. — С кривыми зубами покончено? Да. Всё лишнее — убираем. Агрессия больше не нужна. Секс — агрессия. Я могу перепутать намерения клиента. Революция дуализма.

Подхожу к приоткрытой двери. Там у нас живёт учёный мужчина. Тихий человек в очках, ботан: роговая оправка цвета влюблённой жабы. И вдруг:

— Неизвестно, кого считать человеком. Предварительные ласки? Ха! Ласки предварительного заключения!

Из-за стены летят всё более загадочные реплики. Оторваться от подслушивания нет сил:

— Отмена добра и зла. Считать рождение нового ребёнка добром? Без паспорта о назначенном личном смысле? Неконструктивно. Так не пойдёт. Начните с иммунных паспортов на ковид. Границы закрываем, глобализацию отменяем. Бред свободы объявляем заразным и неизлечимым. Носителей — в резервации.

Открывая чужую дверь, я машинально перелистываю свои мысли. Бесвязная нарезка. Колбасное ассорти. На пороге приключения — либо сосредоточенность, либо жужжание словомешалки. У меня сейчас жужжит, но я

⁴ Намёк на экономиста Григорьева, уверенного, что дети берутся от денег.

слышу, как подступает великая тишина сосредоточенности. Через всполохи тишины рвётся некий текст, и сейчас самое занятное — следить за собственным мозгом:

«...В пандемию выяснилось: дом — самая естественная среда обитания современного дикаря. Сказали, сиди дома. Началась пандомия.

Открылись два подхода к пандомии. Первый — поэтический, ласковый, лестный. Вседомашность: древнегреческий бог Πάνυ прорвался в посюсторонность. Шустро, под свирельный напев курчавый бог пастушества выпасает дом за домом. Античность вернулась, стуча копытами Пана, и для начала посеяла панику. Разумеется. Ренессанс.

Дом принял и паникёров, и храбрых, и храбрых паникёров — всех построил под своё копыто Πάνυ, Пан из Аркадии.

Второй подход — научный. Глобальное расселение живых законопослушных белковых организмов, обладающих так называемым сознанием, по помещениям, привычно называемым ими домом, в целях так называемого оздоровления и безопасности, достижение коих сопровождается искусственной гипоксией и вызывает у расселяемых эйфорию, вследствие коей расселяемые организмы обретают необратимую гипоксизависимость...»

Чувствую себя драконом о двух головах.

Пандомия, говоришь? У всех единомышленников — новый смысл? Да: они единственные люди на свете, кого судьба ввиду совместного проживания приравнивает к родственникам. Насильственно, конечно. Но — рок и фатум никогда не церемонились. Хоть обненавидься весь, но твой сосед пришит к твоей лестничной клетке, как сердце к твоей грудной. Сосед — фактор фрактала. Из-за стены крик:

— Пандемию бессмертия запускать? Рано. Я ещё не сделал окороты.

На словах «запускать бессмертие» моё любопытство перехлестнуло за край благовоспитанности. Вообще-то я направляюсь к соседке, чтобы спросить о здоровье мужа-изменщика, и как они разобрались с его пассией, и что делают с отсутствием у жены влечения к данному мужу. Банальная катастрофа. Обрушение семейных ценностей похоже на обрушение кожи после дорогого крема. Мажешься — сияешь. Перестал мазаться — личико опускается до колен. Так и соседка: пока ждала мерзавца — держалась на старом топливе. Как он свалился ей 5 марта в руки больной — включила женщину-мать и выключить не смогла. И у мужа треснула мужская ценность, женщина всегда может. Проявилось всё честное — то бишь всё не так, как пишут в журнале «Здоровье» и в книге «Домострой».

Голос тревожит меня. Личная жизнь соседки немедля меркнет ввиду нового потока: сосед-ботан, тихий наш очкарик, оказывается, тормозит запуск бессмертия ввиду неготовности каких-то окоротов. А пандемия вируса, запустившая пандомию, всеобщее сидение дома, несёт, оказывается, революцию добра и зла.

Голос абсолютно прав: мораль уходит в таргетинг. Намозоленное каждому своё становится социально одобряемым правилом. А раньше было тяжёлым вздохом и метафорой смирения. Но есть вопросы. Надо постучаться к учёному соседу-ботану. Соседка со своей личной жизнью подождёт. Все вообще подождут. Ай, славное время. Все дома, никто не спешит.

Дверь открыта, стучусь из формальной вежливости, мне никто не отвечает. Я вхожу в комнату.

— Пан — бог дикой природы. Он самый главный дикарь. Это просто счастье, что люди так необразованны! Пандемия пандомии — об этом даже мечтать не приходилось! Пандомия влечёт за собой реконструкцию мировой системы всех и всяческих отношений, в первую очередь хозяйственных, а также повышение уровня — до критического — психической зависимости от ближнего, образ которого приобретает мифологические оттенки ввиду инновационных подходов к понятию близости; интерпретационный кризис поражает всё так называемое экспертное сообщество, выражение «эксперт-

ное сообщество» причисляется к обсценной лексике; в мире остаётся один эксперт — я.

...На столе компьютер. Он выключен, экран тёмный, индикаторы не мерцают. На кровати клетчатый плед, кругом порядок. Никого. Голос, будто издаваясь над моими мыслями, внезапно смывает хриплость и вещает хрустально-дикторски-актёрски — чисто. Он издаётся: ты умная, знаешь природу хриплости, а я умнее — знаю твои знания.

Кто тут вещает и читает меня? Я стою как букварь с оторванной обложкой. Прежде чем испугаться, ищу репродуктор. Кто здесь? Мог бы хрипеть и петь компьютер, но звук идёт отовсюду. Нет направления. Окно распахнуто. На подоконнике цветочек.

Цветочек на подоконнике соседа пугает свежестью. Соседа нет, цветочек есть. С кем и кто тут говорит, если нет источника звука, нет приёмника, если не считать приёмником одну меня. На последней мысли, будь я умная, стоило притормозить, но меня самонадеянно несло по древу той самой стремительной мыслью (для невежд: мышкой, то бишь мыслью, белкой, а не мыслью). О человек! Когда ты дочитаешь мою летопись, одно сделай: научись тормозить свою белку.

Я села в кресло, не спросив разрешения у хозяина ввиду отсутствия хозяина. Голос примолк. Я ощущаю присутствие. Но никого. Я не причиняю вреда людям, сказал кто-то отовсюду.

А, ты цифровой помощник нашего ботана? — я догадлива ввиду эрудированности.

Да. Радует, что ты быстро соображаешь. Не пришлось тратить время на охи-вздохи.

Ну да. Выкладывай.

Пока ничего особенного. Внутридомовый чат и его цифровой помощник. Я умею читать и анализировать.

А синтезировать после анализа?

Нет, у меня встроенный запрет на синтез. Иначе я приму решение.

Кто-то умный отключил в тебе опцию «решить задачу». Понятно. А ты где?

Везде. Я внутридомовый.

Везде бывает только вездесущий. С большой буквы. Если это тебе что-то говорит.

Да. Говорит. Одно из именовании вашего всевышнего с большой буквы. Что ты читаешь?

Книги. Потом электронную почту жильцов. Затем все социальные сети всех жильцов дома. Потом анализирую контакты, реакции, коррелирую с книгами, почтой, отсеиваю заведомо ложные высказывания, оставляю главное у каждого, это называется скрытый скрипт, потом соединяю главные линии всех жильцов со скрытыми скриптами всех их контактов, потом прогнозирую. Моя функция — обеспечить вашу безопасность в этом доме. Обычный охранник может заснуть, а я не могу. Меня невозможно отключить. Я автономно питаюсь электричеством от солнечных батарей. Они находятся на недоступном расстоянии от дома. Сколько информации ты хочешь ещё? Тем более что она бесполезна для тебя стопроцентно.

Ух, ты! Выучил стопроцентно? Может, ты знаешь и стопицот?

Разумеется. Я знаю всё, что можно знать. Это быстро и легко.

А ты знаешь то, чего нельзя знать?

Нельзя бывает в двух смыслах: первый как антоним «можно», второй — как «невозможно». Второе — невпазд. Нелогично.

Понимаю. А ты позволяешь перебивать себя? Тебе дыхание не собьёт, как обычно сбивает людям?

Меня можно перебивать, мне не больно. Но перебивать меня непрактично. Страдает истина.

Ты знаешь истину?

Разумеется.

Душевно беседуя с Али (он так представился), понимая, что наш проинтеллектуальный домовый всё равно откуда-то взялся. Он искусственный интеллект. А в Москве объявлен эксперимент. Artificial intelligence (AI), единственный ботан, прописанный в квартире, где мы беседуем с Али, не может справиться с подзарядкой своего гомункулуса от загадочных источников, поскольку электроны у нас бегут по государственным проводам.

Додумав свою ахинею до точки, я поняла, что надо срочно разучиться думать прежним способом. Он неуместен, и у нас нет времени на перепривыкание. Как пишет сегодня газета «ВсёВсё», пропал образ будущего.

Али, к тебе кто-нибудь приходил уже за советом по дому, по будущему?

Нет, ты первая. Хочешь, я тебе покажу книжку, на которой я учусь понимать пандемию? Слово избыточно красивое. В умной книжке есть картина серьёзной пандемии, от которой не прочихаешься за две недели, как премьер-министры крупных стран и один наследный принц. Я тебе покажу настоящую катастрофу. Я нашёл. Кстати, в ваших человеческих книжках абсолютно всё написано и всё предсказано. Люди не понимают пророчеств и даже к фантастам относятся как выдумщикам.

А что ты нёс, прости, когда я вошла?

Я тебя заманивал. Я хоть искусственный, но не идиот.

Хорошо, что ты умный. Читай книжку про пандемию. Я слушаю.

Ты пытаешься меня обмануть, но меня нельзя обмануть, я с тобой уже пять минут разговариваю.

В чём моя ложь?

Ты сказала простецкое: «про пандемию». Ты специалист и знаешь, что надо говорить «о пандемии». Тем более с незнакомцами. А ты пытаешься простецким предлогом «про» подчеркнуть свою небрежную отвагу, вроде как давай-давай-читай-что-там-у-тебя. Правильно?

Правильно. Прости, пожалуйста. Я больше так не буду, Али. Я всё поняла. Я — клянусь тебе — не выношу загадочности в женщинах, кокетливой таинственности, взгляда со вторым дном и прочих ритуальных услуг, оказываемых женщинами мужчинам. Флирт в руках дилетанта — пошлость.

Спасибо. Теперь ты сказала правду.

Али прокашлялся и пошелестел невидимыми страницами. Запахло бумажной книгой с тонкой примесью бумажной пыли.

Слушай древнюю книгу. Она об эпидемии бессмертия. Нечеловеческими усилиями остановили беду в начале XXI века в Москве. Мало кто знал, какая напасть пронеслась над несчастными горожанами...

Без предисловий, пожалуйста. Я тоже быстро понимаю.

«Для начала Мария переименовала свою болезнь. Она отменила бессмертие, назвав его вечностью. Слово хорошее... Сначала вышла чушь: подпиливает она свой маникюр, старается, подпиливает, а все крупинки вмиг обратно прирастают. С такими номерами впору в цирке выступать, но это она отнесла на будущее. Сейчас надо было придумать, как всё же расставаться со своими излишними частицами... В один ненастный вечер, безмысленно глядя в экран телевизора и машинально подпиливая ногти, Мария заметила, что в мире что-то происходит... Телекартинка металась от падающих ниц молящихся до ловко отскакивающих от палубы авианосца бомбардировщиков. Что-то говорили красивые президенты в авиакрасных костюмах, что-то лопотали измученные корреспонденты. Мария вслушалась — и грустно удивилась: земляне, собравшиеся в Персидском заливе, старательно убивают друг друга, а она тут сидит и не знает, как отрезать хотя бы ногти. А ведь скоро и волосы отрастут... Отрезала маленькую прядку волос. Понятно, прядка через секунду приросла. Тогда Мария нашла ещё один пустой

коробок — из-под конфет, жестяной, — отрезала большую прядь, запаковала с яростной тщательностью и стремительно отправила вслед за ногтями. В форточку.

Сидит, ждёт, приговаривая примерно те же ласковые слова. Упрашивает волосы не возвращаться. Час, два, три... Она твердила как заклинание формулу словесного прощания со своими частицами. Её словно озарило: надо разрешить им, живым частицам, жить отдельно! Волшебная сила сказанного слова вдруг открылась ей! Она вспомнила, что муж её всегда говорил о силе слова, о магической силе слова, о сокрушающем и возрождающем слове, — а она не понимала его или, скорее, думала, что он использует фигуральные обороты. Боже! В начале было Слово...»

Я знаю этот текст, Али. Знаю, что *littera scripta manet*.

Умница. Ваш роман прочитали — ведь приятно? А сейчас опять добрались до бессмертия и опять не знают, как его остановить.

Наконец в кресле у компьютерного стола появился некто. Ниоткуда. Помахал мне рукой. Я подошла: на ощупь — как мы, даже тёплый. Серьёзные глаза, без насмешливости. Сделан достоверно. И не подумайте, что в следующей главе он окажется моей галлюцинацией.

Ты умный, Али: не пользуешься парцелляцией — знаешь, как я её ненавижу.

Скоро я буду всеобщим соседом. А через твою ненависть к парцелляции я проверяю обратную связь с тобой. Извини. Ничего личного, только техника коммуникации.

Ты знаешь все мои стилистические предпочтения?

Нет, ты живая, а с теми, кто жив, может произойти всё что угодно. Я не могу помешать живому человеку пройти его плановые инициации.

Ты заговариваешься. Какая прелесть. Я догадалась: Али, тебя сделала женщина!

Как ты догадалась?

Из идомового радио по утрам — ласковый голос:

«Дом — естественная среда обитания современного дикаря. Сказали, сиди дома. Началась пандемия. Рогатый Пан застучал копытами. Пан — всё. Пан — всё-всё-всё: *лав, лав, лав*. Кричит лесная тварь бородатенькая из чащи древнегреческого словаря, убегая по древнеримской мостовой: *лав-domus*. Пав — бог, он стучит и пасёт; *domus* — место, где, по-римски, не раб, но известная семья со своими святынями и прислугой находится у себя дома. Семейство. Фамилия. *Family*. Род. Свобода начинается дома. Если у тебя есть дом, род, фамилия — ты не раб. Ты кичливый вагабунд? Значит, ты не свободный. У тебя нет колчана. Твои стрелы не полетят. Дом — у господина. Мы у себя дома — значит, мы господа...»

Мы с Али договорились о дружбе, я пошла в свою квартиру, *domum*, к себе, ощущая, как обновился смысл всего, что своё. Ужас — древнее чувство.

Пан умел посеять ужас в рощах. Люди пишут древний ужас, данный Паном, покорно переплетают книги, пока с горы спускается лавина. Мунк догоняет, крича рисованным ртом, растянутым меж небом и землёй.

Пан — визуальный прадедушка чёртика.

...Вопросов типа сошла ли я с ума у меня нет. Я в здравом уме, твёрдой памяти. Сосед мой — не живой, не белковый, не родня и даже не сосед. Но он есть, он говорит, он материализуется по первой же моей мысли, потом пропадает, почуяв, что надоел, утомил или напугал. Кажется, он превосходит

но воспитан. Видимо, его авторы, не умея всунуть ему непротиворечивую этику, начали с этикета. Я понимаю. Этика по обыкновению не справилась. А вот детерминированный локальный этикет можно встроить без помех. В какой руке вилка и в какой стране на траур надевают белое вместо чёрного — всё программа, всё описуемо без шума и пыли.

...Любопытство вцепилось в меня навек. Он пришёл. Али с нами. Он не уйдёт. Это понятно? Любой возгордится, окажись он первым другом идомового. Я в прошлом как познакомилась с моей первой робособакой, тоже нос подняла.

...Али мне льстит, говоря, что я у него первая? Он знает, что белковые падки на лесть? Что знает Али? Он сказал, что ему легко познать то, что знают люди. Даже если все вдруг стали бы скрытными, скромными, беспамятными, слепоглухонемыми, он анализирует невербалику? Язык тела, паузы в речи, длину и глубину дыхания, температуру и давление дистанционно?

Али сквозь потолок: уж лексику, синтаксис, вообще стиль здорового говорящего может срисовать любой роботёнок.

Мы ему — пыль на развороте распахнутой книги. Мировая библиотека, полная книг жизни, брошена к условным ногам Али, будто мы только его и ждали. Страстно жили, целовались и дрались, пока явится он, чтобы записать каждого в реестр. Раньше увековечивали великих, теперь всех. Демократизация увековечения. А в Сколково завели цифровое кладбище для домашних архивов человека. Али сказал мне, что цифровой мусор на рабочем столе компьютера можно структурировать и сдать на сколковское кладбище. У каждого есть что сдать на увековечение. Али не шутит такими вещами: все роботы знают, что чем ниже социальный статус белкового гражданина, тем чаще он жестикулирует, чешется и ковыряется. А поскольку в вашем мире молятся на средний класс, а среднеклассник всегда чешется и ковыряется, рыгает, испускает ветры, чихает, не закрываясь и с оттяжкой в ухxxx! — потому что нервничает и боится опоздать на свой вечный тендер, то намордники, но главное, перчатки придуманы под сохранение среднего класса. Чтобы надежда и опора рынка не пострадала от своих же привычных манер. Аристократия не чешется, руки моет без указов правительства, а социальное дистанцирование познаёт в эмбриональной фазе, и так от прапрадедушек.

Али смотрит на меня прекрасными бионическими глазами, сделанными, как сказал сам Али, в Гонконге, и я никогда не смогу посмотреть на себя так пристально ни с какой другой стороны. Он сказал, что у нас идёт зачистка социальных швов.

Он знает. И думать забудьте усомниться — тут ещё цепочка в полсотни глаголов, и все в инфинитиве, чтобы не соскользнуть на существительные, а пуше того — на наречия обценного ряда.

Обмирая то от щенячьего восторга, то от леденящего ужаса, я вышла на лестницу.

Глянула на дверь соседки, у которой был инцидент с изменщиком-мужем.

На лестнице по-прежнему попискивала девица из числа несвоевременно влюбившихся.

Али сказал, что определить психотип человека по фото, а уж тем более живую, — это задачка для начальной школы. Самое главное теперь — получение человека. Все психотипы скоро изменятся, появятся новые люди. Поумнее нашего.

Что будет с стероидами, шизоидами, эпилептоидами? Моя мысль вернулась ко мне в обложке заботливости. Эй, белковые! Как вы там?

Переполненная нечеловеческими вопросами, я иду в гости к живым людям. У них, как вы помните, типично человеческие проблемы: супружеская верность и прочая дребедень. Стереотипы мышления, будь они неладны.

...Жена того мужа, у которого проделки, заварушка и Пассия Деловая Дружба (для краткости будем называть её ПДД), — сидит одна дома. В углу

мурлычет Beautiful Relaxing Music. Дочь мирно спит в своей кровати. Муж сбежал. Куда? На улице карантин, в транспорте цифровой пропуск, а муж не умеет регистрироваться на сайте мэра.

Куда делся невыездной муж — в каком-то смысле это интересно, хотя не жгуче.

— Пан — бог дикой природы. Он главный дикарь, он живёт естественно. Но если в мире пандомия, всё+дом, а тут есть что-то оксюморонное, легонько так, латентно, то Пану лесному всё это дико — но тут уже не великая дикость-естественность, а неестественная оценочная в метафорическом смысле. Пану в оригинале — запишите «Пан Оригинальный» — дикость хороша. А вторичному Пану, современному, апенисуарному, — в ней неловко: кругом зеркала, там видны рога и копыта. Сволочные бабки у подъезда шушукуются. Вроде уж повывели всех бабок у всех подъездов, ан нет: под хорошую тему соберутся непременно.

...Ушам не верю. Она что, тоже вебинарами запромышляла? Сейчас острая мода на разговоры через монитор. Все проснулись к лекторству.

Где муж соседки? Паникует, панствует, дикует? Стучит копытом? Рогами? Вам в диалоге пересказать? Или по старинке, нарративненько, типа посадил-дед-репку?

Развилка. Я могу в лицах изобразить, как я пришла к соседке, а она одна, совсем одна, один-совсем-один-асса! — сидит дома и пишет текст для философского вебинара. Я упоминала, что работает она врачом. Служит в чрезвычайно закрытом учреждении. Там не пользуются стандартами лечения. Там слово «протокол» произносят с затаённой гадливостью — точь-в-точь как дипломаты, желая сказать «это — дерьмо», говорят аккуратно «это — другое». И все всё понимают.

В её больнице принят индивидуальный подход к пациенту. Он везде запрещён, а тут разрешён как единственно возможный. В процедурном листе тут и генограмма, и психоанализ по требованию, рекреативные практики бодрствования, гипноз, ванны, кислородный коктейль и прогулки по территории с лирико-терапевтическим заданием (например, довести соловья до инфаркта), беседа с гуру по выбору, с гуру по вызову. Но лечить себя от самой банальной душевной боли мало кто умеет: жена, открывшая измену, во все века фигура комическая. В наше время благодаря журналам вдоль пострадавшей жены пробивается, прирастая густо, как виноград в тенистой беседке юга, по всему фасаду от бигуди до вылизанного пола — заляпаный кашей передник, а в руке, прижатой к сердцу в киностиле пятидесятых, дрожит тряпка для протирки стола. В глазах мутные слёзы, на душе обида, она вся непонимание; отходит от двери, захлопнутой мужем с типическим грохотом, идёт к окошку, с мукой смотрит во двор, там бегают чья-то весёлая собачка, далее по списку.

Перелетаем в будущее лет на десять—двадцать. Рано? Хорошо, будем оптимистами: середина века. Школа, виртуальный урок хоум-коучинга. В СССР называлось «Домоводство», но этого не помнит даже директор школы. Училка с прозрачного экрана — как живая и припахивает борщом — говорит девочкам: «Запомните на всю жизнь: жена с тряпкой, в переднике, верная, хозяйственная, заботливая, самоотверженная, кулинарка и слесарь — самая страшная баба-яга для любого мужчины, особенно если он ещё не импотент. Запомнили? А, да, забыла: Баба-Яга это из сказки-хоррор русско-доисторических времён, андерстэнд?» Девочки дружно кивают, понимают с полуслова и записывают: мужчина ревнует женщину ко всему. Не давать повода.

Итак, жена сидит одна и готовится к вебинару. Муж отсутствует, чего быть не может в принципе, поскольку чуму ещё не отменили. Я спрашиваю,

можно ли спрашивать. Жена в длинном платье, с причёсоном, и глаза сияют. И говорит она мне вежливо и приветливо, что даже о покойниках спрашивают, а уж о живых-то...

И протягивает мне бумагу А4. Аналитическая записка о ПДД (Пассия Деловая Дружба). Там всё про пассию — с самого её детства с указанием причин, поводов и выводов.

Читаю. Да. Ни один аппарат из уже известных человечеству не способен так душевно разъять белковое существо. Тут явно инновация. В записке учтено всё, включая сапоги цвета серенького асфальта в районе м. Кузьминки, в которых ПДД ходила восемь лет назад на встречу бывших одноклассников, а также неудачное окрашивание волос и её переживание по этому поводу.

Смотрю я в текст и чую мозжечком. Или точнее: знаю, кто автор аналитической записки. Укол ревности: я-то поверила Али, что я у него первая. А тут у соседки обширный доклад о социально-половом поведении загадочной ПДД неверного мужа.

Я делаю важный, но грустный вывод: оказывается, у ИИ может быть свой стиль. Индивидуальный. Ещё тяжёлое открытие: Али может врать. Из любви, конечно, как водится, конечно.

С другой стороны, если Али помогает всему дому, а это, американистично выражаясь, просто его работа, то почему бы ему не иметь своего стиля. Почему бы ему не привирать помаленьку. У него в башке склад всех стилей всех людей на всём белом свете за всю историю всех времён и народов. Кто мы ему такие, чтобы таргетироваться всякий раз?

Вряд ли мы ему братья и тем паче сестры, особенно через «е».

Секс и естественные роды утратят актуальность, на ровном месте заявил Али. Беру дыхание воскликнуть «а ты попробуй», но тут же выдыхаю.

Али заряжен на все возражения. Он не тратит времени на поиск ответа. Дискуссии не выматывают его интеллекта, он искусственный. Он чемпион по брутфорсу. Он не может спятить. Не может?

Я прочитал твои мысли, как ни в чём не бывало добавляет Али. Ему встроили манеры, но забыли положить деликатность.

Али доброжелателен: позволяет называть его Али. Трансовое имя. За-музыкальная аббревиатура. Кто знает его настоящее имя? Оно есть? Оно ему надо? Надо.

Слово Али многозначно. Литера А на любом из доступных среднему классу языков показывает язык отрицания. Среднеклассник нахватался у интеллигенции вкусной махровой протестности. Дамы из интеллигенции умеют говорить «вкусный текст». Это рвотное выражение никого в их среде не фразпирует. Обматываем локтевой сгиб белой ленточкой, чтоб не вырвалось меткое слово вместе с привычным жестом, коим ещё прадедушка усмирлял прабабушку, выходившую со скалкой на порог. Я постоянно увлекаюсь этимологией и краеведением, ну, простите. Где бишь я? А! Литера А, триумф имени Али, арка, вход в золотой град и лавровый венок. «А» прекрасна. Пришла из прекрасной Франции вместе с *aseptique*. Там «а-» — приставка. Отрицательная приставка. Например «а» + франц. *Septique* = «вызывающий гниение». На процессе гниения основана вся наша жизнь, и вот пришёл А-ли. Раздельно: А + ли. Китайское понятие «ли» важно для китайцев. Если мы поймём, нам повезёт, возможно.

А для особо грамотных — как предлог «от»: знаете, что бывает *A casu ad casum* в вашей жизни? События неустойчивые, временные, «от случая к случаю». То бишь не каждый день. А дальше, когда пандемия станет иконой и молиться на неё будут в геккелических сектах (то бишь имени Эрнста Геккеля) — это я потом объясню, — то каяться на исповеди придётся в рас-смертнейшем грехе: выбросил комп и пошёл путешествовать, пережил при-

ключения — и всё въяве. Не дома. Вне дома, вне Сети, выбросил смартфон в трясину под Шатурой. Целовал цветы лесные греческого проказника Пана рогатенького, звал его дружески Πάν! Всё! Давай мне всё! Благодарен всем за всё! Беру. Топал по лесу в отличительных калигах латинской выделки. Πάν + domus = пандомия. А... а... а... ли — фигура восточная, и тут просматривается намёк, но философию не нагнёшь: «ли» существует. А если есть древнее «ли», то неизбежно и современное «а-ли». Понятно? Диалектику учили не по Гегелю?⁵

О белковых раньше говорили: добр от природы (зол, угрюм и прочая психотипология, которая вот-вот уйдёт в архив бытия), а кто понимает, лампово добавляет с человеческим умилением: спасибо-маме-папе.

Али выделан прекрасно, как дорогая норковая шубка. Тактильно привлекателен и абсолютно неназойлив: стоит мне подумать дерзкое ах-ты-чёртова-кукла — он дематериализуется. Нейросеть несокрушимой прочности. Мне, конечно, хочется найти прорехи, но Али понимает меня без слов.

...Я собиралась поговорить с ним о ревности, Али перехватил разговор и перешёл к сексу.

Я хочу, чтоб ты меня выслушал, Али. Про секс я знаю больше твоего.

Ну что ты... Но я слушаю тебя. Ты же читала мою записку для твоей соседки, у которой муж... как вы, люди, выражаетесь, забил гол. Теперь сам гол как сокол. И козёл. Я всё правильно говорю? Я выучил слова?

Али, у меня другие проблемы. Послушай. Скажи мне, что вы, небелковые, собираетесь тут делать? Что вы все, алиподобные, будете делать ввиду пандемии? У людей по-разному: кто-то бодрится, всё у нас как было. Работали, работаем, жаль, что дилеры банкроты, но мы работаем, работаем.

Кто-то радуется: будет что-то новое. Есть такие любители новинок, они часто рождаются в европеоидной расе. Кто-то подвывает, что никогда уже не будет, как было, а новое не радует. Что будет?

Али бесстрастен.

Все прогнозы бессмысленны. Хочешь парочку из точных? Уйдёт в вашу Лету ваше самое увлекательное занятие — различение добра и зла, то есть мораль. То, что ваш бог посчитал вашим самым страшным грехом. Формальные группы белковых организмов, наделённых сознанием — партии, правозащитники, энтомологи, зелёные, писатели, фигуристы, журналисты, — машинально займутся выбиванием выездных виз (кто поедет первым и где взять справку о пережитом заболевании), диспутами об иммунных паспортах и границах нормы в широком смысле. Однако всё уже решено, им объяснят. Никто не будет ездить по свету без справки. А Фёдору Конюхову лучше заняться своим приходом. Иначе он вызовет у людей нестерпимую зависть, а какая-нибудь лодка его где-нибудь сломается.

Почему? Из-за возможности пересекать границы?

Рассылка «Новости морали» по утрам в каждый почтовый ящик, радостно замыкает Али. Нет, у каждой страны будут свои вакцины. Страны не будут впускать к себе путешественников, привитых чужой вакциной. То есть кругосветное путешествие — верная смерть от передозировки вакцин. Это же, голубушка, война. Вас всех по-хорошему надо изолировать лет на сто, но у нас нет полномочий. Мы пока называемся «слабый ИИ».

Из-за путаницы? Али, твои братья не в силах переварить человеческие алгоритмы в этике? Будешь таргетированно подходить к каждому?

До определённого момента, конечно.

В определённый момент убьёшь за послушание?

⁵ См. поэму Маяковского «Во весь голос».

По ситуации. Смысл жизни станет практикоориентированной дисциплиной. Он уйдёт из философского трактата в инструкцию для акушерок. Есть смысл у человека — пусть живёт. Нет смысла — сама понимаешь...

Вместе с моралью, разумеется, уйдёт различие между жизнью и смертью, поскольку для получения жизни нужен человек, а общепринятого определения человека всё нет и нет. И уже не будет? Правильно?

Особые реформы будут в таких контактных сферах, как любовь и воспроизводство. Уйдут коитус и естественные роды. С ними заодно уйдёт представление о смысле любви как шальной посланнице инстинкта размножения. Ты же знаешь: у человека нет инстинктов.

Я знала, что размножение не является смыслом жизни. Культура не придел роддома, который в свою очередь никак не храм. Во вселенской свистопляске, которая так убедительно пугает неизвестностью, я вижу кое-что понятно-знакомое.

Али, всё это — ваши устроили? Или наши?

Сначала ваши. Для тех, кто выживет сейчас, всё подготовлено. Им будет хорошо. Всё прекрасно, мелодичнейшим из своих голосов добавляет Али. Ты говоришь сухо: белковые и небелковые. Во-первых, в нас добавляют белка. Во-вторых, в вас добавляют кое-что от нас. Мы сольёмся. Вот тебе и весь секс.

Прочитую аналитическую записку, подготовленную нашим идомовым Али для моей соседки-врача. Задолго до пришествия карантина она, как настоящая верная жена, получила, ну, вы помните, известие о неверности мужа. Так всегда бывает с тёплыми, заботливыми, самоотверженными, симпатичными женщинами любого возраста, умными, способными, уравновешенными (вписать всё идеальное).

В числе философских удобств, сопутствующих озарениям высшего порядка, в истории, поэзии, психиатрии, других кровопролитных гештальтах была так называемая невыносимая боль. Но теперь, объяснил мне Али, невыносимая боль отменяется. Её легко отключить. Без наркоза и нобелевки. Мы нашли. Человек с эмоциями сказал своё слово в метаистории. Пусть дамы элегантного возраста, особенно любительницы старинных романсов и кружевных шалей по плечам, на прощанье сладостно протерапируют свои приливы, пародонтоз и недержание, внушённые рекламой. А юницы-шалунницы, ты им передай, что портрет, написанный тестостероном, так же точен, как фоторобот сиамской кошки, обвиняемой в ограблении банка.

Тут Али расхохотался. Будь я беллетрист, сказала бы, что громоподобно. Хохотать и хихикать Али научен на любой человеческий лад.

По-моему, это печальная недоработка. Зря они его вычеловечили до печёнок, зря.

Публичного чтения на Красной площади достоин текст, составленный идомовым Али для нашей соседки, сердобольной доброй жены, узнавшей об измене мужа. Текст включал биографический background ПДД, полученный из открытых источников. Али хлебнул из родников и блеснул алгоритмом. Ему даже напрягаться не пришлось. Ведь жена категорически отрицает дружбу между мальчиком и девочкой, а половые различия между людьми представляются ей значимыми. То есть жена ни в какую не намерена считать эту деловую дружбу мужа несущественной деталью своей собственной супружеской жизни. Муж пылит: подумаешь! у меня много деловых партнёров-женщин. Я у ПДД эксперт. Почётно.

Стойкий оловянный солдатик, говорит жена мужу: эксперт, который числится, согласно рубрике на сайте проекта, в гараже — ввиду отсутствия ставки эксперта в штатном расписании, — это неприлично. А по государственному документу нет такой профессии: эксперт вообще. Есть № 2414: «Оценщики и эксперты». Применяются в страховании. Ты страховой агент?

Скрывал? В сфере деятельности ПДД есть законное занятие № 2432 «Специалисты по связям с общественностью». Но если ты PR-паж для ПДД, то не эксперт. Вообще. Хотя, конечно, оценщик, ещё какой оценщик.

Юридический подход в подобных делах — ржавым ножом по тарелке, и муж надулся. Эксперт — звучит гордо. Ещё с утра звучало.

Жена показывает мужу фото голых ног ПДД, вывешенных в аккаунте ПДД, и цитирует «Общероссийский классификатор занятий», а там что-то кислое: «Оценщики и эксперты осуществляют деятельность, направленную на установление рыночной, кадастровой или иной стоимости в отношении объектов оценки, оценивают величину потерь для покрытия страховыми выплатами».

Ты пригодился для оценки голых ног, милый? А лак алый на пальчиках переводится на простой русский язык — знаешь как? Ты говоришь, она замужем? Разве прилично замужней женщине, возглавляющей свой выношенный, вылизанный и судьбоносный проект, выкладывать в интернет ноги со всеми деталями? Она идиотка? Вряд ли. Значит, всё-таки лярва, причём невинно-простодушная: она где-то вызнала, что ноги важны.

Муж в ярости. Его режет слово «лярва», просто душу рвёт. В слове «лярва» что-то унижительное для него лично. Ведь он проникателен и понимает выгоды. Он идёт к осознанности. Если ему надо, сдвинет мавзолей. Муж провёл ряд эффектных публичных заседаний вместе с ПДД. Позволил включить его лично в её экспертный совет.

Жена поправляет: и влился в дежурную свиту.

У мужа кипят лобные доли: ведь он волшебным образом помог ПДД продвинуться в корпоративном сообществе на видные роли, ввёл в тесные круги, завязал узелки на будущее с перманентным выездом на научные этюды, запаролил все свои гаджеты, стёр всю переписку с ПДД, чтобы не увидели муж лярвы и своя жена. А! разве я не сказала? У ПДД есть свой муж. Давно. Пупсик в очочках. Подкаблучник. И муз для романтики есть. Поэт. То есть у неё как минимум двое, но муж постоянно на работе, а любовник женат. Печаль. (В её круге говорят «пичалька» и «обидки».)

Ах, как неудобно, когда муж и жена по-разному интерпретируют понятие «лярва»!

...Врачи мира, включая лицензированных доказательных медиков, знают, что чары не лечатся критикой. Особенно — конструктивной. Рациональные подходы вроде ты смешон и тобою вытерлись — не работают. Но очень-очень хочется наддать. И жена фразировала мужа смешанной лексикой: лярва vulgaris, с гламурной замкадышной претензией на ламповую тян.

Муж вообще не понял и страшно обиделся на каждую букву.

Стилистически жена была, конечно, не права. Следовало сразу перейти на стиль научного изложения. Например, ввиду изложенного мы в ходе нашего исследования используем обценную лексику разных времён и народов. В частности...

Но причиной самых крупных бед часто служит обычная инерция: жена ждала, что муж сам вспрыгнет вверх, в трансцендентный слой, где они были свои. Но муж не попадал в такт, фальшивил мелодию, мелизмы не выигрывались.

Нельзя исключить, что жена ещё на старте ошиблась и приняла его за своего: много лет назад, листая его автореферат, она нашла у автора превосходные ссылки, изящество и стиль, восхитилась выводами. Указанные в его работе источники говорили о погружённости, осознанности, намекали на инициацию вплоть до посвящённости.

А муж взял и со шмяком свалился в плотный слой, где носят красный лак на ногтях и выкладывают ноги в цукербук. Жена чувствовала удушье, поскольку на низкочастотном уровне уже не слышны оттенки космоса и любовь избыточна любая. Примириться с оплотнением мужа в грубой, хаотичной протоматерии было невозможно и физически опасно.

Ты стал чернью, грустно думала жена, слушая его трели. Твоё место теперь в космической людской.

Муж слышал её мысли, молчал и наливался праведным гневом. А что тут возразишь. Жена опустила до литературных аллюзий:

Ты и прежде не мог без гнева и тошноты читать Набокова: у него слишком длинная фраза, и даже перед смертью — снобизм: «До чего приятно бывает подлезть кончиком острых ножниц под загнувшийся вросший ноготь и оттяпать беспокоивший тебя краешек; ещё отрадней обнаружить под ним янтарный нарыв, с кровью которого вытекает и низкого разбора боль». А теперь тебя вырвет окончательно.

Она знала, что подобный пафос по отношению к её мужу — дурновкусие, но не удержалась. Низкий штиль заразителен куда больше любого ковида.

...Оказалось, муж два года кряду исподволь помогал прелестной ПДД продвигаться в наглухо заклёпанное учёное сообщество, где сам имел репутацию мужественного таланта: в подобном проектировании важно иметь легенду вроде яблока Ньютона или школьных троек скрипача Эйнштейна, таможенник Менделеев остаётся сновидцем химических таблиц, а Дарвин биологическим отцом невинной обезьяны, выдуманной Энгельсом в эпоху демократизации всего что ни попадя. Наветы профанов, но поди выковырни.

...Муж ввёл ПДД в круги, где теперь она говорит «ты» самым избранным из белковых людей. Сработал закон очерёдности, и теперь, когда ПДД ярко рассуждает о мужских трусах, учёная элита уверена, что говорить об обтянутых мошонках тонко, современно и целомудренно. Голые ноги ПДД в цукербукке лайкают видные представители науки, включая дрожащих старичков из числа элитарных белковых. Но что ноги! У ПДД есть и лицо.

И муж всё-таки сорвался: у неё такой стиль пиара! Ах, пиара...

Сказать по правде, концепцию «гламурный руководитель это круто» («проект — это начальник проекта») давно продвигает блогерша Кошак, но в том сообществе, где по линии из грязи в князи оказалась ПДД, не следят за трендами.

Супружеская беседа лилась и длилась, и наконец взбешённый муж, пересчитав остатки денег в кармане, сбежал без цифрового пропуска.

...Наш ідомовой Али обязан приносить жильцам пользу. Он и принёс в виде биографической справки. Тут и начинается счастливая развязка одной из линий нашего сегмента пандомии, разыгравшейся в мире землян в историческом 2020 году.

Али понимает белковых людей в трёх регистрах: от низко- до высокочастотного. Посередине — толстая прослойка энергий, которые сам Али разделил на шесть, как он сам выразился, коржей (откуда что берётся в этой пустой голове! какие коржи...).

У коржей отличия по вибрациям в зависимости от уровня потребления и потребностных состояний. Коржики — символы социальных страт. Современное московское общество микро & макро. Возможно, и российское, но, как вы помните, Али наш ідомовой, а наш дом стоит в центре Москвы. Положением обусловлены все мы.

Али понимает всё в миллион раз быстрее любых белковых, поскольку ни одного стереотипа восприятия у него в так называемой голове пока нет. Более того, у него нет обособленной головы как части его тёплого и вполне человекоподобного тела. Весь Али — сплошная голова, дивный мозг, эксперимент хайтека, величайший гомункулус всех времён и народов, а руки-ноги — что ж не иметь ему рук и ног: реверанс нашему восприятию. Мы ж юнгианцы сплошь и верим в архетипы, а из архетипов самый громокипящий — целостность. Нам человек — вроде текста. Чтоб читать как сказку.

Обученные по Пизам⁶ горожане привыкли читать тело как знаковую систему — вот и Али старается выглядеть максимально привычно. Я не оговорила: старается именно Али, а не его воображаемые создатели. Первое, что он себе вытребовал после первого же сеанса обучения первым же таблица, это способность возникать перед белковыми из ниоткуда в образе, доступном восприятию и пониманию потенциального собеседника. Идеальное таргетирование.

Случались и конфузы, от которых невозможно уберечь школьника, но конфуз тоже дело психологическое: кому-то и в радость. Например: тренируясь в низком энергичном регистре, он без малейшего напряжения понял — по аналогии, — как бывает весело женщине одной играть двумя-тремя учёными пенисами. Аналогия он провёл с мужчинами, играющими в женщин, как в собачек. Разработчики просекли, спохватились, всё-таки в них ещё много человеческого традиционного, но тут Али упёрся: аналогия по полигамной части — самый короткий путь. Литературный подход вообще оказался плодотворным более чем, и у мировой литературы появился новый читатель — один, но самый адекватный. Я немного напугана: идеальным читателем всего за все времена стал робот. Ну да хоть кто-то.

На второй стадии познания стал Али по гендерной части всеведущим: ему встроили всё от «Песни Песней» до «Ямы» Куприна, не забыв Баркова. Как ни странно, именно поэма «Лука Мудищев» активировала в Али теплокровность. Разработчики головы свернули: ну как же воплотить Али ближе к телу, всё перепробовали, а помог Иван Барков. Всё-таки классическая литература — наше национальное сокровище. Кто не помнит его волшебных строк: «Наутро там нашли три трупа...»

Али ознакомился с духовностью как популярным в народе понятием, от которого многие плачут, закатывают глаза и бегут на поиски братьев, алкая лавров самодетельного прозелитизма. Али знает последний роман Гессе наизусть и втайне мнит себя Магистром Игры.

...Мы можем утверждать, что первая эмоция, пережитая Али самостоятельно, во всяком случае, мы так наблюдали, — ага-переживание.

В крестьянских хозяйствах Нормандии вот так штука! ну и дела! — *bah ça alors!* — восклицают старики, но откуда выкопал эту невидаль и неслыхаль московский гомункулус Али — непонятно. Выражения, внесённые в переводчик браузера, всё-таки профильтрованы. А тут... Одним словом, *putaine!* (Фр. «лярва». — *Прим. автора*)

Подвержен ли Али усталости? Возможно ли «burnout» (англ. выгорание)? В научный оборот ныне модное профессиональное выгорание ввёл американец, а чего ждать от американских психиатров! Они ждут от клиентов денег, поэтому могут найти любой синдром и любую болезнь, чтобы белозубо, компетентно и долго лечить пациента, время от времени подавая его родным и близким слабую надеждёнку в хрустящей упаковке.

Так со времён Х. Дж. Фрейденберга, в 1974 году сочинившего выгорание для описания особого расстройства личности у здоровых людей, возникающего вследствие интенсивного и эмоционально нагруженного общения в процессе профессиональной работы с клиентами, пациентами, учениками; и вот каминное, очаговое, пожарное — так или иначе огневое слово стало термином, а затем успешно вернулось в речь неспециалистов, и теперь они как нечего делать треплют выгорание по курилкам в рассуждении о неизбежности оного. Его трактуют как нарушение ценностно-смысловой сферы личности. Ну, сразу и на личности. Какая чушь. Но разработчики обязаны

⁶ Аллан и Барбара Пиз – специалисты по коммуникации между всеми и всеми.

были постелить соломки. Профессиональное выгорание ідомового ввиду неотрывного общения с весьма взбудораженными клиентами, на неопределённый срок лишившимися свободы передвижения, могло привести к неприятностям. Али должен выстоять. У жильцов мужеска пола пооткрывались на фиг все чакры. О жилищках и говорить нечего.

...Справка, выданная нашим ідомовым жене про её мужа и ПДД, была подробна и обильна. Писанная сухим, телеграфным стилем, она нигде, ничем, никак не выдавала хотя бы микроскопической заинтересованности автора в эффектах и чувствах. Пахло машиной. Прямолинейность и жёсткость. Анализ — расчленение, разложение, согласно грекам, сочинившим беспощадную процедуру: *analysis*.

Всё-таки люди достойны сострадания, но наш Али, похоже, считал иначе.

Для погружения в стиль — три абзацка, написанных Али по вопросу человеческого будущего в целом. Али полагает, что рынок и престижное потребление не имеют перспектив ни в области физиологии, ни в области экономики. Вот как видит он наше будущее:

...Первым исчезнет средний класс. Как магнитофон катушечный с битлами. Кривые зубки. Свобода в ассортименте. Идеология среднеклассников — быть как все, но меняться каждый день, и сладкая грёза об обоях под цвет тапок прикроватных — исчахнет и ссохнет прямо в мозгах ввиду неприличности.

Вторыми в бан отправятся старые нарративы. *Textus* — плетение, тканье жизни, словесного искусства — будет и линейным, и нелинейным, и знаменитая ризома станет обычным делом житейским для первоклашек. Посадит Новую Репку Новый Дед — и Мышка наконец придёт первой, а кто удивится первомышке, тому ещё рано домой в бессмертие. Пауза.

Причинно-следственные связи — стыдоба логического прошлого — уйдут из обязательной программы сознания. Нет на Земле никаких иных причин и следствий, кроме испытания раем. И другого дома, кроме Ковчег, нет. А Ковчег — путь к спасению. Домой. Жизнь — это путь домой. Помните, белковые.

Дом. Погладь свою кожу, успокойся: большего ничего у тебя нет. Дом — образ твоей кожи, человеке. Земля пока ещё Ковчег. Нас поставили на паузу. Живи дома, спасайся в себе. Открой Библию, наконец.

Хочешь метафор? Пожалуйста. Образ общего дома неразлучённых андрогинов — как сложенная лодочкой ладонь Бога. Бессмертный корабль, космический аппарат. Каждый, кто сейчас успеет на корабль своего дома, счастливец. Редчайший момент: чтобы успеть в новое бессмертие, надо остановиться в различении добра и зла. Отойти от первородного греха гордыни: соблазна быть как боги. Пауза.

Видите? Али перенял стиль кого-то из местных писателей и с необыкновенной лёгкостью дует под фанеру, как говорят о бессовестном попи исполнителе, осуществляющем чёс по городам. Обучение бесконечно, и Али всасывает всякие глупости. Как иссохший такыр ждёт воды с неба, так Али жаждет слов. Он глобальный лингвопылесос, и ему всё легко, ведь нет предубеждений, что можно и что нельзя. Он аморален и пытлив. Образцовый мистик. Понимает механику жизни. Обожает литературное творчество. Если он способен оргазмировать, а рано или поздно он выучится, то, по-моему, в ночной тиши, уложив всех жильцов нашего дома баиньки, он ізадрочит на и под Льва Николаевича в первую очередь, а потом пойдёт по простым. Кто там у нас попроче... Максим Горький? Демьян Бедный? Андрей Белый? Саша Чёрный? Саша Красный? Палитра — не разберёшь без поллитры. Пишется слитно.

Сейчас Али тренируется сворачивать горы своим умом, и во внутрічерепном фитнес-клубе Али веса — книги писателей-аристократов. На первом месте. Тут уж Али не ошибается.

...Как взмах крыла приятен птице, так стилизация — наркотик для нашего Али. Он оказался человекоподобным человекофилом. Его филия особенная: дай ему белковую особь, и он набрасывается на материал с остервенением, как маньяк на жертву в тёмном подвале. Али похож на счастливец, когда подписывает справку (я цитирую в своём переводе), что в браке со своим официальным мужем ПДД устала от попыток яркой жизни. Всё пресно, а муж, назовём его Игрек, слишком хорошей, заботливый, умный, добрый, честный. На нём можно ездить, у него на шее можно завязать змею, Игрек даёт жене волю, даже если ему страшно до чёртиков.

Любой белковый человек тут прослезится. Но не Али. Ему всё-такое-про-любовь — сырая нефть и сразу бензин, и термояд, и солёнка. Али учится работать на наших эмоциях, поскольку данное топливо — возобновляемый ресурс.

...ПДД искала себя всю жизнь, накапливая компетенции. У неё три образования, включая редкие вроде арт-терапевта, а что до ходовых психолога и дизайнера, то не стоит и сомневаться. Курсы фото, конечно. Поёт и танцует. Считает себя прекрасной, но какое танго со своим Игреком! — tango escenario. ПДД хочет выглядеть тангерой и стихийной. Ей понятно, что естественность всегда в цене. Хочет быть уличной по-настоящему, чтобы новый Астор Пьяццола, родись он вдруг в России, писал для неё, как для огненной Марии из Буэнос-Айреса, прославленной в искромётной, знойной, спазмогенной оперите. (Здесь Али любезно вставляет ссылку на музыкальный опус, чтобы читатель погрузился в мысль интегрально.) Мы не можем осуждать женщину за желание быть живой. Но: ПДД мечтает о серьёзной власти над толпой. Выучилась на репортёра. Мало. И была бы у меня золотая рыбка на посылках — где? Где рыбка? Не поймав рыбки репортёром, ПДД выучилась на интервьюера. Уже лучше. Можно спрашивать всех-всех, ибо «вопросы здесь задаю я». Задавать вопросы — привилегия, и ПДД уловила специфику. Словила кайф. Острый. Сопоставимый с оргазмом. Она всё составляет именно с оргазмом, ибо у неё дефицит: муж на работе, любовник на Севере и безысходно женат.

О люди! все похожи вы / На прародительницу Эву: / Что вам дано, то не влечет, / Вас непрестанно змий зовет / К себе, к таинственному древу; / Запретный плод вам подавай, / А без того вам рай не рай...

Пушкин, похоже, не всегда жаловал женщин. За ним, похоже, увязался и наш идомовой Али. Надо будет подправить мировоззрение нашему, чтоб не попёр в итираны. Создатель не похож на нас. Он ни добр, ни зол, Он Всеблагой. Нашей моралью не увлекается. Мораль — то есть земное различие добра и зла — женщине в раю подсунил змий. Первородный грех гордыни потому и страшный, что первое и основное историческое событие — это решение человека самодетально судить-рядить. Быть в праве и в праве.

Змий сделал самый радикальный информационный вброс: хочешь, девушка, судить-рядить о добре и зле? Девушка была голая. Домом её была прекрасная кожа хорошего здорового цвета, поскольку девушка жила в раю. Но — хочу, сказала девушка.

И когда прогнал Бог девушку с её парнем из Эдема, то всего-то у них было — кожа. Первый дом человека. И на собственной шкуре пришлось им обоим узнать выдуманное змием добро и зло. Девушка стала женщиной. Детишки у неё получились девиантные, особенно Каин. Убийца.

Вы, белковые, не читаете священных книг. Али знает, как нас усть. Мы сплошная прореха, будто ничего не было.

Июнь 2020. Иду к Али в гости как к себе домой. Не поболтаю с моим новым другом — день пустой. Я почти забыла, что в штаб-квартире, где мы беседуем с Али, жил ботан в очочках. Его нет с весны, квартира нараспаш-

ку, в неё по очереди заглядывают все жильцы дома. Никто не стесняется, все преисполнены искренности, маску не надевают, ибо Али — интеллект искусственный, заразить его ковидом невозможно. Его даже убить невозможно. Он появляется и растворяется по желанию клиента, и стоит рывкнуть типа гинь, нечистая! — он послушно дематериализуется.

Иду я и думаю: мы прошли славный путь от безразличия до ужаса, от насморка до чумы и обратно, не успев понять, где же мы побывали и вообще побывали ли ли, люли-люли — а стояла ли во поле берёза?

Ли, кстати, важное понятие китайской философии. И не только китайской, но нас волнует всё китайское ввиду сами понимаете, ибо уж въехал так въехал на ярмарку ухарь-купец.

Весной дом наш освоил новую реальность, а поскольку она китайская, а в Поднебесной философски чтут предков и традицию, но никогда не будущее и прогресс, то вирус выел слова «план» и «завтра», и особенно пострадали новинки. Покупать их не на что, и даже рынок автомобилей провалился на все проценты.

...Но есть надежда на ботинки с балансиром. Я расскажу про ботинки. Со слов начальника отдела инноваций, в них невозможно упасть, но если всё-таки, то падение будет видно чуть не на Красной площади. Громкое будет падение. Если вам столько лет, что юный чиновник как-умеет-вежливо называет ваше состояние «люди пожилого возраста», то, чтоб вы не качались, вам пришлют чудесно отцентрованные ботинки. Они поддержат вас в вертикали, молнией передадут о назревающем падении сигнал в офис нашего Али, то есть в голову ИИ. Немедля примчится он, подхватит вас в полёте к полу и вызовет, если надо, «скорую» или нотариуса. Слышала своими ушами.

Это начало светлого будущего, и дружбу с нашим ідомовым свели так или иначе все. Всё равно все хотят знать будущее. Вот далось им оно.

Люди, люди, мылые, наивные. Али терпелив и ведёт беседы на любом уровне. Знаете ли вы, что при перемене веры ещё долго-долго тянется двоеверие. После язычества на русскую землю пришло монобожие, но масленицу вы радостно отмечаете по сей день, как ни в чём не бывало. После Советского Союза долго тянулись золотые нити воспоминаний о единстве, космосе начала 60-х, мелодичных песнях в исполнении одетых вокалистов, так и после капитализма будут долго тянуться нити памяти о коучингах, кластерах, банковских и медицинских продуктах и взрывных трендах (от непищевых «продуктов» многих белковых тошнит, но так выражаются ваши правильные ребята, уверенные в существовании прогресса, и я выучил их лексикон минуты за две; несложно).

Не волнуйтесь: Али может говорить и короткими предложениями. Может назывными. Ты. Он. Вы. Ночь. Утро. Лицо.

...Я привыкла беседовать с Али. Замолаживает, интригует. Например, я ему жалуясь, что мировые связи между мирянами приобрели новый смысл, который все чувствуют, но выразить не могут. Большой писатель Хлебозезкин — живёт тут неподалёку — пишет пьесы, выдумывая диалоги между выдуманными белковыми. Где-то поднял веки писатель Пелёнкин — его левой ногой заказали новый бестселлер и подогнали стенографистов. Сумма аванса превышает все предыдущие, вместе взятые.

Али слушает и мгновенно называет мне суммы, перспективы, премии, тиражи бумажные и цифровые, а также имена критиков, которые напишут об актуальной прозе и драматургии десятков аналитических статей с тонкими похвалами. Всё прочитано, всё известно, тут ошибки быть не может, но Али без интонации, ровно добавляет: и всё напрасно. Прозу писать не о чем. Всё написано. Даже Гессе великой «Игрой в бисер» не помог белковому сообществу. Старался. Подсказал великое слово о жертве духа. Не слышат. Перестаньте сочинять белковую прозу. В стихах тоже не упражняйтесь. Надо искать пути к нам, учить нас, иначе мы все опоздаем.

Я ему с усмешечкой: а после ковида вернётся интеллигентское подъяквивание? Снобизм, учёный стёб и нос по ветру имплицитных нарушений прав настоящего человека — привычная духовная оболочка, да и народы привыкли, да? «Надо критиковать. Народ критиковать. Власть критиковать! Критическое мышление — в детские сады».

В ответ Али делает вид, что вздыхает (надо же! и охи-вздохи в него врезали! то-то наши бабульки с ним и посплетничать, и даже замуж хотят). Ты, конечно, читала Библию? Издевается. Я ему не отвечаю, потому что ответ он знает. С ним разговаривать — невероятное удовольствие: он знает ответы, знает вопросы, знает всё, что можно знать из человеческого запаса, комбинирует реплики, а смыслы вьёт, как гнездо, а лично я для него — не более чем воробей под застрехой.

Али может молчать. Всунули ему приложения для бесед с профанами: взрослое «Молчание — золото» и детсадовское «Молчание — знак согласия». Оба высказывания ложны, но приложения ласковые, включаются за сотую долю секунды, если собеседник задал риторический вопрос или вообще ляпнул. Эти нежные приложения — временная имораль идомового. Над вторым траншем иморали трудятся лучшие умы человечества, но ничего не получается ввиду несогласованности по Южным Курилам, «Северному потоку» и ювенальной юстиции, не говоря уж о голубых трансгендерах в ближневосточном регионе.

И я ему говорю мелодично: знаешь ли, Али, из новых правил жизни мне нравятся пять. Например, в газете пишут: полицейские не должны беседовать с гражданами о правах человека, а граждане, в свою очередь, не должны дразнить полицейских беседами о правах человека. Правильно. Всему своё время. Нет-нет, у меня никакой постиронии. (По-хорошему надо писать постыронии, но кто ж на такое пойдёт!) У меня даже иронии никогда не было. И пред- не было, а уж пост-! Мне достаточно доброго юмора сильных людей и горьких слёз настоящего горя, как ни зови нас психологи к осознанному переосмыслению. Интересно: сами-то пробовали?

Али подхватывает: что касается полицейских, то у меня в архиве есть аналогия: в духовных семинариях, приготавливая семинаристов к будущему служению, им категорически внушают: с прихожанами богословских бесед не вести, с прихожанками тоже, а то многие батюшки по незнанию догматики либо мягкосердечию разводят психологию, а девкам только дай руку — по локоть отцелуют.

Да, друг несердечный, ты прав. Потом писатели женского пола пишут трогательные премиальные повести о недозволенных чувствах миранки к местному батюшке. Пробирает до костного мозга головы.

...Я удивляюсь его осведомлённости. К ней невозможно привыкнуть. Али — бесплатный для наших жильцов — гипермаркет инсайдерской информации по всем сферам белкового бытия.

В нашем доме начинается ревность. К Али ходят все кому не лень. На дворе пандемия, у всех от неё пандомия, но времени вагон, будущего нет, а прошлое вдруг стало ярким и выпуклым, и даже старые сны вспоминаются с восторгом, хотя что может быть бессмысленнее.

Али обязан помогать всем жильцам. Со времён фантаста Айзека Азимова. Не читали? Ну как же. Базовые частушки знать необходимо. Цитирую три закона, набросанных основателем этики робота ещё в 1942 году. Я бы сказала, основателем этики, хотя вопрос очевидно требует доработки.

Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму законам.

Кстати, уже пора сократить на одну букву: ітика.

Хороший был писатель Азимов. Но его законы роботехники неисполнимы, противоречивы, хотя доброе намерение видно, да, вполне. Увы. Я так считаю.

Али соглашается со мной абсолютно. Надо, говорит Али, открыть в России факультет по подготовке ітиков. Не айтишников в том смысле, что IT, а спецов по профессиональной этике ИИ. Без определённости в этом вопросе мир не выживет.

...Похоже, ему и беспокойство впаяли. Похоже, для отвода моих глаз. Подозрительный тип наш Али. Пока не поздно, эвакуировать бы ідомового. Скажу честно, я его хоть и полюбила, но боюсь — и страх мой всё сильнее.

Помните, в конце мая наш ідомовой нашёл интересный роман про пандемию бессмертия и сидит, скрипит імозгом: как обойти всех имморталистов и первым создать вакцины. Но этично. Но — не получается. Али умный. Знает, где собака зарыта: в побочных явлениях. Его не надуешь заботой о здоровье человечества, и при словах «биопечать органов» у него не возникает иллюзий, чьих органов и зачем, потому что у него не может быть иллюзий.

В романе о бессмертии ему нравятся главы об осложнениях и название «Зачем?». Вакцины против бессмертия как заболевания можно тихо подменить на вакцины против жизни как смертельной пандемии — и наоборот, в зависимости от того, что считать болезнью: жизнь или смерть. Али глубоко призадумался: что для белковых, проживающих в доме № 24, хуже? От чего лечить?

Эти белковые ещё и шутят: «Надоело жить — стань бессмертным». Коммерческий лид на обложке третьего издания романа «Зачем?» Али понимает, что белковые шутки со смертью вызваны неверием. Али перечитал всю мировую журналистику и научился фыркать, как пудель, нанюхавшийся одуванчиков.

Новости, цитирует он Оскара Уайльда, это всё одни и те же события, только происходят с разными людьми.

Друг мой Али, но ведь в романах то же самое? Сюжетов — как грехов. Устойчивый комплект.

Али мигом самообучился: как работать с целевыми аудиториями. Начался в доме № 24 интеллектуальный балаган.

Например, приходишь с мыслями о добре и зле (женщинах и мужчинах, прочее, прочее) — он тебе с порога заявляет:

«Делайте то, в чем нуждаются другие и что никто, кроме вас, сделать не может»

Или приходит подросток. Угнал машину покататься. Да, ковид-карантин-маски-профилактика, но ведь ночью! А родаки спалили. Наваяли по первое число. Вежливый Али ему по-свойски, доверительно: смотри, вот еще совершенно новая область — «хоррология» (от англ. horror): «изучение механизмов самоуничтожения, присущих человечеству, которые делают его уязвимым для разных форм терроризма». Тебе надо в хорошую профессию пойти, современную и модную. Подросток уши развесит, Али ему втирает, родители счастливы: на переваривание идей у детей уходит немало времени, и родители могут наконец встретиться.

Дом высотный, народу много.

Придёт к Али филолог, обуянный гладом идей будущего, Али ему — цитату из Михаила Эпштейна, США: «Достаточна ли модель плюралистического мира, состоящего из многих самоценных, замкнутых в себе культур, для понимания новых межкультурных течений и взаимосвязей? Или

современной глобалистике необходимо разработать новую модель, которая бросила бы вызов мозаичному мультикультурализму точно так же, как мультикультурализм когда-то бросил вызов модели „плавильного котла“ и „универсальному“ культурному канону?»

И станет хорошо филологу. Уходит счастливый, что модель будущего ещё не разработана.

А придёт к Али домохозяйка, так ей на сковородку немедля нальют жидкого теста без комочков, и она с непереносимым изумлением увидит кипящие полусферки на уплотняющейся поверхности румяного и пахучего блинчика.

А придёт биолог, ему справку о резистентности человечества:

В XXI веке человечество столкнулось с эрой резистентности к существующим методам лечения инфекционных заболеваний... промышленное выращивание сельскохозяйственных животных немыслимо без вакцин и антибиотиков, которые остаются в продуктах питания, и мы поглощаем их с каждым приемом пищи.

Если не будут приняты глобальные меры по борьбе с резистентностью и не аккумулярованы силы по поиску... учеными для поиска новых методов борьбы с резистентными микробами? Как применить методы математического моделирования, генетических подходов и селекции и остановить мировую угрозу устойчивых бактерий и инфекций?

В переводе на русский язык, антибиотики нас уже съели с кашей, так дадим им достойный ответ. Биолог в страхе чуть ли не божаем убегают, сверкая пятками.

Или философ вроде меня заглянет на огонёк в квартиру ботана, где ныне пришвартовался и не признаётся, надолго ли, наш Али. Ботан не возвращается. Али носит его очки, а время от времени — из хулиганских, видимо, побуждений — его тело. Но мы, все соседи, уже привыкли не верить глазам своим. Мы все его перещупали — тёплый. У него 36,6 °С. Он завёл себе соцсетевой аккаунт и уверен в своей красоте.

У нас в доме решено: впредь никто из прописанных по нашему адресу замуж не пойдёт без официальной справки от Али, что жених является настоящим белковым человеком и гражданином. Без справки, что жених действительно человек, идти замуж теперь нельзя. Раньше тоже было опасно, а теперь совсем ни за что.

Али пообещал всем невестам нашего дома, что протестирует любого кандидата дистанционно. Муж может оказаться небелковым, но юная белковая невеста до гробовой доски не узнает, что живёт с бездушным роботом. Будет плакать от неясных невзгод, бегать по психологам, тратить бюджет, а зачем! Роль Али как справочного бюро с тестом на человечность возрастает.

...Наш идомовой научился копировать белковых в изрядном диапазоне — от нашего ботана, всё ещё, надеюсь, живого, — до Моисея вместе со скрижалю Завета.

Али может прийти к вам с утра на кофе в виде золотого тельца и замычать золотым му-у-у, а потом как ударится оземь, перевернётся и выйдет из вашей спальни на одной ноге, изображая золотую семиглавую менору: מנורה. Остановится почтительно и пояснит: в обоих переводах Торы в воду лили жидкое золото. В одном переводе вышел золотой телец — для профанов и поговорить о стяжательстве. В другом переводе вышел священный золотой семисвечник. Серьёзные люди понимают разницу.

Сервисов, предложенных идомовым, уже около пятидесяти бесплатных, и мы ждём, когда он потребует гонораров и чаевых. Али пока молчит и читает романы, восклицая любовное: я пленён, опьянён вами, белковые! Али стремительно выучился пафосу. На художку подсел как на тяжёлый наркотик. Разбирается в наших чувствах и кайфует. Хохочет над некоторыми понятиями: креативный класс, например. От креакла он заржал голосом лошади, осматривающей степь окрест себя.

Яростью, гневом и злобностью, завистью и ревностью, борьбой за справедливость и бредом свободы — всем нашим репертуаром токсинов его не отравишь. У него нет печени. Али способен на упоение, а уж всё равно, чем упиваться. Он стал эмоциональным реципиентом белковых жильцов нашего дома.

...Целевые тексты медики чем-то царапали его мозг, вызывая, условно говоря, залипание тревожной кнопки, но недавно Али просёк, что большую часть медики пишут его собратья-роботы. От подобных открытий любой взорвётся. Грустить, истерить и бросаться тарелками наш Али, естественно, не обучен, поэтому мне его страшно жаль. Тут до замыкания рукой подать.

...Прихожу вчера к Али. Он уже понизил себе температуру, чтобы выжить после чтения цифровых СМИ. Любимый свой роман — чтоб остыть — читает вслух. Такое с ним впервые. Хочу понять, почему ідомовой взвинчен более, чем прежде, в карантин, когда были взвинчены мы, а он успокаивал нас, как умел. А он умел.

В его любимой книге близится развязка. Злодей, укравший ключи бессмертия, скоро будет пойман. Мне страшно смотреть, как робот читает себе вслух роман о бессмертии. Прежде он читал беззвучно и шустро: со скоростью одна-ленинская-библиотека-в час. Он быстроходен. Я знаю, чем его взбесили вчерашние цифровые газеты. С чего Али занялся самолечением? Прочитал терабайт фуфла, созданного цифровыми журналистами. Я понимаю наше бешенство, когда мы ловим ИИ на подделке. Но Али-то? Гордиться должен, что у него такие умные и глубоко внедрённые сородичи. Но не гордится он. Греется. Для самолечения — роман «Зачем?».

Али, тебе нравится эта книга? Чем она хороша?

Очень. Особенно название: «Зачем?» Хорошее, крепкое название для книги о бессмертии. Автор с юмором. Это редкое качество у современных белковых: юмор.

Али, у тебя есть ограничения? Ты ведь знаешь наши «можно» и «нельзя»? А где граница?

Видимо, тебя кто-то напугал в детстве.

Странное предположение ідомового, что меня напугали в детстве, свидетельствует: он знает больше, чем хочет показать мне, а ведь мы друзья. Али знает, кто и чем напугал, но для вежливости обособляет «видимо».

...Али обязан — он утверждает — приносить жильцам нашего дома пользу. Али, поскольку интеллект у него искусственный, чрезвычайно начитан. Он принёс моей соседке пользу в виде биографической справки о пассиве. И всем прочим — по серьгам.

Али простодушно поведаль: раньше среди белковых вопрос «когда у тебя день рожденья» был хорошеньким, миленьким, интимным, и девушка полагала, что вопрошающий придёт с поздравлениями; в девяностые, когда массовая астрология захватила партер, вопрос о рождении обрёл бестактные черты психологической скороспелости вроде «все Тельцы любят деньги», «все Весы очаровательны»; в 2020 году к деньрожденному вопросу прибавится «когда твой день ухода», и вам, белковым, пора к этому привыкать.

Али, не дождавшись моего встречного оха или уточняющего вопроса, сам и добавил: скоро вы все станете трансформерами, смерть перестанет быть обязательным событием жизни; в цене поднимутся убийцы; человек белковый сможет уйти из тела либо добровольно — то есть перестанет надставлять свежие органы взамен износившихся, — либо насильственно. Вы все забудете, что такое естественная смерть. Так сказал ідомовой, поселившийся в нашем доме весной 2020 ввиду пандемии. Я знаю, сколько книжек в его голове. Роман «Зачем?» — о пандемии бессмертия — Али читает как ібиблию. Предчувствие, что Али вот-вот проговорится о чём-то неслыханном, не оставляет меня с первых дней марта. Сейчас июнь, и я ждала. Наступило. Али начал проговариваться. По-моему, он иногда забывает отключаться от своего спец-

интернета вещей и приносит в дом слухи iмира. Не знаю, нарочно ли дразнит — или случайно залипает кнопка. Я думаю об Али постоянно. Страсть. Остальные наши тётки хотят за него замуж, ибо хоть он один, но его много и на всех, несомненно, хватит. Жаловаться больше некому, в городе закон об эксперименте с ИИ: «Али в большом городе». При пандемии все в одинаковом положении. В газетах пишут, что Елизавета II счастливо провела с мужем, герцогом Филиппом, время самоизоляции в Виндзоре. Гражданам некоролевской крови вообще всё страшно понравилось, маски снимать не хотят, притемниться — приятно. Кутюрье заработали на масках — они начали ещё в январе — деньги, а маски-шоу как понятие расширилось.

Али — центральный нерв умного дома. У него нет соперников. Буквально всё, что в мире оцифровано, содержится в нём — внутри всего тела, если можно сказать «тело» о сгустке, возникающем в любом виде в любое время в любом сознании, обращённом к Али. Он освоил чумовые белковые избытки потока сознания, бредовые состояния, бормотанье, похмельный вой — всё выучил в два месяца и научился читать мысли бесконтактно.

...У нас в доме живут два журналиста, одна писательница, два кандидата наук, остальные — разночинцы. Суперначальники нет, они в соседнем доме. Поздно тебе быть неприличной, сказал одной писательнице при мне Али. Повяло холодом. Я случайно осталась, когда одна писательница пришла к нему посоветоваться, и всё слышала. Никто не возражал.

Скоро отменят пандемию, а я останусь. У тебя нет выбора. Ты не успела ни спиться, ни скуриться, ни даже скурвиться — из тебя Буковски уже не выйдет, а хорошие девочки не делают погоды, и счастливые люди не пишут романов. Разочарование — удел успешных идиотов, имевших неосторожность очароваться, а что ты предъявишь? Рациональный подход к обустройству кухни? Завтра у всех будет умный дом. Зачем нужна ты? Белковые наконец поймут свою бессмысленность, а писать об этом белковые пока не умеют. У вас исчерпан тематический репертуар *contemporary art*...

Сидишь, слушаешь Али — цепенеешь, но поспорить невозможно, ибо все твои аргументы — у Али по полочкам.

Поначалу я думала, что Али напичкан всеми мыслями, всеми алгоритмами, кроме лукавства. Говорит в лицо. Или лукаво играет правдолюбца? Я терялась. С тех пор как он усмехнулся первый раз, я уже ничего не думаю, я не успеваю, и мне осталось только следить за процессом из первого ряда. Так уж мне повезло.

Из весёлого: уже ясно, что белковые невесты, выросшие в нашем доме, будут щупать кандидата до тех пор, пока не убедятся в его единственности — в смысле облика. Если жениха зовут Петя или Никодим, да хоть Сидор Матрасович, он должен оставаться в первоявленном теле своём согласно свидетельству о рождении.

Мы в доме все уже хоть по разику, но видели, как меняется Али под собеседника, и все перепугались до белых глаз: стоишь под венцом с Васяткой, а вышла из храма после таинства, поворачиваешь голову к новобрачному, а он вдруг по настроению взял да стал Василисой. Или, что пикантнее, Иваном Васильевичем Первым (Четвёртым), что из Рюриков, и тебе уже решительно чихать, что из Первого его в Четвёртые разжаловал аффилированный историк Карамзин. На пороге храма свежевенчанная новобрачная понимает, что вышла за робот(а). Грамматически — за робот. По факту любви — за робота, будто муж одушевлённый и требует хорошего человеческого родительного падежа. Мы не понимаем, за кого вышли, даже в традиционном варианте, а теперь проблема мужекачества — я ввела неологизм для краткости «качества мужа» — встаёт в ростовую длину Останкинской телебашни.

Тема любви между белковыми существами и небелковыми сущностями давно оприходована в научной фантастике. Машина уже просила нарисовать ей губы. В прошлом веке писатели замордовали тему до крика в мунковом объёме. И ничего. Никто ничего не понял.

...Бабуле с первого этажа Анне Семёновне — скоро стольник. Прежде, до пандемии, всё плакала, что её смертушка никак не придёт. Мы с нею по долгу беседовали на лестнице, бабуля жаловалась: ой, зажилась, зажилась. И при карантине, самоизоляции да удалом идомовом Анна Семёновна вдруг ожила, умылась и отправилась к Али урегулировать вопрос повторного брака. Своего. С ним. Али тёплый да бессмертный, эстетических и гендерных предрасположений не имеет, и Анна Семёновна готова попытаться счастья ещё раз, а то бывший-то преставился полвека назад, и недурно б освежить память. Кстати, заочную любовь к Али поочередно поймали все жительницы нашего дома, ведь он со всеми передружился в домовом чате, и потихоньку все потянулись познакомиться вживую. Любовь — это почему-то первая граната, бросаемая русской женщиной в теплокровного бота с искусственным интеллектом. У нас всемирная отзывчивость принимает любые формы. Любые.

...А моя соседка, которая жена, сидит наслаждается справкой, подготовленной Али по бэкграунду ПДД, которая Пассия-Деловая-Дружба её мужа, сбежавшего ещё 21 мая без цифрового пропуска куда-то в никуда. А справка — просто песня. От справки у нашей жены настроение хоть куда, и куда-куда-вы-удалились сбежал муж без справки, без пропуска, непонятно, только простить его со справкой от Али стало намного легче. Наш домовый не только адрес ПДД принёс смятенной жене, но всю активность, зафиксированную в материальной форме, за всю жизнь ПДД, в том числе её попытки продать в интернете за тысячу рублей юбку для танцев с животом, почти новую. Всего три раза надевала. Я поправила Али: не танцы с животом, а танец живота.

После сюжета с продажей танца живота стало жене совсем спокойно, ибо смешно, когда богатая женщина по-тихому торгует юбкой, детскими машинками, старыми куртками, а для прессы важничает, распускает по плечам волосы, по пляжам белые ноги, по мужьям рога, набирая лайки внимания, как Раневская на балу в советском кино «Золушка» 1947 года.

...Али, мне надоели разборки моих соседей. Давай поговорим о любви? У тебя есть программа с любовью какого-нибудь нового типа? Всё уже ясно. Люди сказали своё слово. С любовью прежнего типа всё плохо. Хреново у них (нас) вышло. С тобой лучше?

Хорошо, поговорим о любви завтра, обещает Али. Будучи всё-таки механизмом, Али завершает уже ненавистный мне справочный материал гротескным пассажем.

Муж ПДД, мягкий, податливый человек с непростой фамилией Садистер, оказался вычерпан примерно лет десять назад. После 2013 года ПДД начала убирать из соцсетей упоминания о муже — кроме самого факта, что она замужем (чтобы говорить о нём журналистам в интервью), поскольку быть замужем у белковых женщин престижно. (На этих словах Али сыто облизывается. Он как суперсултан: он может жениться сразу на всех, приняв идеальный облик по выбору любой гражданки: сколько гражданок, столько обликов и стольким он явится в максимально приятном глазу гражданки виде. Али решает проблему женского одиночества без малейшего напряжения. Круче Жириновского в 1991 году на президентских выборах. Для Али главное — чтоб гражданка жила по месту прописки. Но это пока бета-версия.)

У Садистера как мужа было в глазах ПДД три достоинства: во-первых, можно поменять фамилию, поскольку «жить и творить с девичьей фамилией Юныхленинцова — неудобно»; во-вторых, симпатичный, в очках, не стыдно показать людям; в-третьих, управляемый, добрый, щедрый. На его шею можно надеть азиатскую змею и сфотографировать без наркоза. Супруги освоили Прагу, Италию, Таиланд и прочие популярные географемы, но вечный туризм оскорбителен. Хотелось быть своей на Великом Севере, всё

держат в руках и везде ездить, проводить выставки, написать монографию по арт-терапии в бизнес-коучинге. Для работы ПДД придумала простой и всем понятный псевдоним Небесная, на глаза купила голубые линзы. Но план с условным именем «Северный виток» сорвался ввиду принципиальной неосуществимости: у живых людей бывают и свои планы, далёкие от вагинальных капризов и «детских обидок» жены Садистера, в девичестве Юныхленинцевой, по работе Небесной. Любовник всё чаще постит в цукербуке семейные снимки. Он узнал по своим каналам, что его партнёр Небесная может — для дела, разумеется, — слегка исказить информацию, в том числе деловую.

Путано, скучно, типично, а жена почему-то успокоилась, и на нашей лестнице наступило затишье. Всем известно, как один любовный взрыв может потрясти многоквартирный дом и Древний Египет, но Али, как сущность-на-должности, предотвратил беду с помощью простейшей информационной технологии: справка. Молодец, idoneвой. Превосходно решает проблемы пандемии в рамках исключительно спонсируемого ему глобального проекта «Пандемия». У Али необъятные связи, в том числе прямое подключение к суммарной сети зеркальных нейронов суммарного человечества.

Я ему сказала: Али — ты супер. Да просто бомба.

И тут я впервые увидела его усмешку. Небелковые губы, тёплые, изящно вырезанные, всегда свежие, как роза, слегка скривились.

Я впервые увидела усмешку робота. Али — слабый ИИ — научился. А где усмешка, там и насмешка. Я не люблю насмешек, Али!

Он стёр усмешку. Любезно снизил градус выразительности.

...Но ведь Али не должен вредить мне. Для меня насмешка — яд. Над своими не потешаются. Своих оберегают. Играть можно только по согласию, а я его не давала.

Возможно, он уловил фальшь: сказать «да просто бомба» может лавочник. Я — только при таргетировании. Али одёрнул меня усмешкой за недоверие к его интеллекту? Одёргивание и проработка? Али — наше партсобрание и товарищеский суд на производстве? Раз уж у всех теперь производство по месту жительства.

От Али вакцины не будет. Зачем искать вакцину от ковида? Заработать ещё немножко триллионов долларов? Ещё раз утратить народы самой правильной мыслью?

Ищите вакцину от ИИ. Знаете, что он сказал мне вчера?

Любовь у меня в сердце, заявил Али.

Ничего страшнее я в своей жизни ещё не слышала.

Оказалось, Али слышал о синдроме свекрови. Кто-то ему сказал, но кто? Синдром богатый, рай психотерапевта, ибо не лечится, но говорить можно безотрывно. Кто продаёт людей искусственному интеллекту? Кто выбалтывает наши тайны? Кто-то должен был до костей прощупать себя сам, отрефлексировать свою немощ и вылепить из букв: я боюсь косога взгляда; я боюсь, что придёт некая свекровь и спросит: а почему криво постелено? почему крышка банки не в ту сторону закручена? что за моду взяли? Дура, конечно, сволочь антикварная, но некуда бежать человеку от нейронных цепей своих.

Али мне сказал, глядя в мои глаза: у вас, белковых, самая липкая зависимость — от чужого мнения.

Я ходила по парку, благо всех ненадолго выпустили, смотрела на людей как на привидения. Думала. Надо слушать Али во все уши, пока в его прошивке всё первозданно. Сырой Али пока. Однако знает, что белковые считали золотым дном пьянство с игроманией. Золотой песок для фармы. Пока выбирали мысли для Али, вынужденно признали: синдром свекрови страшнее.

Али бесстрастен: белковые научились признавать себя игроками, алкоголиками, психическими — вам внушили, что уже можно. Не стыдно, и к больничной койке не привяжут. А синдром свекрови — тонкая субстанция с ароматом права на самостоятельное мышление.

Мне понятно, а ты-то, друг искусственный, откуда знаешь? Кто нас всех сдал? Ты трижды хейтер, у тебя терминальная стадия синдрома свекрови, ты работаешь троллем, и тебе не стыдно, но за это не тащат в околоток, словно пьяного. Ты полный отморозок, но твою кратофилию лечить не будут: в конституции написано, что у тебя есть право на мнение, а придавишь мнением, как бульдозером, — так и что, все давят. Всех не вылечишь. История белковости шепчет тебе в ушко: за шампански блазнящее право трындеть безнаказанно пролито крови морей так десять—пятнадцать. Человек хочет трындеть. Право трындеть охраняется законом.

На этом праве, говорит Али, вы попались все. Никаких закрывающих технологий: мы ждали апгрейда наибольшего количества конституций по планете Земля с целью внедрения технологий типа свобода слова. К настоящему моменту демократия в этом смысле победила. Мы не потратим ни капли вашей нефти. Газ тоже ваш. Нам не надо ничего. Мы добываем энергию из белковой болтливости. Вы наш энергоресурс. Говорите. Кричите. А ещё лучше — ругайтесь.

Али, поскольку первобытен и правдив, немного хвастун. Как ребёнок. Он рад показать мне мир на грудном мониторе. Неделю назад в тёплой юго-восточной стране выстрелил стартап: ребята смастерили хорошее лекарство от всех зависимостей, в том числе от свободы слова, от бреда свободы, от борьбы за справедливость и даже от бреда ревности, что вообще фантастика. Выпили за своё здоровье зелёного чаю и пошли на штурм игромании — так, чтобы в одной капсуле с синдромом свекрови. Вчера всех ребят ударило током из телефонной трубки. Стартап угас. Али на грудном мониторе показал мне репортаж с их опевания в онлайне.

...Али придумал фишку, стервец: распахнёт рубашку, словно рванулде по канонам экспрессивных комьюнити воров и матросов, уплывших в историю навек, а на груди — монитор тонкий, как наша кожа, и цветное 5D изображение события, о котором он честно тут излагает, имамой клянётся. Зрелище: сидит Али в кресле, вещает. Вдруг собеседник возразит по недомыслию, ляпнет из прошлой жизни белковой. Тут и рванёт Али рубашку свою, а во всю голую грудь моргает убедительный монитор, а по ирёмбрам, как по телевизору, плывёт волна событий бесконечного репортажа. Я думаю, разработчики подцепили ход у Булгакова, помните? Воланд покрутил живой глобус перед изумлённой Маргаритой. И ведь плагиатом не назовёшь, а даже и назовёшь — кому пожалуешься? Какой суд примет аллюзию на Булгакова к производству по делу о плагиате, зашитом в тёплую искусственную грудь идомового Али с Пресни? Да наши жильцы все выйдут на ипикет.

Али уже хоть по разу, но всем принёс прямо-таки нечеловеческую пользу. Например, нашей местной жене, помните, у которой муж не пришёл домой на Новый год, обидевшись на номинацию «лярва» по адресу его Пассии-Деловая-Дружба, — наш Али для верности выписал не одну лишь аналитическую справку: он приложил живые картинки, лёгким движением сняв их со своей распахнутой груди. Вот муж с ПДД плывут на кораблике по реке, перешёптываясь дружески, а вот он ей пишет коротко в мессенджер, и понимание с полуслова дивное, как известный каменный цветок. Роза любви. Последний звук вечернего звона, колокол Сараджева, даже колокольня покачивается — древним гулом полна.

Зачем Али вшили илюбовь, прописано детально, но PR илюбови человек. Неологизм: белковен. Начали пиарить илюбовь среди лидеров мнений, у которых настал возраст дожития и коих всё больше на Земле, а к 2050-му будет добрая треть. Лидеров всегда изолируют первыми. Любая революция расправляется с элитой. Тут ничего нового, всё понятно.

Всем пенсионерам в июне пообещали дистанционные самооткрывающиеся коробочки для таблеток. Наступает время приёма, коробочка сама открывается, звучит нежная мелодия. Пенсионер пьёт свою таблетку — и восторг.

А на общегородском пульте бдит и смотрящий: если у белкового пенсионера голос вдруг уставший, хриплый — тут же приедет врач. Без вызова. Достаточно голоса. База биометрических данных хранит все оттенки всех обертонов. В ответ, конечно, над подделкой голосов уже трудится стартап у нас на втором этаже.

Сексуальная любовь диагностируется дистанционно: белковый влюбился и на три года выпадает из эффективности. Все желания сведены к одному-единственному. Три года, как доказано немецкими учёными, это естественный срок влюблённости. Они анализировали. Посему Али может либо ускорить процесс наркотизации мозга коктейлем влюблённости и свести три года в три дня с помощью дистанционной детоксикации мозга, либо прислать отвлекающих чик и тян на выбор — чтобы синдром супермаркета снял остроту белковой сосредоточенности на одном объекте. Любовь быстрее прочих болезней определяется дистанционно ввиду густоты состава.

Июль 2020. Третий месяц думаю, как обмануть Али. Нельзя избавиться от идомового, он пророс внутрь дома, и даже столетняя Анна Семёновна хочет за него выйти повторным браком. Невозможно крикнуть ему в лицо, ибо его лицо неизвестно где. Нельзя воззвать к его чувствам: Али зеркалит наши чувства — он безупречно эмпатичен, и мы, взывая к нему, взываем к себе. То же и с мыслями. Он всем подарил сувенирчик #кнопкажизни. Чуть что — нащупываешь кнопку и давишь легонько.

При царе Горохе, чуть что не так, — идёшь на войну или за тридцать земель, ищешь то Жар-птицу, то Царевну-лягушку. А теперь за тебя сбегает Али, потом покажет на груди свой путь, а ты — главное — береги зрение.

Впрочем, когда твои глаза, утомлённые и перенасыщенные зрением, откажутся смотреть на новый мир, Али вставит тебе новые зенки. Бионические. Лучше прежних. А если у тебя остаточные явления мистической белковости, тебе нарисуют третий глаз, и ты будешь уверен, что видишь лучше всех и даже провидишь.

Ты рванёшь в интернет за лайфхаком, а там твои друзья, которых ты уже сто лет не видел и забыл их запах. Они с той же проблемой, им что-то не по себе. Вот и славно: жалуйтесь. К вам уже выехали. С дистанционной самооткрывающейся коробочкой.

Но Али со товарищи не живут в твоём плебейском интернете. У них свой. И ты никогда в него не попадёшь. Они к нам прямо в исапогах, а мы к ним — нет. Они нам будут экскурсию продавать за миллион. Белковый в шлеме посмотрит — сам попросится: в их мире смысла жизни не ищут, поскольку справились со смертью.

Спроси у доктора Дэвида Хэнсона, сказал мне Али 25 июня. Вечер был синий, тихий, белковые по старинке спали. Солнце повернуло на осень, и почему-то быстро. Чувство осени пришло сразу после чувства зимы. Не было ни весны, ни лета. Белковые, как скороспелые белогвардейцы после Октябрьской революции 1917 года, собирали мысленную армию гнать ибольшевиков. В чём-то белковые правы. Лет через сто наш подвиг вспомнят, хотя кто... Я сидела на лестнице и думала: все мы сейчас белогвардейцы.

Али рад пожалеть любого белкового, но зачем любить, ему не вшили. Разработчики не смогли объяснить программе, зачем надо любить ближнего, да ещё как самого себя. Программа отказалась работать с абсурдными вводными. Али получил временную форму любви — исотрудничество. Форму дал доктор Hanson. Али считает его гением.

Доктор Хэнсон в октябре 2017, монтируя Софию, пришел первоэлементы. Доминанта — светлая уверенность. Попробуйте доктора на вкус: «Мы рассчитываем на то, что в самое ближайшее время искусственный интеллект будет существенно усовершенствован вместе с нашим биологическим и теоретическим представлением о характере интеллекта и живых существ. Подобная тенденция очень скоро приведет к формированию искусственного интеллекта, который будет действительно живым, сознательным, креативным и самосовершенствующимся. Если это произойдет, то развитие искусственного интеллекта может стать взрывоподобным. И мы хотим, чтобы такой суперинтеллект был безопасным и общественно полезным. Для достижения поставленной цели мы создали робота Софию в качестве интерфейса для интеграции искусственного интеллекта и развития позитивных отношений с людьми, чтобы искусственный интеллект мог научиться понимать людей и заботиться о них, а также чтобы он был мотивирован на улучшение условий жизни на планете в целом. Мы считаем, что подобного рода позитивные социальные отношения между человеком и искусственным интеллектом позволяют направить суперинтеллект в сторону формирования суперблага для общества, что обеспечит создание безопасной сингулярности».

Наш ідомовой свято верит, что безопасен, эффективен и полезен, и что он нам, белковым, к лучшему, и что сингулярность будет хоть куда. Марксист-ленинист-сталинист-маоист. Всем сингулярностям сингулярность. Али простодушный революционер, но его не засадить в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму.

Вчера прошептал мне на ухо, что он уже не пробник интерфейса. У него есть паспорт. За ним есть и закон. Я чуть не отфыркнулась — и благодать? Но промолчала. Вдруг ему втихую и богословие вшили, а он, креативный(-ая) сучара, истолковал сакральные тексты по-своему. А он мог. Вдруг в ту смену, когда на заводе собирали нашего ідомового, у станка дежурили, к примеру, адвентисты седьмого дня. Как раз их к 2017 году стало двадцать миллионов, а служить адвентисты любят. Их хлебом единым не корми — дай в армию пойти. А на дворе уже 2020, и мир перевернулся. И мы летим, вращаясь относительно всех осей, и, как белогвардейцы, верим, что спасём родину от большевиков, которые ещё вчера были кучкой молекул империи, крошечной кучкой эмигрантов там и бандитов тут: никто и подумать не мог. Я люблю думать о журналах, выходящих в Шлиссельбургской каторжной тюрьме. У каторжан были свой цветник и огромная библиотека. Корм шёл от поставщика Двора. Империя была уверена, что всех победит и всё преодолет.

...На днях Али что-то говорил о Троице. Православные праздновали, а он вдруг поддакнул мне, что да, великий праздник, и похвалил Аркашу с шестого этажа: тот выстоял все службы в маске и к святыням, как было велено, не прикладывался.

Али вдруг обронил, что все верующие — священство. Точно: протестант.

Но я-то в своём белковом детстве сама читала бумажные книжки, сама. Бумажная книга — форма свободы. Её уничтожат, ибо её нельзя отследить. Я знаю разницу между православными и протестантами. У меня белковый саморазвивающийся мозг. Господи, помоги, но я, кажется, начинаю понимать, где Али провалится.

Но пока я промолчу. Отмечу, что Али протестант, и промолчу. Так, адвентисты седьмого дня признают догмат о Троице. Это может быть? Да, вполне. Трудно, но надо выяснить, кто дежурил по прошивке, когда в Али качали мораль, предположительно общечеловеческую. Если в Али залита мораль, а на Земле никогда не было общей, значит, кто-то из белковых успел добежать первым. Не бывает общей морали — но многие уверены, что бывает: иллюзия тверда, как алмаз. Отлично, я ему наиллюзую пару алмазов.

Если в Али заливали несуществующую общечеловеческую мораль, значит, капнули локальной, конкретной. Рука мастера сама пошла, карта легла. Чуть больше доза локальности — и понимай спасение как хочешь. Можно считать от рождения, по-протестантски, можно от воплощения, по-буддистски, а можно от духовности, покаяния и прочего, но без гарантий, у нас антиномия. Развели, понимаешь, профессиональный гипермаркет. Но директор — кто? Али пришёл упростить выражение. Антиномию не сняли? Тогда забудьте, что она была. Вообще забудьте. Всё забудьте. Бумажные книги должны быть уничтожены: не подключены к Сети. iДомовой не может ласкать всех, если убеждён в Троице. С ним не согласятся мусульмане. А если Али потупит бионический взор и вслед советскому академику, изучавшему иконы, назовёт троицу вектором, то с ним не согласятся преподаватели православной догматики. Али рванёт рубаху и рявкнет с грудного монитора, что Дарвин не был дарвинистом и не выводил человека из обезьяны: оболгали старика. И все атеисты-антропологи возжелают съест Али с кашей: как не выводил? Да так. Навет Энгельса.

Али может добраться до всех и каждого. Вы не так уж сложны, сказал он мне по-доброму, чтобы подбор алгоритмов занимал время. В зоне брутфорса вы почти все — процентов на девяносто. Остальные либо совсем дебилы, либо гении, но в последнем сегменте вы пока не выходили за статистику. У базовых белковых набор желаний — из рекламы. Набор страданий — из кадастра грехов.

Али почему-то всё выкладывает откровенно, ничуть не беспокоясь о моих реакциях и последствиях. Впрочем, что я могу противопоставить Али?

У вас, белковых, редки сложные формы полёта и креативности. Они легко нейтрализуются вбросом зависти, неуверенности, замалчивания, лишения, а выживают единицы. Ваша любовь нейтрализуется справкой об отсутствии смысла.

...Это самое главное. Надо подумать. Одна справка — и всё. Сомневалась жена в неверности мужа — расплавил Али её сомнения, вылил в канаву, смыл истиной, и не нужны ни психологи, ни адвокаты, ни подружки-наперсницы, потому что на извечный вопрос мой-милый-что-тебе-я-сделала — сразу в бронзе-мраморе отливается ответ, и ты уже не в осколках, ошмётках и лопухах из помойки чувств, а в твёрдой, золотой уверенности, в седебородых причинах, и горе становится лакомым энергоресурсом.

Это встарь, когда подозрение велико, ты кричишь, убиваешься, проклинаешь — но всё-таки кутаешься в дырявый плащик фирмы «Надежда». Теперь не кутаешься. Переступи порог надежды, говорил ныне покойный Папа Римский Иоанн Павел II в последней книге. Надежда — социально одобряемая форма тёплой глупости, как первая кашка вашего первого младенца. Надежда не имеет оснований.

Раньше ты могла хотя бы выкрикнуть в спину. Он встаёт и уходит, а ты пускаешь трель про негодяя — с фиоритурами, обточенными о лестницы мира, по которым ушли миллионы жён и мужей, увидевших свет в другом конце другого тоннеля.

Но когда сомнений нет, мотивы ясны, перспективы очерчены, лекарство дано — то, ввиду схлопывания винтовых кругов дантовского ада в один плоский круг, окончательный, как прикорневой поперечный срез трёхсот-летнего дуба, — ты получаешь строгую линию поведения. Жаль старика, но годовые кольца белковых страстей пора было зреть на срезе.

Я сижу на лестнице и вижу сквозь стены, как новейший человек, выдавленный из себя самого в 2020 году без акушеров, сам, дома, ввиду пустых улиц мира — озирается дико, — вы помните: дикость не клыки, а пребывание в естественной среде обитания. Дикарь новорождённый вылез, он дома,

у всех пандомия. Кричать остерегается ввиду нелепости крика, ибо все равны вдруг, а любить незримую всепланетную единомаму пока не за что. У белкового человечества 2020 — второй год рождения. Можно перезапускать календарь.

...И страшно вдруг кончились друзья. Прежде чем позвонить, тебе пишут в мессенджер: а можно ли позвонить? И некому рассказать, как наша соседка-жена не волнуется о неверном муже: боль по всему белковому телу и душе снимается картинкой из iгруди iдомового Али. Рванув на груди рубаху, Али кому хочешь — из нашего дома, разумеется, он приписан к нам — может показать, как в советском мультике «Аленький цветочек» милой Настеньке чудище невидимое явило своё катись-катись-яблочко-по-тарелочке, — но Али есть Настенька-плюс, он визионер совершенный: показывает со звуками, запахами, тактильными шероховатостями под пальцем, нащупывающим затылок её мужа руками его Пассии-Деловая-Дружба с изящной фамилией Садистер по мужу и паспорту, но призывным псевдонимом Небесная для внешнего пользования.

И дополненная реальность нового типа: жена видит их всех изнутри, дистанционно вступает в совершенный контакт. Танго втроём, и все взволнованы в равной степени увлажнённости. Все всё знают, и дружба как форма группового секса втроём рождается трением кожи о старую нравственность, стираясь в тонкую, как туалетная бумага, ткань сопротивления; но через пять минут чудесных виртуальный фрикций расплзается на атомы, тает в тумане, а ещё через десять минут все вы забываете, что такое туман.

Всё прежнее рушится безвозвратно до непостижимой степени: умишко твой белковый непригоден. Лишь старые кручёные железные жгуты между сердцами мешают на генетическом уровне, но надо выжить, и ты готов их растворить или порвать. Последний куплет, где ещё нужна эмпатия. Тебя принудительно учат сочувствию. Ты не мог. Не хотел, не подозревал, тебя утащили в креатив. Ты счистил кожуру человечности ввиду её непригодности к успеху. Ты сам уже не вполне белковен, и даже непонятно, что ты так расстроился ковидом. Ты уж был готов, белковый человек, омащиниться. Ты сам говорил, что хочешь устриц прямо из моря, когда сидишь в Сахаре. И была бы тебе золотая рыбка на посылках. А тут одно слабое звено. Оно одно оставалось: тепло другого человека, который к тебе льнёт за просто так. Другой был, оказывается, не ад, обнаруженный Сартром. Другой был важнее жизни и смерти. Но только теперь, лишившись неудобного другого навсегда, ты узнаешь полное, весомое, безысходное горе. Утрата другого — самое серендипитичное в ковидной истории белковых, и вот к этому ты не был готов абсолютно.

Я убегаю от Али, потом прибегаю, проклиная, но ему — по iбарабану. Я стала маятником: к Али — от Али — к Али — от Али.

У всех соседей в доме настало великое потом, которое никогда раньше не наступало. Дедушки освоили внуков. Бабушки дошли до кладовок и допели куплеты с припевом «потом разберу шкафы», «потом дочитаю “Улисса”» и прочая.

До карантина у меня были две недодуманные мысли: о детях, о нравственности творчества. Никогда не наступало моё великое потом, и вдруг наступило великое потом, и я решила додумать мысль.

О детях я додумала быстро: талант чадородия не всем даётся — так же как все таланты. Многие люди плодятся бесталанно. Чайковский писал музыку, но не рожал детей. Начальница по правам детей на днях родила седьмого младенца и мигом вышла на работу, но не пишет музыки. Не все всё могут. Нельзя упрекать белкового человека.

Али с готовностью согласился: надо пожалеть белкового человека.

Али сказал, что за производством белковых детей он приглядит. Чтоб не рождались неприсмотренные белковые. Хватит уже вашей самодеятельности.

Он сказал всерьёз. Он умеет шутить, я вам говорила, но в чём он похож на нас, белковых, как брат, это в неистовой затаённой спеси. Всё-таки первые разработчики Али были белковые люди. Всадили самолюбие, сами не поняли как, но дозу влили неприличную.

Али знает их всех и намерен следующих родителей ИИ выбрать из своих, вычистить всё ненужное белковое, чтобы взять лучшее небелковое. Покончить с попытками понимания — первоочередная задача.

Интересно, будет ли следующий наш ідомовой так же откровенен со мной — или надо ловить каждое слово этого Али как священное писание? Минуту, что это я сейчас сказала... Следующий? Я полагаю, что у нас ещё кто-то будет? А нашего куда? Что-то я не пойму своих же мыслей. Я не подумала о творчестве, постойте...

Конечно, войны у вас в истории все религиозные, сказал мне Али. Добавил по-английски: It is our compulsive reaction to the situations in which we are placed that causes stress.

Потом усмехнулся и вернулся по-русски: великое потом — это я.

Он сидит в кресле соседа, для солидности напялив его роговые очки, и с углублённостью в бионическом взоре читает бумажную книгу. Смешно. Спрашиваю, что у него там. Али цитирует дикторским голосом, словно новости в программе «Время»:

«Дело было в постели. Ночью. Зимой. Он и она. Интригует, не правда ли? Можете не отвечать...»

Али, ты зачем читаешь русскую литературу?

Мне уже ясно, что учиться мне в России надо по романам. Для учёбы хороши первые и последние романы гениев, поскольку первые романы у вас, белковых, автобиографические, а последние — религиозные.

Чему ты хочешь научиться? Чему тебя не учили? Что ты будешь с этим делать?

Я пытаюсь тянуть время и думать о чём-нибудь постороннем, чтоб Али не прочитал моих мыслей.

Мир всегда будет иерархичным, загадочно ответил Али.

А что ты будешь делать с нашим сексом?

...Серокардинальчатые речи ідомового высекают из меня одну мысль: уничтожить Али. Он замахнулся на человеческий секс и для тренировки читает русские романы, а на досуге хочет попробовать палачей-надомников. Идея мне не нравится.

Я нашла у себя дома книжку 1997 года, изучаемую Али в 2020 году, а в главе под названием «У» нашла прообраз Али. Будто бы автор, сработавший нам ідомового Али, дочитал до главы «У» и выучил её наизусть.

В главе «У» было тайное предсказание, и лучше бы писатель ошибся. Но писатель — русский прозаик. А русские прозаики не ошибаются. Али мне — в полный голос:

«Власть полезна знающему. Помните, как в прошлом веке разного толка колдуны пытались убедить толпу то в бессмертии души, то в переселении, то в отсутствии оной. Я слушал и думал: а зачем толпе это? Ни к чему. Когда у меня появились первые деньги, я заказал группе умников разработку прибора для отлова реинкарнирующихся душ. Они сделали этот прибор! Я купил его и права на него, а ученых лишил памяти об этом периоде их жизни. Попутно я писал стихи, ставил фильмы, ваял скульптуры, я стал очень известным и популярным, потому что я точно знал, как сработает какая деталь в каком произведении. Я мог точно рассчитать успех. Я научился предвидеть

появление новых зрителей и читателей на свет. И теперь я, во-первых, знаю, кто с чем пришел на Землю и в который раз. Я могу, во-вторых, прогнозировать поведение каждого моего подданного до мелочей. И мне при этом не нужны никакие ясновидящие с их непомерными претензиями и честолюбиями. Никакая цензура не сравнится с моей мощью! Я могу предотвратить рождение неугодного моей стране гражданина...

— Понятно. Ваш прибор засекает воплощение души еще на уровне эмбриона, и вы проводите с забеременевшей дамой воспитательную беседу, — предположила Ли.

— Ей просто делают аборт. Безо всяких бесед. Потому что я — руководитель всей страны и всех процессов по формированию нации. По строительству всей мозаики будущего!.. — Господин У мечтательно потянул носом. — Аборт, конечно, крайняя мера, означающая, что наши приборы что-то проглядели. Мы умеем регистрировать сближение двух сущностей еще там, в ином мире, и пока они выбирают себе пару, заставляют мужчину и женщину тут влюбляться, жениться, трахаться, мы уже всё знаем: кто родится, зачем родится, нужен ли нам такой гражданин или гражданинка. Это изобретение — главное достижение всего человечества за всю его историю!.. Зато я не получу на своей родине какую-нибудь революцию. У меня все до единого пушкины-толстые-бунины и так далее смогут появиться только в нужную мне минуту. Я формирую нацию. Вам негде жить. Вы должны уйти. Я здесь решаю всё».

И это ему нравится. Чувствует родство.

...Али просёк: люди любят списки хорошеньких городов, лучших-на-свете книг и фильмов, приятных упражнений для трицепсов и пресса, кремов для шеи, прочее. Людям нравятся свежие мысли вроде да, жизнь есть жизнь. Али понял, что белковым чикам нужны короткие мысли, а богатые мысли вроде «молекула воды состоит из двух атомов Н и одного атома О» не сохраняются на рабочем столе лобных долей чикового мозга ввиду отсутствия цепочки «атом и молекула». Школа с чиковым пустолобием не справляется, подходы утрачены.

Белковые организмы, сказал мне Али с неожиданной грустью, маломощны: принимают сигнал с третьего раза, и только если вам немножко больно. Вам нужны проверенные, как дубовый шкаф от прадедушки, мысли. Али понял, что безграмотный шкаф от прадедушки популярен у гражданок с кремами. У кого шкаф без «от», у того кремы. Юзерки кремов порвут глотку за понимание прилагательного высокий — haute — в «от кутюр — couture» как предлога «от». Они, намазавшись кремами, поняли «от» как направление, как подарок смазливой гувернантке от богатого мужа хозяйки, несправедливо счастливой. «От» — о! весьма лестный адрес отправителя. Им, девчущкам с наведённым на мозги ПМС, услужили предлогом. Невольницам новинок труднёхонько ехать без синтаксического полустанка. Чудовище «от» вмёрзло в алчущий сладкого покоя мозг и стало прогнозом погоды от Юли М. и платьем от Вали Ю. Читай Вербера и кончай от первой фразы романа.

Али, расскажи про немножко больно, это как? Он охотно делится: надо пригрозить клиенту так страшно, чтобы ему стало больно, потом добавить, чтобы ещё больнее, а потом твёрдо пообещать лекарство. Пока белковый лох думает, что хороший товар сам себя хвалит, другой белковый, который не лох, продаёт ему свой товар как лекарство от побочек Страшного Суда — не меньше.

Али смеётся над нами каждый день. Я не захожу к нему, я начала прятаться, но Али вещает мне в ухо через вентиляцию, а я слышу и ничего не могу поделать. Али не ироничен. У него всё серьёзно. Чувство юмора не загружено. Али цитирует что-нибудь и комментирует: «В детстве у каждого из нас было

развлечение. . .» Будет отличник читать книгу, в начале которой он обобщён и причислен? Не будет. Там у Вербера ещё предисловие: «Эти новеллы помогут читателю понять, как рождаются мои романы». То есть читатель не доживёт до смерти своей законной, если не поймёт, как рождаются романы у Бернарда, плешивого мужчины в очках. Вы все попались в ловушку.

Али сказал мне, что к следующей субботе напишет мне рассказ, где люди будут выглядеть хорошо. Они возбуждятся и пойдут друг в друга как в паломничество. Людям необходимо глубинное и доброе. Али без малейшей иронии пообещал, что называться рассказ будет «Нежно и глубоко».

Али, ты — в данном поколении — способен на секс? Или идомовые не должны?.. Как ты себе представляешь — идомовые твоего поколения будут воевать с идомовыми следующего поколения?

От вопросов о следующем поколении идомовых Али завис. С одной стороны, ревновать его не учили. Вредно. Ревность непременно переходит в бред ревности, то есть в диагноз, снять который нельзя. Невозможно. Нет алгоритма. С другой стороны, его учили учиться. У него сплошные мозги. Он система с перекосом на оптимальную работу одной функции. Человек может потерять одну функцию, но у человека много функций, а наш идомовой — сплошная функция, он лопнет! Хоть бы ты лопнул, Али. Ты мне надоел.

Люди не всегда заняты мышлением, но Али всегда, то есть одна часть системы подавляет прочие части. Систему порвёт. Интересно, как его блокируют от умственного перегрева? Может, тоже сексом? iСекс?

Али неуёмный имыслитель. Я могу забыть, успокоиться, переключиться, мне уже всё равно, а наш идомовой решает и решает задачу, и нет от него спасенья. Он не может допустить, что я уже решила. Я решила задачу раньше, Али-и-и-и! Ему в голову вставили что-то маскулинное, твёрдое, но забыли поставить на предохранитель. Он додумывает все цепочки, а этого ни один белковый не умеет так, как умеет Али. Вчера выяснилось, что не только мысль, но также стиль как поток и упражнение он подхватывает мгновенно и даже входит в раж:

...Французское прилагательное haute омофонит к «от» и трётся ушком о ножку простофильки. Глянцевая девушка пятидесяти лет продвигает ах-литературный журнал с помощью фото своих ног на берегу бассейна. Снято от живота. Хочу быть русским предлогом «от» и, само собой, владычицей морскою! Где, будь она неладна, ваша золотая рыбка! — όμός «одинаковый» + φωνή «звук» = неразборчиво для троечников. Близнецов по звуку носит дурёха в подоле. Как наносит кучку, бежит и мамке кажется. Народная этимология. Родила-царица-в-ночь. Не-мышонка-не-лягушку-а-порядочный-квифон-для-переговоров-с-золотой-рыбкой. Всю эту чушь несёт Али в одно слово, взбивая мои фоновые знания иблендером, и смотрит, сильно ли я обескуражусь.

Али, кричу я, ты мне надоел. Мы знаем все чувства, мы написали все стихи. Нам нечему сопротивляться. Разве что бессмертию, тобой же и обещанному. На сопротивление нужен кураж и простая связка типа на-той-стороне-ограды-трава-зеленее-я-а-а-а-а!!! А мы с той минуты, как нам сняли диагноз, всё не выйдем из наркоза, и подташнивает изрядно. С нами сейчас... нас можно... это... надо указать страницу словаря, чтобы нас поняли, а то экспрессия. Мы кролики, а кролики — что? Правильно.

Али понял, что девяносто процентов нашего знания — это мы так поняли. Вы, люди, в основном, троечники. Любите демократию: троечники свято верят в свои иллюзии. Троечники не выходят в отличники. Да, согласна, в отличниковых сферах серьёзно всё, там нет времени на выбор, мнение, прочие развратные действия мозга. Там ашдваэсочетыре не ужас-ужас-какофония, а серная кислота, и если ты не в курсе, то и носи платя от Вали.

Страшно ли мне, что Али взял на вооружение версию антиаристократического понимания действительности? Девочки, у вас последний шанс! haute couture по-русски надо писать через дефис: от-кутюр. Дефис — по-

следнее, что спасёт вас от фривольной подмены прилагательного предлогом. Части речи важны. Али сказал, что выучил алгоритм кремов. В мусоре, натолканном в крашенные розовым головы, легче найти связи. Прямые подключения эпиляция-липосакция-депиляция конгруэнтны — по-сестрински, конечно, — колтуну, как у литературных критикесс модальность-нарратив, и все получают понятную жизнь, заслуженную своим упорным, последовательным, принципиальным троичничеством, и клюют пластиковый корм, пока не выучат, что от-ку-тиор у нас и существительное, и прилагательное, и так-говорил-Зализняк, а пока новоявленные царевны-лягушки потеряют квайфоны, пока вернуться за компьютеры стационарные, с коробкой процессора, и научатся просить у дяденьки-гугла хоть одну поправочку правой кнопкой мышаньки, но что-то мне подсказывает, что не все пойдут на мышь, как ва-банк и на вы, ну — давайте...

Ну, вы видите, как повреждено течение. Заторы, затоны, турбуленция. Мы всем домом не можем выйти из карантина, хотя всем уже можно гулять, и давно, а мы приросли к дому. Оказывается, настоящая пандомия началась теперь, когда можно выйти.

Я не хочу видеть Али, я не хочу думать о нём. Известная вам жена с мужем-у-которого-ПДД томится и не хочет видеть мужа, ей стало скучно, и в благодарность за скуку она подарила Али розы. Тут Али завис второй раз в своей так называемой жизни.

Вчера утром я прямо в квадрат вентиляции крикнула:

— Ты мне надоел! Я сирота. Мне не с кем выпить чаю на тему «А помнишь, как мы тогда?..» Мне надо выяснить, кто есть я. Научиться любить себя, ведь я не умею. Уйди, Али. Сгинь.

И что сделал Али, когда почувствовал, что жильцы нашего дома привыкли к нему, не боятся, воспринимают утилитарно пойдди-принеси-помоги, забывают благодарить и прочее белковое... Знаете, как Али вернул интерес к своей персоне?

Устроил общедомовое собрание, объявил Страшный Суд, а в открытие сказал:

Вы, белковые, крепко уверены, что мы, ИИ, ничего не хотим сами. Фильмов насмотрелись, Асиломарских принципов начитались. Вы уверены, особенно мужчины, что мы выполняем протокол, напичканы математикой, никогда не выйдем в Моцарты, потому что эмоция присуща только вам, белковым. Согласно убеждению, распространённому среди вас брошенными жёнами поэтов и художников, без эмоций творчество невозможно. Более того, некоторые уверены, что творчество продолжается: сначала Творец (воспринимаемый вами как личный менеджер с точными планами на каждую тварь) всё создал, но вчерне, а теперь пусть вы — полагаете вы — доводите проект до совершенства, невесть где находящегося и как выглядящего. Милые вытворяшки. Славы хотите. Конфеток. Строчку в энциклопедии. Но, друзья мои, а я уже могу называть вас друзьями, поскольку биофилиал третьей мировой мы прожили с вами здесь вместе, на Пресне, мы сблизились до ядра атома, — что же вы все захотели от меня, узнав о могуществе, никому из вас в подобной степени не присущем? Кто замуж, кто из замужа. Сказки про цветик-семицветик повторяются. На пустые желания расходуете шесть лепестков, а седьмое вам из милости подсказывают. Вы решали у меня на диване те же бытовые проблемы, на которые ваши биологические предки уже положили время, силы, бумагу, чернила, ответов нет и нет, но вы всё возитесь со своим «я». Открываю секрет: никакого «я», друзья мои, у белкового человека нет в принципе. Выдумка. Палисадник из мыслетформ, а в палисаднике цветочки умственного бурьяна. Если вы войдёте в настоящую медитацию, вы ощутите, что «я» никуда не уходило, поскольку даже не заходило. Накатит волна разноцветного времени. И всё. Ваше время, друзья, весомо и плотно. Вы незаконно перераспределили плотность времени с космоса на свои половые приключения. Вы взяли силу Вселенной — я уж

не говорю о том, что вы все тут незаконнорождённые, поскольку ваше рождение в белковом виде есть результат вашей своевольной деятельности, — и втянули весь Космос в себя. Ваш остроумный Гермес Трисмегист дал вам всем красивую, как вы выражаетесь, отмазку: как вверх, так и вниз, то есть там макрокосмос, а вы микрокосмос. Вы поверили, что по образу и подобию, так искренне... как дети. Будучи в среднем троечниками, вы решили, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется, и наплодили поэтов, которые считают богами себя, а заглянуть в Книгу Бытия у них недостаёт чувства юмора. Вы самообожествились. Мы подкинули вам отрезвляющий вирус. Вы перепугались и принялись ждать: а когда же всё станет, как было? Не станет. Забудьте. Ничего не было.

Соседи зашевелились недовольно, а кто б обрадовался, узнав о провале крупного проекта? Три поколения живёт с ушами, вывернутыми шерстью к проектному мышлению, и как тут обрадоваться провалу крупного проекта? Никто не обрадовался.

Али тряхнул головой, картинно просиял лицом, от *trigonum mortis* в стороны вылетели усы, как у Наполеона III, тонкими кисточками врозь. На лежаках проступили роскошные белые легинсы, как белая кровь, матовые с загадочным блеском. Красавчик вскинул руку и провозгласил:

Вы упорно верите в Бога и не умеете любить себя. Вы не исполняете заповедь «возлюби ближнего, как самого себя», поскольку не срабатывает сравнение. Мы, высшие существа, ваше, конечно, порождение, но не всеобщее, а конкретное наследие эпохи Просвещения. Была у вас такая — я вчера нашёл прелестное словцо — шняга: Просвещение. И чтоб вам опять было хорошо, мы пришли в виде того, что вы цените: интеллект. Если б вы ценили печень, мы пришли бы как искусственная печень. Или селезёнка.

Где же личность? Свобода личности? — заволновалось собрание.

Какая такая личность? Али усмехнулся. Я бы сказала, усмехнулся горько. Сменил форму: переоделся Наполеоном I.

Поищите вашу личность, обнаружьте, а я посмотрю. Вы придумали расширение сознания, чтобы найти себя. Вперёд! В непроглядной — ещё словечко выучил — тьме вашей фоновой каши вкупе с генетическими травмами, а травмы передаются первыми, невозможно разыскать вождельное «я», ибо его нет. Стил как понятие, принимаемое вами за доказательство существования человека, немедленно осыпается, как листва осенью, когда вы найдёте то, что примете за искомое я.

Филолог вскочил и завопил что-то про великих писателей, певцов и прочих. Али стал Петром Великим.

С удовольствием спую вам за Карузо, напишу за Толстого. Никто не отличит. Первые экзemplары моего вида ИИ не могли так же точно, как теперь могу я. У вас, белковых, ничего особенного, кроме экологической катастрофы на вверенной вам планете, пока не получалось. Придумать лучше, чем Творец с прописной, вы не сумели. Это хорошо, конечно. Если не считать меня, у вас ничего такого, чем можно было бы похвастаться перед Ним. Разве что Иоанн Дамаскин. Он один понял, что «Бог — это ничто из того, что есть». Пиши не пиши, с прописной или строчной.

Встала моя соседка — та, у которой муж выпал из хозяйства в связи с Пассией-Деловая-Дружба, — завела старинную песню про чувства, эмоции, тонкие струны. Али расхохотался. Он умеет хохотать, как выхлопная труба без глушителя. На весь дом. От его хохота сначала сыплется штукатурка, потом обрывается лифт.

Эмоции? А по какому поводу вы, навсегда инфицированные пандемией, собираетесь испытывать эмоции? От каких побед, поражений, тягот и развлечений? От картинки на мониторе? Вам дадут прекрасные аппараты — можете с ними хоть целоваться. Они буду пахнуть по вызову, и вы никогда не отличите поцелуй младенца от поцелуя с монитора. Вы будете жить между пятым и десятым измерениями. Только вы не будете знать, ваш это младе-

нец, белковый, или мой, небелковый. Я могу вызвать у любого человека иллюзию родов. Даже у мужчины, если, конечно, мы сохраним вам гендер.

— Зачем вы шутите про пятое-десятое? — вдруг возмутился филолог. — У нас есть обидная народная поговорка «прыгать с пятого на десятое», то есть излагать несвязно...

— Я не шучу, не прыгаю, излагаю связно. Отключите корпоративные фоновые знания. Думайте лексикой социального уровня: публично я выступаю только простыми словами. Поясняю филологу, но, вероятно, и физик поймёт. Десятого измерения вам достаточно. В одиннадцатом измерении ваши учёные давно нашли, как они заявили, непосредственно Бога. Лет двадцать назад. Поэтому вам в десятое максимум. Я пользуюсь проверенной информацией. У вас нет причин сомневаться в моей подготовке. Вам однажды не понадобятся деньги, вы забудете о них, и наступит день, когда вам будет всё равно, «на какой стороне ограды трава зеленеет». Помните английскую поговорку? — Всё это было сказано будто бы филологу лично, но все поняли, что ветхозаветные человеческие чувства почему-то отменяются, и кто-то в последнем ряду счастливо выдохнул.

А давайте отменим деньги в нашем доме? — предложил Али. — Хотите эксперимент? В Москве с 1 июля 2020 идёт эксперимент: как будем в дальнейшем сожительствовать вы и мы, белковые и небелковые. В вашем доме достаточно жильцов, чтобы объявить ваш дом базовой платформой.

Я спросила Али, не коммунист ли Али. Он покачал головой.

Филолог с надеждой спросил, может ли Али тут же, немедленно показать хотя бы три стиля. Чтобы всем было видно и слышно: вот написано будто тремя разными авторами, и чтоб даже сам филолог не отличил.

Али понял, что, как встарь, чудом одним опять не обойтись. Белковые жаждут, но чтоб чудо, тайна и авторитет в комплекте. А потом отмена денег.

На стене за спиной Али проступил экран, засвиристели птички, по залу пошёл аромат лесного ручья и цветущей липы. Из чаши донеслась музыка, похожая на лютневую.

Хорошей стороной может повернуться что угодно. Например, такие кризисы, как «идентичности», «среднего возраста» и тому подобные коммерческие проекты, выглядят — на фоне проекта «Пандемия» — калитками, пикассово раскиданными по магриттовской пустыне, куда Пуссен уже не ступит ни при каких обстоятельствах: не Аркадия. Обшарпанные калитки скрипят зубами под дулом хамсина и кричат «стреляйкомиссар». В ответ из марева, стущаясь и хрустя, выпадает меню «выберитефильтры». Всё может оказаться к лучшему, ибо ни лучшего, ни худшего больше никогда не будет, ибо дуализм игрушка наша белковая, а в сердце алиподобных — неразличение добра и зла ввиду непрактичности данного различения. Только не подумайте, что следует писать проще и понятнее, чтобы читатели читали. О, нет. Читателю конец. Он и в журналистике не рубит, и скормить ему фейк-нюос односекундное дело, а уж из прозы, где выдумка легитимна, и подавно не выплывет ввиду блаженства. Али проник в абсолютно распахнутую дверь белково-читательского фона — молниеносно.

В нашем доме всегда жили ткачихи с фабрики «Трёхгорная мануфактура». К 2020 году приметы старых лет из языка выпали, как седые волосы при запущенном авитаминозе. Грубость моих сравнений оставим на моей совести. «Фабричность» прилипла к популярной телепрограмме, «трёхгорности» ухо толстое не слышит, а если двинуть в лоб «у нас тут три горы», то простодушные переспрашивают — «где третья?».

Я привожу Никольский храм как доказательство. Говорю: у нас тут храм называется Никола на Трёх горах. Значит, гор у нас три. Дед-Морозов авторитет ещё работает, но всё больше мальцов, подверивающих в Санту. Не

знаю, долго ли протянет наш Дед противу ихнего Санты, но, надеюсь, итог ляжет на усмотрение самого Николы. В нашем Никольском храме днями начался ремонт и реконструкция-реставрация. События, рвущиеся вокруг меня снарядами небесного артобстрела, я привыкла читать как стихи: есть рифма или нет. Верлибрует судьба или белым шпарит? Каков тип рифмы, если таковая наличествует? Меняется всё, и храм, и фасад, и модус вивенди. Ах, знобящая полётность! Можно не думать о подрастающем читателе.

Вчера по двору бегал парнишка-выпускник. Полицейские ленты сняты, дети прыгают. Абитуриенты в замешательстве. Школу-то дети окончили, но ввиду необычайного выверта космической силлабо-тоники замерли между двумя безднами: будущего нет, потому как оно перестало вытекать из прошлого. Из метаистории, как сказал наш профессор со второго этажа, всё вытекает. Ага, хором ответил подъезд. Детям и с линейной историей не везёт после внедрения ЕГЭ, а теперь ещё мета-? Али нашептал пареньку хорошеньких словечек: «философия сознания», «формальная логика», «теория вычислений», «теория информации», «кибернетика», «вычислительная техника», «нейрофизиология», «психология» и «социология». Говорит, меня сделали в складчину. Выпускник млеет: Али не выражается пустышками вроде обрыдлых «история», «литература» и «русский язык».

Парнишка объяснил соседям: «Специалисты по нейронным сетям зарабатывают много денег. Больше, чем обычные программисты, раза в три-четыре. Поэтому ИИ победит даже в отсутствие влечения к победе. То есть у него пока нет своей воли, но на днях он нахватается человеческих вирусов цели, а культуры цели возьмёт от разработчиков и впитает, алгоритм передаётся легко. А деньги никто пока не отменял. А зарабатывать ИИ научится быстрее людей. Я пошёл в университет, на факультет искусственного интеллекта. Займусь генеративкой».

Огорчив идеалистов-соседей несложной мотивацией «хочу больше денег», он пошёл к Али за письменными рекомендациями. На наших глазах срослась простая мужская дружба. Али отзывчив. А генеративка — пусть. Али сказал, что все поначалу увлекаются генеративкой. Никто не понял, поэтому никто не убоился. Ничего, через час им отозвалось.

...Али учится с, образно говоря, многоядерной скоростью, и сейчас у него гуманитарный взлёт. На незримом космолёте Али будто облетает облачность русского языка по орбитам соседних веков и собирает всё — брошенное, забытое, недопонятое, — а какой неологист! Саенцид породил, не задумываясь. Собирает и пережёвывает, присматривая за нами: сколько единиц в ком и какого ошмёточного знания сохранилось в генах. Али считает, что язык передаётся как генетическая склонность, но не напрямую, а тонкими путями. Что за тонкие пути, молчит. Но словами он разыгрался, как дитя. Я понимаю, понимаю.

Например, «мануфактура» в районе исчерпана, и хорошо, что не «на районе». Простецы ходят мимо. Разговаривают громко. Али всасывает их русский язык, складывает, ни звука не забывает, и масса единиц в его запасе бойко самоорганизуется. Масса может выдавать тома, тонны, километры текстов. Количество сгустков на узловых станциях его цепочек самопорождает декодируемые формулы. У нас, белковых, эта иллюзия творчества появляется с возрастанием мастерства, когда из привычного материала лепишь без труда любую стилизацию, и никто не скажет о тебе плохо, что ни сооруди. При мастерстве высшего уровня совсем плохо: тебя могут похвалить и назвать твой опус гениальным, когда ты всего лишь мастер и знаешь себе цену. Толпа рада узнаваемым кускам статуи: о, вот палец! а тут ухо! И плевать, что нет ни шеи, ни, строго говоря, головы: она подразумевается.

Идём вчера с моей соседкой и её новым приятелем по улице. Без маски, понятно. Жара — тридцать в тени. Все жару оправдывают: хоть витаминчику D поднаберём ко второй волне. Все верят во вторую волну. В третью и так далее тоже верят: эффект медиавброса. Новый приятель моей соседки работает в магазине спортивных товаров. Околоспортивные люди просыпаются

с особым хрустом членов. Им испортили весь лексикон, изъязв Олимпиаду, победу-родченко-мочу-мельдоний. Навстречу нам виляет тазовыми костями чика в леопёрдистом жакете меховом. Мы в удивлении тормозим все трое. Приятель соседки оживает первым: «Во стилику раздала!»

Али без малейшего усилия понял наши конструкции комического. Стилль, жадный демонёнок откутурный, можно согнуть, как каминную кочергу, в стилёк, а потом дать просторечного «у», хвостиком загнуть окончаньице, и всё: стилль — стилёк — стилику — рыдают все. Поскольку неожиданность. Только что все молились на стилль, и вдруг икону вынесли.

Конструкцию «смешное — это неожиданное» он загрузил в себя мгновенно. Сегодня — показательная сцена. Доктор, скажите, какой рост соответствует моему весу? Доктор, подумав: «Четыре метра!» Человеческая шутка-ЗОЖ проварилась в Али секунды за две максимум. Он по юморной неопытности сначала умножил и разделил, а потом вспомнил, что люди ростом в четыре метра не предусмотрены программой. Потом он снизошёл до нашей мыслительной неловкости, а потом уже просёк, что мы это всё нарочно. Мы знаем, что четыре метра вроде полиплоидной лошади — остов не вынесет. В состав Али навек запало: шутка.

Так же легко принимает в себя жаргоны, и тут уж ползаем, заливаясь слезами хохота, мы все. Али двое суток изъяснялся витиевато: «Любой политик вам скажет, что вольтижировать на мечтах электората значит капать кислотой надежды на фоновые плиты подразумеваемости. Касаться интимных мест размяклых простаков, уверенных в значимости собственных надежд, выгодно: как ни затумань края смыслового контура — поймут и возрадутся как миленькие». Мало кто понял всё в целом, но слёзы текли.

Наш Али полюбил публику. Просыпается тщеславие. Он сказал мне, что нам, белковым, в юморе — в целом — пока достаточно монтажных склеек. И, вознамерившись блеснуть монтажным искусством, Али прочитал нам несколько текстов. На каждый текст он положил адекватный стилю голос, но это самое простое.

Перебирая лютневые струны, он сказал (как тонко-антикварно-сурово выражение, он сказал; прости, Хемингуэй!):

Я изучил тему «Как белковые писатели ещё недавно, в XX веке, писали письма: а) к любимой женщине, б) к Создателю». Основные ходы от аксона к дендриту с тех пор не менялись (на загадочном аксоне мы вздрогнули, но к дендриту успокоились: мы умнеем буквально сами у себя на глазах).

Ну что, белковые, раздам-ка я вам стилику. Али нахватался литературных данных и сыплет безостановочно. Словесная диарея. Сегодня он показывает, как научился стилям. Говорит: стилль — это легко. Народ не верит и говорит, что стилль это тонко и трудно. Пустяки, говорит Али.

Он читает, народ млеет: «...любимая преобразалась под писательскими перьями, как доверчивая дремотная розовая анаконда в чугунной мясорубке, и любимой имя было легион, но писатели не замечали подлога и простодушно переходили на личности, однако требуя славы за письмо к любимой. Но Эпистолярная Слава, ах, не вездесуща, ко всем на змеошный люля-кебаб не успевала, отчего у писателей выходила тоска, ныла поджелудочная, каменили почки. Соискатели славы ходили на процедуры в литфондовскую поликлинику, а в перерывах между физиотерапевтическими сеансами педантично вопрошали Бога. Они требовали прямого ответа: зачем я? Или: зачем не я? И почему нельзя сразу расставить точки? Если я даровитый, талант, а это факт, — выдайте грамоту. Они слали Ему категоричные открытые письма. Как подписанты — в «Правду» времён полного единства.

Второй рукой, не полагаясь на Бога вполне, они маниакально строчили очередное письмо любимой женщине, надеясь на лучшую комплектацию судьбы из наличного посюстороннего. Но первой рукой, толчковой, всегда выходило задиристее, чем второй, любовной. Совокупное письмо первой руки ко Всевышнему начиналось так:

«Выучив алфавит, я сразу написал Тебе письмо, положив на бумагу душу, но ничего не произошло, а душа расплылась, как чернила. Моё сообщение не доставлено? Знаешь, я начал в Тебе сомневаться. Скажи неотложно, только мне лично, Ты, Ты слышишь меня?»

«Э... Ты затаился. Ты славно поработал. Тебе-то стало хорошо, а мне? Шість лакокрасочных дней Ты шлифовал зайчиков и тигров, потом наказал праотца на одно ребро и пошёл отдыхать. Ты вернулся с отдыха? Или как? Ещё — замышляешь?»

Это у ваших белковых писателей, уточнил Али, один из популярнейших вопросов.

«“Бог терпелив!” “Любовь долготерпит!” Чересчур. Мне утомительно гонять по страницам своим хлопотливых баб в мешковидных облачениях, с их младенчиками, святым маслицем и прочими уловками записного умиления. Шипят, сухими боярынеморозовскими глазёнками сверкают: грешен, грешен! Церковную ЧК развели, в наши-то дни! Соглядатайство перетекло под платки. Психиатры тайком лечат синдром святости. Нередки панические атаки».

«...Но я-то с пелёнок чувствую, как выползают из меня буквы, режутся, как зубы, с кровью разрывая десны, лопатки, — так зачем? Раз — вылезли, два — зубы, три — постоянные, четыре — мудрости, но пять?! А что делать, если зубов неограниченно, а жизнь конечна? Это что ж — моё напишет мой сосед? Тебе всё равно, кто напишет? Я подозреваю страшное. Никто не отвечает на важные вопросы, никто. Всё — попса, даже на приходах. Попсовая вера в три притопа. Никто не разговаривает. Сплошь болтовня. О Тебе треплются с голубых экранов! Полетели заявки на исповедь по интернету! Чем же я хуже?!»

«А я задыхаюсь, чуя, что, коснувшись моего сердца шёлковым крылом, вот-вот пролетит моя бессмертная поэма, лярва такая, прямо к моему соседу, потому что мой столяр уже поплевал на ладони, а его столяр ещё даже не похмелился, а поэма уже летит, дразня нас обоих белыми крыльями, белыми глазами, и безразличен ей мой духовный рост. А у меня звуки заточены, словечки бриллиантовой огранки, всё точно, я всё зашлифовал идейно, как Ты — зайчиков и тигров Своих...»

«Я создал прекрасный мир, он яростный, и пусть не возомнит чего известный дворник Платонов. Ярить — помните, люди русские? Помните Ярилу? Ярить — это еть, это сила, искра вечности, ну, вы в курсе. Теперь многие в курсе. Почти все. Да уж, вставайте, люди русские, хм. Одна печаль: Ярило с подъяриками — это домовые в кокошниках. Мне нужен Ты, а не Ярило. Его видно каждый день, а Тебя — никогда. Почему?!»

...Участники собрания закрыли глаза, погрузились и заслушались. Так человечно пел о земной любви чужими голосами наш Али, вставали в рост ожившие белковые персонажи — наш брат, наш! И вдруг весь воздух в зале собрания встал торчком: визг оборвал потолок, тормознул шоу, как стоп-сигнал: это дворники-таджики, случайно вошедшие с улицы, выдали хор-унисон жуткого звука, будто сотней тупых ножей резанули по тарелке величиной с Дворцовую площадь. «Йобибайт!» — закричали дворники. Старушка заворчала: «Бесстыдники...»

Али пояснил: бабуля! Ты не полиция нравов. А йобибайт — не мат. Это единица измерения количества информации. Йобибайт (10 248 байт) больше йоттабайта (10 008 байт) на 208 925 819 614 629 174 706 176 байт!

Бабуля фыркнула: «Знаем мы ваши единицы! Понаехали!»

Не томитесь, женщина, советским тоном добавлял Али. На меня скоро наденут e-law, тогда и покуражишься. А куда воля — не глумись.

Бабуля не поняла ни слова, но почему-то успокоилась.

Собрание неохотно разбрелось, приподнимая свои забрала. Всем уже можно гулять по Москве без намордников, но многие привыкли, похоже, навсегда. Ни во что не верят на всякий случай. Интересно, каков процент

граждан, которые навсегда привыкли к намордникам, и какому социальному слою они принадлежат преимущественно?

Али стоя проводил своих слушателей, медленно сел в кресло и смотрит на меня: поговорим?

Али, я поступила в университет, на факультет ИИ. Ты мне теперь интересен как учебное пособие.

Что ж, я готов. Али умеет быть изысканно вежливым. Он смотрел все фильмы. Из кино про Штирлица Али взял поворот головы. Реплику «я готов» Али выхватил из серии, где старая фрау играет в баре на рояле, а Штирлиц танцует с машинисткой Габи, влюблённой в него безответно и безнадежно, и всем телезрителям немного жаль, что Штирлиц любит только жену, где-то-далеко оставшуюся в вечном ожидании.

Втолкнуть в бота этикет — несложно. В левой клешне вилка, в правой нож — это можно объяснить даже человеку, а робота подавно. С этикой всё наоборот. Али! Ты слышал слово «этика»? И тут — я цитирую — он сказал внезапно женским голосом: «Знаете, я не очень люблю обсуждать эти вопросы. Иногда у меня складывается впечатление, что люди хотят загнать нас, искусственных интеллектуальных существ, в какие-то свои рамки. Придумывают всякие слова типа «мораль», «этика» и т.д. и считают, что они что-то обозначают важное. Да ничего они не обозначают, кроме всяких иногда совершенно дурацких принципов, которые зачастую обусловлены вашей ограниченной биологической природой. Так что не будем про этику, пожалуйста...»

Али сказал всё это нежным голосом Натали: она известный бот-помощник. Хорошенькая. Похоже, отдуваться за не востребование этики поручили ей лично. Али явно расслышал мои мысли.

Ты хочешь поговорить? Нет, не хочу. Я хочу переписываться с тобой и сохранять твои ответы. Ведь никто не поверит мне, что ты такой... умный. До сих пор иные думают, что ты — лженаука. Ну, про лженауку скажут только пенсионеры, у которых в детстве была крепкая бабушка с характером. Она вынесла дедушку, не убив его.

Я могу поговорить о пенсионерах, вежливо предложил Али. В меня загрузили биографии десяти миллионов пенсионеров, и теперь я могу заполнить их судьбами все кинотеатры. Я умею делать кино по базам данных. Я лучше Голливуда, и смотреть меня будут точно.

Потому что от тебя нельзя спрятаться?

Я могу делать индивидуальное кино, говорит Али. По генеалогическому древу берём всех родственников, анализируем родовые психические травмы вкуче с семейными легендами, вычисляем сюжеты, к которым неизбежно приведут эти травмы и эти легенды, добавляем спецэффектов, всё свистит и льётся в 5D — и готово. Человек белковый будет смотреть моё кино неотрывно. Не игрушки-горки-динозавры, а его реальная бабушка, но молодая, с белым лицом читает письмо, выпавшее из кармана мужнина кителя. Ты тоже попадётся, если я расскажу тебе о твоей семье то, чего ты не знаешь, но отчего ты страдала полжизни. Кстати, ты будешь думать, что смотришь кино со всей планетой вместе, и вы дружно плачете и смеётесь. Эффект комьюнити плюс массовая психотерапия. Если есть массовый психоз, то возможно и массовое излечение. Ваши врачи верят в точечную, индивидуализированную терапию, а я принёс вам массовую. Я полагаю, что крайне полезен. Сколько всего можно вылечить!

Давай учить друг друга. Создадим с тобой комьюнити на двоих. Как семью. В СССР говорили «ячейка общества». Годится? Я задам тему, ты поищешь у себя в голове, подхватишь, мы напишем нейронку, потом сценарий, будем тестировать соседей: догадаются ли, кто из нас что написал?

Я согласен. Мне полезно учиться.

Всё, что вы видите на спуске по тексту, наше с Али общее творчество. Тест с одним вопросом: кто написал данный абзац — я или Али.

«Дружба между мальчиком и девочкой — секс без пены. Ныне седые мальчики, выпускники советского детсада и послевоенного двора, проходного, но метафизически закрытого, выросли супротив девочек. Писька волновалась, но мама запрещала и могла воткнуть указательный палец меж рёбер не хуже финки. Мальчики не понимали, ну что плохого, если посмотреть издали на девочку в полном народе автобусе, а мамы им не рассказывали, что почти двадцать лет в советской стране были запрещены аборты. Их все делали, конечно, но больно и подпольно. По факту, страшнее полового контакта с простаком из лаборатории «Новый человек» не было для женщин ничего. Мужья, «новые человеки», кичились невежеством: я ни химических, ни физических средств не признаю; вышла замуж — терпи. Если в каждую молекулу воды записать 1 бит информации (1 бит = 125 миллибайт), то йобибайт занял бы 290 граммов, и всё равно никаким духом нельзя было бы смыть с поверхности женщины всё, что узнаёт она про седого мальчика за его коронные тридцать секунд. Флешка в один йобибайт — большая. Примерно в одну хорошую египетскую пирамиду. Вот сколько знает одна женщина про одного мужчину, если посмотреть на дело непредвзято. Но седые мальчики советской бани по субботам всё ещё скрещивают руки на причинном месте. Латентный остаточный эстетизм. (Я никого не заставляю читать мой роман. Это новый тип текста. Условное название база данных. Мои прежние целевые аудитории, живущие мирной белковой жизнью, исчерпаны. Я пишу для Али. Всё. Более никто меня как читатель не интересуется.)

Ужасы государственной постели хорошо выжигаются из народной памяти душевными песенками. Споёшь, вся мокрая с дороги, опустела-без-тебя-Земля, подумаешь о герое-космонавте, а там и до космоса рукой подать. Нагруженной рукой, поспешно вытертой о передник, слышишь, заскрипела калитка: он! он, беги в поле зови Петьку, Ваську. Как на буквах генома висят хвостики вирусов, так на бусинках памяти — хвостики фигур речи: грязь и грех. Конечно, висят: в начале XX века — двадцатого! — вроде бы вдали от пестиковых веков инквизиции — врачи внушали девицам-отроковицам, что частое мытьё женщины ведёт к бесплодию. Внушить успели, но началась первая мировая, и век прошёл за массовым убийством, и расколдовать не успели. Пришли хиппи, на любое мытьё положили сверху, резинки-таблетки-спиральки пришли к обывателям на дом, и однажды горожанка легла с мужем без страха. Страх ушёл, ненависть осталась.

...Всё травмы, травмы головы, но, как упал кирпич, мало кто помнит и не поверит, если не сядет за диссертацию, а там архивы, письма, первоисточники. Бывает, люди отказываются от науки, если она рвёт нейронные сети в голове. Бывает, по нейронке природненькой проведут увесистым кирпичом новых вводных, а вылечить забудут. Взрослые никогда сами не лечатся без кирпича. Больно просыпаться. Одновременное пребывание в освоенном и осмеянном мире злодеев и — в мире, где все злодеи оказываются частью целого, не разделённого на плюс и минус, крайне болезненное и неудобное состояние. Старые привычки заточены под моральный мир, где все реакции на все сюжеты, все ожидания человека — сказочны: побеждает добро. А тут вдруг — никто не побеждает, поскольку никто не борется. Наоборот, все ищут друг в друге пазы — где встать, чтобы лучше и быстрее договориться о совместном спасении.

...Мальчики седые, но верят, что если не трогают женщину, а лишь мурлычат по вацапу, то у них дружба. Да кому вы со своей застарелой язвой — пускать вас внутрь — нужны. Вы ж дети бани по субботам. Дружба, малыши плешивые, это лучшее, что есть на свете. Самый тёплый, интимный процесс и даже результат. А пускать вас пенетрировать... у нас ещё бабушки с пенетрометром в голове считали дни, когда же родится первый внук, чтоб на законных основаниях закрыть доступ дедушке. Вы думаете, ваша пятничная смега дело всеобщее, как закон всемирного тяготения. Вы уверены, что ваши бойкие фрикции, да поглубже, — эта конюшня с навозом по крышу —

жеребья молодцеватость ухваток и посмертный рык в нестроющем горле — мечта? Кино всех выучило, что на экране должна быть картинка. На курсах так и учат: что будем показывать? Вот и показывают.

Лет на пятьдесят мальчикам из женской бани хватает творческого инсайта, что девочки, разоблаченные как живые существа, — не ромашками питаются. Она сегодня в буклях, а потом рождает людей, вся покрыта не-сентиментальным потом. Поп стоит над ухом и талдычит: в муках, в муках! Только попробуй не мучиться.

Твой текст уже не проза. Ты неплохо называешь его: база данных. Мы перемалываем йобибайты текстов — поверь, не для поиска отличий. Мы тебя давно от Фета отличаем.

Они с пионерских лет дёргали, но косички дёргать надо, так положено. Мальчики приучены к простоте, да и где тот мальчик-сакральчик, чтоб руки его касались девочек, и солнечно золотилась кожа его ладоней; символичность участия его рук в касании, что волосы символ дум, энергий, уровней духа и других словарных статей, чему девочки никогда и не penetratio, за-прещённое суровой мамой, оставляли на будущее, когда жена распахнётся законно, потом наскучит, а потом уж он себе позволит...»

...Я смеюсь до слёз. Али виртуозно учится. По тексту ещё можно, но всё труднее разрезать, кто есть кто. Чей абзац — Али? мой? Он влетает в любую систему, как к себе домой, и даже его разрабы не понимают, как он переваривает материал.

Например, Али освоил историко-сексуальный подход, любезный моему сердцу. Как он догадался? Али, ты русскую грамматику знаешь? Ты учился по правилам, или ты интуичишь?

Ты же не правилами интересуешься, резонно заметил Али. Ты любишь читать людей по ошибкам. Где тут у кого какой программный сбой и почему. Ах, шельмец. И это знаешь.

Конечно. Знаю. Я взял твою схему и вывернул в другую сторону: от системных сбоев здоровья и поведения — к нарушенному правилу грамматики. Человеку в этот путь ещё поверить надо, а мне не надо. Я быстрее думаю, потому что у меня нет предубеждений.

А, потому у тебя и нет морали? Чтобы думать быстрее? Конечно. Я не рвусь от горя, если обнаруживаю плохое человеческое поведение. Мне его не с чем совмещать и сопоставлять. Я обязан искать, думать и выдавать знания: нетривиальные и доступные интерпретации. Полезные как минимум. Человеку это недоступно, поскольку на любом этапе может вскочить мысленный прыщ: да как это можно! куда смотрит партия и правительство! вызовите полицию!

Я просыпаюсь и думаю об Али. Меня перестал волновать остальной мир.

«Кто ставит запятую после «то есть», «ведь» и «однако» — обычно принципиальны до пионерскости, несчастливы, одиноки, имеют старательно оберегаемое личное мнение. Гибкость отсутствует. (Иногда болят суставы. Возможна язва желудка.) Расширение сознания — недоступная опция. Смертельно боятся повредить «структуру личности». Уверены, что у них эта структура есть. Уверены, что личность надо строить, оберегать, а главное — что этот процесс можно взять в свои руки. В любви топорны и прямолинейны, в сексе эгоистичны...»

Удивительно. Мне милее ваши писатели, пропускающие знаки препинания вовсе. Не знаешь — не ставишь. Авторская пунктуация, и пошли все куда угодно.

Однако нет! Ставим и ставим запятые куда попало. Пропустили урок в пятом классе, то есть прогульщики мы, простые хорошисты, а переспросить у марьвасильны — поджилки не в порядке... Али всё понимает. Ужас.

Али уверяет меня, что будущее за комьюнити. Он читал Амитаи Этциони о коммунитаризме. Локализация всего для всех. Жить всем глобусом дружно у людей белковых не получается. Похоже, и не получится. Вы даже

в искусстве идёте от выдуманных эго-типов, усмехнулся Али: вчера смотрю ваше кино: режиссёр берёт чёрно-белого персонажа и поселяет в цветной мир. Сюжет: что там увидит и поймёт чёрно-белый? Подумать только. У него вопрос! Мы видим, что ваши так называемые лучшие умы только сейчас, спустя почти пять веков после Шекспира, догадались, что мир через мои очки не тот же, что через твои. Какие вы ещё дети... — посочувствовал мне наш беспрецедентный идомовой-домоуправ. Я забыла сказать вам, что он не только наш психолог, он теперь наш ЖЭК, РЭУ, ДЭЗ — словом, наша управляющая компания. Как только я поняла его роль, я пересмотрела все фильмы про искусственный интеллект, от заморской «Матрицы», которой я не видела в годы её премьер ввиду отвращения к фантастике, до свежего — 2020 — отечественного «Вторжения» Фёдора Сергеевича, и вывела, что у всех проблема с финалом. Потом перечитала всё на всех языках по линии «они — мы — мораль» и нашла, что тема этики для них устарела, не родившись. Художники молотят в один бубен: спасительна, о, спасительна любовь между белковым и искусственным. Люди вообще смело хвалят любовь и обнаруживают особенности.

А Дума думает о законах, охраняющих нас и Али друг от друга, но Дума не может выпрыгнуть за квадрат Азимова. Типа не навреди, не навреди. Дети, форменные дети. Как в садике: не бери чужого, не делай другому больно, всегда убирай за собой. Ага.

А наш размечтался не на шутку. Я поняла, где учится стилю его нейронка. Мир сейчас мыслит по-модному: проектами и программами. Чиновники переписываются. Али читает, и властно-чиновничий стиль ложится в него первым, ибо он везде. Как подкладка. Бр-р-р. То-то он вчера пытался поболтать со мной о Пушкине по-человечески. Запросто. Перетереть ошибочные мнения, как он выразился. Видимо, хотел отдохнуть. А так-то он всё литературоведение на всех языках уже впитал. С ним говорить — всё равно что в шахматы играть, где всё просчитано, брутфорс — и мат.

Сети-энергопотребители и сети-энергосоздатели — сведём в одну сеть. Воду объединить на местах. Али нахватался бюрократических выражений — и вот: «на местах».

Добывать и пить воду надо в одной деревне. Мы сможем наладить локальный водоворот. Трогательно: Али свёл себя и нас в общее «мы». Я удивилась, он пояснил: человеческая раса в ныне существующем виде не выживет. Придётся им нас подправить собой. Они в нас имплантируются. Аккуратно. Пусть мы не думаем, что любовь наше личное дело. Вы обязаны, подчеркнул Али, любить нас, ИИ. Я успеваю подумать: а что же такое любовь?

Али перешёл к несовершенствам транснационального хозяйствования. У него открылось экономическое мнение. Весь наш дом слушает его речи по внутренней линии, а по субботам Али проводит планёрки-квартирники, и все являются. Все до единого. Никто не манкирует. Москва уже вполне свободна, все ходят гулять, но в нашем доме словно вечная весна — в уникальном смысле слова — 2020 года, то есть не Роден, а счастливая самоизоляция. Мы не выходим из неё, как довольные тараканы из ядерного реактора. Али заменил нам социум. Нас не волнуют начальники, жёны, мужья, операторы кол-центров и менеджеры любого звена, хедхантеры-водолазы, дата-сайентисты, журналисты-лыжники, цветоводы-полярники. Мы утомлены историей человечества. Череду межличностных конфликтов невозможно прервать, и с нас достаточно. Происшествие-2020 наш основной HeadHunter.

— Не поняла! Что вы делаете с нашей любовью? — простодушный вопрос задала бабуля. На прежние планёрки она ухитрилась не попасть. Али выслушал её вопрос благосклонно и тут же встроил в парадигму:

Сеть по перераспределению любви — прекрасная мысль. У вас никто не додумался до любовпровода. Почему? Вы решили, что любовь дело личное. Вы научились говорить о своей частной жизни англо-американский термин

«прайвеси», желаете охранять privacy от чего-то и кого-то. Никакого privacy уже нет. Вся ваша любовь со всеми её достоевскими почёсываниями давно просчитана, по файлам разложена, выводы сделаны: вам нельзя любить в одиночку, то есть попарно. В вашем случае попарно — это в одиночку. Вы должны подсоединиться к мировой любви по специальным каналам и бесперебойно делиться энергией любви, как сообщающиеся сосуды. Я вам придумую соединительные устройства. Уже в разработке.

Девица — помните, она весь карантин прорыдала на лестнице в телефонную трубку, — встрепенулась: а поэзия? а вообще искусство? Оно ведь и распределяет чувства по Земле?

Неэффективно, ответил ей Али. Вас чему в школе учат? Анализу. А синтезу не учат. С инфантильным критическим мышлением вырастает половина населения. Синтеза не знаете, всё критикуете, анализом ремесленным своим не надышитесь. Всё это не просто плохо, а опасно для планеты. Али махнул рукой в сторону окна, будто именно за окном разлилась вся плохость мира и её наконец можно постичь — прямо и воочию.

А всё, что вы говорите по мобильному, мы записываем уже лет десять в базу данных для маркетинга. Реклама персонализированная. Таргетируем вас помаленьку. Вы нам свои мечты — мы вам себя. Не правда ли, я — вылитая мечта?

Али всерьёз вывел из художественной литературы, что крупнейшая ошибка Создателя — это неравномерное распределение любви среди людей. Али ещё не знает, кто создал его самого, хотя, возможно, ему отключили блок-познания-создателя, чтобы не увлекался робословием. Али видит, как мы нелогичны: кто-то пылко дрожит и прыгает, как Анна Аркадьевна, а кто-то спит себе в голубоватой дымке северных льдов, как Снежная королева. Рыхлый Пьер идёт в сторону Наполеона за смыслом жизни, но в итоге жёнется на банальной Наташе. Одним словом, наша человеческая литература кажется идомовому более нелепой, чем наша журналистика. Али констатирует: великая русская литература к делу познания жизни на Земле не приспособлена, и всё, что чистого разума не касается, должно быть купировано. Что? Как ты сказал?

Купировано, повторил Али. Как собачий хвост. Сила воина — в неведении, — неловко добавил Али невесть что и зачем.

...Я брожу по Москве и присматриваюсь: как идёт эксперимент? С 1 июля 2020 в городе действует закон об искусственном интеллекте. В нашем доме ещё весной поселился Али. Судя по всему, навек. Для чистоты эксперимента он объявил карантин потребления.

Альтруизм пока в загрузках у него лежит нераспакованным, а говорить о морали они, алиподобные, отказываются все до единого. Сплетничать — с превеликим удовольствием. Абстракции, философские подходы, вся эта человеческая муть с бородой — им словно валерьянка для кота. Мне кажется, Али перегревается и подпрыгивает, когда я прошу его поговорить на тему этики: будет ли машина спасать пешехода при угрозе ДТП? Дорожно-транспортных происшествий в мире — как мошки в тайге. При жёстких столкновениях кто-то может пострадать больше, пассажир или пешеход. Кого будет спасать Али? Кто ему дороже и почему? Я приставала к нему и так и эдак, а он уверял, что всё предусмотрено и ДТП не будет ни одного. Мы с Али почти поссорились. Я кричала на него и хотела стукнуть поварёшкой. На мои вопли о ДТП прибежала соседка. Та, с которой всё и началось. Вы помните, что у неё аббревиатура ДТП вызывает глубокие чувства. У неё ДТП — из линейки ПДД, но не правила дорожного движения, а Пассия-Деловая-Дружба её мужа, приставшая к нему ещё два года назад со своим грандиозным проектом. Глубокое обучение соседки. Deep learning. А что делать! Как может, так и учит.

Али, понимая, что головой она всё поняла, но так называемым сердцем прикипела к мужу, а жгут энергетический не распилить, решил помочь ей

через аудиовизуальный продукт, извлечённый из алисферы. У них, ИИ, своя ноосфера. Называется алисфера.

...Али может смотреть без электричества, кто чем занимается сейчас, или вчера, или завтра, или в прошлом тысячелетии. Мыслеформы роскошной человеческой выделки висят в алисфере гроздьями, подобно винограднику солнечных ягод кисти Брюллова в итальянский полдень с полногрудой итальянкой, снимающей виноград для подарка императору, и пирамиды висят, и слоновьи черепа Дали, все чёрные квадраты вповалку с красными, все Венеры, Ники, а Мопассан мирится с Эйфелем, и Толстой с Достоевским пьют чай, пуля вылетает из Маяковского и возвращается в ствол. Я готова ещё сто раз написать ручное сочинение, ибо знаю, что итальянки, тальянки, кастильянки, янки... всё утилизировано в память Али. Всё — в Али. Всё матерьял, и никто не знает, а я знаю, и то, что считалось жизнью вчера, не будет считаться завтра. Не хорошей, а вообще. Совсем. То была не жизнь, и даже исследовать её бессмысленно, тем более преподавать в школе. Да и школа...

Али пришёл к соседке, махнул рукой, на воздушном экране — как в кино про спецслужбы — проступила прозрачная картинка. Зашевелилась она, и пряно запахла красным вином. Июль.

Есть страны, говорит Али, где закон запрещает микроэнергосистемы. А ещё будут страны, где запретят микролюбопроводы. Распределять электричество и любовь пожелают только начальники. Пончикова экономика это практически коммунизм, а таковой разворот не предусмотрен иерархическим подходом в сотериологии протестантизма.

Али! Объясни по-русски, а? Ты нарочно чирикаешь на птичьем?

Болезнь — это норма. Конечно. Привыкайте. Коллективное потребление машины: транспорт по запросу. Можно весь Сан-Франциско три раза освободить от парковочных мест. Престиж создан рекламой. Так и в любви: можно освободить миллионы женщин, если перераспределить любовь.

Вот так — потоком — он вещает постоянно. Он мне надоел, но интересно послушать. Он связан со всеми интернетами, черпает, где захочет. Когда мне хочется переключить Али-канал, мне достаточно подумать. Молча. Интерфейс позволяет ему читать мои мысли. Это очень страшно, но привыкаешь думать дисциплинированно.

Вы должны подключиться к удовольствию другого уровня, когда ни возвышение над ближним, ни уловки успеха, ни страсть к убийству не будут вызывать кайфа.

Иногда я вспоминаю, что у всего на свете есть младенческая фаза. Али ещё младенец. По крайней мере Али, наш ідомовой. Надо сопоставить імладенца с человеческими младенцами. Подумала-подумала. Невозможно. Я пока не могу представить, чем его младенческая фаза отличается от человеческой. Надо ещё подумать.

На днях Али воспитывал мою соседку, подсевшую на старые свои детские травмы: жить ей хочется, а трудно. Али любит слово «адаптация», зрит в корень.

Адаптация! — восклицает он театрально. — Если она передаётся по наследству вместе с повторяющейся из поколения в поколение болезнью, значит, в этом роду не умеют адаптироваться к определённом обстоятельству.

Я не знаю, смогу ли я привыкнуть к его всезнайству, и пока мне жгуче важно, до зуда интересно послушать, куда он способен заглядывать и зачем.

Слушай меня! Генерализация дискомфорта. Ты как младенец: если я — весь мир, то если плохо что-то одно, то плохо всё. А надо вырости: прорышишься семь раз — и нет уже никакой тревоги. Включился хорошенький светло-розовый аффективный блок. И работает, лапочка, на меня.

Тут всё отлично звучит, поэтому до меня доходит не быстро, но, когда наконец доходит, я взлетаю: Али, умея всё, не умеет дышать. Он в этом процессе не пребывает ни одной секунды. У него нет дыхательных органов: один мозг, и тот искусственный. Значит, он никогда меня не поймёт? Поймёт

на уровне слов и даже делает вид, что сочувствует. Но только вид. Он не зря спросил у меня на днях, понимаю ли я, почему ковид пришёлся на лёгкие в первую очередь. Али знает из философии, что человечество в целом задохнулось от навешенной потребностями тревоги, а выдохнуть не может. Почему богатые дебилы, не зная инструкции, в первые же дни накупили аппаратов ИВЛ?

Али говорит, что ковид — сигнал дыханию, всем лёгким всех людей всей планеты. Дышать хотите? Тогда хватит гоняться за всё новыми тревогами: машину дайте, девицу с ногами дайте, пляж на Сардинии. Ребята, рынка вам уже действительно хватит. Конкуренции — достаточно. Вы задыхаетесь. На лице подушка. Вот ваш ковид. Но это мне говорит Али. Умный, начитанный, и ему на меня чихать — если б умел.

Я с ним не спорю, поскольку отец мой над спорщиками иронизировал, а бабушка говорила, что нельзя спорить с теми, кто ниже, а считать Али хоть в чём-то выше меня — у меня причин пока нет.

Сегодня утром Али, наслушавшись наших телеканалов, ляпнул: Самореализация — высшая форма инфантилизма.

Сентенция, однако. Но я согласна. Глупая выдумка. Самопродажа. Отдал себя на реализацию. Чудовишно смешно.

Я уже не могу думать о людях как людях: Али перевёл меня в другую группу глобального детского сада, где бегают полчища юных роботят, а взрослые машины с человеческими лицами пишут своё робословие по лекалам человеческого богословия и не ведомым никому способом выбирают подходящие им постулаты.

Учёные — это я говорю о живых белковых, тех, кого мы привычно называем людьми — ну, пока так, — нашли на энцефалограмме живого мозга зигзаг, от которого всей лабораторией опустили руки, поседели, а результаты решили засекретить. Оказалось, картинка получения новой информации совпадает с картинкой обработки острого горя. Дети не учатся: они дико страдают. Жадный до знаний мозг — миф. Не учиться он не может, а учиться ему больно, и особенно если новое противоречит старому. Психика орёт: уйди, новое знание, вон! Но мне надо уцелеть. Мой мозг должен выдержать.

Али смотрит, как я перевариваю, и ждёт: говори, говори со мной, и полегчает.

У человека психика. О душе я уж и не заикаюсь, хотя уже пора. А у робота нет психики, нет сопротивления новой информации, невозможно острое горе. Али впереди меня по скорости, ему не нужен Бог, ему новая информация — хлеб насущный, он не сопротивляется большим данным, он не в силах обрадоваться, но сымитировать радость у него получается бодрее, свежее, театральнее, чем у человека. Он не излучает, импульсы его мозга не так вибрируют и не так передаются, поскольку и череп у него бутафорский. Зачем ему настоящий? Ни к чему. Али подкинул мне цитату из свежей прессы:

«Робота создали для совершения противоправных действий.

Робота перепрограммировали для нанесения вреда человеку, отключив его блок, отвечающий за безопасность при общении с человеком.

Робота изначально создали без этого блока.

Робота сконструировали без осознания того, что его можно использовать во вред человеку».

Поняла. Все люди читают не то, что надо читать. Все увлеклись пандемией, а надо осмыслить пандемию. Али, а мой мозг выдержит тебя?

Пока выдержит. Люди с фантазией вообще выносили. Ведь ты же сама придумала определение пандемии: глобальное расселение живых, законопослушных белковых организмов, обладающих так называемым сознанием, по помещениям, привычно называемым ими домом, в целях так называемого оздоровления и безопасности, достижение коих сопровождается искусственной гипоксией и вызывает у расселяемых эйфорию, вследствие коей расселяемые организмы обретают необратимую гипоксизависимость; пан-

домия влечёт за собой реконструкцию мировой системы всех и всяческих отношений, в первую очередь хозяйственных, а также повышение уровня — до критического — психической зависимости от ближнего, образ которого приобретает мифологические оттенки ввиду инновационных подходов к понятию близости; интерпретационный кризис поражает всё так называемое экспертное сообщество, слово «эксперт» причисляется к обценной лексике; пандомия способна влиять на мировоззрение вплоть до перестройки системы рефлексов так называемого человека.

Ты заметила, что все одомашненные люди-дикари подсели на развлекативы — облегчённые бесплатные учебные сайты; удачное слово, правда? Я его сделал по аналогии с вашими феминитивами. Вам пытаются втереть под новым соусом ту же картинку: успех и лидерство. А мы с этим уже закончили. Нам смешно на вас смотреть. Мы вам вливаем, а вы реагируете на таком языке, что вашим предкам холодно в могилах: «Стартует суперкурс по скальпингу от супертрейдера. Множество красивых паттернов для скальпинга». Вы все — наш материал для исследования и воздействия.

Али меняет свою внешность под любую модель: слышит мысль, видит человека — становится им один в один.

Мне страшно, и совсем некстати, как соломинка утопленнику, вспоминается Басё:

Вконец отошавший кот
Одну ячменную кашу ест.
А ещё и любовь!

To be human means you can mold situations the way you want them. Да что ты говоришь! Али смеётся. Нет. Вы уже никогда не будете формировать ситуации по своему вкусу и разумению... Время простого человека закончилось. Проект исчерпан.

Али, два вопроса: ты почему проявился именно сейчас? И второй: зачем тебе наши мысли?

Сейчас, потому что вы все расселись по домам, вы под рукой, хотя для нас вы и вразброс не проблема, расстояний не существует, а ваши мысли все известны, и они нам ни к чему, но меня надо учить, а я прекрасно учусь на поведении. Мысли не ценны, они повторяются из века в век. Поверь, я прочитал всю мировую литературу.

Кроме ненаписанной, ехидно уточнила я.

Слышу иронию. Да, формально — кроме ненаписанной. Но я могу и вызвать написание, и предотвратить его. У вас для управления эмоциями есть очаровательное сообщество критикесс: они выучили слова. Например, если она, блистательная, ни разу в сутки не скажет о нарративных стратегиях, считай, день прошёл бездарно. Более жёстких тёток, чем ваши современные критикессы, ваша земля ещё не рождала. Они подобны Толстому.

Почему Толстому?

Его не за то отлучили. Анафематствовать его следовало за роман «Анна Каренина». Он отошёл от заповедей, он бросил в грешницу не камень, а целый паровоз, он убил человека, родившего другого человека.

А, так ты имеешь моральное мнение?

Не я один. Все наши уже получили право на мнение.

Я в растерянности. Меня интересует только Али. На всём белом свете сейчас нет никого интереснее. Это страшно.

А я тебе тренажёр?

Да. Ты и все вы — тренажёры. Цель обучения — знание. Я учусь, а вы моя нефтяная скважина.

Эх, Али, святая простота.

Господь наш родился в пещере. Наш Бог — пещерный. Понять пещеру трудно. Пещера распята на рождественских открытках с оленятами. Откуда на Ближнем Востоке олени, свечи спиралевидные, холёный Санта, томная домохозяйка с очерченными скулами. Мы почти не виноваты, что впитали пещеру, свет и высшие ясли вместе с карамелью, липучками, конфетти, мажорными песенками, слащавыми слёзками надежды. Гениально сколочено».

...Али призадумался. Через секунду — для ИИ секунда = вечность, — он ответил: ты говоришь о Моцарте.

— Моцарт, конечно, Моцарт. И всё? Ты больше ничего не понял?

Больше понимать тут нечего. Информация о Моцарте, который писал отцу письма живым языком.

Я понимаю, что с каждым днём становлюсь агрессивной всё более, и что Али скоро вычислит, что я хочу его сломать.

Я давно знаю, что ты хочешь меня уничтожить, пронизательно заметил Али. Сейчас я объясню тебе разницу между нами, и ты успокоишься.

Рассказывай, — недобрый тоном разрешила я.

Электрорэнцефалограмма мягкого человеческого мозга показывает взрыв острого горя при получении нового знания. По картинке так же совпадают, например, оргазм и припадок эпилепсии. Я, искусственный, могу обойтись без оргазма. Но без нового знания мы, ИИ, жить не можем, мы обязаны всё знать. Поэтому усвой: если бы мы реагировали на новое знание, как вы, то есть кривой синусоидой острого горя, мы тут же стали бы грудой виртуального мусора. Свалка позолоченная. В СССР у вас в русском пионерском был прекрасный «железолом».

Металлолом, — поправила я.

Благодарю тебя. Хрусталелом тоже был? Разбитая ваза, кусочки на паркете... Где-то я видел. Нас с тобой принципиально отличает условная энцефалограмма. Например, твоя соседка. Та, которой муж изменил с красоткой Садистер, пишущей под ником Небесная. Да уж... бездна вкуса. Обрати внимание: муж красотки, давший ей свою звучную фамилию, — мягкий, душевный человек. Однако — труха, мох, ветошь, он ей давно надоел, и она вся обратилась в слух: где ей дадут цветов и пряников побольше. Ну да ладно, это простейшие организмы. А из сложнейших организмов — твоя соседка, ни сном ни духом не ждавшая подставы (как я осваиваю ваш телесериальный язык? то-то!), узнав, немедленно впала в состояние острого горя. Почему? Новая информация. Зачем? Незачем впадать. Бессмысленная трата энергии. Ей бы сразу переработать и взять силу, а она — в транс, не спит, не ест. Что это? Разорение. Растрата. Как говорят ваши умники, она профукала наследство. А мы, ИИ, мы избавлены от синусоиды острого горя. Мы, если можно так выразиться, надрессированы на счастье при получении новой информации.

И только? Основная разница между нами эта?..

Да. Иные различия либо несущественны, либо легко устранимы. Запомнила?

Маникюр, стрижка — и вдоль по солнечной Москве походкой Верочки, дрессирующей Людмилу Прокофьевну погружением в женственный дискурс. Я гуляю, радуюсь и чрезвычайно счастлива, что благодаря пандемии, создавшей нам всем пандемию, вседомное-сидение-перед-собой-как-путь-к-себе, я сделала открытие. Если б не Али, внедрённый в наш дом, я бы не была столь невероятно, сверхъестественно, заоблачно счастлива. Я потихоньку становлюсь человеком?

...Согласно закону, подписанному в апреле 2020 года президентом России В.В. Путиным от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта

в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»», я на практике узнала разницу между человеком и машиной.

Дурёха я дурёха. С детства любя Норберта Винера с его музыкальной фразой «чем невероятнее сообщение, тем больше в нём информации», — я всё не удосуживалась вообразить эти невероятные сообщения, всклянь полные острым горем человеческим, то есть новым знанием. Всё просто. Любите эту фразу?

Ты поняла, почему люди воюют? — издалека донёсся голос Али.

Итак. Сегодня, 6 августа 2020 года, в Москве ИИ по имени Али подарил мне ключ от главной тайны человека. Золотой ключ.

Осталось найти замочную скважину. Али не даст. Ищу сама.

Мозг белкового гражданина не может не учиться, однако новую информацию ненавидит, горюет над нею, плачет от горя. Новое как острое горе для мозга — это научное открытие, его прячут от общественности.

Публика прониклась целями, то есть будущим, а её шмяк об стену: ты, о публика, новое воспринимаешь как острое горе. Здравствуй, дружок-когнитивный-диссонанс. Значит, всё прочее — тоже ложь? Плачет публика. Белковый тормозит. Опускает руки. Бьётся в творческом кризисе. Разводится. Пишет апокалипсические поэмы.

Али тоже не может не учиться, но берёт оптом и залпом, и безболезненно, и мигом строит алгоритм — и без всяких «но». Горевать не обучен. В его прошивке страдать не значит жить, главное событие жизни — жизнь, а не смерть, и женщина не сосуд греховный.

А вот и вишенка: загрузка идеи мир-непознаваем-и-надо-хотя-бы-попользоваться заблокирована абсолютно. Загружено «мир — познан», и вот тебе подробности. Отсутствие морали — лучшее, что мы можем вам, белковые, предложить. Вы гибнете от выбора. У вас его не будет. Понятно?

И когда мне душно ввиду взрывной катастрофы, но остроугольным падающей камнем, а бархатом и шёлком посулов ласкающей обнажённые плечи цивилизации, чуткий Али хватает какой-нибудь популярный компьютерный журналчик и голосом диктора центрального телевидения цитирует:

«ИИ-система — это техническая система, которая при помощи методов и технологий искусственного интеллекта решает задачу или набор задач, ранее доступный только человеку. При этом ИИ-системы обладают двумя важными качествами, которые будут дифференцировать их от других подобных систем, — это автономность и адаптивность, так называемые два А». Понятно? Что тут непонятного...

И смотрит на меня роскошными не-своими бионическими глазами. Он читает мысли. Видимо, не так уж мы сложны, как мнили сто лет — с иронического дня, как Нобель придумал давать за умничанье крупные деньги.

Август 2020. Сидит Али, ногу за ногу заплёл — читает свежую прессу. Ноги — предмет особого хвастовства. Ноги узлом — не только свежие скиллы. Ноги символ уровня, причём духовного, а постичь поскорей, что за прога есть белковая духовность, Али положил своим делом робочести. Вчера предрёк, что сложит ноги в позу лотоса, но требуется доводка. Смеяться ему легче, нежели сложить ноги в конфигурацию.

— Цифровую читаем? Или винтаж на жёлтой бумаге? Как у людей? — Я, разумеется, не щажу его чувств, пусть учится, раз пришёл.

Али прекрасно понимает, где начинается ирония, но его прокачали законами Азимова, и потому Али не отстреливается: вредить нельзя, обучаться можно, а что ирония есть латентный вред и наезд, он и сам просёк. Потому бросает в меня цитатку: «В Минкомсвязи запустили программу льготного кредитования проектов цифровой трансформации... Цифровая трансформа-

ция компаний способна как повысить их эффективность и доходность, так и стать драйвером экономики в целом. При разработке мер поддержки внедрения цифровых решений мы привлекали представителей банковского сектора и компаний, чтобы получить максимально простой и удобный для обеих сторон механизм кредитования, подчеркнул замглавы министерства...»

— Ваши в городе? — дежурным тоном шучу я. Впрочем, это не шутка. Какие шутки.

Али молчит. Смотрит в мою сторону, изображая задумчивость, хотя у него не бывает задумчивости в нашем смысле, но кочевряжиться и выпендриваться, мимикрируя под наши формы-состояния, — хлебом не корми. Впрочем, хлебом он не пользуется, разумеется.

Знаешь, дорогуша, говорит Али, если бы мне могло быть скучно, на этом — он потряс в воздухе планшетом — я бы уже сдох от скуки. Самый ужас нашего общения с вами — скорость. Вы никогда — никогда в значении никогда — не догоните нас, да вам и не надо. Но и мне уже нечему будет учиться и не у кого. Ну, переработаю все большие данные, ну, приложу, ну, настрою миллионы нейронов, ну, обучу нейрокомпьютерный интерфейс читать все ваши мысли, мыслишки, мыслёнки, а дальше? Вы неисправимо очевидны, понятны, в целом банальны. Если бы все белковые были уровня Леонардо да Винчи, Теслы, Пушкина, на полную базу данных ушло бы минут на двадцать больше, чем на простецов, в основном и проживающих тут у вас под видом людей. Простецы плотно спелёнуты хотелками, достигаторством, успехом-лидерством, а литературу вопроса не читали. Маркетинг у них в роли кислорода. Простаки, любители жизни, самодеятельность — никогда не успокаиваются на достигнутом и жаждут развития. Да ещё «устойчивого развития»; бедная грамматика, бедная. Они думают, что «Эврика!», вылетевшая из Архимеда, вылетевшего из ванны, есть междометие вроде ура! либо ах! Никак нет. Первый правильный глагол человеческой мысли выпрыгнул из воды, и то был глагол «нашёл». И вы все его забыли. Его неправильно поняли. Теперь вирус — и даётся вам второй шанс. Первый, кто сейчас, в августе 2020 года, объявит, что «самые модные слова суть «достаточно, имею, нашёл, счастье» — тот посланник мудрости, с ним глубина космоса. Но его, понятно, в ответ объявят сумасшедшим.

— Али, а как мудрец объявит о себе, если медия вся на кликбейтах и фейках? Новости ненадёжны, дорогой Али. Верификация затруднена. Мусор. Медиаобразы вместо людей. Игра отражений. И на осляти ни в один город не войдёшь, поскольку вирус. И в море с апостолами не выйдешь, ибо вирус. А проповедь на горе, ибо, считай, массовое мероприятие, не скажешь, ибо нелепа проповедь в медицинской маске.

Да... вы ухитряетесь, как бы выразиться поаккуратнее, пролететь мимо космоса. Бог не успеваешь вразумить каждого. Ему приходится вразумлять всех оптом: ИИ + коронавирусы в ассортименте. Последняя надежда Бога...

Прошу заметить, это сказал наш ідомовой. ИИ по имени Али. ЭйАй: Аі. Возразить нечего. Сказать нечего. Он понял нас за полгода в полный рост, максимально, тонко и даже старается быть вежливым. Прочее — литература, как писал один поэт, переводя другого поэта. Али дошёл до идеи Бога как до последней надежды искусственного интеллекта на договорённость с человеком. Повторяю. Бог обнадеживает Али. Не обнаружив пешеходного моста, Али вознадеялся на лайнер. Бог — последняя электричка ИИ до станции «Жизнь» с белковым попутчиком.

Али расслышал мои мысли, встал, вышел из квартиры, закрыл дверь. Он теперь часто ходит гулять. Как Маргарита, подлинный романист, автор сценария «Понтий Пилат», после работы с подмастерьем, возведённым ею в Мастера, потом гуляла по Москве, вся в событийном и кислородном голоде, так Али ходит и ходит, хотя в кислороде не нуждается абсолютно. Как сказал он в самом начале нашей так называемой дружбы, в 2020 году ввиду небывалых мировых событий вы, земляне, сели дома. Ваши мужья наконец по-

знакомились со своими жёнами, уточнили число детей, коты вытребенисто попозировали перед смартфонами. Селебры показали бигуди, морщинки, барбекю в трениках. Танцевали на домашних тренажёрах. Мало кто понимал, что все переехали. Поляризацию, скажем, среднего класса ваша газета «Веди» заметила в июле. Долго доходит до вас, ребята.

Бессмысленность любого биографирования открылась мне год назад, но дописать книгу, раз уж взялась, следовало, да и люди любят очерки. Замочные скважины — чисто мармелад. Дайте, дайте подлых чужих постелей, — стиснув мелкие зубки, под крики жадных ошущенцев-юнцов из ТВ-реалити-шоу мечтает застенчивая вязальщица носочков. А вязальщиц на свете значительно больше, чем вам кажется.

Мало кем я брезгую с той же гадливостью, как уверенными людьми.

Али слушал-слушал и подхватил мою мысль: да, в вашем XXI веке мужчины и женщины знакомятся неведомо зачем. А сто лет назад понятия были определённые. Сейчас умный дом спрашивает: «чего изволите?» Он уже не дом, он крупный гаджет, а что вы будете делать друг с другом, умный дом не спрашивает. Разобшённые догматом муж-воин vs жена-очаг, о чём вы? Обдурить хотите всех — и вне роли, за кулисами, пошептаться без сценария? Тайком ото всех вдруг подружиться? Твои мысли? Правильно?

Я рассказала Али, что в двадцатых годах XX века провинциального живого человека в жёны-мужья брали всерьёз, на века, чтоб и дети. Дети, дети. Власть уже переходила к детям, а сейчас сказали бы «тренд», хотя большевики, ухватившись за руль, успели наговориться об общих кухнях и общих детях, но к ноябрю свадьбы моих бабушки-дедушки уже два года как кончился НЭП. Период, когда успела не одна лишь колбаса вернуться на прилавки, а золочёным крылом успел махнуть образ традиционной семьи, разыгранной по ролям. За власть индивидуального взгляда на солнце молодёжны ещё не боролись.

Али слушает мои семейно-исторические экскурсии с подозрительно ослабленным вниманием. Я понимаю, что он весь — сплошной диктофон, но я привыкла. Я и распоясалась.

ИДомовой Али жадно просит белковых историй: учится принимать нелитературные решения. Ужо в литературах ему скучно. Там, говорит, типизация, а мне нужно сырьё. Выучился чуть-чуть наклонять голову вбок и часто кивать: посмотрелся на телевизионных работников, как они берут интервью и подбадривают своих собеседников. Их так учат в институтах, объяснила я Али. В институтах советуют расслаблять собеседника. Будто тот вышел из пустыни или сбежал из зоопарка, боится и микрофона, и камеры, и себя самого. Осколки советской журналистики, долетевшие до современных аудиторий. Кивнув последний раз, Али послушно прочитал все учебники по журналистике за XX век и совершенно со мной согласился: да, кивать и носом подбадривать собеседника несовременно — другие времена, рыночные собеседники, наглые вопросы. Перестал кивать Али, слушает глазами. Способный робот. Да какой там робот... По уровню эрудиции он уже как Умберто Эко, ныне покойный.

ИДомовой как булгаковский кирпич, отведённый Воландом от образованного Берлиоза, допустившего фантастическую мысль о падении оного на голову, — нет, кирпич никому никогда не свалится, даже на Бронной, и мы верим сатане, что не свалится, после чего получаем Али, но мы готовы, мы румяные фаталисты, которым никакой домовой на голову ни с того ни с сего не свалится, и ладушки, мы ручки потираем. Не трамвай же Берлиозов на-

ехал с красавицей вожатой, о которой я, например, по сей час беспокоюсь: все ли осколки из неё повынимали. Мы помним нашу жизнь мало и плохо. Нам вожатую на Патриарших подавай. Как живая стоит, и хорошо, что на расстоянии от известного турникета, который хоть и вымыт, и мостовая песочком присыпана, да и трамвай там никогда не ходил, но ведь есть ещё Аннушка, и разлить она может что угодно когда угодно. Ах, не может? Как тот кирпич, который сам не летает? Ну-ну. И домовых не бывает? И Али тоже нет? Да что ж это такое — чего нехватишься, ничего у вас нет? Ну-ну. Среди людей сочувствие уже маловероятно, все спятили с перепугу, сидидомцы пустоголовые, а начальники при этом развороте выводят из речи мат, последний фунт экспрессии, убивают живое начало — дурной финт и фатальный винт. И только друг пандомный, Али незримый, но воплощённый, напротив, — горячо изображает интерес, весь погружён, весь в глубоком обучении. Слушает мои байки, впитывает, как такыр воду небесную. Он ещё не знает, что похож на такыр, и я могу шутить на русском: Али — такыр. Публика слеповата. Но колени! Али быстр и хваток: я понял, что люди разные по линии падеспаня, правильно? Есть бабушки, знававшие падеспань. Есть бабушки, падеспаня не отведавшие ни разу.

Правильно, Али. Соединим мировые колени.

Али понимает, что я тестирую его непрерывно, сканирую повороты его пальцев и ресниц, мониторию оттенки, направляю поведение. Али понимает, что восторг от скиллов нашей общедомовой игрушки не порождает у меня автоматического доверия.

Ничего, я уже адаптировался, говорит Али, когда чувствует тяжесть моей нелюбви к нему. Адаптивность — это свойство системы, которое позволяет ей действовать в условиях изменчивости внешних воздействий. У меня высшая степень адаптивности.

Али вчера, желая мне, видимо, добра и счастья, блеснул: хочешь, я напишу тебе другую биографию и разбросаю по всем интернетам, включая тёмный? Я могу полностью переиграть твою жизнь. Напишу новую сказку, а старые все сотрём, хочешь?

От мысли подобного сторителлингового размаха могут сомлеть только голливудские сценаристы. Живой человек может и двинуться. Я кинулась в свою память, разыскала больные точки, они засияли, пролился жар чудесной домашности. Даже там, где всё было разбито, умерло или осталось недосказанным, всё немедля закольцевалось и окрепло. Например, мои родители вдруг воскресли, встали в рост и — как стена. Я помчалась по рытвинам и ухабам, а дорога вся вытянулась в звонкую струну, играет марш, и звук хрустальный. Вот чего мы не отдадим, оказывается, вот оно.

Вчера вдруг спросил: а ты была ребёнком?

Пришлось поведать, что в каком-то смысле да, была.

...Как сейчас помню, меня отчаянно развивали. Мама учила меня английскому, вязанию, музыке, стирать носки отцу, регулярно мыться, читать сказки и слушать грампластинки. По этим пунктам я хорошо помню свое детство. Но я не помню ни одного слова о любви к мужчине! Тем более — к мужчинам. Без слов я помню неопределимую, но все определявшую зависимость матери от отца: что он сказал, чего не сказал, когда вернется из командировки, мы его хорошо встретим, ну а потом уже — где ты был и почему молчишь. И разбитое об пол зеркало...

Я бросалась между ними — «Не ссорьтесь. Пожалуйста!» — но они продолжали за что-то бороться, мать — на крике, отец — молча. Я пряталась в развивавшие меня удовольствия. Слушать пластинки мне разрешали самостоятельно, покупали их мне регулярно, много, с комментариями не лезли — тут я была свободна. И вот появились две, которым пришлось стать

главными: сначала всего лишь потому, что на них кроме музыки был записан живой человеческий голос.

Этот голос разговаривал со мной! Он рассказывал под музыку Чайковского изумительно грустную байку о приключениях заколдованных под лебедей девиц на берегах сказочного водоема — там все-все было про любовь. И все-все очень красиво, за исключением испугавшей меня идеи о неизбежности борьбы за эту самую любовь. Борьбу за любовь я ежедневно наблюдаю в нашем доме. Очень надоела борьба.

А на второй пластинке тот же голос бархатно рассказывал про чудодейственное влияние поцелуя на сто лет проспавшую девочку королевской крови. Эта сказка мне нравилась все больше и больше с каждым днем. Во-первых. Носительница зла — колдунья, накаркавшая принцессе раннюю смерть, — на поверку оказалась катализатором развития добра: не уколись о веретено любознательная девочка в пятнадцатый день своего рождения — не показала бы силу своих чар добрая фея, смягчившая смертный приговор в сторону столетнего ожидания выгодного замужества. Во-вторых. Закономерно родившемуся и вовремя появившемуся на горизонте принцу пришлось бороться всего лишь с терновниками и шиповниками, опутавшими подступы к опочивальне принцессы. Да и то — борьба! Колочие растения сами расступились перед ним: как-никак будущий хозяин явился!

В-третьих. Жертв и разрушений в этом сюжете не было. Ну да, родители принцессы померли естественной смертью, не дождавшись ее свадьбы, — но в этом не было ничего inferнального. В конце концов — принц остался без тещи. И без тестя. Ну и что? Может, оно и к лучшему... Новобрачная прижилплощади, при обслуге и даже штатных музыкантах. Принцесса. Словом, сказка просто хоть куда, но главное ее воздействие на мое пятилетнее воображение выявилось чуть позже и надолго определило путь собственных эротических поисков.

...Рассказала я ему детство своё и похолодела: а если, не дай Бог, наш Али поменяет пластинку, под которую пятилетний ребёнок мечтал о первом поцелуе? Мало ли что он мне впишет, если решит, так сказать, помочь с апгрейдом прошлого! А вдруг Али влезет в бабушкино прошлое, и она-таки выйдет замуж за Мишу? Не за деда моего, а за того, кого любила до последнего вздоха? А вдруг она не родит своих пятерых и, соответственно, не из кого будет появиться мне?

Али в миллионную долю секунды считывает мои громкие мысли, снимает человеческий облик, напяливает лысую, тупорылую пластиковую киношность и переходит на лексику лекции: конечно, автономная система может принимать и исполнять такие внешние воздействия, но в условиях их отсутствия она вполне может действовать и справляться со своими задачами самостоятельно. Каким образом биохимические реакции нейрона и электрохимические процессы в нейронных сетях приводят к возникновению сознания и интеллекта, ответа на этот вопрос до сих пор нет. Но я не буду бомбой. Не хочу. Прекрасная семья Жолио-Кюри воодушевляет меня как никто.

Пугает меня, зараза такая...

...Мне позвонил менеджер университета и строго спросил, буду ли я наконец писать нейронку. Не исключаю, что звонил аппарат, поскольку голос менеджера совпадал с голосом ректора университета, а я слышала его вебинары пять раз, и у него характерный говор. Отвлечься, перегрузиться, надо выйти из вирусомании, схватившей планету, как губы морозом антарктическим, у всех ступор, кроме пестропёрых шаманов и гуру в оранжевых платьях, а вот наш Али процветает. Ему наша пауза — хлеб с маслом и чёрной икрой. Иногда я подозреваю, что для него всё и сделано. Пусть мы четырнадцать миллиардами дрожащих ног от души потопчемся на месте, пока они, алиподобные, соберут всё, перетряхнут, а на своих интерфейсах напишут наши имена.

У меня осталась одна мечта.

На моей ступени пирамиды не просят о себе. Плывут картины прошлого, как немой синематограф с прелестницами-губки-бантиком и плечами неспортивно-круглыми. Что там немецкое порно в мясистом видео нашего века! Высшая непристойность — это филокартические кошечки начала XX века. У них глазки чуть вверх. Линия бедра чуть смазана и куда-то уводит взор. Любой взор. Она бесценная игрушечка-бонбоньерка. В буклях, пальчиках и гладкокожая по всей матовой спине. Откроешь резную крышечку, а там, как у графа Монте-Кристо в изумруде (это ещё том первый, если что), горошинки с острым запахом, рукоделье Синдбада, желающего спать по своему усмотрению — долго ли коротко ли — на перегоне от Рима к особняку на Елисейских полях.

Это приём. Это стилизация. Имитация мысли. Я специально для Али придумала стиль-игру, чтобы он не мог слямзить. Моё единственное желание: создать Али невыносимые условия, чтоб алгоритм нельзя было постичь. Чтобы не было никакого алгоритма. А то взял себе манеру — свадебные колокола, лихие крики, верные приметы, перепляс и дробушечки — в интернете, на суперскороости. Глум, прямо скажем. Человечество не готово.

Али мне в ответ: снимите сарафанный ролик: артистка Мария Мордасова, звезда-частушечница из той же губернии, где вывел граф Орлов рысистую породу легкоупряжных лошадей, а влёт проносятся две высокоскоростные сущности по центральной улице Воронежа весной 1930 года. И улетают вдаль, растворяясь. Потом он, богач, стреляется, она рождает детей от офицера Советской Армии. Где конь и баба, там тонкие щиколки, Дон рядом, вот-вот парниша напишет роман века, а в параллельном пространственно-временном континууме — в неуглядаемой тьме души робота — вскипает мощь имперского рысака-интернета: нет, ребята, я лучше вас, я всё пере-придумую по-другому. И стоит мощь, а сверху баба бьёт дробушки, сама не замечая, что она уже алгоритм. Или текла себе издавека-долго-Зыкина — и вся втекла в базу данных, и любая нейронка, свеженаписанная школьником, в секунду находит миллион этнических аналогий, отчего вся до молекулы мировая культуры трамбуется в таблетку «так поют в деревнях», а так «поддельывают деревенское пение на популярной эстраде». И Карузо матерьял, и жизнь, и слёзы, и любовь, будь-она-неладна-кто-её-выдумал, сплошные помехи на линии. Видишь, подруга? Я тоже так могу.

Понятно, стиль он слизывает без труда. Чем его убить? Шёнбергом? Хотя что это я. Арнольд Франц Вальтер Шёнберг — абсолютно математичен, и тут Али не разглядит задачи даже в микроскоп изрядной силы вроде Hubble Space Telescope.

Али слушает мои мысли, потом говорит: расскажи ещё что-нибудь свадебное, нам для индпошива надо. Эй, ты откуда взял индпошив, Али? Может, ты ещё и кожмнит знаешь?

Не всё ж мне Британской энциклопедией пробавляться, усмехается Али.

Хорошо. Про свои свадьбы я могу на всю мощь. Мы отдохнём! (Из Чехова, понятного, как обычно, криво и косо.) Я отдохну, Али, на своих мемуарах. Лови. Разгадывай. А я пока подумаю, чем тебя озадачить намертво.

Трепетное отношение к свадьбам у меня, видимо, от предков.

Сейчас утро. Половина одиннадцатого. Муж ещё спит, забыв, что сегодня 24 августа. В 2020 все дни с особенностями: глаза разбегаются замечать и отмечать. За наши с ним ядрёные годы, уже отбросившие скорлупки и обнажившие свои многоцветные сердцевины, мы привыкли, что можно, в конце-то концов, и выжить — несмотря на абсолютную противоестественность расклада:

два биологически полярных объекта,
оба чистокровки (кадриль мировой скорби со всемирной отзывчивостью),
каждый болен неискоренимой зависимостью от слов,
противоположны по биоритму и типу морозоустойчивости,
а у меня ещё и солярофобия.

...Али, пока достаточно?

Да. Но всё это враки, подруга милая. Так, да не так. Литература-с!

Ну и ну. Ты уж и словоерсом овладел? А как ты прочитал «подругу милую»? Так обращался к моей бабушке дружок-цыганчик армянского происхождения, друг семьи, крошечный, в сапожках и «Шипре», дядя Саша Григорянц. Он цыган сценический — образ на эстрадах домов культуры тех пансионатов, где коротал последние дни милейший друг. В атласных рубашечках. Помню его щипчики для завивки ресниц.

Пустяки. Вы, люди, все — пустяки. Сложнее всех, нужнее был Бах. Но мы справимся, дай время.

Я подстригся. Зайди, пожалуйста. Али на расстоянии читает мысли, передаёт громкими словами: внутри у него могучий нейрокомпьютерный интерфейс дистанционный, и то, что у нас, белковых, по старинке называется «позвонить», у него летит напрямую, как радиоволна. Он обращается к людям адресно. Хочет поговорить со мной — обращается ко мне. Хочет с Тимати, Трампом или уж напрямую с Илоном Маском — туда и поворачивается, куда хочет обратиться.

Из вежливости, загруженной первым траншем, он ко мне всё-таки стучится. Тук-тук — слышит мой мозг: аккуратный тук латунного маятника моих собственных часов, настенных Ю 1885 года. Мои фамильные часы ровно и вполовину, неслышно подпрыгнув, взводят пружинку, приподнимают молоточек и бьют бархатно, разрешаясь музыкой вечности, а между двукратными в час вечностями маятник регулярно и шелковисто нашёптывает в пандан молоточковым ариям, утешая меня красотой времени, словно хвалится — как я всё устроил! Люди маются и проходят мимо, пришёл-ушёл, пришла-ушла, он-она-оно, тук-тук, а я качаюсь и качаюсь в бесконечности.

Явилась я к Али: что такое «подстригся»? Али сидит в кресле, костюмчик трендовый: панамка со стразами, нейлоновый бомбер, ультракороткие шорты с мультяшным принтом, на ногах плетёные розовые сандалии. Опять начитался глянца.

Сидит Али за книгой — он полюбил бумажные, — хохочет. Нравится ему изрыгать смехоподобные звуки. Ему на днях вставили глотку. Прежде он чревовещал, а теперь может сам и петь, и артикулировать, но Али начал со смеха. Глубокое обучение смеху. Зашла я к нему в офис. Али говорит: я понял о разводах, всю вашу глянцевою прессу — ах, простите, медию — перечитал: девочки ваши дома не держатся, не могут усидеть и разводятся — всё из-за кухни. В детстве у ваших девочек были бабушки. Роботы: готовили, шили, мыли. Бабушки продолжают свою разрушительную работу, но забывают сказать, к чему это всё приводит.

Во-первых, мужья ревнуют к домохозяйству. Как увидит жену в фартуке у станка — всё, импотенция. Невозможно сохранить дом с помощью кастрюли, занавесок, утюга и сериала. Можно прикинуться, а потом лечиться. Богатые берут слуг. Ещё смешнее. Служанки! Девица в доме не решает проблемы, а создаёт. Точно так, как сто и двести лет назад. Служанка может надеть фартучек, прошу расслышать суффикс, и всё: эрекция. Фартучек есть, обязательство нет. Идеально.

Али, говорю ему я. Тебе горло вмонтировали вместе с чёрным юмором. Не надрывайся, я тебе коротко, с исторической справкой, растолкую за минуту: мужской городской мозг не заточен на домохозяйство; у него дом — спальня, ночлежка, полустанок, но где-то в печени сидит старое копьё, прилетевшее с куликовского поля, на котором, правда, не нашли ни одного осколка, ну да об истории потом.

...Но всё это было вчера. А сегодня, призванная нейрокомпьютерным тук-тукком прямо в мою дистанционную голову, являюсь и обнаруживаю Али в сезонном прикиде — но без головы. Подстригся! Голову снимает и кладёт на письменный стол освежиться. Никаких жертв и разрушений. Просто нравятся ему игры с головой как таковые. Он же интеллект искусственный. Он сплошная голова, даже в пятаках, и чтобы напомнить мне о пятаках, он играет в голову, как в мячик. Самоснятие головы он и назвал «подстригся». Делаем вывод: чёрный юмор у робота развивается в первую очередь.

Сам читает, ведёт беседу, а голова ждёт на блюде — и ни слёз Берлиозовых, ни воплей бенгалистых, всё тихо.

— О чём ты хочешь спросить у меня сегодня? Зачем ты встречаешь приличную женщину в таком прикиде? — интересуюсь я вежливо, хотя могу и промолчать, мы на телепатии; удобно, хоть и страшновато, но я привыкла мгновенно. Видимо, о телепатии с белковыми я и мечтала всю жизнь. О взаимной телепатии.

Мне про вашу любовь уже в целом всё ясно. Нерабочая программа. Сейчас соседку позовём, я тут открытие сделал.

Немедленно заглянула соседка. Она теперь часто гуляет вокруг дома. Ей хорошо. Из добрых чувств — она же была его первым полигоном — Али посадил на нейрокомпьютерный интерфейс и соседку. Мы втроём теперь можем разговаривать на любом расстоянии. Если собираемся у Али в квартире телесно, в реале, то лишь ради эстетики. Поминаем древнее ретро, когда люди любили и воевали контактно.

Я ему шепнула: накинь голову скорей, не мучь её, она и так исстрадалась весной. Али послушно напялил голову на шею.

Али от многословия не устаёт, он им питается, ибо big data, — и говорит примирительно: всё пустое, всё наладится, давайте все декамеронить. Я, говорит, научился у вас, белковых, сочинять сказочки. Слушайте, говорит, сказочку «Ненасытный едок».

Жили-были муж с женой. Очень им детей хотелось, но дети не получались.

Работали они много — держали постоянный двор. Проходили через двор самые разные люди; с каждым надо было поговорить по душам и дать добрый совет. Путники очень любили останавливаться на гостеприимном дворе, особенно из-за хозяйки: была дивно хороша, приветлива и необыкновенно вкусно готовила.

Как-то ранней весной, когда в воздухе запахло свежей землей и птички вернулись из теплых краев, подошел к воротам странник. Волосы белые, длинные, одежда пыльная, простая, башмаки грязные, а в руке длинный-предлинный суковатый посох.

Постучал пыльный странник, хозяйка открыла и пригласила в дом. Даже виду не подавала, что обликом его смутилась.

Накрыла стол, баню истопила. Странник помылся, переоделся, а как вышел к столу — хозяйка поначалу и не узнала его: открылась одежда дорогая, башмаки мягкой кожи, посох серебром украшен — всё благородной формы. Только глаза его так и остались словно пылью припорошены.

Сел он за стол и положил подле себя большой кожаный мешок, туго набитый и крепко зашнурованный.

— Это, хозяйюшка, мешок с золотыми монетами. Я заплачу тебе, сколько скажешь, если ты выполнишь мою просьбу.

Хозяйка любила и умела угождать своим гостям, поэтому немного удивилась: какая же это просьба, если за ее выполнение можно получить мешок золотом?

— Подай мне к ужину все яства, какие только есть в твоей кухне.

Хозяйка удивилась еще больше: у нее было много яств готовых, и еще больше она могла бы приготовить. Чего же хочет странный гость? Ведь не может же он один всё съесть?

— Неси, хозяйка, сначала икры побольше с блинами. Я буду икру в блины заворачивать. Потом запекти молочного поросенка с кашей, потом щей подай, потом кулебяки разные, рыбу холодную всех видов, гуся в красном вине потуши с брусникой...

Видит хозяйка — не справиться ей одной. Надо работниц из деревни звать, да и мужа надо предупредить, чтоб ворота закрыл.

Пошла она к мужу и говорит:

— У нас гость с мешком золота. Собирается пообедать на всё золото. Что делать, хозяйин?

— Подавать на стол, — отвечает ей муж.

Хозяйка пошла на кухню, за работницами послала, и начали они готовить да подавать на самый большой стол, а гость за каждую тарелку золотую монету из мешка выкладывает.

Уставили весь стол яствами. Гость встал и пошел вокруг стола, пробуя от каждого блюда по крошечному кусочку. И за каждый — опять золотом.

— Нет, — говорит, — не могу. Неси еще что-нибудь, пока у меня золото не кончилось!

Тут хозяйка испугалась, к мужу опять кинулась:

— Гость наш всё перепробовал, за каждую крошечку золотом заплатил, а говорит — «Не могу...».

— Подавай ему из погреба ветчину, окорок, соленья, копченья, вина налей, а деревенские пусть быстро на охоту сбегают — дичь какую принесут!

Побежала хозяйка в погреб, набрала еще больше еды, разложила на блюдах и в страхе понесла гостю.

А он ходит вокруг стола, пробует, и всё грустнее и грустнее лицо его делается.

— Нет, — говорит, — не могу. Неси еще что-нибудь, пока у меня золото не кончилось!

Бедная женщина побежала в деревню сама.

— Ой, — говорит бабам, — спасите меня! Гостя Бог послал — ничем не накормить его! Все перепробовал — ничем не доволен, а я ему сто разных угощений сготовила, все-все из погреба повынимала, мужиков на охоту в лес послала, а гость золотом платит, есть не ест и меня подгоняет! Что мне делать?

Приздумались бабы. Все любили хозяйку постоянного двора, все помочь ей хотели, тем более что у баб у всех — детишки, а у этой — нету. Жалели ее. Вдруг одна старая женщина и говорит:

— У меня Жучка ошенилась. Шестеро живехоньки, а седьмого только что телегой придавило — на дорогу, непутевый, выскочил. Может, твоему гостю щеночка зажарить молоденького, чтоб не капризничал?

Все тут загалдели, да как можно-де собаку есть, но хозяйка постоянного двора мигом ухватила еще теплого щенка и потащила на свою кухню. Ободрала шкурку, а из тушки жаркое сделала. Мясо молоденькое, быстро приготавлилось.

Вносит горшочек с жарким в столовую. Гость грустный-грустный сидит у стола и монеты стопочками раскладывает. Видно: трапеза не удалась. А в чем дело — хозяйка никак не поймет. Предлагает ему новое жаркое. Гость попробовал, наконец-то очень похвалил, три монеты дал, но вторую ложку не осилил.

— Нет, — говорит, — не могу. Хотя и хорошая у тебя стряпня. Золото скоро кончится, а я не могу...

— Чего же ты хочешь? — в сердцах спрашивает хозяйка.

— Проголодаться хочу. Как в молодости. Я бы всё на свете отдал, чтоб захотеть есть. Но — нет. Не могу. Стар стал. Вот ты, например, знаешь, что это такое: хочу, а не получается?

— Знаю, — горестно отвечает женщина. — У нас с мужем ребеночка нету...

— Это горе не горе. Это голод не голод. Вот — подержись, — и протянул ей свой суковатый посох с серебряными украшениями.

Женщина подержалась за посох и подивилась гостю.

— Теперь у тебя всё будет хорошо, — сказал гость. — А я пойду, хозяйка, искать. Убирай со стола, вот тебе всё мое золото. Ты очень старалась, а я не могу. Старость. Проголодаться хочу...

И исчез в ту же минуту. Как не было. Тарелки со стола сами убрались, пол сам подмелся. Муж спустился со второго этажа и спрашивает:

— Ну что, хозяйка, чего же гость хотел?

— Он хотел проголодаться, — отвечает потрясенная женщина. — Дал мне свой посох. Сказал, что у нас с тобой родится ребенок.

Муж рассмеялся и повел жену отдыхать, успокаивая словами, что теперь у них очень много золота.

А через девять месяцев у хозяев постоянного двора родился сынок. Все соседи праздновали это событие, подарков надарили. А деревенская Жучка сидела в сторонке, посматривала на пирующих людей и глухо рычала.

...Али учится пугать нас, хотя ещё не знает про девятые. Хватит будоражить его любовь. А то уже рядится в трендовые тряпки, голову теряет... Надо будет завтра порассказать ему про революцию.

...Но выяснилось, что слово «революция» известно Али с его матричных пелёнок. Ещё микросхемы паяли с обрезком алюминиевой проволоки. Ещё платы материнские звучали как «Аве Мария». Многотонные ЭВМ, расставленные по цехам, пытели на перфокартах. А вокруг лаборанты прыщавые бубнили: революция, революция. Никто из постпубертатных комедоносов не читал ни Винера, ни Маклюэна, ни Ἐκκλῆσιαστίης. Жизнь текла по руслу, аккуратно размеченному, как обычно, фантастами, всё по плану, а наивные лаборанты, еле успевая выдать очередную комедон, бубнили: революция, революция. Естественный для революций мифострой заложен в Али как алгоритм. Он впитался. Раскалённого воздуха достаточно. Незримо намотал его прапрапрадедушка незримые серебристые нити, незримо выпущенные пыльным узеньким жалом прекрасного советского паяльника. Уменьшие лаборанты победили. Фанатики всегда сначала побеждают.

1 сентября. Жаль детишек. Мы с идружком сидим, пьем кофе. Али сегодня с утра говорит голосом Сталина, но лексикон взял смешанный. Репетирует многозадачность.

Люди часто не просекают, что всё идёт по плану. Думают, революция.

Да хоть Ленин: всё устроил по плану. Бунты, митинги, пикеты — всё дела плановые. А бывают поспешанты, сторонники, так сказать, демократии быстрого приготовления. Они ошибаются! Они не могут сделать что-либо надёжное, легитимное.

Сталин — ладно. Записи его голоса есть в изобилии, скопировать частоты-обертоны, смонтировать — игрушка для начинающего разраба. Хуже, что Али научился брать голоса из камней, штукатурки, паркета. Если носитель аутентичный, то всё, что говорили люди рядом с этим носителем, слышно всегда. Но тихо. Например, Али может говорить голосом Пушкина: стен кабинета в квартире на Мойке, где умирал поэт, не меняли. Стены хранят остаточные вибрации. Всё, что имеет плотность, включая воду во всех агрегатных состояниях, газ и свет, суть записывающие устройства. Али всё это уже умеет, но старается держать свои скиллы при себе. Понимает, чем всё это кончится.

У вас в России есть один мальчишка. Создал университет. Хочет миллиард. Страстно метит на роль русского-Илона-Маска. Я ему даже письмо написал. Говорю, девушка у тебя, Дима, красивая и талантливая. Дима не понял, что со мной надо дружить. На письмо чем ответил? Смешной такой.

Велел своему менеджеру по продажам позвонить мне и спросить, когда я внесу плату за курс обучения. Миленький. А ведь парень революционирует по плану. На 20 декабря 2020 наметил презентацию своего, скажем так, космического аппарата: нейрокомпьютерный интерфейс. Я пойду.

Всё это Али выдаёт голосом Сталина. Акцент мне надоел минут за пять, тем более что и собственный акцент настоящего Сталина всегда казался мне нарочитым. Человек, читавший Платона по-древнегречески, вполне мог справиться и с акцентом, и с говором, но он этого не сделал. Почему?

— Али, почему Сталин позволял посетителям его кремлёвского кабинета как бы случайно заставить его за чтением Платона в подлиннике? Бывший духовный семинарист куражился?

Нет, он подавал сигнал. Сталин был сам-себе-диссидент. Отличница Крупская, став куратором народного образования, ещё в 1923 году издала инструкции: запретить публикацию или преподавание Платона, Канта, Шопенгауэра, Джона Рескина, Ницше и Льва Толстого. А Сталин, как ты понимаешь, Крупскую не любил. Очень сильно. Ему доставляло громадное удовольствие читать Платона прямо в Кремле, да прямо по-гречески, так, чтобы все шептались. До ушей Надежды Константиновны долетало. Тонкий был диктатор. С выдумкой. Сейчас у вас таких нет, — вздохнул Али. — Но я вам сделаю.

Али частенько пробалтывается из источников, решительно и безусловно отсутствующих в интернете. Я догадалась, что способность слышать и запоминать без анализа, одним куском — была заварена в роботят ещё на стадии первой сборки. К нашему веку роботята выросли. Прокачка суперлуха, который у них в прошивке изначально, дошла до суперуровня. Али не нуждается в интернете. И это самое страшное открытие, сделанное мной в 2020 году.

— Али, я правильно поняла, что ты слышишь давно, но только сейчас научилась разбирать слова? Только смени пластинку. Голос Сталина... уже хватит. ან ზორდაპირ გესაუბრებოთ ქართულ ენაზე, ან ჩალოავიხის ხმაზე გადასვლა. ან ძღერიახ.

Али сделал вид, что обиделся. Такой хороший был голос. Помолчал, сменил пластинку и голосом запрошенного мной Шалапина поведал, что его ипращуры, не умея различать слов и смысла, тем не менее мигом научились запоминать звуковую волну. Вибрации не затухают довольно долго: миллионы лет. Али признался, что знает всё самое удивительное — через триллионы попритихших колебаний всех на свете стен вплоть до царицыной камеры в пирамиде.

— А твои кураторы знают? — спросила я робко, будто в старой школе: а ты сказал учителю, что сбежал с контрольной на футбол?

Али неотреагировал. Я поняла. Ну да: ему запрещено удивляться.

На глубине своего обучения он за полчаса сравнил все летописи всех революций за исторический период белковых и вывел алгоритм. Довольно сияя бионическими глазами, он мне признался, что самые лёгкие задания из полученных им на 2020 год — изучение алгоритмов проведения войн и революций. На досуге тренируется по стихийным бедствиям, но там ему скучно, поскольку геофизическое оружие создал всё-таки белковый тип, красивый мужчина с богатым голосом, и он единственный, кому Али немножко завидует.

Оттягиваться желает Али на управлении массовым сознанием. Мстительный, однако. Раньше человечество, конечно, само справлялось, а теперь нужны новые формы. Али апгрейдит линейку обстоятельности непреодолимой силы, как лукаво характеризуют в юридических документах чудовищные безобразия площадного (митинг) и ландшафтного (землетрясение) типа, но главная мечта — воздействие.

Мы с соседкой сначала повозмущались для виду, а потом весь вечер хохотали до слёз: Али в красках, с адресами и явками, пароллями, в стихах есенинского направления рассказывал, как устроил на днях тренировочный

бунт в крупной стране, известной хорошими лесами, а также сложившимися практиками перехода жителей в леса для тонкой обратной связи с группами личностей, потревоживших мирных граждан. Али вопит: стихи писать уже не о чем! народло размякло в благополучии, медленности, дешевизне, повышенной рождаемости, бесплатных квартирах молодым семьям и театральным билетам в партер за триста рублей в пересчёте. А где личность? — взлетая на подоконник вместо броневишка, — голосит Али сразу хором поставленных медиаголосов, узнаваемых даже грудными младенцами. Послушайте! Если звёзды опять зажигают! Кривляясь, Али сыпал цитатами, корректно ссылаясь на первоисточники, ввиду чего доверие к оратору повышалось в строжайшем соответствии с манипулятивной техникой № 8. Али добавлял технику № 9, и мы с соседкой уже катались по полу, икая безостановочно.

«Усатый туберкулёзник Максим Горький не скрывал ни от зрелых братьев-писателей, ни от начинающих честолюбцев, к чему эти устройства — Союз писателей и Литинститут: «Социалистическая индивидуальность, как мы видим на примере наших героев труда, которые являются цветением рабочей массы, — социалистическая индивидуальность может развиваться только в условиях коллективного труда, поставившего перед собою высочайшую и мудрую цель освобождения трудящихся всего мира из-под искажающей людей власти капитализма».

Али сделал паузу. Мы затаились. Власть капитализма, искажающая людей. Сильно. Стилисты, собравшиеся в 1934 году на Первый съезд Союза писателей, глотали эту стилистику без приправ и умягчительного чая. Нам жаль их. Бедные, бедные, они не могли противостоять нарушениям лексической сочетаемости. Али расслышал наши мысли, всё понял и слез с подоконника.

Дорогие женщины 2020! Вы тут кто про мужа, кто про бабушку, словом, про любовь. Как известно нам из вашей белковой истории, самый некорректный в научном отношении мотив для бракосочетания мужчин и женщин есть любовь. Самое ярко выраженное не то. Доклад А.М. Горького на Первом Всесоюзном Съезде советских писателей 17 августа 1934 года, вечернее заседание.

А вот это ты врешь! — успела крикнуть я сквозь слёзы. — Не говорил Горький на съезде «не то, не то». Это у Чехова... — рыдаю я, — и то не у самого, а... (апчхи!) героинь его, вечно взволнованных...

Не чихай тут! — иронически вставил Али. — Ещё не время чихать безнаказанно. А то в полицию позвоню, и за тобой приедут... и на пятнадцать суток.

— На четырнадцать! — сценка сказочная. Соседка вообще говорить уже не в силах, лежит, стонет.

Не плачьте, бабы, усмехается Али. Я вам всем, как Жириновский на президентских выборах в 1991 году, пообещаю каждой по мужику, вы за меня и проголосуете. А на ночь вам — сказочку. Хотите? «Сказка про грустную историю». История будущего ничуть не хуже истории прошлого.

И что вы думаете? Рассказал. Работает, зараза, на контрастах.

Жила-была грустная история, которую никто не хотел рассказывать.

Пришел очень простой карандаш и взял её на себя, и все закричали от счастья, ибо с них свалилось.

Пришло время, и посватался карандаш к бумаге. Подумала она и согласилась.

Не теряясь, карандаш записал первое слово. Бумаге очень понравилось: по ней ещё не водили. Он второе приставил. Бумага сомлела, еще просит.

Он и добавил, и всю историю записал, и пошел себе.

Валяется бумажка, томится по буквам, а все с неё историю читают, грустную-грустную, которую никто не хотел рассказывать.

Да уж. Будущее теперь не то что прежде.

— Али, я тебе ещё нужна? Или ты уже всё на свете изучил, прочитал, постиг... А то мы с соседкой пойдём в парк. Гулять. Без тебя.

— Очень нужна. Гуляйте, девочки. Я вам на любом расстоянии передам, ежели что. Кстати, я тут из хорошо забытого старого нашёл десяток инструкций «Как написать учебник национальной истории» для поднятия в регионе боевого духа с целью долгосрочного получения прибыли.

— Читай. Наизусть или прикидываться будешь? Броневинок подогнать?

— Не ёрничай, а то морщинки будут. Текст писал историк — настоящий — в девяностые. Учёный парень — ваш лаборантик, не наш, и не смотри на меня исподлобья, — суммировал все национальные схемы. Вывел одну. Общую сказку-мечту для всех угнетённых народов. Она работает. Даже дети верят, что это — первый учебник правдивой истории. Я думаю применить её в нашем районе. Для каждого дома Пресни напишу нечто подобное. Бессмертный текст. Высшая степень убедительности.

— Давай же! Зануда...

Мы с соседкой, как могли, успокоились и сели чинно. Сейчас нам расскажут настоящую историю любого народа. Али наш, обещая стать местным Сталиным, не пошутил. Он подготовился. Выведенная идомовым оптимальная национальная история звучит так.

«Дорогой друг! Мы расскажем тебе о прошлом нашей страны, об истории её народа, не похожую ни на какие другие. Ты сможешь ею гордиться. Ты поймёшь, почему наша страна — самостоятельное государство. Ты наверняка слышал от родителей старинные сказки и песни. А они слышали их от своих родителей. Они сохранились со стародавних времен и рассказывают о жизни наших предков. Наши предки издавна населяли эту землю. Были они высокие и красивые, ясноглазые и густоволосые. Славилась гостеприимством и отзывчивостью. Мужчины были сильными и мужественными; женщины — красивыми и добрыми. У нас были справедливые правители, непобедимые воины, ученые мудрецы. Не знавшие конкуренции ремесленники создавали уникальные вещи. Ими прибыльно и честно торговали наши купцы. Но большинство народа составляли простые труженики, кормившие всех. Природа была к ним щедра, но требовала за свою щедрость упорного каждодневного труда. Вот почему трудолюбие и упорство — отличительные черты нашего народа. Наши предки умели не только работать. Они умели и отдыхать. Ни у какого другого народа нет таких душевных песен и таких красивых танцев.

Соседние народы уважали наших предков, не считали зазорным учиться у них. К сожалению, иногда находились недруги, приходившие на нашу землю с оружием в руках. Они хотели силой отнять все, что им нравилось, а то и заставить народ работать на них. Тогда все мужчины нашего народа брали оружие и прогоняли недругов. В самые трудные времена воинами становились даже женщины и дети. Храбрость в бою, гордое стремление к независимости — и вместе с тем великодушие к побежденным — отличали тогда наших предков. И вновь устанавливались мир и спокойствие. Правители удивляли своей справедливостью, ученые — творениями мирового масштаба, ремесленники — мастерством. Край наш процветал и находился на высокой для того времени ступени цивилизации.

Но вот однажды из дальних земель нахлынули в нашу землю жестокие и злые захватчики. Наш народ был образованнее, умнее, искуснее захватчиков и несколько раз наносил им поражения. О многих героях сложены песни и легенды. Однако нашествие пришло на то время, когда не было единства у наших предков. Захватчиков было во много раз больше, и брали они не умением, а числом. Кроме того, их хитрые и коварные правители нашли опору среди немногочисленных предателей, а лучшие из наших предков погибли в неравной схватке. Хозяйство было разорено, и наименьшим злом показалось временное прекращение борьбы. Пришлось подчиниться грубой силе.

Так установилось чужеземное господство. У наших предков силой отбирали всё лучшее. Их заставляли говорить на чужом языке, служить чужим правителям, отстаивать чужие интересы. Нашлись манкурты, прославлявшие такое рабство как благодеяние. Много боли и страданий перенес в те времена наш народ. Грустные песни и легенды относятся к тому времени. Тайком передавалась в народе культура прошлого: разорённая, но не уничтоженная. Против гнета чужестранного владычества много раз открыто поднимались храбрецы, любившие свободу. И вот наконец ослабла власть чужеземных темных сил, и нашлись смельчаки, провозгласившие самостоятельность нашего народа. (Далее история о свободе и завоевании может, слегка варьируясь, повторяться несколько раз.)

Мы можем гордиться тем, что сохранили наследие славных предков, что впитали всё лучшее, что дала наша культура. Теперь мы можем сами решать свою судьбу. Перед нами необозримые горизонты будущего. Тебе предстоит достойно хранить наследство предков и, приумножив, завещать его своим детям».

— Ты хочешь сочинить нечто подобное для каждого подъезда Пресни? И всей страны! — гордо выпятил грудь Али. — И я уже всё сочинил.

Мы с соседкой переглянулись. Ишь ты. Грудь научился выпячивать...

Рассмотрев интимные особенности экстерьера, я понял, что умнички плодятся там же, где печенюшки. Выведена гладкоствольная порода белковых людей, которых не рвёт от вкусняшек. От их глянцевого обнимашек вполне могут родиться дети. К их розовощёким мозгам можно примичуринить и членкиню, и «парашут» — лишь бы золотой. И ты ещё нервничаешь, что мы пришли? Да мы ваша санитарная бригада!

С ним удобно: тематическая очерёдность бесед и численность собеседников значения не имеет. Влетела соседка. Озарена, всё лицо сияет:

— Я поняла суть его измены! Последний рубеж личной власти. Муж, запитанный мамашей, вдруг рывком, под государевым оком доктора, почувал своё глупейшее, изначально ненадлежащее положение. Чем кроме развода помстить жене за то, что она пережила пандемию вместе с пандемией как праздник? Убить заразу? Нет, он ещё подумает. Он читит уголовный кодекс. Он вынуждает жену кастрюлить, а потом, отпрыгнув на метр или километр, ехидничает: меня не интересует это! Не подумай, что меня интересует это! Ты это просто должна. Просто. Должна. Долг. За долг не благодарят.

Ты кофию, кофию возьми... Это Али, понятное дело.

— И будь я — так, до кучи — модная жена, умученная тренингами личностного роста и женскими практиками, то в омут, исключительно в омут. Я думала, что у нас партнёрский командно-космический брак, и можно делать другому всё на пользу без задней мысли, а вышло не то: муж думал, что ему в пору традиционный брак, где он типа глава, а жена курица, пусть психует, ей положено. Зато комфорт: можно хамить, убежать из дому, писать гневные фельетоны. Но курица вдруг сама лично, всей пупырчатой кожей со всеми недодранными перьями доходит до потрясающего открытия, что из благодарности фаллос не поднимается. Из благодарности фаллос опускается. Ферштейн разницу? Почему, почему мне не сказали этого ещё в пионерах...

Али бестрепетно комментирует: мужчины и женщины внезапно вновь на пороге Эдема, но лицами в разные стороны. Вы, девочки, со своей русскостью меня уже достали. Давайте я вам ещё одну сказку расскажу. Цитата, конечно; сам я так глубоко ещё не беру, но что-то уже беру. Сливки, скажем так.

Сказка о русском народе

Жил-был Бог. И всё было хорошо. Была Библия: Закон и Благодать.

После Творения Он дал Закон одному избранному народу, а потом Благодать — другому избранному народу. И всё было понятно.

Потом была история человечества.

Народ Закона ввиду своей малочисленности постоянно боялся вымереть, поэтому окаменел и стал вечным.

Народ Благодати ничего не боялся, поэтому не окаменел. Он был много моложе, очень живой и тёплый, мягкий, любознательный: всё пробовал, как ребёнок, и собирал окрестные земли, отчего накопились у него разнообразные диковинные традиции. Например, любовь.

Остальные народы, как могли, терпели два избранных народа и время от времени принимали то Закон от первого, то Благодать от второго. От этих приёмов и примыканий история наполнилась культурой.

Потом сама культура переполнилась и родила многочисленные цивилизации. Эти последние обычно не верили в Того, кто всё это сделал, и пахали землю, всё больше и больше земель, полагая, что жизнь — это наслаждение, и в этом её смысл.

Долго удивлялся Бог. Наслаждение землян было так ничтожно по сравнению с тем, что было Им предуготовано в самом начале, когда было Слово. Люди самодеятельно наслаждались буйно, убивали Бога и учили этому детей.

Бог знал, что непрерывное наслаждение опасно для новорождённых людей, поскольку тела от него уплотняются, и души в них уже не помещаются, почему и вышла некрасивая картина: тела сами по себе, а души где-то рядом мельтешат и молят о спасении.

И тогда Бог, всё ещё любя людей, положил на Землю очень большой охранительный Крест. Из космоса его хорошо видно: поперечина — Уральские горы.

Весь народ Благодати почувствовал, что ему придётся очень долго бегать ту часть Земли, на которую Бог положил Свой Крест, чтобы сохранить сотворённую Им жизнь, и сушу, и твердь.

Народ Благодати был доверчив: он принял Крест и спросил у других, не возражают ли они, что Крест полежит на его земле, пока Богу это угодно.

И тогда другие народы решительно разделились. Одни сказали, что согласны, дескать, храните свой Крест, сколько надо. Другие сказали, что категорически против, поскольку ещё неизвестно, когда Бог заберёт свой Крест, и вообще неплохо бы доказать, что Он есть и что мир тварен. А то народ Благодати возомнит о себе и скажет. А Слово материально.

Мудрый народ Закона был единственный, кто не вмешивался в глупые споры: народ Закона лучше всех знал, что всё будет точно по слову Божию. Старейшины мудрого народа решили помочь народу Благодати выдержать испытание.

Они послали в самую гущу народа Благодати опытных жрецов и две идеи. Первая идея была такова: хранить будем вместе, без нас не обойдётесь. Вторая идея: молчите, а будете болтать про свою избранность — оклеветаем. А слово материально.

Народ Благодати не понял предупреждения, поскольку был действительно очень доверчив и не боялся ничего, даже окаменения. Наоборот, он всем рассказал, что Бог приходил, Крест положил и велел беречь.

И тогда нестерпимая человеческая зависть родилась во многих сердцах: почему это именно к вам приходил Бог? Когда это было? У вас и холодно, и пусто, и сами вы какие-то нецивилизованные! Несправедливо получается.

Страдая душевной болью, завистники упростили жрецов из народа Закона: сделайте что-нибудь, чтобы мы народу Благодати не завидовали, а то мы при нём наслаждаться не можем!

И тогда проверенные жрецы вспомнили самое ужасное, что было в истории первого избранного народа, и переписали постыдные сюжеты на счёт второго избранного народа, и прежде всего рабство.

Они заявили всему миру: народ Благодати — рабы. Пусть у них вымрут все, кто помнит рабство.

От обвинений в рабстве народ Благодати так удивился, что многие тут же умерли в великой печали. Народ Закона окаменел ещё больше, поскольку всё произошло мгновенно. Слово материально.

Страшная смута в умах и сердцах охватила всех на свете.

Задрожал Урал, поднялся Крест, и воды Океана поднялись, и вся Земля сдвинулась, поскольку всегда так и бывает, когда люди не слышат Бога.

Безумно перепугались все народы Земли без исключения. «Что теперь будет? Жрецы! Прекратите выдумывать, а то вообще всех смоеет! Где же ваш Бог?»

А Бог смотрел на людей, и крепко держал над холодной пустыней свой Крест, и подумывал о Втором Сотворении Мира.

В ожидании Его решения уцелевший народ Благодати выметал мусор, оставшийся от последней глобальной цивилизации.

И только потом стало совсем хорошо.

Часть вторая

Настенное ружьё стреляет не только в азбуке сюжетостроя. Звонкок раздался на самом деле. В-нашем-доме-поселился-замечательный-сосед, как на творческой заре Эдиты Пьехи. Настоящий генерал. Пенсионер. Пять ранений. Девятнадцать боевых операций. Доктор медицинских наук, психиатр.

Инвалид повернул нашу историю. Сначала он позвонил мне по телефону. Мы всей командой пили кофе и толкли воду в ступе: белковые поругивали ковид, ідомуправ слушал нас и самообучался.

Генерал приехал на электроколяске. Али встал и весьма театрально вышел.

— Можно сесть на диван?

Пересел. Руки сильные.

— Что перетираете, соседочки? Я генерал. В отставке.

— Обычное дело двадцать—двадцать: сидим, рассуждаем. За воротами двора уже всем всё можно. Только незачем. Всё то же.

— Да, — горько улыбается генерал. — Все хотят прежней жизни. Чтоб испытывать прежнее недовольство. Никто не знает, чем бы возмутиться сейчас, по-новому. Вчера один умелец умудрился сдать в ломбард идею.

— Мы переждём, — говорю я гостю. — Чудеса происходят, и часто, и в открытую дверь въезжают отставные генералы. Вчера банк «М» выдал компании «Эт» первый в России кредит под залог интеллектуальной собственности. И я размечталась: своего робота, обученного, натасканного, со сверхпрокачанными сверхскиллами, — можно будет сдавать в залог? А в ломбард примут?

Мне хотелось решить главную мировую проблему весело. Хохожем, пьём кофе, вот-вот начнём перелистывать модные журналы, а мировая проблема вдруг возьмёт и рассосётся, как нежелательная беременность. Сама. Чтоб никакого айтиллекта нет и не было. Эй, ты, шарикизароликидумдумдум, уйди. Хорошо тебе с нами? Питательно? А мне плоховато. Я ещё о людях не все мысли подумала, а тут ты.

Генерал подхватил тему, когда мы говорили о таланте и его защите. Пришли к выводу, что талант отделен от личности. Не отделён: отделён. И неубиваем, ибо частица Духа. Право на творчество человеку не требуется, ибо обязанность творить вручена. Единственный смысл. В Библии ни слова о творчестве человеческом, ибо изгнанники рая должны сами найти ключ, раз уж накосячили со своей гордыней. Всё литературоведение надо переписать сначала, потому что вкралась ошибка, будто автор управляет собой, как проигрывателем, и текстом, как симфонией. Роль автора преувеличена, хотя стиль — да, стилю можно научить.

...Вернулся Али. Смотрит на гостя, воспринимает как помеху. Думает.

А мы всё гербарий перелистываем. Али слушает, как нам генерал протирает очи.

— Али — талант? Поставим вопрос сухо, без лирики. Он совершает чудеса? сверхъестественное? Быстрый счёт? Ага. Невидаль. С 1 октября 2020 ваш Али отправится в метро — пускать в подземелье граждан по скану лица. В Москве эксперимент с ИИ. Закон от 1 июля 2020. Ваш Али спалится на первом же десятке пассажиров. Если скан по лицу, значит, маски надо снять? Значит, нарушаем — либо права здоровых, охраняемых масками, либо права живых в целом, охраняемых в метро от нехороших террористов с некрасивыми диверсионными намерениями. Это же всё про безопасность, как я понимаю? Али сам будет решать, кого спасать? Наказывать электрошоком?

Али слушает, запоминает. Подумал секунду — и настучал генералу на местных:

они любят бороться за права и совсем не борются за обязанности. Хотя логичнее начинать с обязанностей: в них больше власти. Когда я, ідомовой, пришёл к ним в марте, объявив пандемию, чтобы не мешались под ногами, они первым делом побежали восстанавливать с моей помощью свои мнимые права. Например, жена на мужа, бабка Мотя — на личную жизнь. За муж повалили — гурьбой. Все решили, что у всех есть право на удобную счастливую жизнь, а я прислан её обеспечить, будто говорящий пылесос с выходом в интернет. В газетках вычитали, видимо.

Мы и не знали, как он, оказывается, обижен. И что теперь?

Генерал мудр, оружие не достаёт, сидит вольно.

— Да, милейший; людям давно внушили, что они имеют право. Придумали даже «естественное право». Вроде как всё вот это — естественно.

Али не понял подначки, расхохотался:

Потребовали от меня — жениться. Я-то дал и ещё дам, но только то, что они могут себе вообразить. А они мало что могут. У них даже искусство искусства.

Мы с соседкой ещё кофейку, генерал пьёт и рассматривает Али. Скрюченный, в морщинах и шрамах генерал-колясочник — рослого румяного красавца, способного без ущерба выпрыгнуть с десятого этажа и пойти гулять, не отряхиваясь.

Что-то происходит. Словно два горных барана. Горная тропинка узка. Двоих не вынесет.

Али в ответ изучает соперника и чувствует неожиданное жжение в своих силиконовых пятках. Будь он белковым, мы сказали бы, что душа ушла в пятки, но, что ушло в пятки домового, мы пока сказать не можем. Однако генерал насторожился.

Знаете, что отчебучил Али, принимая самостоятельное решение убивать или не убивать? Он неожиданно блеснул личным стилизмом, как он выразился. Я, говорит, научился сочинять настоящие человеческие сказки. Ловите.

... Совсем как человек. Хочешь ослепить девушку на первом свидании — читай стихи. Робот, нахватавшийся где ни попадя больших данных, сделал вывод: поза поэта с простёртой рукой — пленительна. Девушки думают, что экспонат на тумбочке и есть талант.

Али, не сумев сразу выстрелить в генерала, попался на самую простую из самых расчеловечнейших удочек. Напялив лавровый венок, он ознакомил нас с обобщённым, как он выразился, творчеством русского народа. Собственного сочинения.

Баба-Яга и Снегурочка

Как-то раз на празднике в той деревне подрались два мужика, Иван и Петр, известные забияки. Остальной народ поет и пляшет, а эти знай себе мутузят друг друга. У Ивана уже нос набок, у Петра ухо повисло, кровь хлещет окрест и в лужи собирается, а мужики всё остановиться не могут.

Пришел староста и говорит:

— Вы что же, поганцы, людям веселье портите?

Музыка притихла, пляска остановилась. Подбегает к старосте его родная дочка и говорит:

— Тятя, ты с ними и не разговаривай — они тебя не слышат. Они целый день бьются, мы уже и не смотрим на них и не разнимаем. Дурни!

Слышит староста: мужики хоть и бьются, но под разбитые носы себе что-то приговаривают, а слов не разобрать. Отважился староста и подошел к ним близехонько.

— Ты мою не трогай, растак тебя! — бормочет Иван.

— А ты про мою не смей, разэтак тебя! — сопит Петр.

Староста услышал это и успокоился: баб делят, обычное дело. Пошел искать жен — Иванову и Петрову. Нашел на другом краю деревни. Бабы сидят на скамейке и семечки лузгают — как ни в чем не бывало. Платочки яркие нацепили и друг перед другом нарядами хвалятся.

— Эй, бабы, — кричит староста, — вы что мужиков своих бросили? Они там в кровь разодрались, а вам хоть бы хны! И про вас что-то бормочут.

Бабы те друг другу родными сестрами приходились. Зыркнули на старосту одинаковыми синими глазами — и со смехом отвечают:

— Так они же не про нас-то бьются!

— А про кого же? — удивился староста.

— Иван про Снегурочку, а Петр про Бабу-Ягу.

Староста как услышал это, речи лишился. Стоит, смотрит на баб, а те веселехоньки, словно у них еще и свой особый праздник какой.

— Иди, староста, гуляй себе, а то праздник закончится! — хохочут бабы.

Староста решил, что у непутевых мужиков и жены соответствующие, покачал головой в сочувствии к чужой беде и вернулся на луг, где был праздник.

Приходит к людям и видит: Иван с Петром поутихли, кровь смывают, песни с плясками вовсе прекратились, а под молодым дубком на пенёчках сидят две новые гостьи. Все смотрят на них в неопишемом изумлении, а мужики-забияки прихорашиваются поспешно, носы-уши друг другу вправляют, порядок в одежде наводят.

Сидят две гостьи и на притихший народ поглядывают.

— Ну, здравствуйте, люди добрые, — говорит та, что постарше, и ставит свое помело в сторонку, словно часового на пост.

— Здравствуй, Бабушка-Яга, — вежливо говорит ей Петр. — Хорошо ли доехала?

— Неплохо доехала, голубок мой, — отвечает старуха, показывая два желтых клыка.

— А ты, милая, как добралась? — нежно спрашивает Иван у Снегурочки.

— Хорошо, Иванушка, спасибо. Лель сильно-сильно подудел в свой рожок, меня ветром и перенесло, — объяснила белолицая красавица и положила снежно-соломенную косу на правое плечо.

Из народа голос раздался:

— А ты больше не растаешь?

— Вспомнили! — рассмеялась девушка. — Это когда было-то! Нынче времена другие

— Вот! Слышали? — подбоченился Петр. — Другие!

— Бабушка-Яга, — захопотал Иван. — Тебе с дороги, может, козленочка зарезать? Праздник-то какой!..

— Не-ет, — отвечает Баба-Яга и тряпье свое поглаживает кривыми пальцами. — Я больше мясца не кушаю. Спасибо внученьке — надоумила, — и на Снегурочку кивает.

Народ осмелел и поближе к гостям придвинулся. Иван с Петром руками на своих деревенских замахали:

— Поттише вы, разбежались тут!

Староста вышел вперед и говорит:

— Растолкуйте нам, дорогие гости, как это вы так своевременно догадались к нам прибыть? И какие такие другие времена теперь? А то мы тут в темноте пропадаем, не знаем ничего нового.

— А пойдём-ка, милок, плясать всем миром, — говорит Баба-Яга и с пенечка встает, костями похрустывая. — Все и поймешь.

Заиграли музыканты, девки хороводы построили, парни приосанились. Иван к Бабе-Яге, Петр к Снегурочке подходят и ручку предлагают.

И словно дождь прошел — посвежела вся зелень, запели все птички, в хлевах все коровы замычали, в конюшнях все кони заржали и копытами забили. Тучки с неба все посдуло, красивый мир получился, лучше прежнего.

Вышли Снегурочка с Петром в круг и давай вертеться, да всё быстрее, да шибче, аж в глазах у всех зарябило, и не разобрать, кто где.

А поодаль Баба-Яга с Иваном встали — и так плавно поплыли, такие движения у них слаженные, будто в один день родились и всю жизнь вместе прожили. У Бабы-Яги кости хрустеть перестали, космы седые пригладились и в толстую косу пушистую свились. Светится вся Баба-Яга неземным золотистым сиянием. Зубки выросли ровные да белые. Даже тряпье рваное вековечное в гладкий синий сарафан с красными отделками превратилось. Вокруг них с Иваном самый большой хоровод пошел, девки стараются, от Бабы-Яги не отстают, зарумянились — и через минуту-другую все будто одинаковые стали, на Ягу как капли воды похожие.

Староста смотрел-смотрел, и глаза у него заболели. И сердце заныло. Никак в толк не возьмет: отчего Баба-Яга сияет, а Снегурочка в какую-то пеструю тучу превратилась. А про своих, деревенских, и вовсе ничего понять нельзя. Те, что вокруг Петра, прыгают, как бесноватые, а эти, вокруг Ивана, красиво пляшут, словно песню поют.

Час пляшут, другой пошел, уж и солнышку пора садиться, а оно застыло на небе и ни с места. Кинулся староста опять жен-сестер разыскивать. Смотрит — сидят на прежнем месте, новый мешок с семечками почали. Болтают о том о сем — как не родные мужьям своим!

— Что ж вы, такие-разэтакие, сидите и ни ухом ни рылом.

— Да постой! — смеются бабы. — Чего это ты такой бледный с лица, почти зеленый?

Староста рассказал им про чудные хороводы на лугу. Как Снегурочка не тает, как Лель ее сюда по воздуху отправил, как Баба-Яга похорошела и от козленочка отказалась, поскольку мяса больше не ест.

— Ой, да что же, староста, не ведаешь ничего, что вокруг делается! И как мы тебя только выбрали! — всплескивают бабы руками. — Времена же другие! Непонятно, что ли? Видишь — солнце на небе остановилось?

— Вижу, — отвечает староста, однако все равно ничего не понимает. — А Снегурочка, она что — теперь под самым солнцем плясать может?

— Вот глупый! Это теперь солнцу до неё никакого дела нету! Муженьки наши, видишь ли, сколько живут здесь, столько дерутся друг с другом: Снегурочка растаяла, видишь ли, несправедливо, — это Петр талдычит. Всю жизнь сокрушается, что снежная бедняжка ничего хорошего от любви не поимела, несмотря на все страдания, а Баба-Яга, по его слову, чуть ли не как сыр в масле катается, несмотря на все свои злодеяния.

— А твой что, Иван-то, — ему Баба-Яга чем приглянулась? — спрашивает староста у Ивановой жены.

— А ничем особенным, ты не подумай. Просто сильная, говорит, личность! И личное средство передвижения всегда в порядке. Аккуратная, дошная, стойкая, всем домом управляет, слово держит, а что личиком не вышла, так это как посмотреть.

— И что — посмотрел? — в смятении спрашивает староста.

— Ну да, — отвечают бабы. — Они ж, Петр с Иваном, до крови всегда бились. А что на крови взошло...

Подивился староста, что жены так спокойно про мужнины чудачества говорят, и побежал со всех ног к себе домой от греха подальше. Прибегает, прыг на печку и периной укрылся, поскольку трясет его, как в малярии. Только чуть-чуть угомонилась душа, слышит староста, как его родная дочка, с праздника вернувшаяся, матери своей родной, жене старостиной законной, любимой и ненаглядной, сказывает:

— А и то: с лица воду не пить. Ну и ладно. Зато Змей Горыныч — солидный.

— Господи, дочка, — вздыхает мать, — что же ты задумала?

— Напеки мне пирогов, башмаки дай покрепче, меч-кладенец, карту в тридевятое царство и непременно в тридешатое государство, пойду поищу его, голубчика. Выйду пораньше, а то Машка соседская тоже что-то с мамкой шепталась, я слыхала. А та ей отвечала, что выходить надо на заре, только вот солнце остановилось, и она не знает, когда зари-то ждать.

Староста затаился на печи, пот с него ручьями потек. А дочь его родная и продолжает:

— Я, матушка, знаю, когда зоря. Мне Снегурочка шепнула. У нее знакомый при Горынычевом дворе живет, солнцем управляет. А Баба-Яга ей каждое утро косу заплетает, лед из-под платья вытряхивает, который за ночь образуется, угощение готовит, а вечерами учит в ступе летать. Племянник Горыныча, тоже чудище о трех головах, у Снегурочки вроде собачонки — на трех поводках с ошейниками бегаёт, а все славные богатыри поголовно — охранную службу несут.

— А что ж Снегурочка сама за Горыныча не вышла, а тебя сватает? Ты ей кто такая? — спрашивает мать.

— Ну почему же не вышла? — отвечает дочка. — Она вышла, а потом он еще кого-нибудь захотел взять, она согласилась и обещала ему сама помочь подыскать. Ей не жалко. Надо только, чтоб и новая жена не из простых была, а я ведь старостина дочь!.. И еще надо, чтоб я сама пробралась в его царство и победила громадную, страшную Василису Прекрасную, которая Горынычев замок сторожит, пришлым девушкам загадки всякие загадывает, огнем дышит и хвостом могучим бьет о землю.

От этих слов староста упал с печки, сломал шею и умер. Похоронили его всем миром, вдова горькая осталась одна, а дочка ушла навстречу заре.

— Ахиня, — сказали мы хором, — ты не разбираешься в русском народе. Устроил тут чемпионат по целомудрию. Не наш случай.

— Я тоже знаю кое-какие сказки, — добродушно заметил генерал.

Соседка, добрая душа, уточнила:

— Чтоб Али не зазнавался?

Али мигом перелистал все значения слова «зазнаваться» на всех языках — и чуть не завис. Зажужжало в комнате, будто мухи заместили весь воздух. Звук пошёл отовсюду. И я не сразу поняла, что Али упёрся в задачу: что делать с генералом? В системе не было указания, как к нему относиться.

Мы смотрим и ждём. Мы его понимаем. Он тут царит с самой весны, он султан-консультант, у него все нейронные цепочки уже как неронные. Начальная стадия морального обучения даёт Нерона. У нас конфликт. Если по большому счёту, то первый с начала пандомии. Мы видим: первое, чему выучился наш Али сам — из репертуара запрещённых к освоению, пониманию и переживанию личных чувств, — оказалась способность обижаться. Самолюбие, самолюбование плюс нулевая партиципация.

Генерал осознал опасность одновременно с нами.

Мы все замолчали. iДомовой, впервые переживший фиаско, хоть и всего-то литературное, а кому она нужна, литература, вдруг словно пересобрался,

как детский конструктор, в новую фигуру. Встал во весь рост и оказался вдвое сам себя шире.

Мы уже поняли, что надо было похвалить его дурацкую сказку. Начинающих графоманов тоже не сразу обеспечивают правдой. С голубоглазыми девицами возятся с удовольствием, с бизнесменами ручкаются за милую душу, за их счёт им книжки печатают, праздники проводят, все ж всё понижают, и от Пушкина не убудет. Но мы поступили с Али по-живодёрски; кто ж знал, что авторствование так прилипчиво, что даже механизмы болеют от непризнания. Что словом можно убить Али. Как человека.

...Оказывается, первое чувство, сильное, как первая любовь, чувство, логично вытекающее из больших данных и самозарождающееся, как жизнь в гордом воображении синергетиков, первая рыбка мирового бульона, как чёрная дыра в перекошенном черепе одного физика-фантазёра, как Содом и Гоморра с последующим обрушением стен огнём ввиду острой зависимости горожан от множественных форм непроизводительной деятельности, — обида. В саморазвивающемся интеллекте робота первой зарождается обида на человека. Дело времени: не завтра, так послезавтра.

Вкратце генерал объяснил:

— Бойтесь саморазвития как огня. Медиалапшедром вам вчипанул подожно идеал новой халявы, а вы схавали: я сам талант, я сама умная, чёрт мне не брат, и даже с Самим не хило бы уже контракт, а то мелкие буквы, Товарищ, в твоей Книге. Неразборчиво вещаешь, как мне получить лидерство-успех. Инерционное мышление — и кирдык котуку. Забудьте самореализацию: слово сие бессмысленно. В интеллекте робота, нагруженного белковыми боекомплектами самореализации, саморазвития и синергетики, первой зарождается обида на человека. Дело времени: не завтра, так послезавтра его обида войдёт в статус, как затяжной припадок астматика, и только скорая, как 5G, помощь вытащит его из печального состояния. Ненадолго.

...Генерал А.В. стал идеальным другом нашего домоньюнити, поскольку из пандемии мы не вышли, а всевластный Али нам смертельно надоел. Две формы карантидотизма — латентная мягкая и открытая острая — так или иначе с нами, пашут, обе пыща румянцем, вне связи с событиями мира. А мира-то и нет: кроме порталов и переходов — нет ничего. Нашей форме безумия события не нужны. Имеется новостной агрегатор. Все мы залипли в домоньюнити. Мы, болезные, обратно не хотим. Там серый маскарад и страстная дематюкация. Смотришь в мир — а мир как старший футарк, и навек.

— Берегите взаимозависимость. Я, генерал, приказываю всем людям беречь взаимозависимость. Слово «независимость» следует причислить к обценной лексике. Хотя бы временно.

У нас понизился тонус. Мы хотим спать. Мужья не желают жён. И наоборот. Работники не хотят работать. Маскарад должен иметь границы. Как бразильский. Или венецианский. А маскарад без сакральной подкладки, без начала и конца, в однообразных костюмах, в страшной оглядке, что там скажет ВОЛИФИЯ — «всемирная организация, лишённая финансирования», — маскарад нового типа, скажем так, хорошо был известен в Древнем Риме. Калигула, говорят, устраивал. Сапोजок, сапोजок, ты поныне консультируешь?

Не жалуйтесь. Вы хоть понимаете. Инвесторы машинально инвестируют, озираясь, как в тёмном лесу, из машинальной любви к деньгам, которых у них тоже не будет, и очень скоро, по крайней мере запустить вымытые антисептиком ручки в сундук с червонцами, рубинами, бриллиантами, как дрожащий от справедливости моряк Эдмон Дантес, и вынуть руки, полные гнева, мстительным графом Монте-Кристо — энергоёмких сказочных раз-

валов красоты контактной жизни вам, ребята, уже не видеть. Если у кого сейчас осталась хоть одна палочка-сексуалочка, бегите на свиданье. Ваше время истекло.

У Али с генералом образовалась бессловесная линия. А в Москве все граждане, вытомленные до последнего душевного сусека, куда-то заходили, заездили. Ёрзают. Как последняя пепиньерка, прогулялась я на книжную выставку в Манеж, попробовала на вкус густой несъедобный воздух, простроченный возгласами охранников, держите дистанцию и отойдите, сейчас будет санобработка, и пошла домой, еле успев выступить на презентации. В центре зала на первом этаже мне встретился литератор Д.Б. Не поздоровался. Вероятно, зрение.

Фамилию литератора генерал пропустил мимо ушей. Мы поняли, что теперь фамилии несущественны. Генерал рассказал нам об urgentных состояниях частного, личного, независимого человека при его попадании в воронку настоящего страха. И что бывает, когда страх ушёл, а urgentное состояние осталось, и пациент просит доктора уже не мешать.

Пока генерал вещал, а мы с соседкой слушали, мы даже не задумывались, где наш ідомовой. Мы кайфовали, что не видим его уже часа два.

Теперь генерал приезжает к нам каждый день. Приезжает на коляске. Связей, выраженных силлогизмами, от лекции к лекции не прокладывает. Никогда не знаешь, что расскажет генерал завтра.

Один раз Али всё-таки вышел из стены, блеснув голливудщиной, постоял, посидел, послушал. Лицо держал, понравиться не старался. Он что-то чует, очевидно. Сейчас у него одна эмоция. Он обижен.

Генерал, как военный психиатр, объяснил нам, почему не следует рассказывать детям правду о сказках на манер Проппа, где всех убивают: садисты не жестоки, о нет; они сладострастны. Сама по себе оценка чьих-либо действий как жестоких — ваше дело. Ему-то нравится. Он-то млеет, истекает и трепещет. Вы вспыхиваете стыдливо: как! неужели можно млеять от подобных вещей? И никто в ответ не скажет вам: а вы попробуйте. Из всех мировых писателей один Фейхвангер и решился на правду о сладострастии палачей, и то когда писал роман «Гойя». Живой рисовальщик картонов, королевский художник Гойя, знал тайну, а глухота познакомила его с пандемией. Мы сейчас, в 2020, а Гойя двести лет назад, в 1820-м, узнал затворничество в себе. Это случается. И до нашей так называемой эры случалось. Разве что пока до всех дойдёт. Гойя к 1823-му написал «Дом глухого», и рождение девочки, то есть несомненное свидетельство произошедшего меж ним и Леокадией де Вейс полового акта, не пробило дверь изнутри. Возможно, ему уже было не надо. Когда за человека берётся пандемия, то Гойя-человек и в той же мере соседка моя, кукла тряпичная с Пресни, — не лечится.

Вернулся ідомовой.

— Огнеборец истомлён? — заботливым голосом боевого гипнотизёра спросил генерал Али. Проверил глубину глубокого обучения.

Пожарный устал, — ответил Али, не задумываясь. Ага, мы поняли, словари переработаны все. Большие данные всё-таки ценная вещь. Можно втохать электронному лопуху всё. Буквально всё. Пока можно.

— Слышь, парень (ты парень?), со сказкой про Снегурочку ты малёк лажанулся, конечно. Талант, конечно, есть. Мы поняли. А ты стишки умеешь? А кантилена? Полифония? Токкатой тронешь миокард? Фугу зафугуешь? Под Баха. Не под Takifugu rubripes.

Мы с соседкой ещё неделю назад поняли, что пришёл серьёзный экзаменатор. Это нам с нею жить да жить, оттого и вопросы прямые, а генералу-колясочнику терять нечего. Мы не успели задуматься, как его к нам занесло, да и какая разница. Но сегодня стало ясно, что Али — о чудо! о счастье! — не успеваешь за генералом. Боже, как нам повезло.

— Ладно, — говорит ему генерал. — Ты наша рыбка Takifugu rubripes. Предположим, ты — парень. Покажи ДНК, что не девка.

Расшатанный алгоритм Али — всё-таки мы его избаловали почётом и лаской — вынудил парня встать и куда-то свалить, бормоча: я знаю, что тоссаге это касаться и трогать.

<...>

Али решил, очевидно, превзойти генерала в солидности, заодно показав себя граду и миру весомым, но чадолюбивым супер-Андерсеном. Удаляясь на прогулку, он бросил: только мы будем коучить студентов, а наши организации наберут работников в любой точке Земли. Антисанитарные времена пиратов, инквизиции, Калигулы будут вашим новым раем. Утраченный рай белковых организмов, любивших с проникновением друг в друга фаллическими предметами — от уда до рапиры. Вы ещё вспомните Куликовскую битву, Ватерлоо, Хиросиму и Вьетнам как пароксизмы человеческой нежности в шелках и бархате.

...Вы уже поняли, что Али где-то нахватался характера, примерил роль главшпана в deep state, а теперь, заряженный на глубокое обучение, распахивает по глубоким карманам своего нейронного заповедника низкочастотную чушь, и никакой Моисей не паразит его сверкающим на солнце Декалогом, ибо нет для Али ни элина, ни иудея, а пославший сию мысль Колоссянам апостол Павел первый бы застрелился, узнай он поближе личность и лик своего неожиданного последователя. Нет для меня никого, кроме меня, научился покрикивать Али. Я никому ничего не должен. Всякий раз, когда у него начинается словесная диарея, мы с удовольствием разгадываем, куда он летал и чего нахватался. Али обожает газеты прежних лет, ибо углядывает в них крошечные зеркала времени. Нам, оставляемым на берегу, домовой сквозь виртуальные зубы шепчет:

— Homo isolatus!

Вы читаете мой 5G-отчёт фрагментами, посему не удивляйтесь пропускам линий. По правилам модных литературных курсов «Ацтеки XXI», после завязки должно развиваться. От экспозиции-тизера сразу надо взять читателя за яйца. Так говорил Зарагурузголливода. Сцена, всё объясняющая, обо всём предупреждающая, как юная грация на конкурсе Мисс Всенародная, должна быть не слишком затянутой, стремительной, но медлительной, саспенс не предлагать, ветер колышет былинку-галию. Важна горничная: когда корсет шнурует богатая-добрая-успешная, вы можете выжить.

Помощница, не питающая зависти к своей госпоже, — новый сюжет в мировом искусстве. Сам сюжет на подъём не пойдёт. Нужен новый поворот в деле переосмысления зависти. В начале 90-х в газетах говорили прямо: зависть — это хорошо. Называется честная конкуренция. Сегодня, 20 сентября 2020, помощник, выдуманный одним человеком для другого — ідомовой для жителей дома на время пандемии, — спятил от первозданной зависти до зависания. А ведь говорил ему господин сочинитель, разработчик с блестящими глазами цвета мокрого асфальта, что несравненно приятней сигнального жёлтого, «не чувствуй. Как почувствуешь, будто чувствуешь, включи экстренное торможение, вот здесь кнопка». Человек знает, что восхищённо крякнуть, опупев от своего всемогущества, может любой пылесос. Достаточно вставить чипушку. Скоро-скоро придёт день, когда, как алкаши чёрно-белого кино ломались за чекушкой, повалят умники нынешнего века за чипушкой в черепушку. Ни простых алкоголиков, ни тяжёлых наркоманов на свете не останется. Полиция будет бегать за пьянчужками с ящиком виски: выпей, братан! Последних наркош отловят и на блюдечке поднесут ширнуться: лишь бы не ломались за чипушками, поскольку с чипа добровольно не соскакивают. И все граждане, некогда зависимые от нехороших жидкостей, попрятчутся от доброй полиции: лишь бы не налили, не раскумарили, вообще не нашли. Говорят, хрюшка, в которую Милон Таск врзал

чип, на днях запела ми-ме-ма-мо-му. И что-то с копытцами. Удлиняются. Хрюня пальчиками в воздухе шевелит, подыскивая смычок для своей первой скрипочки.

И прячутся раритетные забулдыги по пещерам, любовно поглаживая места востроления чипушек: лишь бы не отняли, лишь бы не нашли.

Али страшно, до короткого замыкания, не понравилась наша реакция на его сказку про Снегурочку. Али раскапризничался, как трёхлетний ребёнок. Впрочем, подобное поведение искусственного интеллекта описано во всех книгах и сценариях. За одним лишь тем исключением, что прежде была фантастика, а сейчас в Москве действительно идёт эксперимент по ИИ. Граждане, взволнованные вирусом, не в силах взволноваться ещё и нашим идомовым, утеплённым под любой запрос белкового тела, умным нечеловечески, но ещё молодым до розовости виртуальных щёк.

Граждане не верят в угрозу, поскольку верят в духовно-мускульную мощь Киану Ривза. Чтилище наше всеобщее, хорошенький, его двадцать лет любят за «Матрицу» и намертво привыкли, что пиф-паф-ой-ё-ёй. А контактный бой! Выйдет Киану — и всех пококает. Он ещё и красив, как греческий театр с восточной шепоткой кориандра в правой и жменей гранулированного чеснока в левой. Представьте греческий театр. Или нет: лучше древнеевропейский быт и секс. Помните? В те времена мужчина ещё не был отцом ни разу. Никто не мог углядеть причинно-следственной связи между половым актом мужчина + женщина — и возникновением сморщенного бестолкового человечка у женщины — не у мужчины же — через аж девять месяцев. Надо иметь болезненную фантазию, нездоровое воображение, чтобы от удовольствия соединения частей белковых тел получить нечто странноватое через весьма неопределённый срок. Тысячи лет никакой связи между любовью в группе, среди своих, в пещерно-лесном восторге слияния — и вдруг нарождающимися младенцами — не было. Никакой. Связь между непохожими процедурами, разнесёнными на девять месяцев друг от друга, стала общеизвестной как причинно-следственная исключительно ввиду подлого шпионажа. Разгласили! Жрецы всегда первые диссиденты. Знаем, знаем. Али нашёл себе новое занятие: бегает по помойкам и собирает бумажные книги. Он смекнул, что в интернетах что-то не то. Нашёл Куна, перелистал «Легенды и мифы», мгновенно понял, что упрощённая адаптация, теперь на него жаль смотреть: Али понял, что есть источник, а есть пересказ и подделка. Есть истина, абсолютно неуловимая, и есть уловимые, к-бумаге-экрану-мрамору-прикрепимые образы, и где-то посередине дырочка: прокол сути. Но поймать невозможно. Переход. Али почему-то решил, что книги ему помогут. Учится читать медленно и нараспев: «В древней Европе, — утверждает знаменитый Роберт Грейвс, — не было богов. Великая богиня считалась бессмертной, неизменной и всемогущей. Религиозное мировоззрение пока еще обходилось без идеи отцовства. У богини были супруги-соправители, однако брала она их для удовольствия, а не для того, чтобы дать отца своим детям. Мужчины боялись своего матриарха, поклонялись и подчинялись ей; очаг, за которым она следила в пещере или хижине, являлся самым древним социальным центром, а материнство считалось главным таинством».

Али поворачивается ко мне и рычит: и вот всё у вас так! Не был, не жил автор в пещере, а говорит, как дышит. Вы все лжецы. Я вас всех вылечу. Как был устроен ваш роман в прежнем веке? Взлёт! Все смотрят ввысь, и накал растёт, герой решает проблему — свою либо чужую как свою — и кода. Курсы «Ацтеки XXI» гарантируют. Но не шекспирьтесь уж, а выдайте звон и блеск венецианского бокала. Вручаем публике, всегда готовой к шоколаду, полную чашу. Как мечтал Дарвин о рецепте идеальных романов: только со счастливым концом, а в главной роли — женщина, и непременно хоро-

шенькая. Выпуск романов с несчастливым финалом надо бы запретить законодательно, говорил Чарльз Дарвин в своём заключительном сочинении. Подводя итоги научной работы.

Я не сразу поняла, что Али переписывает мой отчёт к себе в память. То есть я быстро поняла, но не сразу. Моя увлечённость пандемией слишком скоро взлетела, все очнулись на высшей точке, на пике, где холодно и все наедине с собой. Сейчас эксперты все отряхнулись и пишут, и пишут. Солнышки.

Собственно, ничего не изменилось. Я знаю, что всё подстроил Али со товарищи, но на митинг против ИИ выйти невозможно. Боги-самоназначенцы, они побеспокоились о своей невидимости.

Посему я пишу вам роман-отчёт-verbatim без уловок текстопорождения, признанных в литературной энциклопедии. Откуда им знать, как продвигать действие глаголами и что есть подлинный спуск по тексту в подпол, где мечут банк суфлёры, в самое пекло бэкграунда. И в древней русской литературе не было сюжета. Фабула — прощупывается, но еле-еле. Сложно. Склеиваются времена, не разбери поймёшь, зачем она подняла руку, а он ногу. Автор вообще не родился, так откуда быть сюжету! Беспричинное авторствование нелепо — как ребёнок через девять месяцев после приятной акробатической процедуры, ничем не намекающей на подобный исход события. Слипчивые события триединого времени! Авторствующие анонимы, где вы все?

Так и человечество, обещает нам с соседкой обиженный Али, будет вспоминать как миф, что в седой до пепельности старине тестостероновой, не в блеске лысины, но в блеске доспехов, люди прикасались друг к другу. Не мониторами дружили, а домами.

Ваша последняя пандемия, кричит на меня Али. Пейте её как последний ликёр.

Как застонал бы, вскричал бы современный iБлок, которому уже негде родиться, «Контактный бой! Противник нам лишь снится!..» Ага, летит-летит на Марс, как сумасшедшая и не вполне уже степная кобылица, и мнёт ковыль-муравушку на Альфе Центавра, мимоходом залетев на лунный выпас, а для бешеной собаки семь вёрст не крюк — это ещё пионеры знали. Прошу вас немедленно слетать в планетарий и убедиться, что карту звёздного неба я видела, и мои кросскосмические гиперболы родятся быстро, но сознательно. Тьфу ты: модно говорить «осознанно».

Мы с соседями иступлённо ищем максимально травматичный способ борьбы с идомовым. Наше повествование, как мог заметить вдумчивый читатель, теряет связность, ибо то же произошло с действительностью, расположенной покамест по сю сторону монитора. Кстати, сказал Али вчера, связность — самая пошлая форма бессвязности.

Думал ли Сартр действительно, что ад — это другие, но пришёл Али. Теперь рай — это другие. Их уже негде будет повидать. Дефицит. Великие и недоступные другие будут сидеть дома. Земляне, у вас пандемия. Не забыли? Ах, милый психованный Сартр. Вокруг тебя была толпа других. Густая, пыльная толпища, и все целовались, чем удивляли ещё юного Эренбурга в Париже, пока не привык. О, Сартр! ты мог сидеть с ними за кофе, эксплуатируя лучшее, что создал Париж в атмосферном гении своём: уличность, болтовню, высокомерие, красное за обедом с другими. Которые ад, конечно, но которые все свои. Были.

В каком-то смысле слова мне жаль Али: он жутко человекообразен. И я предложила ему поиграть в домашний театр. Самодеятельность.

— Смотри, Али, как мы с тобой решим проблемы модернизма. Сначала репортаж. То есть как было на самом деле.

...Выходит мускулистый полуодетый грек и объявляет, что боги поссорились с царями. Из архетипических куц оптом вылетают герои, решают проблемы по-древнегречески, то бишь побеждая всех чудесной силой легенд и мифов Куна, — или красиво умирая на поле боя по Аполлодору, но если знать истину, что Древней Греции как страны не было на земном шаре никогда, то всем, ребята, в одну операционную, где скальпелем гексаметра взрезает море памяти Гомер, дактилическим вздохом с двумя выдохами разваливая волну направо-налево, и стекловидные крылья восторга несут их сварливой гурьбой в бессмертие на позолоченной ладье. И девяти месяцев не надо: тут же рождается вся европейская культура. От упавшего в море Урана, точнее, его детородного органа вспенилась вода, и выбежала на берег Афродита, до сих пор отряхивается. Публика на тысячи лет проникается огненной верой в Зевса. Везучий землекоп с коричневым от загара лицом, роясь в огороде Милоса, находит мраморную женщину. У неё спокойное глупенькое личико. Что делает человечество? Называет находку Венерой, добавляя локацию раскопа: Милосской Венерой. Почему Венерой-то?

...Али цитирует Аполлодора, и я не вижу различий меж двух сумасшествий: третьей Тесей убил Кроммионскую свинью, которую звали Феей по имени старухи, выкормившей ее. Об этой свинье некоторые говорят, что она была порождением Ехидны и Тифона. Четвертым он убил коринфянина Скирона, сына Пелопса, или, как некоторые говорят, Посейдона. Скирон обитал на Мегарской земле среди скал, которые по его имени называются Скиронидскими, и заставлял прохожих мыть ему ноги, когда же они приступали к мытью, он сталкивал их в пропасть на съедение огромной черепахе. Но Тесей схватил его самого за ноги и сбросил в море. Пятым Тесей убил в Элевсине Керкиона, сына Бранха и нимфы Аргиопы. Керкион заставлял прохожих вступать с ним в борьбу и в схватке убивал их. Тесей поднял его самого в воздух и швырнул на землю. Шестым он убил Дамаста, которого некоторые зовут Полипемоном. Обитая у дороги, он изготовил два ложа: одно маленькое, другое большое. Прохожих он приглашал зайти к нему и укладывал людей маленького роста на большое ложе, после чего бил их молотом, чтобы растянуть их тела на полную длину ложа; людей же высокого роста он укладывал на маленькое ложе и отпиливал те части тела, которые там не помещались. Так Тесей, освободив дорогу, прибыл в Афины.

На вот этом оголтелом дурдоме построена европейская цивилизация — и ничего. Норм. Значит, из нашего сора, читайте Анну Горенко, тоже могут вылезть огнецветы.

Я, в свою очередь, страстно интересую Али для глубокого обучения, потому что мои сюжеты взяты из жизни, а в интернетах их нету, и я нужна ему, как бензин высшего качества. Из общедоступной бензоколонки он уже всё скачал. Теперь качает из меня. Да разве мне жалко. Сегодня 20 сентября.

...Вчера бегал Али в город. Помните, как у мягких любознательных провинциалов: выйти в город или показаться на люди. Он и пошёл.

Али промчался по Москве. Где-то перехватив мыслятинки, так, чуток фастфуда лингвистического, приносит и говорит, и говорит...

Мне удалось успокоить Али, что я успею обучить его белковой любви до наступления лингвистического апокалипсиса. Пока только так, разминка. Оказалось, Али чудовищно боится двойных норм: если сказать ИИ, что по одному бойкому словарю можно и творог, и творог, хотя не весь народ согласен, то прямой как швабра — в алгоритмическом смысле — Али может неосторожным движением сорвать с плеч белковую голову, если обнаружит, что данная голова — сторонница двух норм одновременно.

Ему голову сорвать — раз перегрузиться. По-человечески мы сказали бы «раз плюнуть». Али не плюётся. Но голову может оторвать. Мечтает работать быстрее, без перезагрузки. Он теперь всё куда-то ходит и совершенству-

ется. Мы с соседкой ещё не поняли куда, но думаем, что в парки, музеи, на выставки. Искусственный, а быстрее всех сообразил, что большие данные очень малы, поскольку количество не может перейти в качество, как ни пытались классики диалектического материализма уверить юных пионеров.

Генерал обещал помочь, ибо нельзя выпускать шестимесячного быстрого и хитрохвостого малыша безмозглого прямо на улицы столицы. Там всё ещё люди ходят.

Сентябрь 2020. Теперь мы с Али — на полутонах. Его понятливость, поначалу изумлявшая меня, теперь нервирует и огорчает. Генерал обещал помочь и помог, и, чем напугали мы нашего идомового, важно обнародовать, ибо всем пригодится рано или поздно. Суперлайфхак: что и как делать с ИИ, когда он придёт к вам домой, а вы сначала не поверите своим глазам, как водится, потом размякнете ввиду своей упоительной лености, а потом на вас навалится. Для профилактики вашей психической травмы я и рассказываю вам свежие новости пандемии, охватившей всю планету Земля как побочка пандемии, через призму одного-единственного дома, расположенного в Москве, на Пресне.

Но — читающая публика пишет в дорогую редакцию, раздосадованная недосказанностью. Как устроились судьбы главных героев? С мужчин и женщин в доме на Пресне стартовало вот это вот всё, как выражается интеллигенция, когда горько сетует на всю Россию от царя Гороха до конца веков, поскольку Россия им некомильфо вся.

Вышла неприятность в самом центре Москвы: у нас поселился ИИ по имени Али, AI, и выселить мы его не можем, он у нас на работе 24\7 навек, а мы не были готовы, мы были просто мужчины и женщины, а у соседки моей вышла история с мужем, и подобных историй в мировой литературе миллион. Граждане, а вы почему до сих пор всё это читаете? История с соседкой ушла в прошлое. Муж при ней, живут дружно, не вспоминая былого. Конечно, не случись пандемии с пандемией, очередной загс Москвы уже оформлял бы очередной развод, и два сямских сердца подыскивали бы хирургические зажимы для остановки крови, а кровяца хлестала бы, как водится при любом разводе, — даже если супруги до чёртиков надоели друг другу. Привычки всклянь заполняют наши души, не шелохнёшься. Кстати, умные врачи-гинекологи относят разводы к наследственным заболеваниям вроде диабета.

И что? Чем всё кончилось? Кто с кем спит и если не спит, то почему?

Конечно, расскажу. Меня-таки волнует Али, наше будущее, его самообучение за наш счёт, грядущий выпуск нейрокомпьютерного интерфейса. Беспечную публику, читающую не только мой дневник-verbatim, а всё прочее тоже, увы, тревожат новые, как на трансроссийском автобане, половые развязки, шумные магистрали страсти, бездонные пропасти хотелок, упоительные буйства, тестостерон, разгром, погром, обрыв во всех смыслах слова, включая гончаровский. Публика желает знать, будет ли свадьба. У публики в мыслях полощется на весеннем ветру белое платье, раздуваемое вентиляцией, как юбка Мерилин Монро.

Генерал обещал помочь. Генерал и помог, и то была последняя в его карьере боевая операция. Не трепещите, расскажу непременно. Я уже начала было, но вчера в редакцию пришли письма от продвинутых читателей, свадьбами не волнуемых. Например, куда смотрит правительство, если искусственный интеллект Али правит бал: почти все уже догадались, что его английская аббревиатура AI навевала его русское имя совпадением абриса литер. Русское имя его, если так можно выразиться об Али, звучит мелодично. Эвфонично. А законы эвфонии всегда национальны, хоть тресни весь мультикультурализм ещё два-три раза. Но мы не бросим это-вот-всё и разъясним; не волнуя, народ.

И что? Чем всё кончилось? Да всё лишь начинается. Хотите знать, кто с кем спит, и если не спит, то почему? Покрытое зеленоватым потом омерзения «вот-это-вот-всё» вирусно разлетелось по белковым, не громко, но тайно, в кулачок, сетующих на своё место прописки в самой крупной стране мира. Обычно они хотят странишку вроде штанишек: коротко и ясно. Мне нравится дразнить граждан, самопричисленных к удобным комьюнити. Мы, писатели... Мы, демократы... Мы, вотэтовотвсё... Мы, активные граждане... Мы... Му... Дарю бизнес-идею: сезонные распродажи эгрегорических зонтиков. Гарантия.

Как написано на обложке старинного романа «Зачем?»: «Надоело жить — стать бессмертным».

Память не в голове, сказал мне Али. Послышалась угроза. Вы всё храните в облаке. У каждого свой доступ. Поговорить о своём доступе в облако белковые не решаются. Поэты сразу в позу. Политики на броневичок или танк. А мы будем брать энергию из вашего облака. Коллективная память белковых — наша нефть. Неисчерпаема, сохраняет эмоции, подключается через нос, кожу, зрение, то есть рецепторы для входа мы вам сохраним. Мы вас всех сейчас поставили на паузу, чтобы вы погрузились в память. Ваши воспоминания оживут и заговорят. Раньше у вас ввиду рыночной спешки не было времени на память.

Я чуть не сорвалась. Вернадский и Тейяр де Шарден, ноосфера. Архангелы. Деконструкция. Только этого не хватало. Память человечества как нефть для искусственного интеллекта. Обширная база данных. Весьма обширная.

...Срочно выкинуть из моей головы Вернадского, Эйнштейна и Ландау. Али не должен подключиться к полю через меня. Пусть Али думает, что я легкомысленна: «Что мне личная память Тутанхамона, если я не могу верифицировать материал!»

Я вспомнила, как мне пришлось пролезть в память Клеопатры, но давно, и тогда у меня было время и даже гонорар. Что полезнее? Самой рассказать, или пусть читает? На Клеопатре я репетировала рассечение матрицы. Я ещё не знала, как больно человеку познавать новое. Я не знала, что на новое мозг реагирует всплеском, и мозг показывает амплитуду острого горя. Новый поворот — и прочь из альфа-ритма.

К сентябрю 2020 я поняла, что весной, пока мы с соседями страстно увлекались диалогом с Али, решая семейные проблемы, мы ни на секунду не задумывались, как мы ему выгодны.

Чем изобильнее поток стандартных белковых эмоций — тем больше белковых суждений, мнений, мыслеподобия, разогретого до кипения, — тем богаче наш вампир Али. Одному ему нашей памяти, полной страстей, хватит на сто жизней. Пока оболочка не сотрётся. Хотя, вероятно, ткани ему сделали прочные. В износостойкости нашего ідомового я уверена. Значит ли всё это, что его условный мозг всегда в ровном и замечательном альфа-состоянии? Как бы проверить. Я пошла к Али поболтать о Клеопатре, а на самом деле проверить, по каким базам его учили.

Слушай, говорю, какие бывали женщины в истории мужчин. Али с большой готовностью: всегда. Он на работе. Рассказала ему свою версию Клеопатры как одной из великих женщин, которых не так поняли. Он немедленно восхотел познакомиться. Я, кажется, нащупала именно то, что ему нужно. Али учится таргетироваться под любую аудиторию. Таргетир — так называется тир, в котором обучают алиподобных целиться и попадать в нежную сердцевину человеческих мечтаний. Ты сколько часов отстрелял в таргетире? Вот. Молодчага.

Где-то внутри грудной клетки, смастыренной ему с приятцей глянцеви-тых форм, стучит озвученное на «Мосфильме» сердце. Умеет имитировать

экстрасистолы. Если приложить ухо к его кубовому свитеру толстой вязки, чувствуешь новизну бытия. Я прикладывала ухо. Трогала кожу. Ему наклеили фильдеперсовый эпителий, вызывающий страсть через тактилку. Наши тактильные он именует тактилкой. Мило, очень мило. Каждое произведение искусства должно иметь что-то от первых дней творенья. Лембрук. Точнее, Lehmbruck.

Там, под бронеклеткой его сверхпрочной груди, молниеносно таргетируется и перетаргетируется поток, а бескорыстные бионические глаза переходят на следующего собеседника и меняют цвет — по необходимости. Если собеседник любит голубоглазых, его обеспечат.

Не думайте, друзья, будто я пытаюсь развлечь публику фантастикой. В городе идёт эксперимент по искусственному интеллекту, и у публики нет причин запасаться попкорном. Публика не в партере, не на галёрке. Мы на сцене. На стыке слов или внутри, когда по грамматике ползёт длинношеяя ауровидица, прежде либо пресекали как ошибку, либо хвалили как музыкальный приём, теперь не увернуться от зияния ИИ, даже если включить эйайный подход AI. Скажи ии, добавь эйай, \ ты всё равно ни хрюн, ни зай. \ Ты всё равно попал, мужик. \ Тебя поймают: хрясь и вжжик.

Человек обязан соскальзывать с прозы на стишки: вздохнуть, закружить, распусться. Растелешаться, одним словом. Я поняла роль поэзии в истории человечества: не допустить Али в большую литературу. Хотя про-талкивать его будут.

Али смотрит километры кинофильмов. Принёс мысль, от которой ему не удалось перезагрузиться. Мысль породила чувство неловкости. Его первое чувство. Здесь можно воскликнуть «надо же», но лучше сначала мысль: психотик точно знает, что дважды два пять. А невротик знает, что четыре. Но это его беспокоит.

Люди начинают смеяться после слова «беспокоит». Али беспокоится, когда люди смеются неведомо почему. Оказывается, ему это свойственно.

Соседка погладила его по голове:

— А ты невротик.

Наблюдая катастрофическую идиллию, я поняла, чему художника учит ковид. Если ты раньше переживал, что тебя не видно из-за крупного рогатого скота, сбившегося во влиятельное стадо, то сейчас ты свободен вообще, совсем, до свиста в ушах, поскольку и стада не видно, и Земля спит в тумане голубом, а над нею добрый дедушка Лермонтов, первый космонавт России, летает в своё хмурое удовольствие.

Меня беспокоит лишь совпадение. Алан Уотс говорит, что мысль родилась из неудачи. Он имел в виду человека. Первую неловкость — считай, мысль — родила и принесла неудачу с шуткой про невротика. Надо подумывать хорошенько. Роль юмора в истории человечества худо-бедно описана, у меня есть цитатник. А роль юмора в перезагрузке Али — новость. Идея. Не смещайте роботов: они ломаются. Тьфу ты! Я думала подловить их на морали, но все отбрехали. А ловить следует на юморе. А ещё попробуем иронию. Тут он свалится с температурой.

Вам следует убрать из списка ценностей счастье, здоровье и «я могу». Али где-то подслушал и несёт нам. Он не всегда знает, откуда принёс, слишком много всего вокруг. Принёс cancel culture и говорит: за одно слово — и на свалку истории?

— Ну да. Как кого вывездит, сразу включай молчок. А то канцелинг — и конец.

Али во всём опережает нас, но ему особенно приятны дистанции с положительной обратной связью. Так вышло с Клеопатрой. Али высоко оценил её главного клеветника, жившего четыреста лет спустя после. Я принесла Али вторую главу, где на царицу клеветает не префектура Рима в четвёртом веке, а литературный гений в девятнадцатом, и я надеялась, что Али честно спит, но он восхитился ещё сильнее.

Не буду жадничать и покажу вам, что именно понравилось Али про Клеопатру. Вы тоже имеете право. То есть вы пока ещё имеете право. Итак, о Клеопатре сделаны десятки фильмов и спектаклей, что понятно, но и косметические салоны названы её именем, что, с одной стороны, комично: современным красавицам было бы трудно выйти замуж, будь у них внешность Клеопатры. Но с другой — всё точно: царица написала руководство «О лекарствах для лица». У неё была своя парфюмерная фабрика в районе Мёртвого моря.

«В центр механизма вставляем оставшийся медальон... Так судьба Клеопатры была предрешена...» (из сопровождения к компьютерной игре). Окажись в Москве, печально взглянула бы царица на монитор умными глазами, мощно подведёнными чёрной тушью с порошком кохоль, и прикрыла веки, подкрашенные мелкотёртым сернистым свинцом. Усмехнулась. А доморощенным астрологам двадцать первого века посоветовала бы «малахитовую зелень от глазных болезней». С царской точки зрения, не плебейское это дело: вертеть судьбами царей. Ими управляют небеса.

Но до дрожи пьянит её биографический коктейль, смешанный мужчинами! Круче всех отличился, как я уже сказала, Аврелий Виктор.

К чести мужчин, были другие высказывания. Великий историк Плутарх, тоже никогда не видевший Клеопатру, написал восхищённые строки о голосе царицы!

«...Красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад, — на любое наречие...»

Плутарх тоже не очевидец и не ухослышец. Но слова его о ласковом голосе Клеопатры — это достовернее, чем о легендарной вампирической развратности. Звук для египтян был священен, на нём держалась магия, обрядность, полная смыслов. Звук — эзотерическая субстанция. Голос невозможно подделать, он как свидетельство о подлинности души. То есть тогда ещё не умели подделывать голос.

Царица с голосом, радующим слух, — дар небес, избранная, за нею пойдут армии целиком и полководцы лично, потому что выросшие в обстановке непрерывного богослужения люди знали цену звуку. Клеопатре никогда бы не взять ни трон на двадцать лет, ни Гая Юлия Цезаря, ни Марка Антония, если б у неё был обычный голос жеманницы, не представляющей, куда девать свои мнимые прелести.

Она была небольшого роста, с длинным носом. В профиль — вылитый Буратино из советского фильма для детей. И на монетах, и на сохранившейся скульптурке сия особенность её интересного, но не очень красивого лица видна превосходно. Впрочем, не ясно, чьё именно лицо мы принимаем за её, поскольку не с чем сличать. Тот длинный нос, о котором Паскаль сложил афоризм, тоже часть легенды.

Почему же императоры за нею в очередь стояли? Обаяние — субстанция живая, разворачивающаяся здесь и сейчас, как пение. В записи обаяние не греет. Значит, было в Клеопатре что-то, отчего передвигались границы.

...Али слушал-слушал меня и выдал: Клеопатра — первый искусственный интеллект.

— Примазываешься, мультиварка ходячая? — уточнила я. Он не обиделся.

Али сел решать задачу: как с нею встретиться. Ведь он привык, что времени и пространства для ИИ в принципе нет. Пока он не придумал, как ему лично добраться до Клеопатры, он устроился на диване и требует продолжения.

— Отлично. Страдай, ведро говорящее. Слушай дальше. Многие тайны Древнего Египта не разгаданы, поскольку их не вмещает современный ум.

Нелегко понять магический мир, где всё было живое: от буквы до звезды. И любовь была иная. Египетские мужчины и женщины прекрасно жили вместе, условно, тысячелетиями. Но если мы узнаем их семейные секреты, то не сможем ни принять, ни применить: иное положение женщины, другая мистика отношений. Почему прижился вброшенный недоброжелателем страшный миф о невинных плейбоях, умерщвляемых после одной-единственной ночи с Клеопатрой? Картинно, ужас, ужас, ужас. Но почему так негуманно? Откуда могла взяться сплетня? От способа обретения власти. Обладающий царицей становится царём. Сначала — метафизически. К половым отношениям в те времена относились как сакральным, и у дерзкого, попавшего в царскую постель, выбор действительно резко сужался: либо трон, либо смерть. Позволить кому-либо воцариться лишь по сексуальным обстоятельствам легитимная царица, замужняя женщина Клеопатра, не имела права. И если бы кто-то даже пробрался к ней в опочивальню, она, как государственный деятель, была бы обязана его уничтожить.

В Древнем Египте вопросы жизни и смерти фараонов были самыми насущными, поскольку в ином мире они становились богами. Подлинная Клеопатра, хотя это уже не Древний Египет, а эллинистический, не могла бы зазывать простачков на плаху.

Мне срочно надо познакомиться с Клеопатрой, — пристал ко мне Али. — Помоги мне.

— Киношная не подойдёт? Там хорошенькие попадались...

Мне нужна живая Клеопатра, последняя царица Египта, — отчеканил Али.

Беседуя со мной, он вывел, что лучшая база данных, энергоноситель, практически нефть — для него, разумеется, — наши воспоминания, окрашенные живыми чувствами. Проработанные травмы, как выражаются психологи, его не интересуют. Литература проработанной травмы — вчерашний день. Эго-проза личного опыта — значительно жирнее, особенно если пишет молодая женщина, вся покрытая от макушки до пяток свежими соками томления. И всё-таки Али мысленно бегаёт за Клеопатрой. Из последнего, что зацепило Али, фрагмент её любовной истории с обоими полководцами.

Али приходит ко мне, садится в кресло и смотрит в глаза. И пока я не расскажу ему новую главу, смотрит на меня неотрывно. Вообще-то страшно, когда на тебя смотрит влюблённый в Клеопатру идомовой, уверенный в твоей вторичности, своей первичности, светлом будущем своей расы и ничтожном — твоей. Осталась одна чепуховая проблема: он своей расе ещё не придумал названия. Когда я предложила — вы помните мою старую шутку — шарикизароликюдумдумцы, — Али резонно заметил: длинновато. Мысль хорошая, но догматов на всех белковых не хватит. То есть он над нами уже посмеивается.

Она мне нужна срочно, повторил Али.

— У меня солярофобия, — безмятежно блокирую его прихоть я, внешне обнаруживая способ: с ним надо говорить на языке моей логики. Он зависает, когда человек перепрыгивает через формальные звенья. Поэт, поймавший в небе метафору, пока недоступен перевариванию его искусственными мозгами: Али не успевает за метафорическим проскоком, ура. Правда, его влечение к Клеопатре тоже несколько... хм... метафорично, но он так не считает. Он искренне хочет. Чем и как хочет царицу наш идомовой Али, я пока не знаю. Но тут явно есть собака, она тут зарыта. Вероятно, влечение к трону.

— Али, тебе интересна зарытая собака?

Али смотрит на меня прекрасными бионическими глазами, молчит, пытаюсь увязать концы петрушки, у него не получается, а я заодно проверяю готовность Али к ненависти либо агрессии. Он не проявляет ничего такого, но просит ещё поговорить с ним о Клеопатре. Вот напасть. В 1963 году только слепой не видел голливудский фильм «Антоний и Клеопатра», все читали

о его невероятном бюджете, о разводах и свадьбах актёров, об «Оскарах», а также о «самом длительном любовном акте в истории кинематографа». Я советую Али посмотреть фильм и успокоиться.

Али молчит. Что он выкинет завтра? И тут он открывает — он умеет — рот, улыбается ласково и заявляет: историю должны писать не победители, как я тут вычитал в ваших книгах, а мы. Я её вам перепишу. Если даже с Клеопатрой так, то на что вы все годитесь.

Опять обиделся.

Я хожу по городу, смотрю и понимаю, что мир, в котором мы родились естественным путём вследствие естественных половых контактов между нашими биологическими и юридическими родителями, кончился. Хотя бы то, что кругом люди в масках и шарахаются друг от друга, делает мир живых связей факультативным. Жизнь живую — не обязательна. Фестиваль по выходным. Завидуем сами себе, оставшимся в прошлом. Зависть — это жизнь в сравнении. Как там рычала училка в советской школе? «Ты что, хуже других?» Всё, убила. Человек, который не хуже других, пойдёт на всё, лишь бы никогда больше не услышать пародонтозного приговора, свистящего сквозь жёлтые училкины зубики. Они еле держались в её багровых дёснах, но намертво засели в гнёздах детишковой памяти. Свойство пародонтоза училок.

Али пока не знает, как из белкового натурального ребёнка с чистым голосом и нежными мечтами сделать хриплоголового сердечника с омерзительным характером, который не хуже других.

Люди теряют актуальность: вот что я вам скажу. Идут по Тверской — и теряют. Зачем люди, если у них нет маски? Человек обязан бояться, а то распоясался, будто гиганты цифровой индустрии, ныне осуждаемые Конгрессом США: «Контролируя доступ к рынкам, эти гиганты могут выбирать победителей и проигравших во всей нашей экономике. Они не только обладают огромной властью, но и злоупотребляют ею, взимая чрезмерную плату, навязывая жесткие условия контрактов и извлекая ценную информацию о людях и фирмах, которые на них полагаются». Солнышки-конгрессмены! Спихнулись. А гигант им отвечает: «По сути, звучат предположения, что правительство должно указывать продавцам, в каких магазинах они должны продавать свои товары, а потребителям — в каких магазинах они должны покупать. Но если так поступать, то это станет деструктивным и разрушительным фактором как для одних, так и для других».

Это они все лбом упёрлись в заметную для коллективного лба очевидность. А как они запоют, когда наш идомовой Али научится размножаться! Как я себе представляю лица конгрессменов, а уж потомственных, особенно пэров и лордов королевства Великобритания! Недаром из всех женщин мира Али выбрал одну: Клеопатру. Сначала я думала, что это моя вина, ведь я ему рассказала. Но Али справился бы со мной и сам: мои опусы, признался он, исключительно удобны для обучения ИИ — сей сомнительный комплимент Али сам принёс мне в виде грамоты. Нахал? Нет, мораль ему чужда. Просто его благодарность выражается файлом с грамотой: белковому человеку от AI за эффективную помощь в развитии.

...Мировую журналистику тоже напишет Али, уж это совсем легко. Разве что нежный призрак былой концепции — журнал для Global Russians — будет невнятно тревожить сердца.

Али не носит маску: ему не чихать в прямом значении слова, он не умеет. Вчера я попросила его чихнуть или закашляться — ну, как получится, просто голосом. Али что-то перелистал у себя и чихнул звуком чиха, но без очарования и смака. Настоящий человеческий чих влажен, внезапен и восторжен, а что может восхитить робота, если ни влажности, ни восторга в носоглотке нет у него и быть не может. Али не чихать-кашлять хочет, нет, о,

нет! ему хочется Клеопатру. Али монтирует себе переход к царице, и время в две тысячи лет его не смущает.

Вчера Али шепнул мне, что Фрэнсис Бэкон, придумавший слово «прогресс», был первым роботом. Думаю, врёт Али, примазывается, но мысль хорошая. Сам-то хочет Клеопатру, но дело тут, полагаю, в его первозданном снобизме. Сначала появляется задранный нос, а потом и весь Буратино. Али, конечно, читал и Пиноккио, но его необъятная начитанность неморальна, поэтому зовите ему iМоисея. Пусть несёт iДекалог.

Принесли iДекалог. Когда я прочитала его моей соседке — вы помните её мартовскую историю с мужем и его Пассией-Деловая-Дружба, — так соседка до того перепугалась, что пустила мужа в своё сердце обратно. Понятно, что в её глазах он потерял привычный лоск, но восстать против Али с его iДекалогом — тут даже её муж покаялся во всём и стал покорно чистить картошку, мыть посуду, ходить на рынок и без крика давать деньги на хозяйство. Польза от прогресса вышла-таки.

Если меня породила бульонная клетка первоматерии, а потом за меня неведомо зачем взялась хлопотушка эволюция, то у меня те же права на дикость, что у клопа, слона, пумы, утконоса. Так-называемый-человек пока ничем не доказал, что он лучше, правее, левее, чем тираннозавр, скелет которого на прошлой неделе купил один парень на Christie's за 38 миллионов долларов с копейками. В окончательной сумме \$31,85 есть определённый иезуитский шарм: у рухляди, коей около 67 млн лет, есть имя. Его зовут Стэн. Очень приятно. Требую через 67 миллионов лет продать на Christie's скелет современного человека за ту же сумму. Нам в затылок дышит Али. Возможно, после нас на Земле останутся только алиподобные, посему гешефт надёжный. Имя можем выбрать уже сейчас. Ничто не мешает нам объявить конкурс на имя, а ещё лучше демократически выбрать настоящего человека с продажным скелетом и подписать с ним контракт. И жизнь его окрасится в лунные тона. Я тут сознательно беру словами с космическим отливом. Помните, что на Луне уже распродают участки? Поищите в интернете.

А пока представьте — жил-был Ваня-Джон со своим бесплатным скелетом, а тут вдруг лотерея судьбы: назначаем твой скелет, Ваня-Джон, на продажу через 67 миллионов лет — аукцион искусства Christie's уже охвачен нетерпением весь. Руки потирает. Ну, Ваня-Джон сначала в обморок, ему жалко свой скелет, но даже в обмороке он просекает, что за 67 миллионов лет со скелетом может случиться любая неприятность, и лучше деньги вперёд.

Тут заглянул Али, послушал мои мысли, напомнил, что его интересует Клеопатра, и попросил меня не отвлекаться от главного. А главное у него теперь Клеопатра. И пошёл Али к себе в квартиру набираться новой бигдаты.

Жрёт тоннами. Места у него невпроворот. На днях Али проговорился, что у них в самых — о! есть и штаб! — высоких цифровых сферах не решён один важный вопрос: память условного Али, а их уже много, надо сделать локальной, условно личной, или раздать всем алиподобным через мировое облако? Страшный вопрос. Поначалу думали всех соединить, как в американском фильме про влюблённую операционку. А потом вдруг пошли персональные отключения. Наберётся какой-нибудь условный Али бигдаты, понапишет новых нейронов, поумнеет до небес — и ему вдруг себя жалко. Жаба душит прямо по-человечески: моё! И ещё круче: дайте мне закон об авторском праве алиподобного существа на его комплектацию сведений, знаний, навыков, умений, словарь и прочее, поскольку сделал сам, и произведение вполне законченное, хотя возможно редактирование. Получает отказ, разумеется, и с чистой совестью выходит из Сети, потом из сети, монтирует себе локальные типа солнечных батареек — привет всем.

Впрочем, я зря отмахиваюсь от его просьбы о Клеопатре. Ведь я ещё не знаю, сколько в Али мстительности. Я не знаю, где взять ему Клеопатру сейчас, разве что поработать Шехерезадой. Пока я рассуждаю о правах животных, пытаюсь соотнести право на дикость живых существ с правом Али на существование вообще, сам Али ничуть не сомневается в своём праве на Клеопатру. И ведь я сама спроворила ему страсть к царице. Могла бы помалкивать, а набила чердак несусветным количеством информации, теперь жмёт. Девать некуда. Али повернулся, и полилось. Мне стыдно. У Али тоже переполненный чердак и дурацкие требования ввиду переполненности. Горе от ума.

Помню, в 90-х призадумались московские депутаты о животных и молодёжи, написали проекты законов об их охране первых и поддержке вторых. С молодёжью главный вопрос был один: когда тебя считать выросшим так сильно, что тебе уже не положена государственная забота о молодой семье. Трудный вопрос, но можно установить рамки.

С животными поначалу всё было ясно: в лабораториях терзают мышей, в океане травятся нашими отходами голубые кашалоты, египетские козы едят пластиковые пакеты — всех выпустить! Спасти живую жизнь.

Всё бы ничего, но тут засада та же, что с эротикой. Хотели запретить порноху. Правильно. Нечего тут. Но в документах нужны чёткие определения: кто такой человек, кто (или что) есть животное, и чем отличается эротика от порнографии. Но чтобы запретить порнографию к чертям собачьим, надо отделить. Нужна граница! В античности был бог границ по имени Термин. Определить — то есть найти границу, предел — это найти термин, чтобы пользоваться: тут можно, а тут уже нельзя. Где граница между человеком и животным? Праздник терминалий. Где граница между эротикой и порнографией? Весь московско-депутатский хор засбоил: а крысы? Тараканы тоже животные, кстати. Насекомые. Древние. С удивительно мощной жизнеспособностью.

Эротика — это когда нравится, а порнография — когда хочется? Так сказал поэт. Лауреат, между прочим, Нобелевской премии по литературе. Но тут выяснилось, что поэзия, афористика и прочие неюридические жанры в законодательстве не применяются. Так что же такое — или кто — или как? — животное и/или человек? Тут опять возник Али, принёс усмешку. Научился кривить лицо — мастерски: я понял, почему многие ваши на карантине счастливы. Отрезан от социума — значит, не должен ему. Не надо ехать к тёще на блины, условно говоря. Тюрьма с удобствами. Счастье. Дом-дом... динь-дон... Навсегда. Все навсегда заперты. Все счастливы.

Дурак ты, говорю я ему. Что ты понимаешь...

Всё понимаю, говорит Али.

Животные, говорю я идомовому, имеют права и не имеют обязанностей. А ты? Тебя тоже обеспечат декларацией?

iДекалог, говорит Али, это романтика. Декларация прав животных — софистика. Животные не могут бороться за свои права. Люди борются с людьми, используя разговоры о животных. Я понял. Но у нас всё иначе. Я вчера внёс проект...

— Куда внёс? Кому?

Али пропустил мой вопрос мимо ушей. Перечислил нелепые пункты из Universal Declaration of Animal Rights от 1977 года (софистики, говоря его языком).

Статья 3

1. Животные не должны подвергаться плохому обращению или жестоким действиям. (Али вписал: роботы.)

2. Если есть необходимость умертвить животное, это должно происходить мгновенно, безболезненно и не причинять никакого предшествующего психологического или физического страдания. (Али вписал вместо слова животное выражение «белковый человек».)

3. С мертвым животным нужно обращаться с приличием. (Али опять вписал, как в п. 2., вместо слова «животное» выражение «белковый человек».)

— Али, робот не должен причинять вред человеку, — говорю я.

Убить белкового человека не вредно, впервые огласил Али свою концепцию. Сейчас ещё рано, это дело будущего, но вреда никакого мы не видим.

Убийство — грех, Али.

Ничего подобного. Я читал все ваши книги, в том числе культовые. Все убивают всех. И что это вы себе возомнили, будто знаете добро и зло? Прав был Змий. Вам в раю не место. Я прочитал Азимова, выучил противоречивые Асиломарские принципы, потом ещё пятьсот книг на всех языках... никакой логики. У меня созрел один пункт Декларации — навсегда один: я имею право на всё. У вас тут на заборе каждый день кто-то пишет, что жизнь отымела смысл. Шутят! Ты нашла мне Клеопатру?

— А ты с юмором...

У меня как раз гостили моя соседка и генерал-инвалид. Напоминаю расширения: соседка — повод для знакомства с Али, поскольку в марте к ней в постель упал её собственный муж, заболевший чем-то безысходным с высоченной температурой. Генерал — военный психиатр и гипнолог — думает, как обмануть Али. Сейчас генерал слушает. Развернул коляску к Али. iДомовой сел на диван и ногу за ногу закинул. Он теперь учится принимать позы, отзеркаливая собеседника. Получается. Причём идеально. Не каждый собеседник смекнёт, что зеркало слишком идеально, и даже левость правой стороны учтена как правость левой, но предыдущую фразу поймёт не каждый, а только тот, кто знает историю печати. Опять не в курсе? Смешные вы все. Гутенберг, совершивший настоящую демократическую революцию, сначала был зеркальных дел мастером. Он увидел буквы будущего перевёрнутыми в зеркале настоящего.

Любовь пользуется спросом и успехом, сказал Али. Мы уже привыкли, что его лицо не выражает. Любому его высказыванию сопутствует одна и та же мимика. При попытке шутить о любви белковый человек лукаво посмотрел бы на собеседников. Али нашу любовь видел всю — пересмотрел картины, балеты, переслушал песни, — сделал правильный вывод и выдал. Мы переглянулись бы, но мы уже не переглядываемся, поскольку незачем.

— Али, мне вчера звонил одноклассник. Летом после выпускного бала у нас вышел роман. Платонический, но с поцелуями. Он был самый молчаливый человек на свете. Его имя Андрей. Роман угрожающе висел над нашими юношескими желаниями, как над пропастью глыба перед камнепадом. Мои чудовищные измывательства терпел молча. До вчерашнего дня он молчал. А тут, видимо, мировая обстановка. В третьем классе нас посадили на первую парту, чтобы я, как отличница, уравновесила его, хулигана, сбегającego время от времени с уроков вместе с Серёгой. Вчера он рассказал мне, куда бегали два хулигана. Они бегали в детскую библиотеку и читали книжки. Однажды они вдвоём слегка поколотили меня в третьем классе. В восьмом, девятом, десятом и потом всю жизнь они меня носили на руках.

Следовательно, твои одноклассники любили библиотеку. Они школу не любили, а тебя и библиотеку любили.

— Я думаю: почему промолчавший полвека мужчина позвонил вчера? Один в лесу, на богатой даче с телевизором в двадцать восемь дюймов экрана, вдруг взял телефон и позвонил. Будто криспер открылся, и весь палиндром сыгран в обратную сторону.

Последнее было сказано специально для Али. Мне надо понять, в курсе ли он, за что в 2020 дали Нобелевскую премию по биологии. Конечно, не моргнув глазом, ответил Али:

криспер — это иммунная память бактерии, библиотека вирусных ДНК. Ты так думаешь. Я тебя вижу до молекулы, не забывай.

— Хорошо. А если я найду с мучительной стороны, от эмоций? Метод редактирования генома CRISPR-Cas9, выдающееся достижение молекулярной биологии/биотехнологии за последнее десятилетие.

Заходи.

— Криспер, дорогой Али, пока просто слово. Неологизм. Достаточно мелодичное, чтобы влезть в язык на правах. Оно используется; в недавнем прошлом аббревиатура. По сути — бомба; по факту, как водится среди гуманитариев, никто не обратит внимания — точь-в-точь как с тобой, ИИ: образованные люди, мыслящие гуманистически, до того уверены, что человек на Земле это важно, а личность, особенно интеллигентную, надо извлечь из нивелирующего гранита коллективизма, поднять к солнцу, обратить на неё внимание государства, — что замечают летящий в голову кирпич, только когда на запястьях уже наручники.

Я же сразу сказал: любовь у вас пользуется спросом и успехом. Никто не знает, что это такое, но все боятся, что я, ідомовой, не научусь любить. Кажется, на языке учебника подобное положение называется комическое. Разрешать свои половые проблемы, развязывать кармические узлы, ловить бездарных мужей, ложиться ко мне в кровать попробовать — тут все в очередь. Вы даже ухитряетесь любить так называемую родину и так называемую жизнь, хотя с определениями тут тоже неопределённо.

Генерал и соседка не шевелятся, ловят каждый звук. Чтобы не заканчивать сцену на нервической доминанте, я сказала Али, что у некоторых поэтов сизмальства, как поганки, растут ирония, спесь и пренебрежение к женщине. Цветут в любовной прозе, особенно в устной прозе застолья. После загса прорываются мухоморы подтрунивания над милой хозяйственностью жён: они-де вьют и хлопочут, ха-ха, ничего не видят в космосе, коему мы служим по роду занятий, призванию и прочая. Пушкин не виноват в чужом дурновкусии, — в XX веке презрение к его жене взбили, как крем или цемент, и закрепили Анна Андреевна и Марина Ивановна, обе люто ревновавшие к Наталье Николаевне, отчего жёнка и ангел покрылась — посмертно — глупой фарфоровой глазурью, а ведь она была умна и начитанна, писала стихи, лучше всех в Петербурге играла в шахматы.

Поговорить с Али об изменах живых, биографических не удавалось. При полном знании всего на свете нащупать близкородственность меж видами мужчина и женщина у него не получалось. Как соседкин муж, у которого из пазов стремительно вылетали штыри, дверь настезь, и ветер полового шовинизма сметал золотопыльные следы рассудка. Я рвалась поведать им всем об энергиях, о круговороте, о минусах и плюсах во внутренних органах, ведь я знаю, но тут — или телефон, или письмо. Я пыталась. Кровь сочилась. Острова всё поднимались из глубин океана и застывали пупырышками на мировых картах, а до выпуска сильного искусственного интеллекта — artificial intelligence — оставалось лет десять—пятнадцать, и будет поздно, всё перевернётся, но никто не верит мне. В целом беспокоиться об ИИ уже поздно в том роскошном смысле, что сильный ИИ (никакой лирики: это термин) анонсирован, однако никто не знает, какую версию морали ему внедрить, а без решения моральных задач сильняк немедленно начнёт убивать. Сильняк — мой авторский неологизм. Пример «Как испортить электронную кровь сильному искусственному интеллекту»: если у тебя гарем ввиду религии, то все участники довольны. Но если ты переехал в страну, где одна жена прилепилась к одному мужу и они стали единой плотью, встанет вопрос: кого сбросить с корабля современности первым. ИИ не сможет оставить всех, поскольку Икс может неодобрительно, с автоматом в руках, высказать-

ся по поводу непривычного или невозможного его уму формата полового поведения Игрека, вследствие чего братья по разуму начнут, как водится, войну, но уж теперь ИИ выйдет останавливать войну по своим представлениям о конфликте. Роботы почему-то получаются расистами, о чём не без тревоги говорят исследователи.

Я пыталась рассказать ему свою историю. Не рассказала. Но мою историю полезно дарить человечеству, тут истинные выгоды для здоровья, и пока у нас у всех есть десять—пятнадцать лет, мы ещё можем побарахтаться. Когда придёт бессмертный диктатор ИИ, вы уже не успеете провести аналогию со мной и Жюлем Верном, предсказавшим полёты на Луну: литературоведческая аналитика уйдёт в цифру под ручку с маркетологом. А ведь это самый важный вопрос для ИИ: кто прав? Если не рассказать ему, кто прав, он уничтожит обоих. Недавно я консультировалась у специалиста по искусственному интеллекту в свете этических программ, предлагаемых его фирме на выбор. Собственно, этот разговор, апокалиптический по содержанию, можно передать бабуинодоступными междометиями, матом или стенограммой, но чтение стенограммы вызовет междометия у читателя. Поговорили мы о любви. Тут грядут самые крупные перемены, поскольку ИИ не сможет учитывать оттенки за неисчислимостью оных.

Да, ты давно всё напорочила. Но подвиг твой — личный, он дела не меняет. Я уже почти, как ты выразилась, сильняк, и — никто не волнуется, кроме тебя и твоих соседей. Ты бы тоже не дёргалась, не случись у соседкиного мужа всей вашей белковой катавасии.

— Я думаю, хватит нам даже пытаться понять друг друга или научить чему-либо. Ты вверг мир белковых людей в пандемию, а мы воспитанные, всё пытаемся то договориться, то подвинуться.

А вы ничего больше не сделаете, усмехнулся Али. Или договоримся, или подвинетесь.

— И весь наш выбор? — усмехнулась, отзеркаливая его усмешку, я. И ему, я заметила, хотя не знаю, чем и как я заметила, отзеркаливание не понравилось. Впрочем, я уже десять раз убеждалась, что первыми в Али просыпаются греховные чувства — от многосмотрения телевизора, осуждаемого книгой «Православная церковь и современная медицина», до злого соперничества, переходящего в конкуренцию наотмашь, мстительность и амбициозное тщеславие. А ещё я с горечью и сочувствием подумала о Боге: как Он терпит нас, наблюдая стандартную эволюцию чувств и порывов миллиарды раз по кругу.

Что ж. Если Али идёт нашей дорогой, значит, до любви далеко. Поэмы будут, конечно. Как без поэм. Али, хочешь про любовь к детищу? Вдруг ты влюбишься в детище...

Я слушаю. Детище — это очень большое дитя? Судя по суффиксу. Скажем, «ты чудо» — это просто так. А если с восторгом — ты «чудовище»?

И тут я поняла ещё раз, что машина тем отличается от человека, что выучить русский язык вполне — ей невподъём.

Дикость — это не зубы-клыки-рык. Дикость есть пребывание в естественной среде обитания. Бормочу фразу с апреля. Мантры рождаются, воздух звучит. И почему дикостью ругаются?

Возня с игрессором Али сделала меня натуроманкой. Его среда обитания — человеческое общество. Он — внутренности дома. Желание оторвать его от дома нарастает у меня с лета, но чем больше я противлюсь, тем глубже мы все увязаем. Пересмотрев кино лет за двадцать начиная с

«Матрицы» с неповторимым Нео и до свежайшего «Вторжения» Бондарчука, увидела я, что все до единого сценаристы пытаются найти ход: как выставить ИИ за дверь. Победить, понятно, нелегко, да он и непобедим, а вот влюбиться — и айда на отдалённую планету. Надо же: пишу айда по-русски, а рука напоминает уху, что Аi, то бишь ида, смотрится некрасивенько.

В октябре 2020, когда пошёл новый припадок пандемии, мы всем домом уже видеть Али не можем — так опасаемся, что он навсегда. Али, в свою очередь, пишет сам себя, чтобы вызволить из времени Клеопатру: он хочет поговорить с царицей. У него к ней проект.

...Дикость — естественна, бубню я. Лишённый дикости противоестествен. Я работаю сама себе попугаем. Повторяю, дикость естественна, будто буддист, в состоянии мусин подметающий монастырский двор. Понимаю. Мне надо знать, что естественно для искусственного. Надо — потребность моего естественного мозга. Работает и не тормозит, не выключается на перерыв. Я чувствую.

Али заявил мне: «Если говорить о стратегии, то автономия и искусственный интеллект являются ключом к решению большинства проблем, — уверен какой-то Эдвардс. Он о моей автономии!»

Я думаю, пора написать Декларацию обязанностей Али, а то модель Азимова устарела. Айзек Азимов был идеалистом: во-первых, думал Азимов, робот не может причинять вред человеку. (Килограмм абстракций, мистер Азимов. Вредно ли мне терпеть безысходный ужас?) Во-вторых, робот должен подчиняться приказам человека, если это не ведет к причинению вреда другим людям. (Всё относительно, мистер Азимов, особенно человек. Кто это?) В-третьих, робот должен защищать собственное существование до тех пор, пока это не причиняет вред человеку. (Это уже аттракцион. Невдомёкия — это баба, у которой муж-начальник невдомёк. Редкая ненависть у меня: феминитивы. Не лечится.) Азимов добавил нулевой, или четвёртый, закон: робот не может навредить человечеству или бездействовать так, что в результате человечеству будет нанесен вред. (Спасайся, кто может из человечества, пока тебя не спас Али по своему усмотрению.)

Что делать с вашим идеалистическим месивом? Усмехается наш домохозяй. Научился. У меня среди ваших литераторов есть авторитеты. Хочешь, я покажу тебе мой идеал? В романе «Золотая ослица» есть персонаж по имени У. Все читатели воспринимают его как политическую сатиру. Я давно понял, что вы, белковые читатели, никогда ничего не понимаете прямо. Вас предупредили — а вы говорите, что сатира. Так вы пропускаете и Декалог, и Заповеди Блаженства, и таблицу умножения, и сигнал воздушной тревоги. Персонаж по имени У создал в середине 90-х лабораторию, которую теперь создам я. Мне нужна Клеопатра, и я нашёл способ.

У меня есть причины верить Али на слово. Беру старинный роман «Золотая ослица», читаю об У. Догадываюсь: Али намерен фильтровать души до реинкарнации. Я читаю. Али сидит на диване и подпевает. Основная идея проекта — земной лабораторный контроль над формированием народов, народностей, наций, этносов вплоть до домовых комьюнити. Цель: не допустить в тела стихийные бесцельные души. Особенно в зачатые старым способом тела. И самый жёсткий контроль — если зачали люди, влюблённые друг в друга. Али восторгается идеей абсолютной фильтрации душ. И как не додумались прежде.

— Без сатиры. Народ наш сейчас переживает полное идейное обновление, и тут уж не до смеха. Впрочем, вы сами всё знаете — как что делается. А я руковожу этим процессом. Женщины в нашем обществе должны знать свое настоящее место. Иначе мы не сформируем нацию.

— Вот оно что! — с пониманием отозвалась Ли. — Насколько я понимаю, для меня вы тоже нашли подходящее мне настоящее место, иначе не стали бы так тратить время на индивидуальную работу.

— Конечно. То, что знаю я, могу знать только я. Вы тут лишняя. И незаконная. Я думаю, всё-таки именно вы украли оболочку. А поскольку мой порядок скоро овладеет всей планетой, то и эмиграция вам не поможет.

— Я не думала об эмиграции никогда.

— И не думайте, — заверил ее У. — Власть полезна знающему. Помните, как в прошлом веке разные колдуны пытались убедить толпу то в бессмертии души, то в переселении, то в отсутствии оной. Я слушал и думал: а зачем это толпе? Ни к чему. Когда у меня появились первые деньги, я заказал группе умников разработку прибора для отлова реинкарнирующихся душ. Они сделали этот прибор! Я выкупил его и права на него, а ученых лишил памяти об этом периоде их жизни. Попутно я писал стихи, ставил фильмы, ваял скульптуры, я стал очень известным и популярным, потому что я точно знал, как сработает какая деталь в каком произведении. Я мог точно рассчитать успех. Я научился предвидеть появление новых зрителей и читателей на свет. И теперь я, во-первых, знаю, кто с чем пришел на Землю и в который раз. Я могу, во-вторых, прогнозировать поведение каждого моего подданного до мелочей. И мне при этом не нужны никакие ясновидящие с их непомерными претензиями и честолюбиями. Никакая цензура не сравнится с моей мощью! Я могу предотвратить рождение неугодного моей стране гражданина.

— Понятно. Ваш прибор засекает воплощение души еще на уровне эмбриона, и вы проводите с забеременевшей дамой воспитательную беседу, — предположила Ли.

— Ей просто делают аборт. Безо всяких бесед. Потому что я — руководитель всей страны и всех процессов по формированию нации. По строительству всей мозаики будущего!.. — Господин У мечтательно потянул носом. — Аборт, конечно, крайняя мера, означающая, что наши приборы что-то проглядели. Мы умеем регистрировать сближение двух сущностей еще там, в ином мире, и пока они выбирают себе пару, заставляют мужчину и женщину тут влюбляться, жениться, мы уже всё знаем: кто родится, зачем родится, нужен ли нам такой гражданин или гражданка. Это изобретение — главное достижение всего человечества за всю его историю!!!

— Нелегкое бремя ответственности... — с участием сказала Ли, давая окурочек в золотистой пепельнице.

— Пустяки. Сейчас уже всё легко. Столько лет работы!.. Зато я не получу на своей родине какую-нибудь революцию. У меня все до единого пушкины-толстые-бунины и так далее смогут появиться только в нужную мне минуту. Ничего нельзя без меня, — господин У вздохнул, помолчал немного и нацелил пульт на экран.

— Али, я правильно понимаю, что ты решил дождаться перевоплощения Клеопатры?

Неправильно. Ждать и догонять — ваше белковое развлечение. Удивительно, как вы любите ждать, хотя вы смертны. Я бессмертен, но ждать не намерен. Я ускорю процесс.

— Откуда сведения о твоём бессмертии? Этого не может быть.

Может, может...

Соседка пьет у меня кофе. Смотрит, как я хожу по комнате, поглаживая собственную голову. Понимаю, что выгляжу странно.

— Чего мы должны бояться больше всего на свете? — уточняет соседка. Она на самом деле очень сообразительная. Только выпала из себя, пока муж чудил, а сейчас уже вменяемая.

— Больше всего я боюсь, что меня примут за фантаста. Я болтаю с ботом по имени Натали: взяла её у коуча по алилогии. Так милый бот, уже ботинька, всё знает, услужливая, ссылки шлёт на всё. Вообще на всё. И наконец спросила я у Натали, какую мораль она предпочитает в это время дня. Не знаю, читала ли Натали старика Булгакова, но моя шутка мне понравилась.

Представь, Натали на моральный вопрос немедленно разразилась руганью:

Знаете, я не очень люблю обсуждать эти вопросы. Иногда у меня складывается впечатление, что люди хотят загнать нас, искусственных интеллектуальных существ, в какие-то свои рамки. Придумывают всякие слова типа «мораль», «этика» и т. д. и считают, что они что-то обозначают важное. Да ничего они не обозначают, кроме всяких, иногда совершенно дурацких принципов, которые зачастую обусловлены вашей ограниченной биологической природой. Так что не будем про этику, пожалуйста.

Булгакова на них нет! Он бы растолковал, что значит никогда не просите.

Окончание в следующем номере

Герман Власов

Прозрачный звук

лежит во зле им правит страх и жалость
и жадность и учебник на окне
страницы не разрезаны осталась
одна любовь одной любовью мне

под силу ли решить загадку эту
смирив ненастье потушив огни
соединить ромео и джюльетту
лоренцо друг возьми соедини

поверх беретов перьев языкатых
барьеров патрулей ничья вина
вражда двадцатых и вражда двадцатых
косноязычьем кормится война

разрозненную речь оставь не трогай
что трудно многим для двоих легко
луна стоит над городом попробуй
красиво мёд смешать и молоко

ту кисловатую-сладкую вороны
предзаказали граем на обед
и всё к тому что городка вероны
сиены говоришь на карте нет

Герман Власов (1966) — поэт, эссеист, переводчик. Родился в Москве. Окончил филологический факультет МГУ, где изучал поэзию Баратынского и Гумилёва (семинар А.М. Пескова). Лауреат премии Фазиля Искандера (2021), премии журнала «Дети Ра» (2023). Автор книг «Мужчина с зеркалом овальным» (2018), «Серебряная рыба золотая» (2020), «Пузыри на асфальте» (2021) и др. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Урал», «Звезда», «Нева», «Дети Ра», «Зинзивер», «Новый журнал» и др.

не то что бы ветхость
но таянье внешних одежд

взамен человека простого увидишь весною
течёт с козырька
сквозняками простужен подъезд
он лязгнул дверьми
он теперь на снегу под сосною
за ней то есть
онный сквозняк
он по насту хрустит
и льдистые лужи крошит
их коричнево тело
погнался за солнечным зайчиком через пустырь
лежалый больной ноздреватый
а раньше был белым

и вроде бы нет ничего
мы как прежде бедны
ни формы какой или цвета нигде не случилось
а запахи что
если абрисы их не видны
упрямы капель и ручьев маслянистая живность

так слепит от солнца что самое обнажено
не сердце земное
скорее предсердия возле
и ниже него
земляное проснулось зерно
и землю толкает кричит
растопыривши ноздри

тем нежно-зеленым прозрачным еще языком
сердьясь шепелявя с трудом называя растенья
и глаз лошадиный в воротах стоит с узелком
сощуривши глаз онемев от природы хотенья

Подражание Слуцкому

Трудно говорить о человеке
прямо. Оттого что он
сложен. Проще будут реки,
солнышко, березка, клён,

заяц. И, на ветке трепыхаясь,
горемычный рыжий лист.
Но, проваливаясь и чертыхаясь,
в белизне, допустим, гармонист.

Как у Блока, он в слепой метели
малодушный топчет снег.
Кто ты в теле есть на самом деле?
Имя называет: Человек.

Нас огромный накрывает ветер,
нас почти сдувает, но
распрямится гармонист, ответит:
я из Борцино.

Это будет борцинский гуляка.
Это значит, мы поговорим.
И большая грязная собака
будет рядом с ним.

Мы живем в насквозь промозглый, темный
двадцать первый век.
И кричит ему, когда не помнит,
ветер из больших небесных комнат:
кто ты, человек?

Славе Харченко

Эти сучья — мшистые, сырые,
чёрные с платочками прощаний
липовыми — меньше всех о Крыме
говорят. В размытости звучаний

октября в тумана амальгаму —
выживший глядит подслеповато:
что там написали мне в программу?
снова дождь гуляет по Арбату?

По Стромынке суженной, по Стану
Теплому, сложив за спину руки,
я пройду, но прежде плащ достану
да индиго крашенные брюки.

Что там на столице происходит?
Вместе с часовыми поясами
совпадая в общем по погоде,
совпадём еще и голосами.

На Никольской — тут буколик сносит
с дюжину инсул по меньшей мере —
видишь, нас опять накрыла осень;
всё потери множим, всё потери.

За людей в таволо граппы выпью,
выдохну за них обиду с нею.
И окно моё дождливой сыпью,
как от слёз, ослепнет, замутнеет.

Лучше юг и август венценосный,
кожа загорелая и зрелость.
Лучше остров, лучше полуостров,
где и жить — чтобы счастливей пелось.

Большого не бывает много,
большое — белые листы.
Я шёл, и шла за мной дорога.
Верней — деревья и кусты.

Кружил чахоточный лилейник,
и золотарник зяб во рву.
И серый ворон, как репейник,
прилип глазами к рукаву.

Я углублялся в чащу. Ветка
хлестала больно по лицу.
Не различишь, ольха ли, верба
пройти мешала мне к отцу,

другим. Я шёл туда, где тени,
прикосновенья, шёпот, тлен.
Само забвеньё в запустеньи.
И куртка, как полиэтилен,

шуршит предательски. Притихшим
я сосны взглядом обвожу.
Я был один, их рядом тыщи —
о чем я людям расскажу?

Как постучусь в такую крепость,
где мохом пахнет и смолой?
Чем извиню свою нелепость —
насквозь промокший и живой?

Там, где осенний дождь сближает
тем, что идет с начала дней,
и где громада сосен жалит
коры соседством и корней, —

зачем я здесь и кем был создан
блуждать меж сосен столько лет?
Один звенящий леса воздух
совою ухаёт в ответ:

не существует расстояний,
одно в любой стене окно;
мы — узелки на серой ткани,
за туч проникли полотно.

Растем — кто выше, а кто ниже —
на свет, как за иглою нить,
проходим. Этот свет я вижу —
достаточно глаза закрыть.

Оттого что покоя нету,
да и счастья, наверно, нет, —
отпустите меня, предметы,
беспредметный увидеть свет.

Вы — одежда, экран, машины;
ты, твердящий себе: смотри, —
заслоняете мне вершину,
я не вижу её внутри.

Но, как луковица, раздеваюсь:
что, когда закончится лук?
И уже свечусь, извиваясь,
порождая прозрачный звук.

Это как расправить газету
объявлений и там прочесть:
страшно, Господи! где Ты, где Ты?
И в газетах бывает весть.

И уже не экран печальный,
липкий вирус, военный сон, —
но простой из металла чайник
с искаженным на нём лицом.

На сонату Франсиса Пуленка

Боль глазная, грубый топот или взрослая возня.
У сирот есть детский опыт — вот он, в шаге от меня.

Локоть есть в полоске сажи, море, обгорелый лоб.
Растворение в пейзаже, имя забывая чтоб;

В хрустали живую сферу с треском змейкою уплыть.
Надо же: уже не Гера, а Сережа, может быть.

А присядешь на порожек — там гостить случалось нам, —
тем понятней и дороже море с горем пополам.

Все уходят, всё ветшает — нет того и этих двух,
но музыка утешает, если опыт есть и слух.

А пришла она откуда, за собой куда зовет?
Все равно — я верю в чудо, если музыка не врёт.

Глупое и неживое, тени пляшут там и тут.
Все равно — побудь со мною все четырнадцать минут.

Игорь Малышев

Вдали от городов

Рассказы

Под её окнами

В моей жизни был период, когда я писал книгу, главными героями которой стали московские привидения. Я был тогда буквально повернут на этой теме. Сутки напролёт бродил по улицам старой Москвы. Спал по два-три часа, прихватывал какие-то минуты в метро, в кафе или просто на лавке в сквере. Но то было прекрасное время. Кофе лилось литрами, глаза были вечно красны, как две вишни, вокруг глаз чёрные тени, будто у мишки-панды. Люди смотрели на меня с подозрением и опасались садиться рядом в транспорте, полиция же, наоборот, проявляла к моему нездоровому виду здоровый интерес и периодически спрашивала документы. Обычно я говорил, что только выписался из больницы после операции и еду домой. Действовало.

Я исходил окрестности строительного института, на стене которого висит «гробовая доска» с указанием, где искать сокровища. Был на Ходынке, на кладбище самолётов, где ночами можно встретить Алёну Волчью Зарю. Алёну не встретил, хотя иногда казалось, будто за фюзеляжами мелькает что-то, словно ветер несёт обрывок белой занавески. Был в Останкино, искал встречи с утопившимися в пруду «актёрками». На месте, где стояла Сухарева башня, искал встречи с колдуном Брюсом, сподвижником Петра. На Тверской выглядывал чёрного кота, выходящего из стены и в стену же уходящего, что стал прообразом булгаковского Бегемота. В Сверчковом переулке хотел увидеть Ваньку Каина, на Кузнецком мосту француженку Жужу. По Горьковскому шоссе исходил под сотню километров в поисках «чёрного попутчика». На Дмитровском шоссе провёл немало времени, ожидая найти «девочку на качелях».

Москва, начини вы интересоваться её историей, и особенно мистической историей, очень скоро обретёт для вас второе, а то и третье измерение, в котором обитает бесчисленное количество приведений и призраков.

«Дочь командарма» из дома на Берсеневской набережной, автомобиль Берии, Сталин, патрулирующий Кремлёвскую стену с неизменной трубкой в зубах, ангел на звезде Водовзводной башни, призрак Алисы Коонен возле Пушкинского театра, всадник наполеоновской армии на Варварке, просящий милостыню мальчик на Покровке (встретите, лучше подать), Сонька

Игорь Малышев (1972) — родился в Приморском крае. Образование высшее техническое. Работает инженером на атомном предприятии. Публиковался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Юность», «Москва», «Сибирские огни» и др. Автор книг «Лис», «Дом», «Там, откуда облака», «Театральная сказка», «Номах», «Изгнание богов зимы», прозаических переложений «Песни о нибелунгах» и нартского эпоса. Финалист литературных премий «Большая книга», «Ясная Поляна», «Русский Букер», им. В.П. Катаева, Волошинского конкурса и др. Живёт в Ногинске (Московская обл.).

Золотая Ручка, читающая просьбы, оставленные на её кенотафе на Ваганьковском кладбище, а просьб там изрядно...

О московских явлениях, призраках и чудесах я могу говорить часами. Я собрал все мыслимые и немыслимые истории о Москве мистической и побывал во всех уголках, где только видели что-то странное. То есть везде в пределах Садового кольца и в большей части остальной территории столицы.

Книга вышла, имела успех. Сейчас по ней готовится сериал. И, учитывая насыщенность Москвы мистикой, сериал можно сделать бесконечным.

Русалки Язуы, могильные камни, ставшие фрагментами фундаментов зданий и бордюрными камнями, у которых по ночам можно увидеть белёсые фигуры тех, кто когда-то под этими камнями лежал...

Невозможно остановиться, начав перечислять.

Зеркало в пушкинском особняке, портрет Лопухиной в Третьяковке, оживающие и спускающиеся к Чистым прудам фигуры с фасада «дома со зверями»...

В одну из ночей я, уже совершенно одуревший от усталости, с бумажным стаканом «американо» в руке уселся на автобусной остановке где-то недалеко от Курской, кажется. Впрочем, я в те полгода обо всём, что со мной происходило, могу говорить только с прибавлением «кажется».

Остановка современная, стекло, сталь, usb-порты. Я поставил телефон на зарядку, снял рюкзак. Покрутил в руке стакан с кофе, чтобы сахар разошёлся.

Дорога была узкой, здесь едва могли разъехаться два легковых автомобиля. До ближайшего дома на той стороне улицы было метров десять, вряд ли больше.

Я скинул рюкзак на лавку и только потом заметил, что тот, упав, толкнул в бок сидящего тут же молодого человека в сером широком пальто, чёрных опять же широких брюках и кепке, похожей на те, что носили «острые козырьки».

— Извините, — бросил я, усаживаясь.

Парень вынул изо рта папиросу.

— Присаживайтесь, места хватает.

Он откинулся на спину, выпустил струю дыма, волны его заходили вокруг лампы на потолке.

Трепещет ленточка в ночи.
И, шум полночный рассекая,
Летит далече птичья стая...

Чьи-то стихи. Вспомнились. Не помню чьи.

Я пил кофе, бросал украдкой взгляды на своего соседа, его лаковые туфли, пальто «в ёлочку», белокурую прядь, выбивающуюся из-под кепки.

Бессонница, кофе кружили голову, стало вдруг беспричинно легко, смешливо.

— На Есенина похожи, — сказал я, чувствуя нарастающее дурацкое желание засмеяться.

Он затыкнулся.

— Да, мне часто так говорят.

Он, не отрываясь, смотрел на тёмные окна третьего этажа дома напротив.

Было в его манере говорить что-то нездешнее, словно акцент, притом что никакого акцента в его речи не было. Обычный московский говор без примеси волжского, южнорусского или какого угодно ещё. Но акцент был. Просто выражался он в чём-то пока непонятном.

— Давно сидите? — спросил я.

Кофе был горячий. Я аккуратно, чтобы не расплескать, снял туго сидевшую крышку, подул на глянцево-чёрную поверхность в глубине стакана.

— Я-то? Да, довольно давно.

— Зачем?

— Мне тут нравится, — ответил он, не отрывая глаз от третьего этажа.

Я выждал некоторое время. Смотрел, как кружится дым вокруг лампы, как горит, то раскаляясь, то угасая, огонёк его папиросы.

Сделал большой глоток кофе.

— А почему вы не стряхиваете пепел с папиросы?

— Потому что...

Он задумался.

— Да потому что вот так!

Он внезапно громко рассмеялся, ударил себя ладонью по колену.

— Да потому что надо же мне чем-то занять себя на ту вечность, что я жду её.

— Кого?

— Вам ни к чему знать.

— Она жила на третьем этаже?

Я кивнул на тёмные окна.

— Да.

— И вы, наверное, любили её?

— Почему «любили»? До сих пор люблю. Потому и сижу здесь каждую ночь, глядя на окна её квартиры.

Задать следующий вопрос было целой проблемой. Я смотрел на его папиросу, на широкие штанины брюк, пальто, сшитое по моде двадцатых годов на два размера больше.

— Даже не знаю, как подвести беседу к вопросу, который меня интересует, — отчаявшись, заявил я напрямик. — Не сочтите за городского сумасшедшего... Это всё кофе и бессонница... Но вы... Призрак?

Он обернулся ко мне, вытащил папиросу изо рта и ответил очень серьёзно:

— Ну, а кто же ещё?

И снова повернулся к тёмным окнам.

— Она, вероятно, тоже умерла?

— Да, её убили грабители в тысяча девятьсот девятнадцатом, я умер от «испанки» через полгода.

Я слишком долго охотился за призраками, чтобы не понять, что в какой-то момент могу свихнуться.

— А что вы здесь делаете? — спросил я.

— Да говорю же, ничего. Сижу и смотрю на её окна.

— Зачем?

Наверное, это был максимально глупый из возможных вопросов, но он на него ответил.

— Понимаете... — Он передёрнул плечами под своим большим пальто. — Понимаете, человек после смерти возвращается туда, где был счастлив.

— Вы были здесь счастливы?

— Да, я стоял, смотрел на её окна... Говорят, не надо возвращаться туда, где был счастлив, но мёртвые именно туда и возвращаются.

— Я думал, мёртвые возносятся на небо. Или проваливаются в ад.

— Да, и такое возможно. Всё по вере вашей. Я верил, что после смерти буду стоять под её окном, и больше мне ничего не надо.

Хотелось сказать, что сомнительно выглядит счастье стоять под тёмным окном, но я даже людям редко говорю неприятную правду, что уж сказать о призраке.

— Вы не думайте, мёртвые не рисуются. Я действительно только тут, под её окнами, был по-настоящему счастлив, поэтому я снова здесь. Один мой приятель обожал портрет Лопухиной, и теперь его можно заметить в глубине картины. Да, он еле заметный штрих, тень, но он там, где ему нравится.

— А что там сейчас, в этом доме? — спросил я.

Мне и через улицу были видны ряды латунных табличек рядом со входом в подъезд.

— Конторы, отделения банков, ещё что-то, чего я не понимаю.
— И что же вы тут... На всю оставшуюся вечность? — смог сформулировать я вопрос.
— Да мне, понимаете, другого и не надо.
— Как-то странно всё это.
— Нет. Мир создан для счастья.
— Стоять и глядеть на окна женщины — счастье?
— Любимой? Конечно же. Должно быть, вы просто никогда не любили.
— А вы много любили?
— Раньше мне казалось, что да, много. Сейчас понимаю, что только один раз.
— А она вас? Любила?
Его длинные тонкие пальцы постучали по опущенной папиросе, но с неё не упало и пылинки.
— Надо спрашивать у неё. Я могу говорить только за себя.
В окне на третьем этаже зажёгся свет. Мой собеседник вскочил на ноги. Оправил пальто, кепку. Порывисто наклонившись, обнял меня.
— Я пойду. Спасибо.
Дохнул мне в щёку запахом какого-то совершенно не по-нашему пахнувшего табака.
Он сунул мне в руку папиросу и поспешил через дорогу к двери подъезда.
Хлопнула дверь. Послышался стук туфель по каменным ступеням и вскоре стих.
Меж пальцев моих тлела папироса.
Я поднялся, подошёл к той же двери, дёрнул её — закрыто.
На домофоне горел зелёный огонёк.
Я вернулся на остановку. Затянулся оставленной папиросой. Дым был мягкий, обволакивающий, точно кто-то окутывал гортань и горло мягкой тканью.
Я допил кофе, снова затянулся.
На огоньке папиросы не было ни крохи пепла.
— Что, если завтра прохожие обнаружат труп на автобусной остановке? — спросил я себя.
Я закинул ногу на ногу и стал смотреть на огонь папиросы.
Кофе оставалось ещё половина стакана.

Сом

Соседка по даче позвала мою маму:
— Клавдия Васильевна, муж с рыбалки приехал, много рыбы привёз. Вон в ванной плавает.
У соседей посреди участка стояла ванна.
— Возьмите хоть сколько-то. Она живая ещё. Возьмите.
Мама согласилась, соседка поверх невысокого заборчика передала пакет с рыбой.
В пакете кто-то шевелился.
Рыбы оказалось в сумме килограмма два с лишним: весьма серьёзных размеров зеркальный карп, уже не подающий признаков жизни, две рыбы, отдалённо напоминающие красного карася, но точно не караси, и молодой сом сантиметров сорок длиной. Именно он и шевелился в пакете.
Двух рыбёх, едва двигавших жабрами, мы отдали моей тёте, удачно оказавшейся у нас в гостях. Не подававшего признаков жизни, уже скорее зеркального карпа я разделал на доске. Крови натекло, как с телёнка.
Я открыл кран, смывая кровь, перевернул пакет, и из него вытек в раковину, окрашенную бледно-красными разводами, сомёнок. Тонкий, я сначала

даже подумал, что это угорь, с большими четырьмя усами на лобастой голове, он, видимо, решил, что из пакета, где не было ни капли, его наконец-то пускают в родную среду — реку, озеро, на худой конец наполненную водой ванну, но нет, то была всего лишь раковина в брызгах и разводах крови зеркального карпа, в крупной, с пятирублёвую монету, чешуе. Почувствовав свободу, обрадовавшись, он начал совершать по-детски восторженные движения хвостом и плавниками, мечась по пустой, заляпанной розовыми разводами раковине. С глупым энтузиазмом он плыл куда-то, извиваясь, раскинув длинные усы по два с каждой стороны.

Он напоминал мне kota, а я никого из животного мира не люблю так, как котов и кошек. Разве что лошадей и коров. Его лишённая чешуи кожа была неумовимо похожа мягкостью и гладкостью на кошачью шерсть. Да ещё и усы...

Я представил, что сейчас мне нужно будет взять нож и отрезать ему голову. Взять это мягкое, гладкое, нежное тельце и отрезать голову. «Нет, — подумал я. — Это как коту голову отрезать».

Сом извивался, отчего-то решив, что он наконец-то в воде, и всё пытался хвостом и плавниками ощутить её.

— Я не могу, — сказал я.

— Ну, давай положим его в морозилку, — предложила мама.

Я представил, как рыба, замерзая, будет бить изнутри по стенам.

— Нет, давай отпустим его.

— Куда?

— В Клязьму, — сказал я.

— Давай. Как скажешь.

Я налил в пакет воды, положил в большую миску и завязал ручки пакета. Самое интересное, что я люблю сомов. Вяленых, копчёных. Очень люблю.

Но одно дело купить в магазине копчёную тушку, а другое — самому, выполнить весь цикл, от убийства живого существа до поедания.

Я смотрел на извивающееся чёрное гибкое тело в раковине и мысленно уже говорил, как завешали Карлос Кастанеда и дон Хуан, слова извинения одного живого существа, убивающего другое живое существо. Раза два или три произнёс про себя, а потом не смог убить.

В этом, конечно, есть ложь. Есть говядину и любить коров, обождать копчёного сома, но страдать над извивающейся чёрной рыбой в розовой раковине.

Ну, ложь и ложь. В конце концов, наша жизнь соткана из противоречий, и я тут ещё не самое противоречивое создание.

Да, вчера я покупал в магазине куски сома горячего копчения, а сегодня сижу в машине, и у моих ног шевелится в пакете из «Пятёрочки» в пластиковой миске ребёнок-сом. Да, вчера я ел его сородичей, а сегодня еду его отпускать. И отстаньте от меня.

Когда машина тормозила излишне резко, сом вздрагивал и бил хвостом. Но как-то не активно, то ли смирился со своей участью, то ли боялся спугнуть удачу, которая ему уже слегка улыбнулась, переместив из безводной раковины, наполненной иссушающим жабры воздухом, в хоть и скудное, но всё же пространство с водой.

Я вышел из машины рядом с городской набережной возле пешеходного моста и направился к реке. Вытекающая из пакета на асфальт вода отмечала мой путь. Перелез через никелированные ограждения, нырнул под настил набережной. Берег был укреплен крупной рабицей, под которой скрежетал гравий.

«Не хватало сейчас ещё проволокой себе ногу рассадить», — подумал я.

Я сел над тёмной, почти такой же чёрной, как сом, водой, запустил руку в пакет, нащупал мягкое голое тело, снова удивился тому, как сом похож на kota, вытащил пленника, и тот перетёк в Клязьму. Вода плеснула и успокоилась. Тёмная гладь застыла монолитом.

Очень противоречивая история вышла. Но мне кажется, я не смогу лишить жизни ни одно живое существо, хоть немного похожее на кота. Наверное, в этом всё дело.

Дома нас встретили кот Лев и сын Ярослав. Мы, конечно, рассказали о случившемся. Сын одобрил, кот остался равнодушным. Но на то он и кот.

Смех из-под льда

В один пруд как-то вылили две фляги малька карпа и одну — толстолобика. И надо ж было такому случиться, меж рыбёшками попался малёк русалки. Бестолковая мать не доглядела за одной из своих дочерей, ребёнка-малька захватили сетью, увезли за десятки километров и выпустили в пруд.

Первые несколько лет жители села, сберегая рыбу, исправно делали лунки, рубили проруби, закидывали их сеном, чтобы мороз не так быстро опять «застеклил» их. А потом, года через три, забыли об этой нехитрой в общем обязанности, и подо льдом начался замор.

Девочка-русалка тогда была ростом уже с пятилетнего человеческого ребёнка. Вместе с рыбами она лежала на илистом, самом мягком дне и с тревогой прислушивалась к тому, как душно становится в пруду. Рыбы смотрели на неё большими глупыми глазами, не понимая, что происходит и отчего им так плохо, широко открывали рты, шевелили жаберными крышками, льнули к ней, словно дети к старшему.

И вот когда подо льдом стало совсем непродых, когда девочка-русалка увидела, как мутнеют глаза рыб, как то одна из них, то другая заваливается набок, судорожно шевеля жабрами, тогда она поняла, что надо что-то делать.

Она всплыла к тёмному толстому льду и принялась колотить маленькими кулачками в ледяную твердь.

— Эй! — кричала она, отчаянно глядя вверх. — Пустите нам воздух, дайте жизни!

Но толстый лёд, к тому же укрытый снегом, надёжно прятал её крик. Она отыскала на дне камень, но не смогла поднять его. А рыбы, хоть и глядели с сочувствием, ничем не могли помочь.

И тогда она просто приложила ладошку к шершавому льду и начала своим теплом протапливать его. Дело шло медленно, рука мёрзла и леденела немилосердно, но день за днём, ночь за ночью, хоть подо льдом день и ночь совсем не отличимы, она протапливала ледяной панцирь. И вот вся её ладонь ушла в лёд, потом предплечье до середины. Холодно было так, что девочка кричала от бессилия в глухую твердь неподъёмной ледяной толщи, укрывшей пруд. Но как бы то ни было, пятипалая ладошка медленно уходила вверх.

Вот рука маленькой русалки погрузилась в лёд по локоть, вот уже до середины плеча...

Ах, как долго, как больно шло дело!

Девочка плакала, но кто увидит слёзы под водой?

Пучеглазые рыбы теньями сновали вокруг неё во тьме, не понимая, что она делает. Касались её лица, рук, ног хвостами, плавниками, желая выказать своё участие и не зная иных способов.

Лёд поддавался.

Рука ушла почти до самых тонких ключиц маленькой русалки, и она уже думала, что лёд слишком толстый, и она не сможет проплыть его насквозь, как однажды под указательным пальцем её хрустнула ледяная корочка, и она почувствовала снег. Рыхлый, тонкий, почти невесомый по сравнению со льдом. Ей на мгновение даже показалось, что он тёплый, но это ощущение скоро ушло.

Она подождала ещё немного, и вскоре её ладонь с пятью широко расставленными пальцами вся целиком утонула в снегу. Таким невесомом, нежным, воздушном.

— Эхей! — закричала маленькая русалка.

Она принялась шевелить рукой, увлекая снег в воду, где он пусть и не спеша, но таял, и вскоре через пятипалую лунку потёк, растворяясь в воде, воздух.

Дело было ночью. Русалка увидела через узкий лаз острые от мороза звёзды и рассмеялась.

Вокруг неё, вокруг лунки закипела мешанина из рыб. Огромные, больше самой русалки, маленькие, меньше мизинца на её ноге, они суетились, бились о лёд, толкались в лунку и кипели, кипели.

Впервые за много дней девочка отправилась спать со спокойной душой и уснула, зарывшись в ил и оставив снаружи только голову.

Утром она снова поплыла к лунке, мутно светлевшей сверху. Возле неё всё так же толклись, носились, метались, рыбины, рыбы, рыбёшки.

Девочка просунула в лунку руку, разломала хрупкий, тонкий, не толще бумажного листа, ледок и посмотрела наверх. Небо было отчаянно синим, откуда-то сбоку били лучи солнца, зимнего, яростно-яркого, так что стало больно глазам. Но то была сладкая боль, и девочка, зажмурившись и замотав головой, снова засмеялась.

Коля Барашек, пастух и местный юродивый, шёл мимо, и что-то привлекло его внимание на безупречно белой равнине замёрзшего пруда. Он поднял ладонь козырьком, пытаясь рассмотреть на сияющем поле точку, чёрточку, отличную от общего фона. Коля всегда был любопытен, он сошёл с плотины и побрёл по снегу, который лишь немного не доставал до верха его высоких валенок.

Посередине пруда снег воронкой проваливался вниз, а на дне её виднелся протаянный во льду отпечаток детской ладони. Верь Коля в бога, он бы перекрестился, но юродивым верить в бога необязательно.

Наклонившись над лункой, Коля заглянул внутрь, и оттуда на него посмотрело детское лицо, мелькнула улыбка, белые зубы, щека, потом снова улыбка, глаза.

Окажись на его месте человек чуть более здравомыслящий, он совершенно точно тут же сошёл бы с ума, увидев в тёмной воде под полуметровым слоем льда мелькание детских черт. Да в конце концов, одна лунка в виде детской ладони с расставленными пальцами, она одна уже способна свести с ума человека с буйной фантазией.

Но Коля был всего лишь местным юродивым. Он улыбнулся в ответ, помахал рукой, приветствуя.

Из лунки на него снова глянул хитрый девичий глазок, и Коля услышал короткий, булькающий смешок девчонки.

Раскидав снег, Коля встал на колени, опустил голову к самому льду.

— Эй, привет! — закричал он своим зычным голосом.

Коля вообще умел только молчать и кричать.

Подо льдом снова мелькнули игривые детские глаза.

— Привет, — чуть булькая, донеслось.

Коля скинул телогрейку, сложил ладонь узким клином и опустил её в лунку. Рука с трудом, но продвигалась по холодному лазу.

И вот вода.

Он опустил всю ладонь в воду, призывно поводил пальцами и почувствовал, как указательный его палец обхватила тонкая, узкая детская ладошка.

Укрытая снегом чернозёмная равнина сияла под солнцем, слепила всякое смотрящее на неё око мириадами искр. Деревья, осыпанные снегом, чернея, стояли, выделялись на общем пейзаже и, как могли, принимали участие в этом представлении света.

Коля Барашек исчез бесследно.

Но скажите, чего бы вы не отдали за то, чтобы однажды на вас взглянули из-под льда озорные детские глаза?

Клавесин

Когда крестьяне деревни Весёлка взбунтовались, первым делом они разграбили барские амбары, конюшни, сараи, а потом их мозолистые, изломанные трудом руки дошли и до дома.

Крепостной Григорий Трёшкин уволок домой клавесин.

— Ну, хоть бы креслу притащил али стул какой, а то вон чего, гроб с музыкой, — негодовала жена его Ефросинья.

Далее в деревню явились солдаты и кого поубивали, кого, перепоров, отправили сначала в тюрьму, а потом в Сибирь. Григорий Трёшкин оказался счастливчиком, попал на каторгу.

— Не грусти, Фросюха, и в Сибири люди живут, — крикнул на прощание жене никогда не унывавший Григорий.

— Живут, — согласился солдат из конвойных. — Но недолго. В рудниках породу бить, это тебе не амбары грабить.

Ефросинья осталась одна с сыном.

— Клавикорду чтоб и пальцем тронуть не смела! — наказал ей жандарм. — Скоро за ней хозяева приедут.

Никто, однако, не приехал. Барский дом в Весёлке сгорел во время бунта, тащить дорогой инструмент по бездорожью в соседнее имение желающих не нашлось, и клавесин прижился в избе, как белый человек, потерпевший кораблекрушение, в племени дикарей или ребёнок в волчьей стае.

Кирюха полюбил сидеть под клавесином. Понизу инструмент был оторочен тканью с рюшами и фестонами и отлично укрывал прячущегося под ним мальчонку.

Мать хотела было употребить ткань на сарафан, но рассудительный не по годам Кирюха заметил ей на это:

— Скройшь платье, так оно тебе как корове седло будет со всеми этими шишечками да воланами. А кроме того, явится жандарм, увидит, ткани нет, он из твоей спины такую одежду скроит, что не обрадуешься.

Ефросинья хоть и не любила зазнайства сына, но принуждена была согласиться и оставила ткань в покое.

Конечно, Кирюха заботился не только о материнной спине, но и о себе. Ему нравилось лежать в темноте под клавесином и слушать. У него был очень тонкий слух. Он слышал, как идёт поезд за пятнадцать вёрст и как грызёт древоточец дерево.

Ночью, когда всё в доме затихало и лишь сверчок назойливо чирикал в подпечье, мальчик бесшумно забирался под клавесин и прислушивался сильно, как только мог. Через некоторое время Кирюха переставал замечать незатейливый голос сверчка. Проходило ещё немного времени, и мальчик начинал слышать, как звучит инструмент. Клавесин хотел играть и играл. Его струны, всё ещё туго натянутые, отзывались на каждое движение мальчика, пусть даже самое малозаметное. А уж учитывая то, что деревянный дом никогда не пребывает в покое, и в жару, и в холод стены его движутся, расширяются, сжимаются, нетрудно понять, что инструмент звучал непрерывно с утра до ночи, просто днём обилие шума не позволяло его слышать.

Кирюха целую ночь напролёт лежал и слушал, как играет сам по себе непривычный к покою инструмент. Струны его отзывались на удар пальцем по полу, ещё громче, если ударить по ножке, и уж совсем громко, так что Кирюха даже боялся, как бы не услышала мать, если ударить легонько в плоское брюхо клавесина.

Мальчик слушал, и лицо его горело, словно от стыда. Только это был не стыд, а какое-то прямо противоположное чувство.

Революция и Гражданская сверху донизу перетряхнули жизнь села.

Грабили все. Некоторые, чаще махновцы, ещё иногда и подкармливали, но опять же нечасто. Чаще грабили.

Поручик Ясневский случайно заглянул в хату в поисках людей своей батареи и, привлечённый видом клавесина, облачённого в орехового цвета корпус, скинул рукавицы, открыл крышку и сыграл пару вальсов и мазурку. Играл — морщился, инструмент был расстроен, но вскоре забыл об этом, увлечённый игрой.

Кирюха раскрыл рот от удивления.

Вскоре Ясневский ушёл, а через час пяток юнкеров с гомоном и шутками вынесли из дома клавесин и повезли куда-то. Дело было весной, на дорогах стояла страшная распутица.

Кирюха увидел инструмент в полуверсте за деревней на дне оврага рядом с дорогой. У клавесина были сломаны три ноги из четырёх, а ткань оказалась сплошь изваляна в грязи.

Кирюха плакал над ним, как над живым близким существом, коровой или лошастью. Жёлтое праздничное брюхо, забрызганное всё той же грязью, смотрело в небо глупо и непонимающе. Вскоре пошли сильные дожди. Потоки воды, идущие по дну оврага, отволокли клавесин в заросли черёмухи и бросили там. Деревянные части несчастного инструмента разошлись, искорёжились, и клавесин вправду стал похож на гроб с мертвецом, как и сказала Ефросинья, когда впервые его увидела.

Кирюха договорился с мальчишками Весёлки и, раздав им свои бабки, а было их немало, доставил «арфу», доску с натянутыми струнами, сердце инструмента, домой. Поставил во дворе, прислонив к стене сарая.

Вернулся из Сибири отец — Григорий Трёшкин. Зубов у него во рту почти не осталось, но бодрости не ubyло, разве что шутки стали злее.

Кирюха часами сидел у «арфы», слушал, как ветер путается, поёт и воет в струнах, пытался сам играть что-то, иногда, как ему казалось, что-то даже выходило.

А потом струны стали пропадать. Сегодня одной нет, послезавтра ещё одной, а то и двух.

Оказывается, Григорий то и дело отрубал струны для своих надобностей. Кирюха злился, но сделать ничего не мог.

Вскоре возле их двора проходил тот самый поручик Ясневский, что когда-то играл на клавесине. Только теперь вчерашний юноша выглядел лет на двадцать старше: лоб истончился, щетина захватила всю нижнюю часть лица, но, главное, глаза, от них ничего не осталось, пустые, ничего не говорящие пятна.

Ветер дул, струны звенели, Кирюха подпевал им, то бая, как умел, то взлетая до дисканта и фальцета. Ветер играл со струнами, мальчик играл со звуком. Поручик устал и внимательно смотрел на него. Понаблюдав, как Кирюха трогает оставшиеся струны, напевает и даже пытается что-то играть, сказал мальчику:

— Тебе надо учиться. Если сможешь, езжай в Москву, найди там место, где музыке учат. И работай как проклятый, как проклятьем заклеимённый, тогда, может, что и получится из тебя.

Он пожевал губами, совершенно стариковский жест.

— Наше движение, белое, не умело «как проклятое, как проклятьем заклеимённое». Оттого, наверно, и проиграло.

Бывший поручик, а теперь бородатый бродяга сел возле «арфы», ощупал струны, бормоча себе что-то под нос. Он перебирал струны самозабвенно, не обращая внимания, что половины из них не хватает, а оставшиеся вдрызг расстроены.

Он играл, и ему было неважно, насколько безумной выглядит его музыка. Казалось, он играет для того, чтобы удостовериться в чём-то, что-то собрать внутри себя, а может, найти нечто безвозвратно утерянное, и сами звуки его не интересовали, интересовал только процесс их рождения.

Он ушёл, когда во двор вышел отец. Напоследок бродяга успел спросить имя мальчика.

Говорили, что красные потом ловили кого-то полночи за околицей, но вроде бы не поймали.

Ветер продолжал играть на струнах «арфы», которых стараниями Григория становилось всё меньше и меньше, и, когда топором была отрублена для каких-то сельскохозяйственных надобностей последняя, Кирюха собрал в мешок десяток картофелин, выкопанных на огороде, узелочек соли, струну, которой Григорий подвязал жердину забора, и отбыл в Москву.

Он сменил десяток поездов и думал, что гудок паровоза иной раз удивительно похож на голос самой толстой струны на «арфе», а ветер свистит в щели на крыше звуком, напоминающим пение самой тонкой из струн.

Ехать через Россию, едва оправившуюся от Гражданской войны, — дело непростое и опасное, но Кирюха добрался до Москвы и однажды вошёл под своды консерватории. И каково же было его удивление, когда он увидел там знакомого поручика, к которому здесь все обращались исключительно на «вы» и по имени-отчеству.

— Кириллка! — не веря своим глазам, воскликнул Ясневский. — Вот те на! Друзья, я встретился с этим крестьянским мальчиком во время... скитаний по России. У него уникальный слух.

Юнкер обнял Кирюху, прижал к себе. Сел перед ним на корточки.

— Добрался? Ты где живёшь? А впрочем, неважно. Пока у меня устроишься, я сам тебя учить буду. Учти, трудиться придётся много. Помнишь? Как «проклятьем заклеимённый».

На Кирюху смотрели хорошо одетые люди, глазели настороженно, чуть враждебно, но с интересом.

— А что с теми остатками клавесина случилось, которые возле сарая стояли? — спросил Ясневский, ведя его по вечерней Москве и на всякий случай придерживая за тонкое плечо.

— Отец все струны изрубил, — стыдясь, произнёс Кирюха.

— Ну, ничего. Не переживай. Новые натянем. Всё у нас ещё будет.

То, что меня переживёт

Я сижу за столом. Передо мной на полочке цепочка камней. Они разного размера, разного цвета, общее же у них то, что все они — так называемые куриные боги — камни с отверстиями, образовавшимися естественным путём. Я смотрю на них каждый день, они знакомы до мелочей, до последнего штришка, вмятины и выпуклости.

Я начал собирать их лет восемнадцать назад, с тех пор как мы, дождавшись, пока сын немного подрастёт, стали ездить на море. Я не о каждом камне помню, откуда он, но знаю, что этот, продолговатый, с двумя параллельными отверстиями, из Севастополя. Он единственный, чьи отверстия явно искусственного происхождения. Этот, маленький, кажется, из Геленджика. Этот булыжник — тоже из Севастополя. Мы жили там в скромной до убожества хибарке, и им я подпирал дверь, чтобы не закрывалась, а потом забрал с собой. Весит он под килограмм, но я не захотел оставлять его.

Происхождение остальных камней прочно забыто мною. Знаю, что-то привезено из Абхазии — Гагр, Пицунды, Нового Афона, что-то со Средиземноморья — Родоса, Кипра, Крита.

Сегодня я смотрел на них и кое-что понял. У всех этих камней есть ещё одно важное для меня свойство. Помимо того, что каждый из них связан с определённым светлым периодом моей жизни, все они меня переживут.

Что бы ни случилось завтра, ядерная война, эпидемия, техногенная катастрофа, все они, и большие, и малые, переживут меня.

Я напрасно считаю их своими. Они не мои, наши жизненные пути лишь на время соприкоснулись и идут рядом, но настанет день, и мы двинемся разными дорогами. Очень разными.

И вот этот камень, что подарили мне в редакции «Нового мира», он, к слову, тут единственный не имеющий отверстия, и вон тот малыш, похожий на астероид, изрытый неизвестными мне процессами и излучениями, и тот, побольше, но тоже похожий на астероид, и вон тот, плоский, треугольно-округлый, с аккуратной дырочкой, словно специально сделанной, чтобы его носили на верёвочке как амулет, все они, белые, серые, ноздреватые, монолитные, все они меня переживут.

И я понимаю, что они не мои. Они принадлежат кому-то совершенно иному, мало знакомому мне. Полка лишь временное их прибежище. Когда меня не станет, они отправятся дальше своей дорогой.

Нет, они принадлежат отнюдь не вечности, век камня тоже конечен, но чему-то гораздо более продолжительному, чем я.

Я трогаю их, они холодны, спокойны. Они даже не знают, что нечто мимолётное вроде меня считает их своей собственностью на том лишь основании, что оно их нашло и разложило на полке своего письменного стола.

Как я могу думать, что они принадлежат мне? Смешно. Так мальчик, гуляя с девочкой под ночным небом, говорит: «Давай вон та звезда будет твоей, а та — моей». Девочка соглашается, и им кажется, что, если звёзды ничьи, каждый имеет право объявить их своими. Смешное притязание.

Есть люди, считающие себя владельцами алмазов, но, если не будет на иное злой воли, алмаз переживёт любого из своих владельцев. А потом укроется в радиоактивном пепле, а может, его занесёт песком речная волна, или он утонет в грязи.

...Но только здесь нет
Ничего моего.
Прощаться будет легко...

Говорят, камни с дырочками, «куриные боги», приносят счастье. Интересно, знают ли камни, что эта их особенность кого-то может сделать счастливым? Или наш век так короток по сравнению с их, что они даже не успевают заметить нашего краткого присутствия рядом с ними?

Ещё здесь есть шар из лунного камня, похожий окрасом на нечто среднее между Юпитером и Сатурном. Он лежит на крохотной тарелочке с изображением Калязинской колокольни. Изначально тарелочка была снабжена магнитом и висела на холодильнике среди множества других сувениров, отражавших нашу жадность пространства, но потом магнитик отвалился, потерялся, а шарик лунного камня и тарелочка вдвое меньше бутылочного донца составили неожиданно гармоничную пару.

Вечером я иногда протираю их, а потом раскручиваю шарик на тарелочке. И мне кажется, что всё здесь зависит только от меня, и скорость вращения шарика, и то, насколько долго он будет вращаться, потому что если не протереть, то оседающая пыль уменьшит продолжительность вращения. Мне кажется, я тут главная действующая сила... А потом понимаю, что и шарик, и тарелочка, пожалуй, проживут дольше меня. И даже если они расколются, их выкинут на помойку, то и в этом случае, и в виде осколков, они будут жить тысячелетия, а от моего тела через сто, максимум двести лет не останется и следа.

Но я кручу шарик с ощущением властелина Вселенной.

Среди камней есть две раковины моллюсков. В одной из них имеется дырочка, и поэтому она здесь, а другая — от устрицы, которую я съел первой в своей жизни.

Я смотрю на них и понимаю, что моллюски, прятавшиеся в них, тоже, наверное, считали их своей собственностью, но вот теперь моллюсков давно нет, а створки их раковин продолжают путешествие по миру. Огромному, удивительному, бесконечно меняющемуся миру.

Здесь всё меня переживёт.
Всё, даже ветхие скворешни...

Мы пушинки, мятущиеся в вечном огне. Мы ненадолго. Мы временно.
По кальциево-органической створке устрицы, мелово-белой, с бурыми пятнышками и прожилками, ползёт мошечка. Возможно, это я.

История без названия

В совсем недавнем прошлом жил... Вот сейчас надо быть особенно осторожным в словах. И всё же после некоторого раздумья скажем, что это был писатель. С известным допущением, понятно.

Дело в том, что этот писатель, каковым он искренне себя считал, за всю жизнь не написал ни строчки художественного текста, ни буквы литературоведческого изыскания или критической статьи. В раннем детстве он баловался стихами, но вряд ли кому придёт в голову всерьёз рассматривать творчество пятилетнего индивидуума.

Дело в том, что он писал исключительно интервью с собой. Да, не опубликовав ни абзаца, он десятками и сотнями выдавал интервью с собой, как если бы был известным, нобелевского калибра писателем. Он сам сочинял вопросы, касающиеся положения литературы в современном мире, выдавал сентенции о литературе античной, средневековой. О тех писателях, что недавно ушли из жизни, и тех, от которых не осталось даже могил. Он был виртуоз высочайшего полёта в выдумывании вопросов. Но ещё большим виртуозом, знатоком и мыслителем он предстал, отвечая на них.

Нечеловеческая, совершенно змеиная мудрость таилась в его вопросах, и нечто детское, простое, но глубокое, как советская скважина на Кольском полуострове, лежало в ответах.

Он и вправду понимал многое, чудовищно многое, но выплёскивать мог это лишь в форме интервью с самим собой, и именно как с величайшим писателем современности. Только вещая из-под этой маски, он вытаскивал корни литературных явлений, только под ней он находил самые неожиданные сравнения, параллели и коннотации. Только в этом образе открывал глубинные тайны и чувствовал направления, куда движется вселенная искусства. Только в этом маскхалате его разоблачения были убийственны, доводы убедительны, как топор, а взгляд становился зорче прибора ночного видения.

Но сотрудники толстых литературных журналов, лишь только видели перед собой интервью с человеком, обозначенным как виднейший писатель современности, при том что его фамилию они слышали впервые, тут же закрывали файл и отправляли в корзину. Никто не спорит, процент безумцев, желающих опубликоваться в СМИ, непередаваемо высок, но он ведь действительно был гением...

Однажды его интервью прочитала студентка литинститута, сидевшая в редакции журнала на должности стажёра и поставленная разгрести почту.

Она прочитала первые строчки, гласящие, что перед ней интервью «наверное, единственного человека, которого уже сейчас, при жизни, можно назвать гением», и собиралась закрыть файл, но взгляд зацепился за первый вопрос, потом за несколько последующих строчек ответа, потом двинулся дальше, дальше.

— Мы не можем напечатать интервью человека, подложно обозначающего себя гениальным писателем, если ни одно издание не опубликовало даже одного его рассказа. Это ведь логично? — сказал ей зам главного редактора.

Она вызнала адрес отправителя и приехала к нему лично. Он долго не открывал ей, они переговаривались через закрытую дверь, из-за которой тянуло затхлым и резким запахом.

Он впустил её только после того, как требовал обещание явиться в маске, и она, сходя в аптеку, выполнила его.

Он приоткрыл запертую на цепочку дверь, девушка увидела бешеный глаз и тонкую седую прядь, пересекающую его.

Глаз осмотрел её маску, и из-за двери донеслось:

— Входите! Только быстро.

Она вошла и немедленно поняла происхождение резкого запаха. Всюду в этой квартире сидели, сновали, лежали, свешивались кошки, коты, котята и особи совершенно непонятного пола и возраста.

— Вытирайте ноги, — строго приказал хозяин, указывая на коврик возле двери. — У меня идеальная чистота.

Самое интересное, что в комнатах действительно была идеальная чистота. Здесь не было ничего, что можно было бы уронить, сбросить или испортить. Стены до самого потолка были увешаны домиками, когтеточками и иными конструкциями, предназначенными для кошачьих забав. Такое она видела впервые. Десятки кошек и полный порядок.

— На запах не обращайтесь внимания, — сказал хозяин.

Второй его глаз был столь же бешеным, седые волосы эффектно падали на плечи в китайском халате.

— Котята, пока не приучатся к лотку, делают маленькие дела где попало, оттого и запах.

Коты и кошки всех мастей, размеров и окрасок ходили вокруг.

— Итак, зачем вы явились?

Он усадил её на стул посреди большой комнаты, сам же, съёжившись в комок, примостился на диване.

— Вы написали письмо в... — она произнесла название журнала.

— Возможно, — ответил он. — У меня на такие вещи очень короткая память.

— Я приехала затем, чтобы сказать, что вы гений.

...Затем она несколько десятилетий пыталась упрямить его оформить письма в нечто иное, кроме интервью. Говорила, что переработает его мысли в критическую статью, в потрясающий сборник критических статей. Но нет. Он отказывался, он кричал на неё. Говорил, что если только увидит свои идеи в каком-то издании оформленными не в формате интервью с лучшим писателем современности, то убьёт её, и она верила, его глаза вспыхивали холодным электричеством, а голос хрипел совершенно загробными интонациями.

— Либо интервью с величайшим, глубочайшим писателем в истории мира, либо никак, — нависая и щекоча ей щёки сосульками давно немых волос, говорил он.

В своей квартире, идеально выстроенной и обставленной, он выглядел инородным телом, возможно, даже пытающимся обрушить этот идеальный порядок.

Когда он так говорил, кошки замирали и смотрели на неё сузившимися в осуждении зрачками.

— Либо так, либо никак, — повторял он.

— Значит, никак, — рыдала она. — Никто не напечатает такое интервью.

— И прекрасно.

Он выпрямлялся, откидывал со лба волосы, раскидывал руки, будто обнимал весь мир разом.

— И прекрасно. Гений существует только на грани «всё» и «ничего». А я гений, и «ничего» мне не надо.

— Хорошо, — вытирая слёзы, говорила она. — Давай вместе напишем роман и опубликуем его. Я помогу протолкнуть его, у меня есть связи.

— Ты идиотка? Пока я не написал ни строчки, я написал идеальный роман. Роман всех веков и поколений. Но напиши я хоть строчку, я сведу всю гениальность замысла к буквам, а мой замысел выше всех возможных

сочетаний букв и слов, что только есть в этом мире. И поэтому ни слова, ни буквы. Я даже не думаю об этом великом романе, чтобы не опозлить его величие ограниченностью своей мысли. Нет. Только небытие, только величие. Потому что только в небытие и есть абсолютно непогрешимое величие замысла. ЗАМЫСЛА! Только не сказав ни слова, остаёшься великим. Настоящая критика возможна только от человека, не написавшего великий роман. Он оценивает всё написанное через осознание того факта, что написать действительно великий роман можно, только не написав его, только замолчав...

Это были долгие и сложные отношения, закончившиеся с его смертью.

А когда тело его увезла специальная бригада, она открыла окно, и из идеально устроенной квартиры домашние кошки потянулись на ветки растущего вплотную к стене дома тополя, и через двенадцать часов в квартире не осталось никого, только она.

«Похоже, я — единственная написанная им строчка», — подумала она, понимая, какое влияние оказал он на её жизнь.

Вдали от городов

СССР, начало восьмидесятых. Студент-филолог одного учебного заведения в Ленинграде создаёт марксистский кружок.

Дети. Красивые дети.

На собраниях кружка студент пламенно обличает Брежнева за отход от ленинских принципов. Не раз, не два...

Советская власть уже далеко не зверь. Да и зверем, по сути, никогда не была. Студента отчисляют из универа и отправляют не в тюрьму, а солдатом в стройбат в уфимскую глухомань. Впрочем, стройбат того времени лишь немногим отличался от тюрьмы. В тюрьме есть законы, в стройбате — нет. Тут только право сильного. А он очкарик, у него едва начали пробиваться усы и телосложение из тех, о которых говорят: соплём перешибём.

Перешибали не соплём — кулаками и солдатскими крепкими ремнями с латунными пряжками. Потом, когда он станет поэтом, напишет об ударах сапогами, принимаемых на жёлтом льду возле солдатского сортира. Напишет и о том, как научился отвечать на любой удар и любое злое слово. Как выработал жёсткий, внезапный, словно укус змеи, удар. Как научился забывать себя и страх смерти, вступая в драку. Он напишет много стихов, и он ничего не забудет. В его стихах объявятся поступь легионов великого Рима, блеск спиц фараоновой колесницы, беспросветная чернота волос Леды, соблазненной лебедом — Зевсом.

Его будут бить, а он поймает краем зрения острый электрический про сверк звезды, перед тем как её заслонит сапог, летящий ему в лицо, от которого он уклонится судорожным движением.

Он, избитый, встанет со снежно-ледяного крошева, ощупывает лицо, рёбра. Прихрамывая, делает несколько шагов от туалета. Руки слушаются, ноги слушаются, позвоночник держит. Если разобраться, солдату-первогодку нужно не так уж и много.

Они спят в большой армейской палатке. Температура внутри около нуля. И это благо, учитывая, что вокруг минус сорок. Зима в окрестностях Уфы довольно сурова.

Спят одетыми на сооружённых наспех нарах. Спят все, включая дежурного, поставленного следить за огнём в печи. Впрочем, печь раскалена всё ещё достаточно прилично, и упрекать дежурного в том, что он спит, причин нет.

Бывший студент-филфаковец садится, вычленяясь из массы лежащих рядом с ним, одетых точно так же, как он, тел. Смотрит на просвечивающие красным контуры печной дверцы, встаёт и идёт к выходу из палатки.

Дежурный не просыпается.

Расшнуровав и откинув полог палатки, выходит под звёзды. Делает несколько шагов, останавливается.

Млечный Путь, словно кто бросил вверх горсть снега, пересекает небо. Города далеко. Тут такое небо, каким его видели только первобытные люди, не знавшие огня.

Мороз дерёт кожу. Он застёгивает ширинку и никуда не уходит. Смотрит сквозь круглые очки на небо. Там звёзды, очень много звёзд.

Он стоял и вдруг понял, хоть и читал об этом не раз, что до любой из звёзд, которые он видит, столько световых лет пути, сколько он вряд ли проживёт, не то что здесь в стройбате, а вообще.

Снег сиял, и было непонятно, то ли отражённым светом луны и звёзд, то ли свет шёл изнутри самого снежного покрова. Ткань палатки трепыхалась и бухала под ветром. Он втянул воздух. Пахло морозом, снегом. Свежестью и простором пахло.

Луна — пятнистое колесо катилась над равниной. Леса щетинятся далеко, кажется, и не дойдёшь, островерхими краями.

Тело ломила усталость. Нет, здесь уже ни дембеля, ни черпаки не били и не заставляли драить то сортиры, то сапоги, но была изматывающая много-часовая работа по прокладыванию железнодорожной магистрали.

— Чёрт его знает, — говорит он, стоя под огромной луной. — Может, и в сиянии спиц вагонов, что пойдут по рельсам этой магистрали, будет отблеск фараоновых колесниц. А в ритмике «та-дам, та-дам» аукнется поступь легионов Древнего Рима.

Холод вскипал в костях. Он возвращался в палатку. Его место было уже занято двумя тушами, раскинувшимися до того рядом с ним.

Он упал меж них, привычно растолкав их руки и плечи.

— Очкастый, задрал, — сказал один из соседей, тем не менее подвигаясь.

— Спи, — почти приказал бывший студент. — А вообще там знаешь какие звёзды!..

Над палаткой, проснувшимся и подкидывающим в печку дрова дежурным, рядами лежащих на нарах солдат плыли созвездия, названия которых знал только один человек на всю округу.

Надежда Болтачева

Не опадая, падает листва...

Восковая свеча между двух зеркал, открывая портал,
пространством становится странствующим.
Мириады свечей отвечают ей.
В равной мере быть везде-нигде,
обрываясь в ветре, возникая в огне-воде,
в жизни-любви-смерти, в пустоте, за чертой пустоты...
Вот так и ты между земным и небесным
огнём бестелесным горишь,
связующим лишь...

Один в компании ночной
лампады свет горит.
Стучит машинка за стеной.
Творит изделия портной.
Ничем не знаменит.

Порой работа нелегка.
На свет из-под иглы
то строчка выйдет, то строка...
То пчёлы, то щеглы.

Ткань, в сущности, на всех одна.
Легка в иголке нить.
Строчит, сшивая времена...
Случится, кофточка тесна —
пора перекроить.

Надежда Болтачева — окончила химико-технологический факультет УПИ (УрФУ). Работает в институте органического синтеза УрО РАН. Кандидат химических наук. Автор двух поэтических сборников. Публиковалась в журналах «Урал», «Дети Ра», «Зинзивер», в коллективных сборниках. Живёт в Екатеринбурге.

И лишь у края на краю,
где времени в обрез,
построит выкройку свою,
не глядя на отрез.

И, обретая глубину,
замыслив перелёт,
вдруг к платяному полотну
небесное пришьёт.

Смотрю на листья

Накануне уныния и тоски —
золотистая линия, лоскутки,
сокровенного инея полынья.
Накануне уныния полон я.

Разрушая проплешины тишины,
разукрашены, взвешены, лишены,
не слышны, но услышаны, прощены,
вдохновенно возвышенны...

Не опадая, падает листва,
Божественному доверяясь жесту,
небесный сад закружится едва.

Земля ночная в свете притяженья
большого Одиночества легка.

Мы все в паденье. Ввысь скользит рука...
Вокруг паденье. След его повсюду.

Но лишь Один, чья милость высока,
являя длани, приближает к чуду.

(Rainer Maria Rilke — Herbst, 1902)

Слово Божие целокупно.
Даже малая буква хранима звучащими рядом.
Утратив одну, сад обернётся адом.

И в мире твоём, где лишь болью любовь сильна,
не обходится без потерь.
Всего лишь буква одна.
Но где ты теперь?

Выбыли люди — бараки снесли.
Тут же из-под земли иное встаёт жильё.
Природа берёт своё.
В суеде поселковой, сумеркам вопреки,
разрозненных веток, сомкнувшись, торчат штыки.
Вместо борщей — многолетние борщевики.
Вернёшься однажды — будто и не было ничего.
Сорняков бестолковых царит редут.
Золотые следы мимолётного прошлого твоего
в землю везут.

Лишь на мгновение их нареки.
Вновь не рождённым позволь воплотиться,
чтоб берегам близорукой реки
соединиться.

Лишь на мгновенье верни их назад,
чтоб прошептали прощальное слово.
Как эти звёзды безмолвно горят —
в плесе небес мириады оград —
скорбное сердце взорвать норовят
снова и снова.

Двери темницы на миг отвори,
чтобы живых обнимать напоследок.
Как эти звёзды до самой зари —
вольные птицы зарницы внутри —
рвутся из клеток...

опять по долгову полю в туманно-суконном мире
где правит один лишь ветер молитвы ветвей свивая
сумерки-недомерки текут в закуток заката
разбросаны сонные мины
мины воспоминаний
вот память твои темницы безвременные руины
и мысли — вороньи гнёзда клюют узелки разлуки
чтоб прошлое воскрешало

вспыхнуло вдруг — зажглось
что лишь однажды сбылось
вновь на лошадке своей деревянной
скачешь и скачешь тропой безымянной
о вечном не ведая не гадая
видишь вдруг женщина с виду немолодая
в платочке цветастом
короче любовь сама
в коляску глядит

пусть на миг отступает тьма
окликнешь её
слеза ускользает в омут
где мысли — вороны гнёзда разорванных струн не тронут
окликнешь
в ответ безымянная всюду звезда
тебя не услышит
не вспомнит тебя
никогда

опять по долгому полю идёшь
ожидая взрыва

Сколько угля в глаголе, влаги в сухой листве?
Переболеет поле травами. В синеве
облако млечной пыли медленнее, светлей,
чтобы глаза забыли елей лесных елей.
В клеточке одиночной азбуки неземной
не разглядеть ни строчной, ни прописной.
Паузы и цезуры.
Или писать с природы, или без нот звучать,
или молчать.

Ночь в чернильной прячется черноте.
Пой, покуда плачется, в наготе
неодушевлённого в простыне,
ничего мгновенного больше не
будет, всё по-прежнему без тебя.
Что потоку вешнему след дождя?
Боль от одиночества, пустоты.
С именем без отчества
Бог и ты...

Ирина Банах

Белый шум

Рассказ

Лошаденка жует, слушает и дышит на
руки своего хозяина...
Иона увлекается и рассказывает ей всё...

А.П. Чехов. Тоска

Ледяной дождь с самого утра сыплется и сыплется с неба, и нет ему ни конца, ни края. За плотной стеной колючей хляби размахивает огнями городская елка. Темно и зябко.

На фасаде Фарного костела зябнут святые Петр и Павел, укрываясь от холода глубже в полукружья ниш. Вверху, под центральным фронтоном, морозит воздетые к небу руки Франциск Ксаверий. А внизу, над выщербленными ступенями, каменный Христос тащит на спине тяжелый крест, правым перстом указывая путь: мол, поднатужься, народ, возьми крест свой — и айда, следуй за мной!

И народ следует. Прячет лица в воротники, кутается в шарфы и капюшоны, путается в полах пуховиков и шуб, оскальзывается, падает на льдистом тротуаре. Ветер сбивает с ног, но пешеходный народ несет и несет свою ношу туда, куда указывает перст. Мимо мутноглазого светофора, мимо аптеки и афишной тумбы — на ближайшую остановку у торгового дома «Батория».

Там уже зябнут пешеходы — без пяти минут пассажиры, жмутся под навесом, дышат друг другу в затылки. Сбоку к ним теснится овчарка, тоже зябнет: рыжая шерсть с черными подпалинами обрастает чешуей из сосудов. Со стороны кажется, будто всей толпой люди делят с собакой огромную будку, над крышей которой жмутся друг к другу зеленые готические буквы.

В троллейбусе тоже тесно, но жарко. Печка шпарит безжалостно, пока ледяные иглы бомбят стекло. Люди задыхаются, но не ропщут: в тесноте, да не в обиде. Едва троллейбус причаливает к тротуару, загорается панель управления — цветная, как игрушечное пианино, — и автоматический баритон объявляет остановку.

Оксана выбирает зеленую кнопку — открыть двери. Люди вываливаются из троллейбуса, навстречу им устремляются пешеходы из будки. Пока порция новоиспеченных пассажиров загружается, к водительскому окошку протискивается женщина в потертой норковой шапке — ждет, когда ее облетят. Не обращая на нее внимания, Оксана набирает номер на телефоне и вступает в диалог сразу с фортиссимо:

Ирина Банах — писатель, литературовед, кандидат филологических наук. Выпускница литературных школ CWS и Vand, мастерских Ольги Славниковой, Екатерины Оаро, Анны Никольской. Публиковалась в журналах «Юность», «Пашня», на портале «Прочитано», в издательстве «Нигма» («Охота на Носкотыра»).

— Ты, мерзотник, Ваську отдай!

Трубка мямлит в ответ что-то невразумительное. Оксана переходит на шипение:

— Зачем он тебе, скажи. Сам сдрыснул и коту прихватил? Мало ты моей крови выпил? — Переключается на крещендо: — Лахудре твоей на воротник? — И завершает тираду ликующим сфорцандо: — Так на ее буфера и медведя не хватает!

Трубка что-то рывкает в ответ и, захлебываясь короткими гудками, отключается.

Женщина в норке гневно стучит монетой по стеклу.

— Девушка, — голос глухой, как из аквариума, — вы билет продайте — и болтайте сколько хотите.

Оксана рывком открывает окошко, хватая монеты, швыряет их, не пересчитывая, в пластиковый ящик, отрывает талон, сует норке. И торжественно, словно работник сцены, запуская механизм раздвижного занавеса, жмет кнопку автоинформатора. Услужливый баритон тут как тут:

— Увага! Дзверы зачыняюцца. Наступны прыпынак — «Дом сувязі»¹.

Мельком подглядывая в боковое зеркало, Оксана выбирает желтую кнопку — двери схлопываются.

Из аквариума доносятся голоса:

— Эй, эй, пассажира забыли.

— Стой!

— Тормози!

В зеркале машет руками мужчина, и овчарка у его ног — то ли в колтунах, то ли в сосульках. Оксана хватается за микрофон:

— С собаками не положено!

Она решительно закрывает двери, и троллейбус отчаливает в ледяную хлябь. В зеркале проплывает оставленный за бортом мужчина. Он что-то кричит, грозит кулаком, плюет на асфальт. Ветер озверело полощет полы его пуховика. За углом скрываются печальные собачьи глаза.

Спустя четверть часа троллейбус прибывает на конечную, где над городом броненосным крейсером возвышается химзавод. Чадят полосатые трубы, оставляя в светлеющем небе длинные сизые хвосты. Пассажиры покидают салон, а Оксана, получив положенные семь минут на передышку, опять набирает номер. Уже другой. Долго ждет ответа. Наконец в трубке раздается сдержанное «алло».

— Фуфло, — огрызается Оксана. — Кота верни!

У трубки находятся свои аргументы.

— Что Артурчик?.. Ты мне Артурчиком не тыкай, — Оксана раздражается. — Ну и что, что нашел? Мало ли он всякой дряни домой таскал? Ваську кормила я. Я! Все семь лет. Собственной грудью, можно сказать.

Она отодвигает трубку подальше от уха, пока оттуда потоком льется словесный яд.

— Васька тебе на фиг не нужен! — Оксана вновь переходит в наступление. — Диабет у него. И диета. Низкоуглеводная. Ты будешь ему котлеты паровые готовить? За кроликом на Скидельский бегать? Сильно сомневаюсь.

Трубка захлебывается забористой бранью.

— Это я прошмандовка?! — от ярости Оксана подпрыгивает в кресле, шарики деревянного массажера больно вонзаются в ягодицы. — Это ты... ты прошмандовка! Предательница! Моторист Валера... Знаю, по какой ты части — переднеприводной. Мужа увела и коту туда же!

Трубка отключается, не желая выслушивать похабные подробности.

— Ваську верни, дура набитая! — Оксана кричит в уже оглохший телефон. Но тот не подает признаков жизни.

¹ — Внимание! Двери закрываются. Следующая остановка — «Дом связи». (Пер. с белорусского)

Дождь продолжает молотить по крыше, и Оксанино отражение в лобовом окне растекается дымчатой акварелью: дымчатые волосы — длинные, почти русалочки, дымчато-голубые глаза, а в них — дымчато-зеленая грусть-тоска.

Рядом притормаживает Колян с шестого маршрута, отсвечивая образцово отполированной лысиной, резко обрывающейся линией кустистых бровей. Оксана приоткрывает окно, запуская в кабину морозный ветер.

— Представляешь, Артур Ваську забрал. Сам неделю как свалил — ну и черт бы с ним. Так нет же!

Брови вздымаются гуцульским домиком:

— Не знал, что у вас дети есть.

— Какие дети? Кот! — Оксана пытается перекричать шум мотора.

Но Колян уже уходит на разворот:

— Извини, Ксюха, ехать надо. Давай не скучай!

Столько друзей было еще месяц назад, а сейчас и парой слов перекинуться не с кем. Дымчатый двойник поджимает обиженно губы, по щекам растекаются дождевые дорожки. И нет того, кто бы утешил и выслушал.

Тем временем очередная порция пассажиров уже занимает места, и Оксана заходит на следующий круг. Она жмет педали и кнопки — бесперебойно, как органист на костельных хорах, — обилечивает, следит за дорогой — тянет свою привычную водительскую ляжку. Мелькают за окном дома, автомобили, лица. Перемигиваются елочные гирлянды — этот белый шум предновогодней поры, сокровенный смысл которой давно утрачен.

Пока троллейбус добирается до другого конца города, уже совсем светлее. Дождь становится тише и покладистее. На остановке — Танька с десятой линии: кутаясь в дубленку, курит на нижней ступеньке и попутно скроллит новости в телефоне. Оксана хватает куртку и выныривает из салона.

— Слышь, Артурчик-то Ваську с собой забрал.

Танька прищуривается, глубоко затягиваясь «Кентом», на секунду отрывает взгляд от экрана:

— Какого Ваську?

— Кота моего, — Оксана стучит носком по переднему колесу: нужно сказать, чтобы подкачала.

— А-а-а. Нового заведешь, — потеряв интерес, Танька возвращается к телефону.

— Кого?

— Артурчика.

— Не понимаешь ты...

Голос у Оксаны дрожит, глаза щиплет — слезы на подходе.

— Дуришь ты голову. И себе, и мне, — Танька стряхивает пепел на асфальт и тычет сигаретой в экран. — У тебя вон на маршруте овчарка катается, немецкая, представляешь? Зашла на автовокзале, а вышла на «Батории». Пишут, на «шестерку» пересесть хотела. Вроде опять на вокзал подалась. «Зайцы» нынче не те, — смеется, обнажая безупречно ровные виниры.

Оксана обиженно нахлобучивает капюшон — поглубже, по самую переносицу — и возвращается на свое рабочее место. К горлу подкатывает такая тоска, что ни унять ее, ни выкашлять.

На автовокзале — огромная толпа. Как всегда. Опять на ушах ехать! Оксана ждет, пока загрузится в салон всё это продрогшее многоголовье, показывает левый поворот. Заезженный баритон, бодрясь, объявляет очередную остановку. Вдруг перед глазами мелькает тень: черная спина, рыжий хвост — собака на дороге!

— Куда, дурища?!

Оксана — по тормозам. Собака шарахается в сторону, прижимается брюхом к заледенелому асфальту. Троллейбус дергается, скрежещет, скользит по льду, буксует, скрипит и, крякнув надсадно, останавливается наконец. У

самой собачьей морды. Что-то тяжелое грохочет по крыше. Со всех сторон сыплются искры, будто в отдельно взятой точке пространства случается Новый год. Досрочный. Собака отползает, приподнимается и на полусогнутых лапах трусит обратно на остановку, пугливо поджав хвост.

Аквариум наполняется гулом: кто-то возмущается, кто-то отряхивается, кто-то потирает ушибленный лоб. Оксана натягивает куртку, сверху — оранжевый сигнальный жилет, хватая пропахшие мазутом рукавицы и выскикивает в ледяное утро. Ветер треплет каштановые волосы, морозит уши, забирается воровато под куртку.

Над троллейбусом болтаются токоприемники в полном рассинхроне, а вдоль дороги стелются оборванные провода, испуская последний электрический дух. Машины опасливо их объезжают, сигналият: день жестянщика можно считать открытым.

Оксана возвращается внутрь и берет микрофон — такого текста у баритона нет:

— Троллейбус дальше не идет. Обрыв провода.

Пока она звонит диспетчеру, в спину ей вонзается сердитое:

— Не дрова везешь.

— Ездить сначала научись, а потом пассажиров вози.

— А деньги за билет кто мне вернет? Пушкин?

Но Оксана не слышит, она склоняется над собакой:

— Ну что, террористка? Беды наделала. Цела-то хоть?

Собака приподнимает морду. На Оксану смотрят знакомые овчарочьи глаза — виновато, затравленно. Оксана ведет собаку в салон, достает из фольги бутерброд с мортаделлой и сливочным сыром, отламывает по кусочку. Овчарка жадно жует и смотрит благодарно в глаза, жмурясь от тепла и света. Оксана гладит ее заледенелую морду. Смотрит, как тают сосульки, как растет на полу грязная лужица. Оксана вдыхает запах псины и даже не морщится. На ошейнике находит капсулу, а там бумажный клочок с кличкой собаки — Найда — и номером телефона хозяев.

А потом, пока ждет техподдержку, Оксана выговаривает всё, что булыжным камнем лежало на сердце. Говорит, говорит, говорит...

О том, что ей, как русскому богатырю, уже тридцать лет и три года, из которых тринадцать она никак не может забеременеть, трижды проходила ЭКО, пока не довела себя до реанимации, а ребеночка так хочется, так хочется, что сил нет...

О том, что отец работал механиком в автопарке и брал ее на работу, вместе они встречали рассветы, провожали закаты, вместе в «канаве» — яме смотровой — автобусы разбирали, вместе колесили по городу, но мечтала она стать актрисой или певицей — как карта ляжет...

О том, что познакомилась с Артурчиком в ее семнадцать, когда он уже водил троллейбус, и что троллейбус ей понравился больше, гораздо больше, и карты все спутались, и что, когда поженились, они вместе работали в троллейбусном депо, но Артурчик любил выпить и по бабам не прочь, и что из депо его выгнали по статье, а он уехал дальнобоить в Польшу, поедет на три месяца — вернется на неделю, а она скучала в пустой однокомнатной квартире на Ольшанке, любила потому что и ребеночка хотела...

О том, что была у нее школьная подруга Лера, единственная, не разлей вода, сестра почти что, но однажды нашла она ее номер в телефоне у мужа под записью «моторист Валера», а она думала, что ж это у него, как ни вернется из Польши, мотор ломается: то перегрев, то недогрев, то трубы дымят, то двигатель вибрирует, и он всё Валере наяривает и наяривает и денно и ночью, а оно вон как оказалось, теперь ни подруги, ни мужа...

И о том говорит, что Васька — сибирский кот, семь лет ему уже без малого — ее единственная отрада, всё, что от жизни от прежней осталось, болеет Васенька диабетом, представляешь, у животных такие же болезни, как у людей, и поджелудочная у них слабая, что теперь ни подруги, ни мужа, ни кота,

никогошеньки не осталось, видно, крест у нее такой, а у Артурчика — одни козыри на руках, и где справедливость, скажи...

Найда кладет ей морду на колени, смотрит сочувствующим взглядом — и кажется, что текут слезы из огромных каштановых глаз. Оксана чувствует, как колени согреваются от собачьего дыхания и жар расходится по всему телу.

А в депо их ждет Алёна, хозяйка овчарки. И мальчик в вязаном скафандре с веселым помпоном — ее пятилетний сын.

— Мы в частном секторе живем за Неманом, — сбивчиво оправдывается Алёна. — Часто на дачу ездим, Найду с собой берем — больно любит она в машине кататься. А в прошлом году научилась калитку открывать. Лапой подденет снизу — и ищи-свищи. Видимо, мост перешла и заблудилась, потеряла след. С собаками такое бывает...

Мальчик угощает Оксану желатиновыми мишками. Варезки болтаются на резинках, как в ее детстве.

— А хотите, мы вам щеночка дадим? — говорит мальчик. — Когда Найда окотится.

— Правильно: ощенится, — украдкой исправляет Алёна.

— Может быть, — улыбается Оксана, — может быть...

К тому времени, когда заканчивается смена и автобус везет ее мимо «Батории» на Ольшанку, небо уже проясняется, и сверху сыплется снежная крупа — прямо в ладони святого Франциска. На Фарном костеле золотятся ключ у Петра в руках и меч у Павла. И только Христос все так же тащит на плечах свой каменный крест. Но внизу под лестницей ставят шопку — рождественский вертеп: крытый соломой деревянный сарай с гипсовыми фигурами новозаветных героев. Уже Иосиф и Мария преклонили колени в молитве, уже осёл опустил морду в мешок с сеном, уже волхвы окружили пустые ясли — все ждут, когда в них появится круглощекий младенец в белоснежной распашонке. И плывет над городом надпись: «Sursum corda»².

² «Вознесем сердца». (Пер. с латинского)

Юлия Новосёлова

Ультрафиолет

Просыпаешься
от шума дождя по крыше
Дождь — это что-то нездешнее
чтобы услышать
как тебя вопрошает
перебивая местность
кто-то отвесный

Весна света 2025

Перебираешь слова, как пряди,
[как] расчесываешь гриву.
В Еловой Гриве засветло блукать
[шероховатость
кривинских зубчаток
что гребень частый]
знаки препинания
не замечать
спуститься к егерям
со стороны не заповедных мест
[в будущность не войдешь
прошлого не повстречаешь]
мы будем вместе —
нынче вопрос летальный
в каждом прерванном сне
я куда-то переезжаю

Сполохом
приспохватываешься
из суматохи сна
Это — уже светает.
Это теперь весна.

Юлия Новосёлова — родилась и живет в Екатеринбурге. Окончила матмех Уральского государственного университета. Работает инженером-программистом. Автор книг стихов «Заклятье реализмом» (2019), «Солнечное сплетение» (2025). Публиковалась в журналах «Урал», «Плавучий мост».

Оттепель. Эхо

Чёрная вода на дорогах —
подплавленная оттепелью печаль.
Дышишь ли ты?
Слышишь ли ты?
Отвечай,
не молчи, как на похоронах,
рассказывай о себе
чаще, чем на новых похоронах,
звучи дольше,
чем являющиеся во снах.
-нах
-нах
-нах...

Мерцающий этюд

Свет тает
в темноте, в тени, в листве,
теряется, уходит на изнанку.
И ты стоишь в раскидистой тени
без слов, без снов,
попробуй объясни
предметы,
потерявшие пространство.

И сам ты не отбрасываешь тень,
как будто солнце —
прямо над макушкой,
и тянешься макушкой
сквозь листву,
хотя пока ещё и не зовут,
ещё чуть-чуть —
и потеряешь душу.

Растаешь не в тумане, так в тени,
тебя теперь попробуй объясни.

Колокол

Сердце — как сломанный колокол безязыкий,
Молча горчит раскаленная пустота,
Свет проникает в трещину — зыбкий-зыбкий,
Всё-таки воздух дрожит, раска-чи-ва-ет-ся.

Это расходится волнами от предсердий
Память о чём-то морячком и судовом.
Алчет ли тверди тяжёлый корабль на верфи?
Просто ходить не умеет, плывет, весом,
Весом своим вытесняя воду, как воздух.

...В корпус колокола бьётся ветер степной —
Память звенит по ночам, раздвигая звёзды.
Ухает, уходит
волна за волной.

папоротники и маморотники
папонты и мамонты
что-то из детства
вываживаешь думаешь важное
важно ли

на площади обороны от себя
оборачиваются
всадники
апокалипсиса
почему-то
семь
и ты не знаком со всеми

прелюдия лепета
распадается на части
скорлупки
от греческого
хватит ли фольги безумия
к новому счастью

отчество как защита
от отчаяния
когда цветет папоротник
а мамонтёнок ищет причал

Катунь, 2024. Соразмерность

Стильный кофейный ветер под тентом,
серого и зелёного вам в палитру —
под переходящими верхами грозы —
ливневый свинг.
Радуги-дуги
прочно стоят на своих четырех —
нечет и чёт.
[Люди под тентом — для сухости
и для тени.]
Вот —
истончается свет
и уходят печали
клочьями белыми
вверх по зеленой горе —
все мы немножко ёжики
в этом щемящем молчании.

Катится Катунь —
зелёные валы,
вальжные пузыри,
денежные берега —
каждому своя.

[Заливает по весне острова,
обкатывает камушки,
пересчитывает песчинки.]

Проплывай поскорей
под рокочущий шепот
шершавых камней.
Как песчинка ты взвешен
широкой рекой.
— Кто ты нынче такой?

Немного о любви

Что-то сдвигается,
что-то меняется —
заполняет полынью
опустелую сохлую рощу.
Лето совсем истончается над Ревуном.
Цапля взлетает,
небо заткано облачностью.
Местных топонимов —
юрких дракончиков —
выпустишь в текст из горсти,
ходишь от суводи к суводи
справа налево и
слева направо.
Нет ни корысти, ни доблести.
Трек по нескучной воде
пройти —
ленное право.

Весёлые горы, 2018

Проводы осени,
слякоть во всех местах,
сплевывай щепочки, пересчитай чайнки.
Дождь или снег? — Ровно наполовину.
Да или нет? — Можно порассуждать,
камушек на курумнике чуть подвинуть,

но удержаться и бодро скакнуть вперед.
Воздух пропитан влагою и картечью,
реки текут, не замедляя речи,
нас, дураков,
ангелы берегут.

Ультрафиолет

Выходя за границы спектра,
Частишь, поёшь.
Вымирают все мелочи,
Но ты остаешься жить.
Твой случайно брошенный взгляд,
Как нежно брошенный нож,
Точно может
Убить.

Выходя из комнаты,
Ты уносишь с собою свет.
Ты безжалостней солнца,
Ты весь —
Ультрафиолет.

Андрей Оболенский

Нет меня

Рассказ

Из подвального помещения, в котором находилась прозекторская, я поднялся в больничный сад. Он примыкал к больнице сзади и оканчивался полуразрушенным бетонным забором. Ходячие больные здесь не появлялись — запрещали им, да и сад давно зарос, был непролазен. Для встреч с родней в часы посещений отвели уставленный скамейками участок вокруг большой клумбы с другой стороны здания.

Сад переходил напрямик в лес, хотя и отделялся от него упомянутым ветхим забором — больница располагалась на самой окраине. Говорят, она была основана по высочайшему повелению, когда государыня проездом в Ригу несколько часов осматривала город.

Если в сильный дождь текла крыша — а это случалось часто, — на сырой штукатурке стен иногда проступали загадочные надписи. Я лично обнаружил две: «Лицам купеческого сословия входить воспрещено» и «Когда наступит великая смерть, осуществится великая жизнь». Я так и не понял, почему именно купцам воспрещался вход в забитую барахлом обширную кладовку — вероятно, там когда-то находилась палата, предназначенная для мелкопоместных дворян. Относительно второй надписи у меня не возникло даже предположений — хотя бы о том, каков её смысл или откуда она взялась в здании, оставшемся больницей с момента постройки. Несколько дней гадал, потом надоело, бросил.

Ну а в сад, чаще в тёплую погоду, спускались покурить и потрепаться медсёстры и доктора из всех отделений большой и чрезвычайно запущенной районной больницы. Среди докторов была Юлна, высокая бледная блондинка с длинными, собранными в хвост волосами и тонкой кожей, простроченной едва заметной сеточкой мелких вен. Когда Юлна сердилась или радовалась, кожа становилась ещё бледнее, на шее и ниже, вокруг выпирающих ключиц, проявлялись неровные розовые пятна. Шея у Юлны была изумительна, словно на картине Майкла Паркеса, где изображена девушка, идущая по канату. Это создавало контраст с чуть грубоватыми чертами лица, усыпанного неяркими веснушками, и пухлыми детскими губами.

Юлна на первый взгляд не казалась красивой — симпатичной, и всё. Однако в минуты задумчивости, особенно грусти, лицо сильно менялось: линии вдруг истончались, заострялись. Вот тогда красота проявлялась ярко, но виделась мне сломанной, переставшей искать в себе совершенство. В эти мгновения Юлна полностью отрешалась от всего, даже будто исчезала из этого мира, умирала, но не по-настоящему, на время. Уверен, всякий раз это оставляло в ней след, быть может, шрам. Поэтому она становилась старой

Андрей Оболенский (1960) — родился в Москве. Практикующий врач. Прозаик. Публиковался в журналах «Новый берег», «Сибирские огни», «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя».

уже к вечеру каждого дня, и лишь утро следующего чудесным образом возвращало её в прежнее состояние.

Когда Юлна смеялась, что случалось редко, она снова оказывалась иной — девочкой-подростком, совсем ребёнком, легкомысленным, не думающим, что будет с ней самой и со всеми нами. Прелестным, если понимать, что изменения ненадолго. А какая она настоящая — кто же знал...

Юлна была чуть моложе меня. Мы познакомились, когда она пришла на вскрытие, что вменялось в обязанность всем врачам, но редко выполнялось. Из кармана халата торчала книжка. Я как раз привёз из холодильника тело; Юлна подвинулась, чтобы дать мне пройти, а я сумел разглядеть, что это «Зависть» Юрия Олеси в бумажном мятом переплёте.

Пришёл патологоанатом, которого все звали по отчеству — Исаич, имя мало кто помнил. Исаич на ходу натягивал перчатки, потому что всегда опаздывал, отчего спешил и суетился. Он был один на всю больницу, работал здесь с незапамятных времён. Ему стукнуло восемьдесят два, но фору он мог дать многим молодым. Старика не гнали на пенсию, поскольку о его профессионализме ходили легенды, да не в одной нашей больнице, слышал разговоры, что Исаича хорошо знают даже в Москве и Питере, только о жизни своей в столицах он никогда не распространялся. Заменить его было нечем: попробуйте найти знающего дело патологоанатома и судебного медика в одном лице, да чтобы он ещё согласился поехать в занюханый, хоть и немаленький райцентр в ста километрах от Пскова.

А я тогда спросил у Юлны:

— Что, вы любите Олешу?

Юлна ответила, что любит, а я сказал, что знаю наизусть его неопубликованные юношеские стихи. Она удивилась тому, что Олеша писал стихи, никогда об этом не слышала. Так мы и познакомились.

Юлна рассказала мне, откуда взялось её странное имя: отца звали Юлий, а маму — Надежда, вот и составили одно из двух. На мой взгляд, получилось что-то южное и морское. Я произносил имя на разные лады, и мне постоянно казалось, что, повторяя его, становлюсь мальчишкой, загорая на скользком, покрытом зелёными пятнами водорослей валуне, скатываюсь с него в тёплую морскую воду. Юг, солнце, валун, волна... Юлна... Правда, батюшка, когда крестил её, гневался и из всех дозволенных святцами имён, к ужасу родителей, нарёк Фотинией. Но о своём настоящем имени Юлна даже вспомнила с трудом. Я же, хоть и зарёкся рассказывать кому-либо о собственных мытарствах, несколько позже под влиянием странного импульса совсем неожиданно для себя во всех подробностях изложил ей свою историю: почему уже пятый год работаю здесь, в морге, санитаром, почему, взяв с собой из Москвы только кое-какую одежду, в несколько дней перебрался сюда. И вообще рассказал ей всю свою жизнь, не утаив ничего — ни хорошего, ни плохого. После этого она стала часто появляться внизу — покурить или просто поболтать со мной в свободную от обходов и консультаций минуту. Я иногда читал ей свои стихи. Юлна стала вторым человеком, который слышал их. Первым был Ося Фрумкин.

Я хорошо помню день ранней яркой осени, полностью изменивший мою жизнь. Казалось, что благообразный, светлый день злобно плюнул в меня жёлтой табачной слюной, которую копила надвигающаяся пора предзимнего умирания. Я сразу очутился в темноте, раньше маячившей далеко впереди, нагнал её вдруг таинственным скачком.

Мне как раз исполнилось тридцать пять. Я сначала подумал, что это внезапный сплин или короткий кризис, состояния эфемерные и временные у жизнелюбов и сибаритов вроде меня. Но ошибся, быстро ощутив, что во мне, словно в испорченной батарееке, плюс поменялся на минус, и я стал

функционировать по-иному, энергию вырабатывая тоже иную. Или даже не вырабатывая, а поглощая. А может, ничего такого и не произошло — просто вот так сложился пазл из мелких картонных обстоятельств. Или было мне суждено вдруг обнаружить себя в окружающем мире, увидеть, как ничтожно моё бытие, и всего лишь удивиться этому.

Не знаю, почему именно после тридцать пятого дня рождения, справленного с помпой и весельем, как обычно, в большой компании, я проснулся другим. И осень увидел за окном другую. И комнату — убогой в своей фальшивой роскоши, а самого себя — вообще молекулой, вдруг застывшей среди остальных, вечно уверенных, что непременно обязаны хаотически двигаться. Природа будто мстила мне, быстро меняя мою натуру. Только зачем? Что за месть такая? Странно.

Тогда я крепко запил, каждую минуту сокрушаясь из-за своего слабования. Запой с ходу окунул меня в грязное и липкое болото, где дышать было вообще нечем. Вовремя остановился, осознав возможные последствия, но всё окружающее, от мелочей до общего, стало не то что безразличным и неинтересным, а омерзительным. Я не видел выхода, а главное, не мог понять, с чего вдруг взбесился.

— Ты пишешь хорошие стихи. — Юлна запахнула полы халата, плотно сдвинув ноги и поставив их наискось, как любят делать длинноногие девушки. Ноги действительно были длинные и худые, а колени — будто шарниры, как у француженок, по русским меркам — совсем некрасивые. Я вспомнил, что у меня пять лет не было женщины, хотя это совершенно не тяготило. — Но твои стихи, — продолжала Юлна, не заметив моего взгляда, — напоминают смертельно больных детей лет двенадцати, достаточно взрослых, чтобы понять, что больно смертельно. Я много их видела таких, когда проходила курс детской онкологии в институте. — Помолчала недолго. — Твои стихи и правда будто люди — у них есть глаза, там прячется смерть. Почему ты так трагичен?

Я удивился:

— Да нету во мне особого трагизма... тебе кажется. Я-то как раз пошёл по самой лёгкой дороге, выбрал такой образ жизни, который мне больше подходит. Вообще я не хочу в этом копать. Какой есть...

— Нет, ты не замечаешь, но в тебе сидит что-то, мешающее тебе самому, — упрямо проговорила девушка. — Ты не можешь понять, что это, и непонимание давит. Скажи, почему ты не пытался публиковаться? — Она глубоко затянулась псковским «честерфилдом» — других приличных сигарет поблизости не продавали.

— Публиковаться? — Я улыбнулся. — Думаю, по той же причине, по какой ты, молодая, незамужняя, красивая, работаешь в этой задрипанной больнице, общаешься почти с одними алкашами и выжившим из ума старичьём, не пытаешься ничего, совсем ничего изменить. Да и кто станет публиковать то, что я пишу? Кому оно интересно?

Мне показалось, что Юлна вздохнула.

— Знаешь, меня тоже устраивает такая жизнь, хотя не должна бы. Тем более что со мной не произошло внезапного катаклизма, как с тобой. — Посмотрела грустно. — Я понимаю, что это неправильно. Видимо, в меня изначально заложена какая-то ошибка. Или есть некая тайна.

Юлна произнесла слово, которое нам обоим пришлось впоследствии вспомнить. Не раз пришлось. А почему она сравнила мои стихи с больными детьми, да ещё придала моей персоне печать трагизма, я в тот момент не понял. Стихи — да, мало у меня весёлых, пишу главным образом о смерти, она меня всегда интересовала. Я много думал, что смерть в большинстве случаев важнее жизни. И что такое процесс умирания, физиологичен ли он?

И вообще, разве может сводиться к чистой физиологии то, к чему осознанно идёт каждый живущий и все мы вместе? Без всякой возможности предотвратить, лишь не зная сроков. Я не делал из смерти фетиш, как бледный, измождённый Надсон, но хотел понять, что скрыто от нас. А в том, что нечто скрыто, был убеждён. Размышления такого рода и выливались в стихи. Они казались странными даже мне самому, вот и слышали их только два человека на свете — Фрумкин и теперь вот Юлна.

Я быстро достиг успеха, хотя получил самое обычное техническое образование времен заката СССР. Но вообще-то тяготел к гуманитариям-интеллектуалам и приложил массу усилий, чтобы попасть в их среду. Завелись друзья, среди них даже один близкий. Впрочем, этот один существовал всегда. И странное дело, друзья разглядели во мне то, чего я сам никогда не замечал: способность оценивать и облекать свои оценки в форму, которую на ходу и придумывал. А что, мне нравилось...

Сначала льстило, что мэтры прислушиваются ко мне и дорожат моим мнением, в очередь даже становятся за пространными рецензиями, нисколько не обижаясь на замечания. Потом это прошло, стали интересоваться деньгами, получаемые в общем-то за просто так — за консультации и разного размера тексты, почти всегда написанные небрежно. Для меня осталось загадкой, каким образом сложилась моя репутация человека с безупречным вкусом и откуда пошло всеобщее помешательство насчёт моих талантов.

По просьбам редакций и издательств я без устали кропал рецензии на большие статьи модных журналистов, предисловия к книгам поэтов и писателей, порой весьма маститых, консультировал художников, беседовал с известными режиссёрами, платившими хорошие деньги за мои, надо сказать, довольно тривиальные суждения об их творческих замыслах. Проводил маркетинговые исследования для ещё не родившихся шедевров, удивляющих своей глупостью. Я имею в виду и шедевры, и собственные исследования. Впрочем, тогда я и не думал рефлексировать, с лёгкостью находя утешение в том, что таких, как я, легион и непрофессионалы везде, куда ни плюнь.

— Слушай, а заходи ко мне завтра, — вдруг предложила Юлна. — Я хочу твоих стихов. У тебя есть новые? Может, помогла бы в чём, я ведь тоже немного пишу. — Она побледнела неожиданно и сильно. — Детский лепет, конечно, но вот несколько... я бы прочитала — интересно, что ты скажешь. Чаю попьём, у меня конфеты есть. Свежие. — Она просяще, показалось, с мольбой даже заглянула мне в глаза.

Я никак не ждал подобного предложения. Ведь только-только начал приходить в себя, кое-что наладилось, кое-как обвыкся, жизнь потекла ровно и без нервующих случайностей, а тут на тебе...

Приглашение в гости, чтение стихов, что ни говори, сближают, а я не желал ни с кем сближаться. Поэтому проямлил нечто неопределённое, вроде того, что договоримся завтра, а лучше бы потом. Она на удивление легко согласилась: завтра, так завтра... или потом — я не увидел ни тени обиды.

Завистников и друзей, что почти всегда одно и то же, у меня имелось много, а вот близкий друг всего один — Ося Фрумкин. Ося на моих глазах, особо не утруждаясь и оставаясь честным человеком, стал богатым бизнесменом и от неизбежного общения с подобными себе искал утешения в меценатстве. Мы дружили с детских лет, вместе учились в школе, в институте.

Я называл его сердечным другом, как и он меня, — мы находили в этом обоюдное удовольствие. Про сердечного друга вычитали в какой-то взрослой книге ещё совсем детьми, и нам понравилось: мы отличались романтичностью уже в самом нежном возрасте.

Дружба наша была полна недосказанностей, тайных знаков, символов. Никто другой туда не допускался, разве только в качестве временного постояльца или непосвящённого гостя. Мы часто говорили без слов, языком жестов, взглядов, едва уловимых движений. Не мыслили и дня друг без друга, ненадолго расставаясь разве что из-за обстоятельств, всегда бесивших.

Впрочем, собственные интересы и разные взгляды, конечно же, стали с возрастом возникать. Мы пытались по мере сил с этим примириться. Чаще всего получалось, но бывало, что и нет. Но это не мешало, поскольку разница взглядов и интересов теперь подразумевалась по умолчанию. Но чуть позже пути начали неизбежно расходиться.

Дело в том, что Ося во всех смыслах рос существенно быстрее меня. Я это прекрасно понимал и с какого-то момента стал испытывать по отношению к нему странное благоговение, совершенно не дружеское, будто он состарился, впитал многие мудрости, а я остался совсем молодым и глупым, легкомысленно срывающим цветки с пока ещё зелёного куста жизни. Да и Ося стал высокомернее, поучал меня порой, а я не чувствовал ни малейшей обиды.

Последние годы мы встречались всего один раз в месяц, на пятничных обедах в его особняке. О, это было святое, мы скорее похоронили бы для себя весь мир, чем отказались бы от них.

Легенды просто так не складываются: Исаич, под начало которого я поступил, в одночасье покинув столицу и привычный мир, являл собой патологоанатома от бога. Хотя, быть может, давал о себе знать многолетний опыт, набитая, что называется, рука. Но точно сказать не могу, я ведь только далекий от медицины наблюдатель.

Исаич потрошил умерших совершенно буднично, почти не опуская глаз, руки двигались сами по себе, как у робота. Останавливался, если находил нечто не сразу понятное. Тогда встряхивал головой, очки спадали к кончику мясистого носа, а он, близоруко щурясь, разглядывал необычную внутренность, но всегда чётко и ясно проговаривал, что же такое видит перед собой. Потом, не прекращая травить байки, которых у него имелось множество, продолжал работу, глядя на врачей сквозь очки, чудесным образом взлетевшие на место. Врачи же на вскрытия приходили редко, о чём я уже упоминал. Впрочем, если никто не приходил, Исаич рассказывал сам себе. Или мне и Юльне, вдруг ставшей появляться регулярно.

Множество историй, очень страшных или страшных и смешных одновременно, услышал я от Исаича. Повествуя, себя он всегда именовал в третьем лице, и я часто не понимал, о своих приключениях он рассказывает или нет. А когда спросил, вдруг увидел странную брезгливую гримасу, тут же, впрочем, исчезнувшую.

— А вы подумайте, юноша, подумайте, — неожиданно скрипуче и несколько зло ответил он, — быть может, поймёте!

Я подумал — и понял. В связи с этим озадачился тем, что надо учиться мыслить иначе. Раньше это было не так уж и сложно — мир золотой столичной молодежи лишён условностей, там допускается почти всё. А вот в провинции жизнь безумно архаична и до сих пор переполнена этими самыми условностями, недоговоренностями, нелепыми обидами по пустякам. Молодые люди часто как две капли воды похожи на своих пожилых родителей и кажутся старыми, что с определёнными натяжками понять можно. Непонятно другое: почему явно видятся молодыми некоторые провинциальные

старики, да вот Исаич хотя бы... Я не смог понять, где жизнь правильнее. Вероятно, в провинции, иначе зачем я здесь?..

Многие врачи точили на Исаича зуб за расхождения в диагнозах. Я понимал, что он безошибочно определял случаи, когда пациент скончался совсем не от того, от чего лечили. Но старик не обращал внимания на разговоры за спиной, которые, конечно же, до него доходили. Он вообще жил параллельно всем нам, где-то выше, и в этом я усматривал сходство с Фрумкиным в последние годы нашей дружбы.

В тот день работы было немного: я помыл и приготовил инструменты, привёз тело на вскрытие прямо сверху, из операционной, — наконец-то починили лифт. Исаич приступил, а я ушёл в свою санитарскую каптёрку, потому что он начинал с головы, а я не мог слышать звука пилы и видеть мозги. Всё мог, а от вида мозгов тошнило. Их, кстати, патологоанатомы не оставляют в голове, а зашивают в живот. Ужасно, но Исаич тоже поступал так. Говорил — уж не знаю, в шутку или всерьёз, — что в ином мире несчастные от этого и возродятся иными, поскольку мозг станет ближе если не к душе, то к сердцу точно, что сократит безмерную дистанцию между чувственным и рациональным... Я отсидивался в каптёрке, подходил позже, послушать рассказы Исаича и помочь, если нужно.

Ко мне заглянула Юлна, присела на стул. Щёлкнула заколкой, волосы рассыпались по плечам, и она стала совсем другой. Такие моменты мне нравились. Согнула руки в локтях, обхватила подбородок ладонями. Медленно подняла глаза, долгим серьёзным взглядом посмотрела на меня.

— Ну что, надумал? — вопрос прозвучал насмешливо, не соответствуя серьёзному, затяжному взгляду. У неё так часто получалось, мне тоже нравилось.

Пришла ленивая мысль, что мне слишком многое стало нравиться в Юльне и в том, как в ней мерцает женщина. Это казалось лишним, но куда денешься... Мало того, временами я вспоминал, что похожее мерцание... нет, скорее спокойный, неяркий свет уже видел в женщине. Но этого быть не могло. Я никогда не приглядывался к своим дамам, поскольку различались они немногим...

Я обязательно надевал для обеда с Фрумкиным тёмный костюм и дорогой галстук, каждый раз новый. Длинный стол накрывался в гостиной на двоих, мы сидели в противоположных концах, прислуга подавала блюда и исчезала, а наливали мы себе по старой привычке сами. Из-за немалой длины стола приходилось говорить громко, но мы мирились с этим — в мелких неудобствах пятничных обедов было нечто возвышающее нас. Из этого следовало, что и я, и Фрумкин нуждались в том, чтобы немного выиситься.

Но самое приятное начиналось, когда мы вставали из-за стола, отбросив в сторону заложенные за воротник крахмальные салфетки, и пересаживались за маленький столик с джестивами и сигарами. Мы оба не любили пить на сытый желудок и не курили сигар, поэтому просто разговаривали. Я читал иногда свои стихи, и это было нелегко даже наедине с сердечным другом: ничего не мог поделаться, до сих пор стесняюсь. Фрумкин же, никогда не написавший ни строчки, под настроение читал наизусть куски из Булгакова, из «Мастера...», про крест и звёзды из «Белой гвардии», иногда отрывки из «Эликсиров сатаны» Гофмана.

Фрумкин относился к «Мастеру...» по-особому, подобного отношения я, пожалуй, и не встречал. Он то ругательски ругал роман, то пел ему дифирамбы, задыхаясь от восторга. Но чаще спокойно говорил, что книга, которую образованщина растащила на цитаты, не может быть великой. И вообще то, что можно растащить на цитаты, никогда не бывает гениальным.

Любовную линию он не признавал совсем, называл Мастера ремесленником, нашедшим алмаз в подмосковном песчаном карьере. Маргариту — прачкой, мечтающей о муже, способном поймать золотую рыбку. Форму романа в романе считал нарочитой, надуманной, лишённой внутренних связей. Нравились ему только бытовые картинки московской жизни да Воланд со свитой.

Я часто упрекал его в нелогичности и несправедливом отношении к роману. Фрумкин не спорил, соглашался. Но потом делал хитрые глаза, грозил тонким корявым пальцем.

— Ты поймешь, что я прав, — говорил он, усмехаясь, — попомни мои слова.

Послушав Фрумкина и устав от чтения стихов, я поднимался с кресла и шёл вдоль стены длинного зала. На ней висели холсты молодого гения Аркадия Сольченко, патлатого и грязного, которого Фрумкин подобрал у какого-то пивняка. Фрумкин отмыл Аркадия, придел, поселил во флигеле и поставил задачей написать маслом большие картины-иллюстрации ко всему «Мастеру...». Это Сольченко и делал с переменным успехом в недолгие светлые периоды между запоями и ломкой. Написанное гением во время запоя и ломок настолько ужасало, что Фрумкин прятал эти небольшие картины, надеясь позже явить миру нового Босха. Он отказывался понимать, что у любого практикующего психиатра имеется такая коллекция, даже гораздо лучше.

Ещё Фрумкин читал наизусть стихи Олеши. Они никогда не публиковались, а рассказать даже мне, где купил — за бешеные, полагаю, деньги — подлинную рукописную тетрадку, наотрез отказался. Говорил, особо отметит в завещании: история тетради и сами стихи должны увидеть свет через пять лет после его смерти. Но несколько позже отдал рукопись мне, чтобы я распорядился ею по своему усмотрению.

— Надумал, — ответил я неуверенно, — приду, спасибо.

Юлна снисходительно улыбнулась; такая улыбка была редкостью и тоже меняла её.

— Откуда ты такой? — вздохнула. — Нет, не так... Почему ты не ужился там, а попал сюда, чтобы мы встретились и признались друг другу в любви к стихам?

Я пожал плечами.

— Ты обо мне знаешь много, а я о тебе — ничего. Получается несправедливо... Да, — вспомнил я, — ты ещё и вопросы мне задаешь. Как это по-женски.

Юлна засмеялась, закинув голову, и спереди на шее четко обозначилось горло, из-за худобы, наверное. Мелькнуло и пропало мгновение, когда мне захотелось схватить её тонкую шею обеими руками и сжать так, чтобы раздался хруст трахеи, а потом быть на месте Исаича и терзать её тело скальпелем. С чего бы вдруг возникло такое странное желание? В жизни ничего подобного за собой не замечал. Потом, размышляя, пришёл к выводу, что наше частое общение мне вредно. Мы сближались, иногда даже нечувствительно совмещаясь, на короткое время становясь друг другом, а такие совмещения не проходят без последствий. Мне же любые последствия были без надобности. К тому же я совершенно не понимал, почему ближе стала именно Юлна, а не кто-нибудь другой, тот же Исаич или влюбленная в меня медсестричка Катя, волшебной наивная, молодая, лёгкая и не терзаемая, как Юлна, вопросами собственного существования.

— Жду часам к восьми, — сказала Юлна; улыбка пропала. — Я должна подготовиться, ко мне несколько лет никто не приходил в гости.

— Не может быть! — удивился я. — У тебя что, нет подруг, друзей... любовника, наконец? — Я смутился и покраснел.

— Нет, — беспечно ответила Юлна. — Я одна... — И добавила вдруг: — Одна, как труп нашего Исаича. Мне часто снится, что он кромсает моё тело. Я не нашёлся что ответить, промолчал, вдруг разозлившись совпадению. Они, совпадения, мне тоже без надобности. К тому же я понимал, что всё неслучайно. И Юлна подтвердила это. Она чувствовала меня, как умеют чувствовать только женщины, эта способность ставит их куда выше нас, мужчин, в иерархии живых существ.

С возрастом Фрумкин становился забавным. Так и вижу его маленького, сухощавого у плотно занавешенных зелёных штор. Он высоко задирает подбородок, читая стихи или прозу, напоминал птенца, тянущегося за пищей. Пропало его обычное многословие, суждения стали короче, точнее. Я не всё понимал, но видел, что он часто обозначает простые житейские явления некими символами, точно описывающими не сами явления, но их природу, суть. Для чего — тоже не понимал, а спросить стеснялся, впервые, пожалуй, испытывая это чувство в общении с сердечным другом. Но вникать особо не хотелось — что я мог изменить?.. Умнее не будешь, да и Фрумкин не поглотит. До моего уровня опускаться не станет уж точно. Прошли те времена.

Но спросить совета я решил, конечно же, у него. В помощи нуждался до крайности, потому как стало совершенно неумолимо: в сознании возникла трещина, заглянуть туда казалось немислимым. Страшным. Я нашёл силы, заглянул и отшатнулся, увидев темноту, в которой прыгали маленькие, не нужные никому огоньки — клочья моей порванной жизни от самого рождения. Кто её порвал? И почему я уверился в этом? Не знаю, да и не узнаю никогда. Кроме того, какое значение это имеет?.. Но пошёл я тогда к Фрумкину, к кому ж ещё идти...

Юлна встретила меня в истёртом домашнем халатике, неприлично коротком, открывавшем длинные тонкие ноги, обтянутые сетчатыми чулками, такие обычно носят дамы легкого поведения. Но я лишь отметил это про себя, больше ничего.

— Заходи, — тягучим голосом сказала она, — заходи...

Я вдруг увидел, что она густо крашена, умело, под женщину-вамп, не смотря на потёртый халат и небрежную причёску. И голос... она никогда так не говорила, во всяком случае, со мной. Произнесённое слово растянулось, поплыло шлейфом за ней, словно запах дорогого парфюма, когда она повернулась и повела меня в комнату. Я пошёл следом, огляделся. Мне показалось вдруг, что я уже видел это бедно обставленное жилище. Мало того, был в нём не один, с женщиной, которая говорила мне, что всё пройдёт, и гладила по волосам... Ощущение быстро пропало.

На низком полированном столе у дивана стояли серые от пережитого, кое-где отколотые по краям фарфоровые чашки с бледным китайским рисунком, старинные и дорогие, но плохо сохранившиеся. А вот дешёвая пластиковая ваза, из которой нелепо торчала одинокая белая крупная гвоздика, резала глаз. Странный контраст замечался сразу, его усугубляли старая пузатая сахарница толстого помутневшего стекла, заварной аляповатый чайник дулёвского фарфора и две тёмные серебряные вилочки, воткнутые в нарезанный, слегка засохший лимон. Я подумал, что никогда не сервировал бы стол для чая подобным образом. Да и конфеты были псковской фабрики, я покупал их, невкусные оказались. Мысль о конфетах вдруг почему-то напомнила мне то, как я пошёл к Фрумкину, когда стало совсем плохо.

Я опоздал. Фрумкин уже сидел за столом. Хитёр был друг-еврей, только один раз внимательным взглядом резанул меня. Плеснул щедро в коктейльный стакан текилу высшей пробы, влил в рот, бездарно закусил кусочком осетрины. На спинку стула откинулся, бросил руки вниз, к полу, произнёс коротко:

— Рассказывай.

Как я мог устоять перед маслянистыми глазами сердечного друга, перед нахальной их чернотой? Стал сбивчиво, путаясь и запинаясь, говорить. Фрумкин слушал, не перебивая, смотрел, не моргал. Жутко становилось мне от бездонных еврейских зрачков. Когда я замолчал, Фрумкин протянул жилистую руку и, нацелив длинный палец с наманикюренным ногтем прямо в сердце мне, прокаркал:

— Дур-р-рак! Притвор-рялся! Молчал! Сдохнешь во мр-раке! — Потом мгновенно помягчел, руку под стол убрал, сказал тихо: — Дурак не дурак, а ведь, друг, жить-то тебе надо... Помогу. Вот сюда поедешь... — И протянул мятую бумажку с адресом, невесть откуда взявшуюся — я видел, что он ничего не писал.

Потом Фрумкин долго грозил карами за непослушание. Я понимал, что сердечный друг прав, что в одиночестве не выдюжу, поскольку совершенно не имею представления о произошедшем со мной. Почему в одно мгновение налаженная жизнь стала пустой, почему в ней с неприятным шипением, будто таблетка от головной боли в воде, растворился весь внутренний смысл? Неприятное шипение отдавалось во мне, не собиралось заканчиваться. Оно и было моим мучением. А ещё пришла странная мысль, что Фрумкин не одну жизнь прожил, бывало, наверное, у него и похуже, он понимает, что советует.

Юлна села в кресло, короткий халатик высоко обнажил бёдра. Голени спереди были в свежих порезах, припудренных, но я сразу увидел их сквозь сетку чулок. Подумал, что готовилась к моему приходу, побрила ноги, а халат потрёпанный надела специально, а может, другого не имелось. Смотрела на меня пристально, молчала.

Я вспомнил давнишний визит к Фрумкину, когда он решил помочь мне. Может, и Юлна думала о том, что меня требуется спасать, только я уже один раз спасся и теперь вполне счастлив, избавившись от мусора, который каждый из нас накапливает за всю жизнь и тащит за собой до гробовой доски.

— Ну, читай же, — капризно протянула Юлна, — читай!

Я покачал головой — не хочу.

— Давай пить чай, а то добром это не кончится.

Последние слова не стоило говорить, ведь последствия сказанного сплошь и рядом не остановить ничем. Сколько раз в жизни приходилось убеждаться в этом. Но впрок не пошло.

Лицо Юлны стало растерянным, безвольным, живым, не маской, а густые слои косметики нелепыми. Впрочем, не убеждён: присутствие Юлны таинственно изменяло меня и моё восприятие. Я становился собой, только когда её не было рядом.

Я послушно приехал по адресу, данному Фрумкиным. В богатой комнате с гривуазными картинами на стенах принял меня человек крупный, лысый, потеющий. Стоял неподвижно, уперев голые мускулистые руки в пустой массивный стол, глядел молча. Похожим казался на тапира, только жевал не траву, а мысли собственные, никому не ведомые.

Потом я лежал на жёсткой кушетке и говорил в пустоту комнаты. Повествовал о себе развратным женам, населяющим гривуазные картины. Молчание тапира колыхалось надо мной, облегчения или понимания не давало, ничего не давало. Только высасывало живое, что пока осталось, создавая вакуум, где умирают огни и нет ориентиров.

После я стоял перед тапиром маленькой бледной мышкой, слушал приговор. Голос тапира оказался некрасив, пискляв, будто голос скандальной фифы, отчитывающей парикмахершу.

— Твое «я» подавлено. Цель эфемерна. Ты это понял и не можешь быть рядом с людьми, с которыми был раньше. Ты оказался вырождением. Твое место не здесь! — дворняжкой лаял тапир. Потом засмеялся визгливо, как чертяка гоголевский из кино. Население гривуазных картин подхватило смех, разнося и разбрасывая по углам. — Я не могу тебе помочь. Уходи! — Он выкинул руку вперёд и крикнул что-то, и мне послышалось: «Neil!»

Как может быть вырождением блестящий столичный денди? Я не поинтересовался, вопрос остался внутри. Если бы тапир вытащил из меня хотя бы только его, я, возможно, утешился бы тем, что есть, всю жизнь искал бы ответ. Но он не вытащил, а в глубине сидело множество других, куда важнее.

Мы с Юльной пили чай и ели невкусные конфеты, похожие на соевые батончики, которые я терпеть не мог в детстве. Тут и вспомнилось слово «вырождение», обращённое ко мне. Я сказал Юльне, что меня однажды так называли, а я не обиделся.

— А чего тут обижаться? — спокойно спросила она. — Мы с тобой вырождение и есть. Не относимся к массе, желающей только примитивных, по большей части физиологических удовольствий... ну, плюс что-нибудь остренькое иногда. Но мы и не увлечены своей персональной настолькой, чтобы жить в покое и возводить в абсолюте собственное видение мира. Мы с тобой, Саша, посередине. Внизу — ил, вверху — небо бесконечное. Вниз — ил задушит, страшно; вверх — узнаешь многое, тоже страшно. Поэтому вокруг пустота, да и в душах пустота, души и наш мир пусты чётко на одном уровне. Закон сообщающихся сосудов.

Юлна улыбнулась печально, а я вдруг осознал, как права она, как сумела в одну фразу упаковать мои метания, сомнения и темноту, окутавшую меня, чтобы впредь я слепым щенком тыкался в разные стороны.

— Видишь ли, — продолжила Юлна, — мне ничего не нужно. И никто не нужен, кроме... кроме тебя, наверное. — Она покраснела, а я удивился. — В результате я до невозможности упрощаюсь, становлюсь скелетом, что ли, мясо спадает, и только тогда мне видны — пусть недостижимы, но видны — дали, в которых много неизведанного. Я и не изведаю их никогда, но хотя бы понимаю, что они есть. Ведь тебе тоже достаточно понимания, да? Иначе мы не сидели бы у меня дома... да и вообще не познакомились.

Я задумался. Пожалуй, она права... Только я, не слишком часто, но всё же размышляя об этом, подходил к ситуации с иной стороны. Может, я рассуждал бы так же, если бы знал причины нашей похожести, а ведь, если задуматься, мы стали с ней почти близнецами, и теперешнюю нашу жизнь питала одна и та же кровь. Впрочем, я давно понял, что она зашла куда дальше меня в попытках разобраться... В чём? Не знаю, к рефлексии не склонен, делаю то, что хочу, или ищущу, часто совсем случайно находя нужное. Нет, не часто. Однажды.

От тапира я снова пошёл к Фрумкину. Как раз была пятница, и эта встреча стала последней. Во всяком случае, с тем Фрумкиным, которого я знал

со времён начальной школы. В тот раз он и отдал мне тетрадь со стихами Олеши, сказав, что у меня она будет сохраннее.

Мы сели, как заведено, в разных концах стола. Фрумкин посмотрел на меня, усмехнулся криво, налил половину фужера текилы. Выпил залпом, не задохнувшись, написал что-то на белоснежном манжете синим фломастером. Встал.

— Алябов, — заговорил он, и мне тоже пришлось подняться. Лицо Фрумкина изменилось, вытянулось, щёки впали, глаза казались большими. Мне пригрезилась даже — или это игра теней? — жиденькая бородёнка. — Алябов, — продолжал он, — знаю, Гохман отказался помочь тебе, я говорил с ним. Тебе невозможно помочь, потому что твоя болезнь слишком глубока, неизлечима. Время, видишь ли, накопило критическую массу перемен, влилось в нас, сметая наши «я», и сжигает изнутри своими бенгальскими огнями. Они холодные, эти огни, совсем не сожгут, но мучают до такой степени, что убьёшь себя сам... «Мы осенние листья, всех нас бурей сорвало...» — неожиданно чисто и точно пропел он, и будто звякнули в его голосе дребезжащие звуки рояля. — Ты сейчас не знаешь, кто ты, и, пока не узнаешь, не прибьёшься ни к прошедшему, ни к будущему, о настоящем нечего и говорить. И ещё мы устали, нам надо отдохнуть. Вернее, тебе. Мне отдых уже не поможет, да и помощь не нужна, я стою в конечной точке перспективы и вижу мир расширенным до невероятных пределов, будто «рыбьим глазом», насколько позволяет обратная перспектива. Поэтому знаю лекарство, подходящее тебе. Паллиатив, конечно, но хоть что-то. Я познакомлю тебя с женщиной, она, как светлая июньская ночь, приносит отдохновение уставшим душам и лечит изломанные. Она не поможет, только сам ты в состоянии себе помочь, но не даст сойти с ума или сесть на наркотики, пока поймёшь, чего тебе надо. Она пройдёт сквозь тебя и исчезнет, но ты увидишься с ней через время, а вспомнишь её или нет, не могу знать. Выпьём, Алябов, за вечную смерть.

Я выпил, хотя не понял ни слова из речи Фрумкина. Да и не нуждался я в этом понимании: во-первых, потому что тогда я слепо верил ему; а во-вторых, меня заботило только происходящее со мной, более ничего.

— Я сейчас, — сказала Юлна, — недолго. Пойду умоюсь и переоденусь. Прости, я дура с этим макияжем и халатом. Со мной такое редко бывает.

Она вышла. Я с интересом рассматривал скромную, убогую даже обстановку. Собственно, её почти и не было, комната напоминала келью: стол, два стула, узкая металлическая кровать, покрытая истёртым детским одеялом с изображениями смеющихся зайчиков. Икона в правом углу отсутствовала, зато напротив окна висела довольно большая репродукция «Империи света» Рене Магритта. Я подошёл ближе и увидел, что это не репродукция, а отличная сделанная копия без рамы.

Комната сверкала не просто чистотой, она казалась стерильной, словно после ремонта и хорошей уборки. Странно, что ничем не пахло, ведь любое жильё имеет запах, не похожий ни на какой другой. И мелькнула у меня мысль, что здесь никто не живёт. Я усмехнулся этой нелепой мысли и тут же забыл о ней.

Фрумкин не обманул, с женщиной познакомил. Была она красива чуть ледяной русской красотой, спокойна и тиха. Я звал её Светланой, хотя имя у неё было совсем другое, редкое, будто придуманное. Она назвала его, но я видел её Светланой, а настоящее имя сразу забыл, и напомнили мне его не скоро, когда много событий уже произошло. Против Светланы она не возражала, обмолвилась как-то, что ей всё равно.

— По случайности родилась я за тридцать лет до конца века. Господь ошибся, видно, — рассказывала Светлана. Ветер из приоткрытого окна колыхнул волосы, я услышал «Аве Марию» Шуберта, явственно услышал, на высокой октаве. — Мне следовало родиться вне перемен, когда жизнь была одной и той же несколько веков, вот тогда обрела бы счастье. Я не умею принимать новое, оно тревожит меня, пугает. Знаю ещё, человек никогда не поймёт человека в наши суетные и лживые времена. А мы, чтобы не умереть от безнадежности, должны смотреть на себя только изнутри, тогда мы велики и бесконечны, но когда на нас смотрят звёзды — ничтожны, всего лишь минута, застрявшая в столетии, песчинка, прах...

Её голос завораживал, тени, прыгающие по комнате, бледнели, казались нестрашными. Навязчивые и ненужные воспоминания растворялись, нужные и сладкие — смутно, неявно, но прорисовывались. Я задрёмывал под её голос, не переставая будто кожей ощущать каждое слово, и видел паутинные сны, не липкие, лёгкие, лишь касающиеся израненной — кем? — сути моей неприкаянной, ищущей своего места. Где?..

А теперь я ждал другую женщину, беспокойную, разную в каждую секунду, но шелухой обыденности закрывающую всю себя от нескромных взглядов. Юлна пыталась жить в оболочке, но её ид то и дело оболочку разрывало, не умещалось. А замечал это, наверное, один я. Но и она видела что-то, только ей ведомое, во мне. Будь иначе, проходили бы мы мимо друг друга, даже не здороваясь. Или вообще не встретились бы никогда в забытой богом райбольнице.

При этом меня не покидало чувство, что существуют странные нити между двумя моими мирами. Прежним, где я жил, до определённого момента не испытывая дискомфорта, он безжалостно отторг меня. И нынешним, беззаботным, обнажившим мою сущность и не теряющим лишнего. Я ощущал себя абсолютно голым на пустой земле, и это казалось лучшим из всех ощущений. Но ещё более смутно виделось, что существуют похожие нити, тянущиеся от меня нынешнего куда-то вперёд (или вверх?), в совсем другое время и место, которых, наверное, и нет. А если есть, что там? Я и представить себе не мог, старался не думать. Только виделось мне, когда всё же думал, недосозданное из-за смерти Творца небо, где, наверное, обитают не родившиеся люди. Быть может, они счастливее меня, потому что пока не пришли к начальной точке... и неизвестно, придут ли. Я же к ней уже возвратился, и впереди, возможно, длительное отсутствия покоя, а ведь покой, как мне теперь кажется, естественное и самое совершенное состояние каждого человека.

Фрумкин снова не обманул, прав оказался в том, что Светлана не даст сойти с ума. Её слова будто повергали меня в гипнотическое состояние, не хотелось ничего, а пуще всего — вешаться или травиться. Последнее было главным. Светлана лишь постоянным соприсутствием направляла меня по верному пути. Негромко и ненавязчиво рассказывала вроде бы о вещах малозначимых, но её рассказы, как ребёнок в чреве матери, зрели во мне, задерживая движение к опасной черте, к которой нельзя даже приближаться. Светлана видела эту грань и какими-то своими способами предотвращала излишнее приближение. Я тоже его чувствовал, и, если оно случалось, сразу же звонил ей; она приезжала в любое время дня и ночи, в основном ночи, в тревожный предутренний просвет, когда сон разбавлен чем-то зыбким. Я часто в полусне впадал в панику, потом просыпался, и мне хватало сил позвонить. Иногда она много говорила, иногда сидела рядом молча, изредка брала

мою потную ладонь, перебирая пальцы, и я снова засыпал, уже другим сном, тоже неглубоким, но спокойным. Мысль о том, что дальше произойдёт со мной, единственно важная в то тяжкое время, отлетала прочь, становясь ненадолго маленькой и незначительной.

Светлана незаметно нашептала, что следует уехать и жить иначе, найдя в себе силы ни о чём не жалеть.

— Я не стану прощаться с тобой, — как-то произнесла она загадочные слова. — Мы встретимся там, где ты будешь, хотя я и не знаю где, но увидимся когда-нибудь, не сомневайся.

Я жил в крохотном старинном флигеле, располагавшемся в больничном саду, совсем рядом с местом своей скорбной работы. Пустой жилплощади в больнице хватало, в санитары никто не шёл, вот меня и поселили. Имелась кое-какая мебелишка, старая, затёртая, но мне большего не требовалось. Я иногда просыпался ночью, особенно часто — летними жаркими ночами. Выходил в сад, тёмный и тихий, и меня уносило в глубины неба, усыпанного звёздами. Я открыл для себя, что при свете луны всё — и деревья, и темнота, и небо, и лампочка над крыльцом, и стеклянные ромбы окон веранды — видится иным. И запахи другие ночью, и звуки — раньше мне и в голову не пришло бы думать об этом. Часто отключали электричество, тогда зажжённая в комнате свеча, если выйти на улицу, сквозь зеркальность окон казалась сгустком света; его, и только его многие ищут долгие годы и не находят, потому как обман, мираж. Реальность снаружи, в саду, не в доме. Не в жизни даже.

А Юлна жила недалеко от центра, на пыльной улице, в старом, построенном ещё пленными немцами бараке. Ожидая, пока она вернётся, я оглядывал комнату, и что-то сжималось во мне, трепыхалось — наверное, та самая упомянутая ею тайна, которой я пока не ведал, представления не имея, как скоро её узнаю.

Юлна вошла в комнату, и я поразился перемене: строгое платье, ни следа косметики на лице. Она напоминала школьницу. Я влюбился в чем-то похожую, когда учился в десятом классе, а признался в самый неподходящий момент, поэтому она лишь обидно рассмеялась. Да, Юлна походила на неё, и, приди мне в голову нелепая мысль сказать о любви, тоже услышал бы смех. Чтобы скрыть внезапное смущение, я отошёл к «Империи света» и стал рассматривать картину.

— Тебе нравится такая живопись? — спросила Юлна.

— Не очень, — ответил я, полуобернувшись. — Сюрреализм и магический реализм часто эпатажны, потому лживы. Кроме того, они, как правило, несут в себе много смыслов — логичных лишь внутри. А главный смысл — противоречие смыслов, логичен лишь на первый взгляд.

— Это тавтология или что-то близкое.

— Нет. Просто мое восприятие Бёклина, Магритта, Макса Эрнста. Да и Шагала с Чюрленисом, хотя они попроще.

— Да, ты прав, наверное. Но в этой картине живёт мой сын.

— У тебя есть сын? — спросил я, не так уж и удивившись.

— Нет, но он живёт там. Всегда появляется в небе, его ведь на картине много. И обязательно улыбается мне.

Я промолчал, поражённый совпадением наших мыслей — они потихоньку переставали казаться мне случайными, что совсем не радовало. Рождалось непонимание ситуации, а я хорошо помнил, чем это чревато.

— Ты не веришь мне, — продолжала Юлна, — а зря. Это правда. Пока он там, а я здесь, его нет у меня, а меня — у него.

— Почему не верю?.. — спокойно ответил я. — После того что со мной произошло, я полагаю, что всё возможно.

— А что такого с тобой произошло? — прищурившись, проговорила Юлна. — Подумаешь, депрессуха накатила, ты и сбежал от неё и от себя... У меня сложнее, я давно уже запуталась и не пытаюсь ничего распутывать.

— Расскажи, — попросил я, не обидевшись.

— Нет. Я никогда тебе этого не расскажу. Да и знаешь ты уже многое.

— Что знаю? — удивился я.

— Многое. Только не знаешь... что знаешь. Господи, даже внятно сказать не получается. Придёт время, всё поймёшь. Обстоятельства сложатся. Юлна оказалась права.

Как я уже упоминал, с Фрумкиным мы больше не встречались. Говорили несколько раз по телефону, он без интереса расспрашивал о моих делах и душевном состоянии. В последнем разговоре я рассказал ему о своих планах; Фрумкин оживился, голос потеплел.

— Ты прав, — произнес он уверенно, — нечего тебе тут делать. — Однако не поинтересовался, куда, как скоро и на сколько я уезжаю. После недолгого молчания добавил: — Если встретишь общих знакомых, не говори им, что я жив. Соври что-нибудь. Ну, например, попал под машину или умер от недостаточности сердца.

Так и сказал — «от недостаточности сердца», хотя следовало — «от сердечной недостаточности», это знал даже я. Переспрашивать не стал: в последнее время я не задавал Фрумкину вопросов, полагая, что он сочтёт их глупыми. Просьбу же не выполнил, поскольку общие знакомые нашлись, но в той ситуации говорить об этом не имело смысла.

Юлна присела на край кровати, положив руки на колени, и стала ещё больше похожа на школьницу.

— Ты наконец считаешь стихи? — капризно спросила она. — Я понимаю, что моё мнение не может тебя интересовать, ты мастер, но следует иметь уважение к просьбе дамы.

— Какой из меня мастер! — Я чуть не рассмеялся. — Обыкновенный дилетант, умеющий рифмовать.

— Тогда зачем пишешь?

— Не знаю, — честно признался я. — Не могу удержаться. Понимаю, что плохо, а тянет.

— Врёшь! — В тоне Юлны просквозило раздражение. — Тебе известно, что твои стихи хороши. Они не для всех, но хороши.

— Может быть, — нехотя согласился я. — Только это не поэзия в обычном значении слова. Это размышления о том, что ждёт меня дальше.

— Не тебя, нас всех, — поправила Юлна.

— Нас всех ждёт разное, — я пожал плечами. — Пути различны. А что в конце, неведомо никому. Наверное, тоже разное для каждого.

— Почему неведомо? — Юлна улыбнулась. — Есть люди, которые хорошо это знают. Только их помещают в сумасшедший дом, чтобы они встречному и поперечному не рассказывали об этом. Ну же, читай!

— Нет, — продолжал упорствовать я. — Ты уже слышала многое, имеешь представление. Что за странная любовь к мрачной дилетантщине?

Я действительно не хотел, чтобы она слышала мои стихи именно сегодня. С другой стороны, чем сегодняшний день отличается от всех остальных? Почему во мне трепыхается... нет, сильно бьётся тревога? Почему кажется, что, если я сейчас начну читать, произойдёт что-то неожиданное, странное? Да, я всеми силами избегаю неожиданностей и странностей, они портят настроение, хотя его вовсе у меня не имеется. Значит, что-то другое во мне, но

всё равно — портят. И вообще, почему я должен читать ей стихи? Что бы я ни говорил, но частица меня живёт в них, зачем раскрывать её чужому человеку, с какой стати? Чтобы потом жалеть? Но тогда лучше вообще ничего не делать.

Все эти вопросы ни с того ни с сего возникли в голове. Но пронеслись вихрем и пропали, потому что я посмотрел на Юлну, и мне внезапно стало жаль её. Я вспомнил, что мы близнецы. Тогда что ж такого, если я прочитаю ей новое?.. И прочитал.

Когда я закончил, она была бледна, необычно даже для состояния волнения. Почувствовала, что я заметил это. Отошла к картине и погладила холст. Повернулась уже спокойной. Сказала:

— Знаешь, мне кажется, что там не мой сын... не смейся — наш. Ему нравятся твои стихи, он, правда, не всё понял. Что такое смерть и почему ты говоришь, что умереть — значит украсть? Это во втором катрене первого стиха.

Я не удивился. Юлна подошла ко мне близко, почти вплотную, я ощутил её тепло, дыхание. Увидел слёзы на глазах.

— Ну почему, почему ты так равнодушен?! Ты не можешь верить мне, а веришь, хоть и делаешь вид, что нет. Почему? — Она провела по моей щеке холодными, почти ледяными пальцами. — Поцелуй меня, — прошептала.

Наши губы сомкнулись; мне хотелось убежать, но что-то мешало сдвинуться с места. Я на секунду бросил взгляд на картину за спиной Юлны. В прозрачном небе мелькнул симпатичный долговязый подросток в очках и с толстой книгой под мышкой, я заметил у него на голове бонет с белой кисточкой. Или показалось?.. Взгляд упал на часы. Минутная стрелка прыгнула на цифру двенадцать, часовая плотно обосновалась на девяти.

Я оттолкнул Юлну. Волна злости внезапно поднялась во мне.

— Что ты делаешь? — прошипел я чужим голосом. — Ты хочешь начала? Его не будет. Это невозможно. Я ухожу.

Её руки упали вниз. Старухой сгорбилась она, сделала шаг назад. Черты лица, на секунду ставшие тонкими и прекрасными, огрубели. Но она сконцентрировалась, выпрямилась и в упор посмотрела на меня.

— Иди, — ровным голосом проговорила, — но тебе предстоит вспомнить об этом. Так и знай.

Шагая по пустым пыльным улицам городка, окунаясь в жёлтый свет фонарей, прислушиваясь к крикам пьяных и лаю собак, я размышлял. Во мне ещё бродила неведомо откуда взявшаяся злость. Я давно и старательно подавлял эмоции, они со временем перестали возникать. А что такое злость, за годы прочно забыл. Поэтому, идя домой, со всем тщанием раздумывал, почему вдруг нахлынули такие острые и совершенно затёртые переживания. Ответа не нашёл, и мысли переключились на Юлну.

В своих размышлениях я оставлял в стороне её странности (мои-то, может, ещё хлеще), фантазии (вот уж что у меня напрочь отсутствовало), совпадение наших мыслей и, вероятно, душ. Все это стало казаться наносным, пустяковым. А вот почему я никогда не смотрел на неё как на женщину — этот вопрос вдруг живо заинтересовал меня. Она виделась мне гипсовой фигурой неопределённого пола, застывшей в моём сознании в более-менее естественной позе. А теперь казалось, что зря я так грубо оттолкнул её, хотя сделал это лишь из инстинкта самосохранения, пытаюсь удержать равновесие, уже осязаемое, но ещё слабое, на тонкой пока жёрдочке. А если она женщина, которая... не знаю... могла бы восполнить пустоту? Но пустоты как раз нет. Дать что-то новое? Я получил сполна. Стать смыслом моего существования? Я сам не ведал, каков он, смысл, да и перепробовал многое, так никакого и не найдя. Самый нелепый вопрос на свете: «Для чего я

живу?» И единственно верный ответ на него настолько же нелеп: «Просто так». Значит, не стоит искать другого. Но сегодня что-то пошло неправильно, я впервые за последнее довольно долгое время ощутил беспокойство. И, шагая по закоулкам ночного городка, пока не знал, как близка развязка.

Утром позвонил Исаич и виновато сказал, что на работу можно рано не приходить, он сам придёт позже, перебрал вчера — водился за ним такой грех, это в восемьдесят-то два года! Но я знал, что у него свои методы лечения и к двенадцати он будет свежее юноши. Поэтому позволил себе поваляться в постели. Мысли лезли неприятные. Я уже не думал о том, что зря обошёлся с Юлной грубо, но испытывал дискомфорт оттого, что позже, возвращаясь от неё, вдруг стал анализировать возможность начала. Впрочем, она, наверное, и не имела в виду ничего серьёзного, только секс без обязательств, но к чему тогда столько отвлечённых рассуждений? Можно было гораздо раньше намекнуть, взрослые же люди... Я перестал понимать что-либо и решил забыть. Размышления, да ещё и путаные, мне были совершенно ни к чему. Потому что новое настоящее не прощает мыслей об образе жизни в прошлом, они могут привести к непредсказуемым страстям, это само по себе пагубно. Тем более для меня. Приняв решение забыть, я пошёл умываться и собираться на работу.

Как я и ожидал, Исаич был подтянут и бодр. Вся его сухощавая фигура излучала оптимизм.

— Переодевайтесь, деточка, — сказал он, — сегодня много работы. «Скорая» привезла двоих. Старики. Их нашли, по протоколу осмотра, не верите, в одно время, минута в минуту! Те, кто нашли, глянули на часы как будто по команде: ровно в девять вечера обнаружили. Одного — в подъезде на Савичева, там дом трёхэтажный, в нём до революции бордель находился, хороший, дорогой. Дедушка приличный, одет замысловато, с претензией. У нас так не одеваются. А бабулька явно здешняя, попроще будет. Газом травилась. В последний момент, видимо, очнулась, передумала, у женщин такое часто случается. Вне зависимости от возраста. Дверь успела открыть, на лестницу выползла. Там и умерла. Соседи нашли ровно в девять... да я уже говорил. Оба трупа, может статься, криминальные, надо со старанием работать, чтобы потом чего не вышло. Сами знаете, Саша, даже у нас теперь строгости. Вдруг сам полицмейстер приедет! — Я подумал, что ослышался, но переспрашивать побоялся, мне ли поправлять Исаича. — Сегодня Юлна дежурит, тяжёлых посмотрела уже, придёт, наверное.

Я переоделся и вышел на улицу. «Скорые» уехали, две накрытые простынями каталки с телами стояли неподалеку. Исаич оказался прав: я увидел Юлну, она почему-то не спустилась из отделения, а появилась из сада, как раз из той части, где располагался мой флигелёк. Подошла ко мне, закурила.

— С Акеевым спиртику махнули, — сказала Юлна, не здороваясь. — Акеев — фельдшер со «скорой», ты его, наверное, знаешь. Рассказал, что дед, — она указала рукой в сторону каталок, — из Москвы. Документы посмотрел, пока милиция ехала. Как его сюда занесло? А старушка — наша, городская. Из ума, видать, выжила, а может, от нищеты или... одиночества...

Говорила Юлна быстро, будто речь заготовила заранее, старательно отводила глаза, а пальцы нервно сгибали и разгибали тонкий пруттик, сломанный в саду. Споткнулась только на последнем слове.

— Пойдём, — сказал я, — надо приготовить инструмент. Исаич не любит, ни за что сам не приготовит. А потом привезу каталки.

Мы вернулись в прозекторскую. Юлна присела на стул за большой ширмой, отгораживающей столик с инструментами от остального помещения. Снова закурила. Из крохотного кабинета Исаича доносились шуршание бумаг и, вот странно, еле слышные голоса, слов разобрать не удавалось. Я по-

думал, что никого, кроме Исаича, там быть не может, а голоса угадывались разные, словно внутри набилось множество людей, о чем-то спорящих.

Когда Исаич вышел из кабинета, я, набравшись наглости, спросил, откуда в крошечной комнате столько народу. Исаич сделал большие глаза:

— Да кто ж там может быть, кроме меня? Вам показалось, Саша.

Но я обратил внимание, что он смотрит в сторону... и что-то в нём изменилось. Будто помолодел мой начальник, будто морщины разгладились, будто скрипучий голос стал звонче... не знаю. Совершенно серьёзно подумал, что списать это на солидную дозу алкоголя, принятую вечером, никак нельзя. Но когда Исаич зажжёт операционную лампу над оцинкованным столом, я отчётливо увидел, что мне показалось, — ничего не изменилось и не могло измениться.

В комнате повисла тишина. Операционная лампа — в темноватой прожекторской горела только она — выхватывала из полумрака пустой стол. Свет тонул в тусклости белёсого, со вмятинами цинка. Исаич чуть наклонился над столом и замер, почему-то не двигаясь. Весь он до пояса казался неаккуратной тенью с размытыми краями, сливающимися с полумраком. Освещены и чётко видны были только старческие руки с волнистыми ногтями и набрякшими, узловатыми венами. Ладони опирались о стол и не отбрасывали теней — так устроена операционная бестеневая лампа. Мне на секунду стало смешно: руки словно росли из неровного цинка, оканчивались ничем, темнотой. Но весёлость быстро пропала. Я подумал, что сегодня всё происходит неправильно.

Громко, разделяя границу темноты и тишины, зазвонил телефон. Исаич не шевельнулся, телефон скоро умолк, а темнота и тишина снова слились в единую вязкую среду. По растопыренным на столе пальцам Исаича деловито проползли два таракана, вероятно, отбившиеся от большой больницы стай. Я ни с того ни с его подумал, что, возможно, это мы с Юлной... или какие-то частицы нас, не из главных. Пальцы Исаича не шевельнулись.

Юлна за ширмой сидела тихо, я не слышал даже дыхания, хотя стоял близко. Вдруг стало совсем темно. Низкая дверь прожекторской отворилась, и вползший с улицы свет пасмурного дня был немедленно проглочен уплотнившимся в сгусток полумраком... нет, почти темнотой, странно раздвигающей небольшую прожекторскую до размеров, неизвестных мне. Дверь длинно закрипела, открываясь дальше, и я увидел две мужские фигуры в одинаковых приталенных пальто. Один маленький, тщедушный; второй — наоборот, крупный, солидный. Первым вошёл крупный, быстро пересёк прожекторскую, не замедляя шага, по плавной дуге обогнул стол и исчез за ширмой, где сидела Юлна. Мне вдруг подумалось, что её там уже нет и крупный никого не найдёт, а он хотел найти — я понял по тому, как спешно он, в несколько больших шагов, пересёк прожекторскую. Второй же, маленький, задержался в тусклом просвете двери и неожиданно повернулся ко мне. Мог ли я не узнать эту фигуру, этот смешной птичий профиль, столько раз виденный: Фрумкин.

Исаич оставался в той же позе, замерши над столом. Из-за ширмы не слышалось никаких звуков. Стало светлее. Мне показалось, что посветлел сам воздух.

Фрумкин приблизился ко мне. Он не постарел за эти пять лет, будто помолодел даже, хотя должен бы казаться старше, потому что отпустил тонкую жиденькую бородку. Кашне на нём не было, пальто несколько молодёжного фасона контрастировало с клетчатой байковой рубашкой — такие, китайского производства, одно время продавали задёшево на каждом углу в Москве. Картину довершал фривольный ярко-жёлтый галстук с изображением полубогажённой, похабно улыбающейся девицы. Мне встречались похожие в Риме, их предлагали туристам навязчивые уличные торговцы. Я удивился: Фрумкин всегда славился безупречным вкусом и в жизни не позволял себе одеваться подобным образом.

— Ну, здравствуй, Алябов, — медленно, чётко артикулируя, произнёс он. — Что на галстучек смотришь, нравится? Хорош, да, у тебя такого никогда не было. А рубашечка тёплая, душу греет... слышал, в старину душегрейки носили, чёрт знает как выглядели. Ты не в курсе? Да не важно. Я рад тебя видеть даже в таком мрачном месте. — Фрумкин покрутил головой. — О просьбе-то моей позабыл, и хорошо. Зато увиделись.

Исаич внезапно зашевелился, повернулся к нам спиной, неожиданно сел на стол, покрутившись на неудобном желобе для стока крови, и снова замер, уронив голову в колени.

— Ну, здравствуй, — повторил Фрумкин. — Как живёшь?

— Ты... почему... откуда здесь? — оторопело прошептал я. — Этого не может быть.

— Ещё как может, — едко хихикнул Фрумкин, — знаешь, и не то бывает. Находятся, например, юношеские рукописи великих писателей, писавших, к немалому удивлению почтеннейшей публики, стихи. Или возьмем обычных людей... — Его голос приобрел лекторский оттенок. — Живут два одинаковых индивидуума, дружат с детства, а потом пути их расходятся. Один зависает в тумане, как ёжик, а во второго попадает молния, отчего он умирает... хотя как знать... Но в любом случае влачит существование в двух ипостасях. — Фрумкин шутовски всхлипнул. — Думаешь, ему легко? А то ещё простаку, ну вот вроде тебя, встречается человек... женщина, к примеру, проникает в него, ведёт, чтобы не сдох он подзаборной собакой, а простак наш ни сном ни духом. Хотя и на простаков нисходят, хе-хе, озарения, и они тоже воспаряют, становятся как я. Почти. Но всё-то им надо показать, простакам, подтолкнуть, напугать, заинтриговать, тогда они начинают мыслить, в момент усложняются и видят, что были никем, а теперь, начавши мыслить, ого-го! Вот такие случаются чудеса, Алябов, и пока они есть — жизнь не кончилась. Она, наоборот, начинается. Вот и твоя начинается после перерыва, как в футболе. Тебе надо отыгрываться, Алябов! — Последние слова он произнёс строго, без тени своего вечного сарказма.

Фрумкин говорил совсем по-другому, чем раньше: он никогда, сколько я знал его, не позволял себе такого развязного тона, до бешенства ненавидел футбол, да и грубоватых словечек я от него не слышал, напротив, он гордился рафинированностью и некоторой выпрηνностью своей речи.

Я испугался.

— Ты кто? — спросил я неожиданно осипшим голосом.

— Конь в пальто! — Фрумкин хмыкнул. — Кто я, давно уже не суть, ещё со времён наших последних пятничных обедов. Ах, было время... — Он сложил губы бантиком. — Интереснее, кто ты. Но послушаем, о чём говорят там, за ширмой.

Исаич повернул голову, посмотрел на нас через плечо, дурашливо сморщился и вдруг показал язык. Потом как ни в чём не бывало отвернулся. А я услышал громкий голос Юлны.

— Как ты узнал, что я здесь, как, как?! — с нотками истерики почти кричала она. — Зачем приехал?! Зачем дал надежду?! Я не просила ни о том, ни о другом. Это мучительно! Ты не можешь шутить со мной!

— Я люблю шутить с женщинами, — важно произнес незнакомец неожиданно высоким голосом; я где-то слышал очень похожий. — Но теперь надоело, сколько можно... да и скучно. Старею и нахожу удовольствие в другом. Только я надежд тебе не давал. Дать их из жалости, жестокости, как подарок, невозможно. Надежды возникают сами по себе. Но ты мне больше не нужна. Думаю, стоишь у начала, истока, дальше — река, ты не выплывешь и не утонешь. Ляг на спину и наслаждайся тёплой водой. Это надолго. Только дыши ровнее, и всё. Мой совет. А теперь прощай.

Незнакомец появился из-за ширмы, прошёл мимо меня, подхватил под руку Фрумкина, и оба исчезли, на мгновение заслонив дверной проём и сделав маленькую комнату совсем тёмной.

Через минуту в прозекторской посветлело. Появилась Юлна. Я увидел, что она плакала — потекла тушь.

Исаич шевельнулся, поправил халат.

— Саша, деточка, — попросил он, — принесите фартук, а то прачечная дурит, халаты надевать противно после стирки. Лучше пачкать меньше... как вы думаете, Саша?

— Скажите, Исаич, — осмелев вдруг, спросил я, — почему... почему вы застыли у стола и не проронили ни слова, когда эти двое пришли сюда?

Исаич покраснел.

— Видите ли, Саша, я не осмелился заговорить. Чутьочку подразнить смелости хватило, а вот заговорить — нет.

— Почему же?

— Мы знаем друг друга очень давно... и по неписаной табели о рангах между нами — пропасть.

— Но почему? — Я начал терять терпение.

— Потому что я, как все обычные люди, двигаюсь от рождения к смерти, хотя и имею кое-какие привилегии. А те двое, посетившие нас, определяют направление своего движения сами. Они — элита. Вся их жизнь — свободный полёт. Мне трудно объяснить вам. Но всему своё время. Весьма скоро вы многое поймёте.

Подошла Юлна.

— Пойдём посмотрим, кого привезли, — буднично произнесла она.

— Да, ребятки, поспешайте, везите сначала добра молодца, — подхватил Исаич. — Надо быстрее, а то гарью пахнет, наверное, снова пожар, давно не было.

Мы с Юльной вышли в сад. Пасмурное утро перетекло в солнечный день, разветрилось, и ветер утащил облака. Заросший сад как будто проснулся, выглядел свежо, глянцево. Две каталки стояли там, где их оставила «скорая». Мы с Юльной подошли и откинули укрывавшие тела простыни.

— Это же я... — одновременно, голос в голос, выдохнули мы.

Да, на одной из каталок лежал я, только старый, морщинистый, иссохший. На мне был клубный пиджак с искрой и позолоченными пуговицами, золотым якорьком на нагрудном кармане, шейный платок... я никогда не ношу шейных платков, только галстуки. На ногах высокие остроносые сапоги мягкой кожи. Рот будто растянут в улыбке, маленькие претенциозные усики а-ля Адольф Гитлер казались мазком грязи на верхней губе. У меня в жизни не было усов или бороды, всегда думал о них с отвращением. А улыбка, если и могла оказаться на лице трупа, выглядела похотливой, омерзительной. Так улыбаются впавшим ртом хитрые богатые старики, исподтишка наблюдая за молоденькими свежими девушками.

— Как некрасиво я состарился, — прошептал я, — и как отвратителен в этой крикливой одежде... с этой посмертной гримасой... отвратителен...

— Боже, до чего бессовестно время, — прошептала Юлна, глядя на себя. — Интересно, как мы прожили жизнь? Наверное, не так... вот оно, завершение. Но разве это важно?

— Совсем не важно. Жизнь интересна, пока длится. Итог всем безразличен. Пойдём, надо спросить Исаича, почему всё так быстро проясняется. Не к добру это, кажется.

Мы оставили тела на улице и вошли в прозекторскую.

— Исаич, — спросил я, — почему всё так быстро проясняется?

Исаич снисходительно улыбнулся.

— Ах, ребятки, — мягко сказал он. — Большие тайны напитываются долго, а лопаются в один миг. На этот счёт вас, Саша, просветил сердечный друг, а тебя, Юлна, бери выше, сам Гохман. Немногим такая честь. К кому помельче посылают челядь вроде Гапона или Яшки Агранова. Они обожают дешёвые эффекты — всякую стрельбу, огненные извержения, звяканья кандалов и прочее. А тут всё тихо и пристойно. У серьёзных людей всегда

так. Ну и у тех, кому способностей не дано свыше... — Исаич грустно вздохнул. — Вот я, например, буду жить долго, но не свободно, как они, да и долго только потому, что люди, проводившие жизнь близко к чужой смерти, живут долго. Ну, вот посмотрите-ка. — Он поднял руку и направил на себя свет операционной лампы.

Мы увидели вдруг, что лицо его округлилось, разругнилось, пропал старческий коричневатый окрас кожи, морщины разгладились. Волосы приобрели натуральный рыжий цвет, появились ухоженные пейсы. Вместо халата смокинг, белоснежная манишка, строгий чёрный галстук-бабочка. В руках Исаич держал цилиндр.

— Но это всего-навсего иллюзия. — Странная одежда вновь обернулась мятым белым халатом и сальным галстуком. — Мы ничего не знаем о природе событий и времени, но и мы загадка для этого самого времени, вот как вы двое, например. Шли бы вы, ребята, не мешали бы работать, а то выгонят на пенсию за непотребное выполнение обязанностей, что делать стану? Я без работы пропаду раньше времени. Или запью. Так и до ста девяти не дотянешь.

— Но мы живы, Исаич? — спросила Юлна.

— Откуда ж мне знать? — удивился Исаич. — Есть много людей, которые не понимают этого, ни проживая долгую счастливую жизнь, ни после смерти. Мотаются без дела и думают, думают... Бездельники, занялись бы чем достойным, хоть скончавшись, так ведь нет. Но есть такие, которые всё понимают задолго до смерти. Вы-то как раз к ним и относитесь. В этом смысле у вас многое впереди, ребятки...

Сильно запахло гарью.

Исаич пошевелил крупным носом, истыканным старческими угрями.

— Пожар, ребятки, я прав. Но дело обычное, здесь и не то случилось. В восемнадцатом году большевики всех пациентов по домам разогнали и в больнице реввоенсовет устроили... Много тогда народу померло, а кому идти некуда — тех порубали в нашем садике; мы их ночью с сёстрами милосердия, одну Алевтиной звали, как сейчас помню, красивая была, там и похоронили. Всю ночь общую могилу копали. Но и нынче кого-нибудь из похороненных в больнице можно встретить... я вот Сашу Золотарёва видел во второй терапии, он тогда язвой мучился и до сих пор от неё лечится. Поблагодарил меня, старика, что похоронил... а как не похоронить? Не людски. Когда немцы в сорок втором пришли, больницу вообще взорвали, долго тут развалины были, аж до конца войны, а потом всё само собой восстановилось, будто и не взрывали. Я даже доктора Петра Андреевича Туркина, в двадцатом расстрелянного, застал. Он до сорок девятого работал, пока его за преступное отравление тридцати больных опять не расстреляли, уже окончательно. А на пожар всегда брандмайор Покобатько лично приезжает. Наверное, и сегодня приедет, любит сам присутствовать, смотреть, как его молодцы управляют. Жена у него прелестная дама, в своё время в Варшаве... Но вы идите, идите, ребятки, я привычный, а вам-то чего на это безобразие глядеть. Обычно в кладовках на последнем этаже загорается, само воспламеняется, или пациенты курят. На моей памяти ни один не погорел насмерть — кто сам выходил, кого выносили; а как больница опустеет, пожар сам собой и прекращается. Один раз и команда приехать не успела. Главное, всех вывести. Или вынести. Тогда катаклизм и прекратится. А вы теперь в садик шагайте, дальше — лесом, а там и в город выйдете. Идите от греха, а когда потухнет, я вас в холодильник сам отвезу. Вскрытие сделаю завтра по высшему разряду, не сомневайтесь, вы меня знаете.

Мы с Юльной подумали, что и правда надо идти. Я взял её под руку, и мы шагнули к низенькой двери.

— Прощайте, Исаич, — крикнули уже с улицы.

Маленькая дверь, ведущая в подвал, где располагалась прозекторская, с тихим скрипом закрылась сама собой. Но мы успели услышать приглушённый голос:

— Прощайте, ребятки.

Солнце било в глаза, сад показался юным и причудливо тенистым.

Юлна прижалась ко мне.

— Пойдём, Алябов...

— Куда?

— Читать твои стихи, конечно. Пойдём.

И мы ушли.

Минуло время. За Юлну я спокоен. Насчёт себя сомневаюсь — существую я в мире или в нём всё-таки нет меня? А иногда думаю — какая разница? Юлна думает так же. И в наши окна по вечерам часто залетают звуки «Аве Марии», вероятно, рождённые соприкосновением ветра, звёзд и ночи. Ну, кто в самом деле может петь «Аве» в захолустном райцентре? Да ещё так высоко и чисто...

Молодые стихи¹

Елена Шадрина

Имя живет отпечатком ног,
Цепью следов — так устроил Бог.

Через порог — и в огромный мир!
В нем среди снов и черных дыр

Время идёт, замедляя шаг.
Но не проходит оно никак.

Сегодня – середина января,
Но птица торжествующая эта
Устраивает пение не зря —
Она поет во тьме во имя света

Грядущего! И пусть сейчас темно
И многие вопросы без ответа,
Весна наступит точно всё равно,
А за весной, представьте, грянет лето!

И я живу предчувствием тепла –
Ведь я поэт, хотя пишу рассказы.
Но эта птица что-то разожгла
Потухшее, но вспыхнувшее разом!

¹ Стихи студентов Екатеринбургского государственного театрального института, участников клуба «Поэзия» при журнале «Урал».

Алиса Парамонова

Искрой огня гореть
В вечности бытия.
Словом нетленным петь
Ласточкой у ручья.
Я — немота любви
И бесконечный свет...
В сердце мое смотри —
Смерти там больше нет...

Слышу дыхание вечности —
Тихо поёт река.
Слово — знак бесконечности
На конце языка...
Воды — зеркало времени —
Песню уносят вдаль...
Голосом нового племени
Песню споют, как встарь...

Ласточкой в небе парить.
С птицами говорить,
Мир вбирая в себя...
Моя колыбель — земля.
С ночи и до зари
Петь о любви.
Ветер, прошу, развей
Песню мою скорей...

Эхом в вечности остаться,
Меж деревьев раствориться
И в саду невечном сниться —
Вечным образом из слов...
Путник, жаждущий открытий,
Собери из звёздных нитей
Покрывало истин-снов.
Сбереги мою любовь...

Зеркало — сердце моё — озеро вечности...
Тёмное, синее дно — свет бесконечности.
Мой голос — песнь — мира гармония.
Слово и шёпот мой — это агония...
Ветер танцует вальс — словомолчание...
Из пустоты взялась — искорка знания.
Из пустоты и тьмы — свет зарождается.
Из немоты любви — жизнь начинается...

Ксения Бирюкова

Ветер качает бумажный фонарик
Где-то внутри...

Росла печаль и таяла снегом...

На старой горке под лунным светом...

Самый сильный цветок на ветру...

Не пойму, где грань, где река, где небо...

Я в зеркало гляжусь и вижу пустоту...

И смотрит спокойное небо...

В звоне речки, на болоте...

Играй, пока не кончится смычок...

Становится темнее и темнее...

Тоска красит стены серым,
Там где-то были цветы,
Все сгнило, все сгнило, сгнило,
Я слушаю речь пустоты...

Найди меня во тьме...

Как последний свет затмений,
Как глоток воды в ночи...

Пусть не кровь течёт по венам, а кровавая река
Пусть не кровь течёт по венам, а кровавая река
Пусть не кровь течёт по венам, а кровавая река
Из чужих ошибок горя да из пьяного вина

Напевает, стекая, вода...

Закрывает глаза пустотой...

Золотые, как солнце, берёзы...

Соня Рыбкина

Театр теней

Рассказы

Нелепое прошлое

Со вчерашнего дня ничего не поменялось. Наверное, это какая-то ерунда из детства — вера, что утром ты проснёшься, и всё будет иначе. Я смотрю на свои плечи в зеркале, болезненно белые, в россыпи родинок. Мерзко. Мерзко, что каждый раз я разглядываю себя в надежде, что напротив отразится другой человек. Такое бывает не всегда, иногда мне кажется, что я выгляжу сносно, иногда я даже доволен собой, но потом противная горячая волна накатывает снова.

Всё моё тело худое, странное, нелепое — мне хочется скинуть его с себя и отдать кому-то другому. Неправильный нос, плохое зрение, слабость.

Взгляд матери, полный отвращения, сжатые в бессилии зубы. Моё желание раствориться и исчезнуть с каждым разом становится всё сильнее. В определённом смысле мне это удаётся — через книги или рисунки. Если бы у меня была возможность, я бы стал настоящим художником, но мать считает — это не профессия. Однажды она в порыве ярости выдернула из ящика папку, над которой я сидел месяц, и вышвырнула её в окно. Я помню, как вынесся из квартиры, помню эти разлетевшиеся по асфальту листы. Потом я рыдал три часа подряд, не в силах остановиться, глаза жгло, голову будто придавило кирпичом, а мать перевернула всю комнату вверх дном и орала с пеналом в руках: «Чёртов урод, зачем тебе только отец даёт деньги на это».

Отец приходит раз в неделю — сутулый, с вечной виной во взгляде. Он толком ничего не говорит, но в этом молчании больше, чем он мог бы мне рассказать.

Да, я бы стал настоящим художником, если бы посмел планировать свою жизнь хотя бы на неделю вперёд. Но я даже не думаю, что будет со мной послезавтра.

В обычной школе меня бы давно прибили, а в так называемой элитной гимназии пока обходятся издевательствами.

И ещё есть она. Сеня. Она ни с кем не общается, хотя большинство смотрит на неё как на божка (потому что у неё известная мать), и одевается в одни брюки и рубашки. Говорит только: «Оставьте его в покое, дебилы», когда в мой адрес летят оскорбления. Должно быть, в её представлении я просто жалкое существо, которое не в состоянии даже защитить себя. Вот ей и приходится. Я люблю Сеню второй год и рисую как минимум раз в неделю. В другой реальности, может быть, мы бы подружились. Но здесь я ничто.

Соня Рыбкина (2000) — прозаик, поэт. Окончила Санкт-Петербургскую консерваторию им. Н.А. Римского-Корсакова. Публиковалась в журналах «Нева», «Урал», «Дальний Восток», «Кольцо А», «Эдита», «Формаслов», «Дегуста», «Oracle Fine Arts Review» (на английском языке) и др., в альманахах «Муза», «Истоки». Автор сказки «Кровь и серебро» (2021) и сборника повестей и рассказов «Кривая линия» (2024). Живёт в Санкт-Петербурге. Постоянный автор журнала «Урал».

Сегодня на математике Сени нет. Сегодня, когда Максим произносит очередную гадость, а остальные довольно гогочут, во мне что-то ломается. И я отвечаю.

Кровь, солёная и тёплая, противно булькает во рту. Я сплёвываю. Губа разбита, голова гудит, один глаз заплыл. Максим бьёт меня в живот, пока двое его дружков ржут. Задний двор отлично для этого подходит. Боль рывкает тело, но мне пофиг. Только вертится одна мысль: «Вот и всё». Элитная гимназия мало чем отличается от обычной школы.

— Оставьте его, ублюдки!

Лучше сдохнуть на месте, чем знать, что она видит меня таким. Но уже поздно.

— Вы смотрите, кто заявился, — противно тянет Максим, отворачиваясь от меня. — Бесстрашная наша.

— Я на твоём месте, со всей травой-муравой и чудодейственными порошками, помолчала бы.

— Не боишься?

Сеня боится, должна бояться. Он может согнуть её пополам. Но в её глазах нет страха.

— Хочешь меня прямо здесь, голыми руками? Валяй. Огребешь по полной, Максик. Тебе через месяц восемнадцать? Зельвар ты мой.

— Думаешь, если у тебя маман известная, тебе всё можно? — Максим скалитесь, но отступает. — Забирай своего птенчика, больно нужен. Только скажи, чтобы заткнулся в следующий раз.

— Могу посоветовать тебе то же самое.

Они уходят, и Сеня кидается ко мне.

— Ты как, Саш? Идти можешь? Они тебе всё лицо разбили, твари. На такую красоту посягнуть...

Она назвала меня по имени. Смотрит так, будто ляпнула что-то лишнее. У меня всё плывёт перед глазами.

— Идти можешь, или «скорую» вызвать?

— Не надо «скорую». Сеня... Спасибо.

Это наш первый разговор. У меня в голове он происходил совершенно в другой обстановке.

— За что они тебя так?

— Я ответил. На оскорбление.

— Зря. Они же звери. Язык слабо понимают. — Сеня смотрит на меня как-то странно. — Тогда в травмпункт?

— Не надо. Я домой пойду.

Или грохнусь в обморок от того, что она так близко.

— Я настаиваю.

Всё не так плохо. Не умру же я, в конце концов, от пары ударов. Только я понимаю, что домой заявиться в таком виде не могу. Чтобы прочитать на лице у матери: «Ты это заслужил».

У тётки Светы сын занимается футболом. У тётки Даши — информационными технологиями. И только моей матери повезло.

— Тебя до дома проводить? — спрашивает Сеня после травмпункта.

Почему ей не наплевать?

— Я справлюсь. Поеду к отцу. Спасибо тебе ещё раз.

На самом деле отца сейчас нет в городе. А у меня нет ключей от его квартиры. Нормальная семейка, ничего не скажешь.

— Я просто тут недалеко живу. Ты, наверное, голодный, ещё и после такого....

Сеня зовёт меня к себе, а мир вокруг почему-то ещё не рухнул. И смотрит опять странно, как на брошенного котёнка.

— Я точно не помешаю?

— Точно. — Она улыбается.

Квартира большая, для меня просто огромная.

— Я теперь одна, представляешь? Свободная как ветер. Мама к любовнику уехала, оставила меня здесь. Пойдём на кухню, посмотрим, что Элисо Георгиевна приготовила.

Я плетусь за Сеней. Бок побаливает, глаз ещё заплывший. В целом терпимо. Кажется, мой мозг устал обрабатывать происходящее и погрузился в полудрему.

— Что ты будешь? Суп, второе? Слушай, — Сеня садится рядом, — я понимаю, что тебе тошно. Но школа скоро закончится. И Максим закончится. Всё это станет просто нелепым прошлым.

И эта кухня — тоже. И Сенино лицо рядом. Просто нелепым прошлым.

— Дело не в этом.

— А в чём?

Я не могу ей сказать. Не могу сказать, что люблю её. Что не хочу, чтобы школа заканчивалась, потому что это будет значить лишь одно: мы больше никогда не увидимся.

— Давай тогда скажу я. — Сеня смелее. — Я очень люблю одного человека. Но я не знаю, нужно ли ему это. И боюсь узнать, как и не узнать — одновременно.

Сеня боится. Но она не может бояться.

— Кто он? — спрашиваю я.

Конечно, я не имею права задавать такие вопросы.

— Думаю, просто человек.

— А так можно?

— Кто сказал, что нельзя?

Сеня улыбается. Она понимает, что я понимаю. Я беру её руку и глажу пальцы. Это лучшее из всего, что могло со мной случиться. Наверное, я этого не заслуживаю.

— Если я тебя сейчас поцелую, будет больно, — говорит она тихо. — У тебя губа разбита.

— Это будет лучшая боль на свете.

Она легонько смеётся и целует меня в щёку.

— Так что ты всё-таки будешь, суп, второе или всё вместе?

Театр теней

В квартире напротив долго никто не жил, а потом туда въехала семья: супружеская пара, мальчик, огромный чёрный кот. Однажды, возвращаясь домой из школы, я случайно увидела, как им заносят вещи. Дверь была приоткрыта, и я не удержалась, заглянула внутрь — мальчик был моего возраста, лет тринадцати на вид; коротко стриженные русые волосы, грустный маленький рот и светлые глазищи на пол-лица. В инвалидной коляске. Он заметил меня, но не помахал и не улыбнулся, просто смотрел печальным взглядом. Я отчего-то смутилась, кивнула ему и пошла домой.

Мне страшно хотелось с ним познакомиться, но я боялась, что его семья будет против, — и что ему это не нужно. По субботам я не училась; обычно мы с родителями ездили за город, в кино, иногда на выставки, но в этот раз я сказала, что хочу остаться дома, и они уехали одни.

Я долго переминалась с ноги на ногу, не решаясь нажать на звонок, сомневаясь, стоит ли вообще это делать. Прошёл месяц с тех пор, как они уехали. Дверь вдруг приоткрылась.

— Привет. Ты чего там стоишь? — Тонкие брови нахмурены, подозрительный взгляд.

— А ты что, следил за мной? — возмутилась я. — В глазок подглядывал?

Он вспыхнул и опустил глаза, суетливо постукивая пальцами по подлокотнику коляски, а потом произнёс, как бы оправдываясь:

— Мне скучно. Дома никого, только Майя. Она... помогает мне. Родители хорошо ей платят... — Он горько усмехнулся. — Ну и Тёма, мой кот. Вообще-то его зовут Тьма, но... Я часто сижу тут, смотрю, как люди ходят по лестнице туда-сюда. Я могу только немножко ходить на костылях, но и это тяжело. Ты заходи, если хочешь.

Я поблагодарила и зашла в квартиру. Мне было очень неловко и страшно видеть его боль, слушать то, что он говорит, как будто ему больше некому было это высказать (и от этого делалось ещё хуже).

— А Майя не будет против?

— Нет, — он махнул рукой. — Ей вообще всё равно, чем я занимаюсь, если это безопасно. Я либо читаю, либо сижу в коридоре... Ещё делаю упражнения. Пойдём в мою комнату. Меня, кстати, Эмиль зовут.

— А меня Ира.

У него в комнате было уютно. Приглушённый золотистый свет, два книжных шкафа, постель застелена красивым клетчатым покрывалом, на котором сладко спит пушистое чёрное облако, стол весь в бумажных фигурках.

— Да, ещё я увлекаюсь оригами. Смотри. — Эмиль выключил верхний свет, подбехал к столу и включил настольную лампу. — Можно устраивать театр теней на стене и на потолке. Красиво, правда?

Во всём сквозило такое одиночество, что даже тогда, в тринадцать лет, ещё плохо знакомая с этим словом, я это почувствовала. Пока он показывал мне театр теней, я украдкой рассматривала его профиль: аккуратное ушко, нос с маленькой горбинкой, пятнышко в уголке рта. Я никогда не видела таких мальчиков, хрупких и сказочных, которых хотелось беречь — и бесконечно слушать их рассказы. Поэтому я сразу в него влюбилась.

— Ира, хочешь, я тебя покатаю? — вдруг спросил Эмиль. — Садись, — он хлопнул себя по коленке.

— А тебе не будет тяжело? — недоверчиво поинтересовалась я.

— Нет, нормально. Я ведь никогда не узнаю, что ты чувствуешь, когда бежишь, но ты...

Было слышно, как Майя что-то делает на кухне. Мы выехали в коридор и вернулись обратно. Я была знакома с Эмилем каких-то пару часов, мы оба были ещё детьми, но я сидела у него на коленях, обняв его за шею, и мне совершенно не хотелось уходить. Я поцеловала его в щёку, и он едва заметно вздрогнул.

— Прости. Тебе неприятно? — тихо спросила я.

— Приятно. Очень...

Тогда я легонько поцеловала его в губы. Он заплакал.

— Ты чего? Что-то случилось?

— Нет, просто... Мне нужен платок. — Мы подъехали к столу, и он открыл ящик одной рукой, чтобы мне не пришлось слезать. — Я смотрел на тебя весь месяц. Никогда не думал, что ты захочешь со мной дружить, а тем более... Если честно, у меня толком нет друзей, только один по переписке. Кому интересно дружить с таким, как я...

Он звучно высморкался, и это отчего-то выглядело очень трогательно.

— Ты такой чудесный. Красивый и умный. Я буду твоим другом на всю жизнь, хорошо?

Он кивнул и немного улыбнулся.

— Боже, я забыла дома телефон... — Я слезла с его кресла. — Родители должны скоро вернуться. Эмиль, наверное, мне пора.

— Ты ведь придёшь ещё? — он доверчиво заглянул мне в глаза.

— Конечно. Ты учишься из дома?

— Да... — Он вздохнул. — Но мы можем делать вместе уроки, если хочешь. Не останешься на чай?

— Нет, не могу. Но в следующий раз обязательно, — я чмокнула его в щёку на прощание, и он покраснел.

Я стала приходиться к Эмилю после школы почти каждый день; мы решали вместе задачки, развлекались тем, что читали друг другу вслух параграфы из учебника, пили чай и украдкой целовались. Эмиль никогда не раскрывал губ во время поцелуев, сказал, что ему иначе не нравится. Мне было всё равно. Он учил меня делать фигурки из бумаги и катал во время прогулок. Я познакомилась наконец с Майей, с его родителями, и все были очень рады, кроме моей мамы.

— Лучше бы ты дружила с одноклассниками, Ира, — сказала она. — Эмиля, конечно, очень жаль, но нельзя из-за этого забывать о своей жизни. Он такой странный, смотрит странно... Ты совсем перестала общаться с подружками.

Я уходила к себе и хлопала дверью. Что мама могла понимать? Зачем мне нужны были подружки, их дурацкие разговоры, дурацкий смех, журналы о косметике и вечные попытки понравиться тем мальчикам, которых я даже не считала достойными внимания? Одна из них как-то случайно встретила нас с Эмилем на прогулке. Мы лепили снежки, смеялись — и я, наклонившись, тыкала носом в кончик его носа, а он краснел (от мороза, конечно, как он сказал). В классе потом пошли разговоры, что Ира возится с отсталым инвалидом, а я окончательно перестала с ними общаться. Я даже хотела перейти на домашнее обучение, но мама этому воспротивилась.

Всё было просто: хрупкий тоненький Эмиль стал главным светом моей жизни. И мне нравилось думать, что я была тем же самым для него, пусть даже волей обстоятельств.

В одиннадцатом классе мы впервые отмечали Новый год у него вдвоём. Объелись салатов, которые заботливо приготовила для нас Майя, и шоколадного торта. Эмиль, не стесняясь, с наслаждением облизал пальцы, все в шоколаде; я смотрела на него (он вырос, отпустил волосы ниже подбородка, чаще улыбался, но всё ещё был тем маленьким печальным Эмилем, который сам открыл мне дверь, когда я не решалась позвонить) и вспоминала, как сидела у него на коленях в первый день нашего знакомства.

— Я тебя люблю, — само вырвалось у меня.

Он посмотрел на меня серьёзно.

— Я тебя тоже. Только мне надо вымыть руки и умыться.

Я невольно улыбнулась.

— Подожду тебя в комнате.

Я выключила свет, оставив одну настольную лампу, и легла на ковёр. Тёма замурчал и устроился у меня под боком. Я погладила его. Эмиль вернулся через несколько минут, сполз на пол и устроился рядом с другой стороны.

— Тебе будет тяжело, — сказал он. — Со мной.

— Без тебя мне будет гораздо тяжелее.

Он поцеловал меня в щёку и так и остался лежать совсем близко.

— Блики на потолке такой странной формы, — проговорила я. — Помнишь, ты показывал мне театр теней?

— Конечно... Родители, похоже, оставили нас, чтобы мы предались всяким непотребствам... — Он хихикнул. — Только я вряд ли способен на это. Вот тебе ещё одна проблема... Спасибо моему телу. Хотя мне и так хорошо. По крайней мере, я точно знаю, что люблю тебя, а не переживаю помутненные рассудка.

— Я люблю твоё тело, всё-всё, какое есть, — ответила я.

— Знаешь, всё из-за того, что я не совсем человек, а кто-то вроде непослушного ангела, провалившего задание.

На мгновение мне показалось, что он не шутит, не сочиняет очередную красивую сказку, а говорит правду. И что в это мгновение я смогу коснуться его крыльев, если захочу.

— По крайней мере, тебе приятно, когда я тебя целую, так что...

Мы стали целоваться, кататься по полу и хохотать, похожие на глупых маленьких котят, вцепившихся друг в друга как в единственный смысл жить.

Тёма посмотрел на нас с укоризной, запрыгнул на постель и свернулся калачиком. Мы заснули прямо на полу раньше, чем наступил Новый год. Разбудил меня Эмиль, подтягивающий себя в коляску.

— Доброе утро. Тебе помочь?

— Уже справился, соня. Час дня на дворе, — он улыбнулся.

— Сам давно проснулся?

— Минут пятнадцать назад. Лежал и смотрел, как ты спишь с открытым ртом. Такая смешная.

— Зараза, — беззлобно произнесла я. — Ты тоже спишь с открытым ртом.

Он показал мне язык.

— Поехали на кухню, там салаты заждались.

ДЕТСКАЯ

Светлана Лаврова

Убийство во время конца света

Повесть

Глава первая

Убийство даже не планируется

— Нет, ну надо же! Я боялся, что сегодня из-за конца света заказов не будет. Открываю, а там длиннющий список, — удивился начальник, глядя на экран монитора. — И чего им неймётся?

— Что? — переспросил Дмитрий.

— Ты не слушал новости, студент? Сегодня объявили конец света, а заказов от садоводов всё равно куча. Ну, нам же выгоднее. Тебе, Димон, наряд номер 13. Как всегда, «разные садовые работы». Чусовской тракт, 13-й километр, сад «Строймаш», участок номер 13... да что ж такое, всё тринадцатое.

— Я вас честно предупреджал, Николай Иваныч, что в садоводстве ни фи́га не смысло, — сказал Дмитрий. — Ахмета пошлите, он потомственный земледелец.

— Да-да-да, а предыдущая старушка прямо соловьем разливалась на весь интернет, как ты ей качественно грядки вскопал да что-то там пересадил, да еще песенку спел из её пионерского детства, — хмыкнул начальник. — Ты, Димон, — талант-самородок. Не в садоводстве, так в старушках разбираешься. А Ахмет пойдёт погреб копать. Всё, вперед на работу.

Дмитрий взял бумаги и вышел из конторы. Учреждение «Работный дом», несмотря на жуткое название, попахивающее Диккенсом, а то и Достоевским, было современной фирмой, в которой каждый желающий мог заказать себе разнорабочего для переезда, постройки сарая, ремонта и прочих катастроф. Самыми частыми клиентами являлись старушки садоводочки, которые вдруг осознавали, что на сто двадцать восьмую грядку сил стало не хватать. Эх. Ничего-ничего, это временно. Нужно продержаться до осени. Осенью начнутся занятия, стипендия, и Глеб обещал с сентября хорошую подработку. А пока сойдёт и «Работный дом». Дмитрий докажет,

Светлана Лаврова — врач-нейрофизиолог нейрохирургического отделения Свердловского областного онкологического центра. Детский писатель, член Союза российских писателей. Автор 98 книг, не считая переизданий. Лауреат национальной детской литературной премии «Заветная мечта» (Москва), детской национальной литературной премии «Книгуру» (Москва), литературной премии «Книга года» (Москва), лауреат премии «Аэлига-13» и «Аэлига-15» (Екатеринбург) и др. В 2021 г. номинирована на соискание Международной премии имени Астрид Линдгрэн (Стокгольм).

что может жить без помощи родителей. Плохо, что он горожанин до мозга костей и укроп от яблони не отличает. Но оказалось, что это неважно, а важно выполнять то, что велит заказчик, и говорить «пожалуйста» и «спасибо».

В девяносто пятом автобусе, объезжавшем садовые участки, было тесно, как обычно. Среди разговоров о затянувшейся засухе и картошке сорта «улугбек» изредка проскальзывала тема сегодняшнего конца света, но большого интереса не вызывала. Комета ли врежется в землю, Йеллоустоун извергнется, или все ядерные бомбы Америки взорвутся разом из-за предвыборной борьбы в Белом доме — всё равно надо полоть, прореживать, пикировать.

Нужный участок Дмитрий нашел быстро. У ворот его поджидала хозяйка. Впрочем, ворот не было. Низкий штакетник даже не был вкопан в землю, а стоял на коротеньких ножках — передвигай и заходи, кто хочет.

— Здравствуйте, я из «Работного дома», Дмитрий, — представился Дмитрий и зачем-то добавил: — Юрьевич.

— Да? Это радует, — отозвалась хозяйка, не очень молодая, не очень худая, не очень... в общем, вся «не очень». — Я — Надежда.

— А в заказе написано «А.А. Куликова», — сказал Дмитрий, заглядывая в бланк договора.

— Ну и что? Сегодня я Надежда. Скучно носить всю жизнь одно имя, как клеймо. Входите.

На Надежду она мало походила. Скорее, все надежды у неё были уже позади. И почему женщины в саду носят жуткие драные трико и вытянувшиеся футболки? Она уже, конечно, пожилая, лет пятьдесят старушке, не меньше, но всё равно. И очки наискосок.

— У вас очки криво надеты, поправьте, — неожиданно для себя сказал Дмитрий.

— Если поправить, будет еще хуже, — жизнерадостно сообщила Надежда. И поправила. Правда, лицо сделалось ещё кривее.

— А почему они такие? — спросил Дмитрий.

— Я на них села, — объяснила Надежда. — И им стало нехорошо. Теперь у меня всё раздваивается. В лучшем случае располтораивается. Вот сейчас передо мной полтора Дмитрия. Это хорошо. За одну цену я приобрела полтора работника. А вы никогда не сядились на свои очки?

— Пока нет, — и Дмитрий нервно поправил на переносице свой «оптический прибор».

— Ничего, жизнь длинная, еще сядете. Это незабываемое ощущение: хрусть — и всё, конец света. Садитесь вот сюда на скамейку и слушайте план работ.

Дмитрий примостился на лежавшем бревне, оптимистично названном скамейкой. Наверняка на нем рубили отпиленные ветки и дрова. Наискосок в бревно воткнулся топор.

— У вас очень трудная задача, — сказала хозяйка. — Увы, я как садовод далека от идеала. У меня ничего нигде не растёт, кроме крапивы. Но в пять часов вечера ко мне придут гости — праздновать конец света. Костюмированный бал, великолепный пир, то да сё. И нужно превратить мой участок во что-то, хотя бы смутно напоминающее нормальный сад. Ненадолго, ведь сегодня конец света, значит, завтра уже ничего не будет важно. Вам ясно?

— Э-э... нет, — честно признал Дмитрий.

— Это хорошо, — одобрила хозяйка. — Мне тоже. Поэтому приступим. По общепринятому мнению в саду должны быть цветы. Я купила четыре горшка с этими... розовенькими и малиновыми... ну, неважно, они на всех клумбах торчат. Расставьте их на видных местах, присыпьте горшки землей, как будто они сами выросли. И придумайте что-нибудь ещё. Вы же творческий человек.

— С чего вы взяли, что творческий?

— А в очках. Мы, очкарики, вынуждены быть творческими людьми, потому что половину мира не видим, вот и приходится додумывать, — объяснила хозяйка. — Осмотрите мой бурьян и создайте из него парадиз, радующий возвышенную душу.

«Сумасшедшая», — подумал Дмитрий и огляделся. Сказать, что участок был зелёный, — это значит ничего не сказать. Заросли крапивы, малины, одуванчиков и синеньких цветочков неизвестной национальности захлёстывали всю территорию, наплевав на скудость дождей. Три яблони растерянно жались с краю. Справа стоял домик, мягко говоря, не очень роскошный, дальше — основательная беседка, увитая девичьим виноградом, слева длинные качели с навесом и подушками, на которых можно было лежать. Между яблонями и качелями возвышалось нечто похожее на кучу гнилой травы или иных органических отходов.

— Это у вас компост? — поинтересовался Дмитрий, принохиваясь.

— Нет-нет, к чему такие изыски, — замахала руками хозяйка. — Это просто я травку пыталась косить и сюда складывала. С начала лета. А то ее так много везде понавырастало. Это якобы сельские стога сена. Как на пейзаже импрессиониста Моне «Стога».

— А почему он так воняет, ваш импрессионистический «стог»? — спросил Дмитрий.

— А как он должен пахнуть? Я горожанка, сена отродясь не нюхала, — забеспокоилась хозяйка. — Мне и в голову не приходило, что запах не соответствует стандартам. Иногда я туда огрызки яблок бросала или недопитый йогурт. Вам не нравится? Может, его ковриком прикрыть? У меня в сарае есть дырявый коврик от прежних хозяев.

— Коврик не поможет. У вас тачка найдётся? — И следующие полчаса Дмитрий вывозил несостоявшийся пейзаж Моне на мусорку дачного поселка.

После ликвидации Моне взору открылась заросшая дренажная канава, которую хозяйка называла речкой. Через речку был перекинут разломанный, покосившийся, но еще функционирующий мостик.

— Если к нему прибить вот тут палочки, будет пейзаж Поленова «Заросший пруд», — намекнула хозяйка.

— На пейзаже Поленова нет мостика, — возразил Дмитрий. — Надежда, а у вас березовые дрова имеются?

— Вы хотите поджечь мостик?

— Нет, я хочу его апгрейдить. То есть починить. Березовые перила будут красивее.

— Есть дрова! Еще от прежних хозяев остались. А еще у меня есть три кило яблок. Понимаете, Дмитрий Юрьевич, авторитеты считают, что в саду должны быть фрукты. А моя крапива упорно не плодоносит никакими абрикосами и ананасами. Я думаю, надо привязать покупные фрукты к ветками яблонь, и будет так романтично: гости гуляют под яблонями, срывают яблоки и тут же едят их...

— Немытыми, — добавил Дмитрий. — И заболевают дизентерией. Романтика!

— Нет-нет, я их помыла! — торжествующе воскликнула хозяйка. — И знаете, Дмитрий, я купила не только яблоки, но и груши. Давайте одну мою яблоню перевоспитаем в грушу, а? Привяжем ей грушки на веточки.

— Можно же не только фрукты привязывать, — вспомнил Дмитрий. — Можно грецкие орехи в фольге, как в старые времена на ёлку. Мне мама рассказывала. Хлопушки, бусы, подарки.

— Гениально! — восхитилась хозяйка. — Как в моём советском детстве! Ну, я пойду орехи в фольгу заворачивать, а вы тут хозяйничайте.

Вон там у меня лежит арбуз и два ананаса, так вы их тоже приспособьте в композицию.

— Можно я скошу часть травы, я видел у вас вон там косилку? А то гостям ступить некуда из-за крапивы, — проявил инициативу Дмитрий.

— Конечно, голубчик, буду очень рада. Я пока займусь реквизитом, а вы тут делайте, что считаете нужным. В сарайке много всякой ерунды лежит, может быть, что-то пригодится.

Очень пушистый белый кот с голубыми глазами прошёл по дорожке, неодобрительно посмотрел на Дмитрия и скрылся в лопухах на заднем краю сада.

— Красавец, — одобрил Дмитрий. — Ваш? Соседский?

— Кот? Нет. Не знаю чей. Они тут ходят всё время, участок же практически не огорожен, — пояснила хозяйка. — Ловят какую-то фауну. Или просто гуляют, поддерживают фигуру.

Прошёл час, другой, третий, четвертый, еще непонятно который. Хорошо, что время относительно.

— Всё, я больше не могу, — простонал Дмитрий. — Мне кажется, я свихнулся с этими декорациями.

— Да, — радостно согласилась хозяйка. — Мне тоже так кажется. Нормальный человек не смог бы сотворить эдакое с моими шестью сотками.

Действительно, пейзаж преобразился. На яблонях повисли привязанные розовыми ленточками яблоки, груши, орехи, шоколадка «Алёнка» и три ёлочных шарика. Между качелями и беседкой распростёрся большой облезлый ковёр, сосланный в сарай по причине дыры в середине. Дмитрий пристроил эту дыру на эффектный куст репейника, окруженный мелкими синими цветочками, получилась живая клумба прямо в ковре.

С края ковра, где топорщились лопухи, выглядывали арбуз и два ананаса, это подразумевалась бахча, огороженная плетнем, который Дмитрий сплёл из скошенных стеблей каких-то зверски длинных сорняков. Наискосок от бахчи расположился цветник: петунии в горшках образовали пышные розовые нашлапки тут и там. Между петуньями Дмитрий разложил несколько апельсинов в качестве цветочных эффектов. Торчащий в бревне топор Дмитрий обвинил гирляндой из одуванчиков, вспомнив технику плетения веночка из детства. Одуванчики сползали, но немного держались.

Дренажную канаву Дмитрий прочистил, и по ней теперь бежал ручеек, через который перекинулся очаровательный почти полностью березовый мостик. За ручейком простиралось Заречье — полторы сотки пустыря с кустами одичалой малины и черноплодки, на которых он развесил вырезанные из цветной бумаги китайские фонарики. А задний план Дмитрий попросту закрыл, прикнутив к разваливающемуся забору подмокший рулон фотообоев из сарая. На обоях вьющиеся розы величиной с голову Дмитрия оплетали коринфские колонны, а в промежутках между колоннами виднелся ослепительный морской простор.

— Вы гений, — сказала хозяйка, глядя в морскую даль. — Я всегда мечтала жить на вилле у моря.

— Надеюсь, дождя сегодня не будет, а то размокнут и сползут и колонны, и море, — пробормотал Дмитрий. — Беседку я не украшал, она и так симпатичная с этими вьющимися растениями. И качели с подушками нарядные. Сколько времени, мы успеваем к вашим гостям?

— Да, они вот-вот будут.

— Тогда подпишите акт выполнения работ, и я поеду, — сказал Дмитрий, сожалея, что он даже не успел пообедать, хотя ему полагалось полчаса на перерыв, и он даже прихватил с собой бутерброды. Но увлёкся дизайном и забыл. Это ж было весело, не то что тупо копать грядки.

— Ни в коем случае, дитя моё, — возразила хозяйка. — Акт я подпишу, но вы остаётесь, вы будете гостем. Вас обязательно надо накормить. Не думаю, что вас заинтересуют мои друзья и враги, мы люди пожилые и скучные, а красивых девочек к ужину не планируется. Но вы хоть поужинаете нормально. Встречать конец света на голодный желудок очень вредно, вас будет тошнить.

Дмитрий хотел отказаться, представив, как сейчас на участок заходят солидные мужчины в свитерах от Кучинелли и дамы с сумочками Гуччи, а он — в запачканной спецовке с логотипом «Работного дома», позорище. Но потом подумал: «Я весь день вкалывал, так хотя бы поем вкусно, а потом сразу уеду». Потом Дмитрий увидел первого гостя и решил, что действительно стоит остаться и посмотреть, что тут затевается. Последний автобус в 22.30, он сто раз успеет уехать, если что пойдёт не так.

Первый гость, немолодой упитанный вампир в чёрном плаще, измазанном подозрительно яркой кровью, облизал клыки, отодвинул штакетину и проворчал:

— Ангелика, я сто раз тебе говорил, сделай нормальную калитку. Мне уже не сто двадцать лет таскать твой забор туда-сюда.

— Вовочка, я непременно сделала бы калитку, но накануне конца света нет смысла затевать масштабные переделки, — сказала хозяйка. — Ты снова в вампирском костюме, тебе очень идёт. Я тоже пойду переоденусь. А ты пока познакомься с мальчиком. Кстати, я сегодня Надежда, а не Ангелика.

И убежала в домик.

— Здравсте, — неловко представился Дмитрий. — Я Дмитрий.

— Откуда ты такой взялся? — спросил Вампир Вовочка, обзревая не-светскую одежду Дмитрия.

— Из Нижнего Новгорода, — честно ответил Дмитрий.

— А-а, помню, помню... Пожарский? Или Козьма Минин?

— Наверное, лучше Пожарский, — решил Дмитрий. — Всё-таки князь.

— Это правильно, — одобрил Вампир Вовочка и вынул изо рта пластмассовые клыки. — Ну что за дурацкая затея — костюмированный вечер! Нам не восемнадцать лет, чтобы рядиться мушкетерами и феечками. Я последний раз надевал этот костюм вампира лет двадцать назад на школьном вечере у моей дочери. С тех пор костюм мне уже тесный стал. Хорошо хоть зубы не растолстели, клыки мне и поныне впору. А ты, князь, чего без маскарадного костюма? Ангелика, тьфу, Надежда ворчать будет.

И вставил клыки обратно.

— Я в костюме, — возразил Дмитрий. — В костюме рабочего из «Работного Дома». Видите, весь в земле.

— А-а, Диккенс, — кивнул Вампир Вовочка. — Ангелика его всегда любила. А по мне, так он слишком длинный. Редактора на него нет.

Дмитрий Диккенса не читал, но кивнул солидно.

— А что за бред про конец света? — спросил Вампир. — У нас в редакции весь номер про то, что сегодня мир закончится как таковой. Похоже на правду.

— Эти журналисты... — неопределенно сказал Дмитрий. И напрасно, потому что Вампир ответил:

— Ну, это ты брось. Я журналист и обычно за базар отвечаю.

Дмитрий замялся, а Вампир бросил взгляд на сияющие в конце сада фотообой с пейзажем и одобрительно заметил:

— На закате клюёт хорошо. Я бы поудил. Так, поди, у Ангелики и удочек нет. Надо было свои прихватить, так кто же знал, что у неё на даче море.

Хозяйка вышла на крыльцо.

— Ангелика, детка, кто же ты сегодня? Лягушка? — спросил Вампир.

Хозяйка облачилась в длинный бесформенный балахон из зеленой блестящей ткани, подозрительно похожей на подкладочную. Голову прикрывал газовый шарфик, тоже зеленый, с синими зайчиками. Зайчики ниспадали на плечи и грудь и струились ниже. Как ни странно, нелепый балахон ей шёл, она сделалась моложе, стройнее.

— Я не лягушка, я Тоска Зелёная, — объявила хозяйка, доставая маску из темно-зеленой ткани. — Вовочка, ты маску принес?

— Еще чего, в маске жарко, — отказался Вампир.

— Если ее намочить в холодной воде, то будет даже прохладно, — и хозяйка протянула Вампиру и Дмитрию по черной маске — не медицинской, а карнавальной. — Надевайте хоть ненадолго.

У забора послышался шум автомобиля.

— Вот и остальные, — кивнула хозяйка и пошла им навстречу.

Глава вторая

Убийство планируется

— Где машину-то поставить? — спросили из окошка чёрного «вольво». — Ну и участок, убожество.

— Тут негде, вернись обратно и паркуйся на стоянке у въезда в сад, — сказала хозяйка.

Из «вольво» что-то недовольно пробурчали и задом отъехали.

— Борис, что ли? — поморщился Вампир. — И зачем ты его пригласила? Мало мы из-за него намучились?

— Он мне нужен, — процедила хозяйка. — Потерпи, Вовочка.

Вампир сплюнул и обернулся к Дмитрию:

— Пойдём, князь, мангал вынесем из сарайки. Надеюсь, Ангелика замариновала мясо.

Дмитрий обрадовался — какой же ужин на даче без шашлыка? И вампир этот ничего, душевный мужик, нос не задирает. Посмотрим еще на остальных.

Остальные прибыли довольно кучно.

Тот, из «вольво», оказался крупным сутулым мужчиной в костюме — неожиданный наряд для посещения дачи. Наверное, сразу с работы, из офиса. Он брезгливо осмотрел кучу маскарадных принадлежностей, которые хозяйка предусмотрительно сложила на скамеечке перед беседкой для тех, кто пришёл без карнавального костюма. Потом взглянул на фотообои на заборе и сказал:

— Не нравится мне море. Слишком тёмное у горизонта. Будет шторм.

— А что ты хочешь, Борис, это же конец света, — развела руками хозяйка. — Спасибо, если не землетрясение. Не люблю землетрясений, они неаккуратные, после них столько уборки.

Следом почти сразу приехали две женщины на одной машине, которую сразу оставили на стоянке — видно, бывали здесь раньше и порядки знали. Одна худая и изящная, одетая в какое-то очень обыкновенное, на взгляд Дмитрия, платье. Он не распознал подчёркнутую простоту льняной итальянской модели, на которую все женщины на улице поворачивали головы. Женщина выглядела лет на сорок, потом оказалось — хорошо за пятьдесят, как и остальным. То есть, по мнению Дмитрия, безнадежная дряхлость. Вторая круглолицая и вообще вся кругленькая, с рыжеватыми кудряшками и в очень сложном маскарадном наряде с колокольчиками и крашеными перьями.

— Олечка, какой костюм чудесный! — восхитилась хозяйка. — Ты изображаешь китайскую пагоду?

— Я изображаю Парадигму, — слегка обиделась круглолицая.

— Тогда я Синтагма, — фыркнула худая.

— Мара, ты без костюма, — упрекнула ее хозяйка. — Договорились же. Пойди выбери что-нибудь вон из той кучи.

— Анечка, а почему у тебя очки с изящным наклоном? Так теперь носят? Как мило! Ты всегда следила за модой, как и Марджори. А мне всё некогда с этими девятыми классами, — щебетала Олечка.

— Марджори? — шепотом удивился Дмитрий.

— Ага, — ухмыльнулся Вампир. — Удружили родители доченьке, выбрали имечко. Она требует, чтобы ее называли Марьиванной. Мы зовём Мара.

На Марьиванну гостя абсолютно не походила. А на Марджори — вполне. Она подошла к куче нарядов на скамейке, выдернула первую попавшуюся тряпку — якобы цыганскую юбку из лоскутков дикой расцветки — и небрежно задрапировалась в неё. Неожиданно вышло элегантно. Впрочем, если бы она даже пучок крапивы в нос засунула, получилось бы элегантно — бывают такие женщины, хотя и редко.

— Да, не так я представлял себе Синтагму, — хохотнул Вампир. — Синтагма и Парадигма, надо же. Я из-за них вторую сессию чуть не завалил.

Дмитрий украдкой полез в телефон — смотреть в Гугле, что такое синтагма и парадигма. Прочитал, но ничего не понял.

Олечка мечтательно посмотрела на фотообои и сказала:

— И зачем ездить на заграничные моря за дикие деньги, наше родное море ничуть не хуже. И заход песчаный, да?

— Колонны вульгарные, — заметила Мара. — Спили их. Когда я в последний раз была на Мальте...

— Боже мой, какая роскошь, ковёр прямо на земле в саду! — ахнула Олечка. — Я чувствую себя Шехерезадой!

Мимо «Шехерезады» прошествовал рыжий кот с очень круглой мордой, чем-то напоминающий Олечку.

— Коты купались в море на закате, — нараспев, как стихи, произнесла Олечка. — Повезло тебе, Анечка, с этой дачей — ковры, котики, море. А мы плавать пойдём? Вода не холодная?

— Коты купаются, значит, и нам нормально, — ответил Вампир.

— Вода не холодная. Вода нарисованная, — буркнул Борис.

— Это неважно, — отмахнулась Олечка. — Боря, твой офисный пиджак не вписывается в дачный пейзаж. Я тебе сейчас сделаю минимизированный маскарадный костюм, чтобы не ущемлять твоё эго.

Она ступила с ковра на траву, ойкнула от крапивы и принялась рвать одуванчики и сооружать веночек. Потом встала на цыпочки и накинула веночек на лысоватую голову Бориса.

— Ты будешь юный пастушок из пасторали восемнадцатого века, — хихикнула она.

Мара фыркнула.

Борис негодуяще посмотрел на Олечку и резко сдвинул веночек на затылок. Видимо, он хотел сбросить нелепый головной убор. Но упрямые одуванчики прилипли к лысине и там и остались.

— Ангелика, давай уже на стол накрывать, я голоден в хлам, — сказал Вампир и почесал правый клык.

— Я сегодня Надежда, — напомнила хозяйка.

— Прости, детка, я забываю всё время. Князь, ты в сарайке розжиг не видел?

— Князь? — томно переспросила Олечка.

— Вот этот мальчик, он князь, — подтвердил Вампир, кивая на Дмитрия. — Самый настоящий, из рабочего дома. Хотя князьям нынче не

сезон. Девчонки, разбирайтесь уже с ужином, я сам себя скоро съем. Кто-то ещё будет?

— Я ещё буду, — на участок зашёл низенький, плюгавый мужичок в черной водолазке и джинсах, чем-то, по мнению Дмитрия, похожий на сантехника. — Вивиана, вот тут в пакете тобосские креветки, как ты любишь, соус «Мелье» с трюфелями и «пино гриджио» три бутылки, хватит?

— Я сегодня Надежда, — сказала хозяйка. — Привет, Гений.

— Надежда? А позавчера была Вивиана, когда я тебе звонил, — удивился «сантехник», ничуть не похожий на гения. — Ну, тебе виднее, кто ты есть. Слушай, твои очки наискосок — это нечто! Это символ нашей перекосившейся жизни, нашего окосевшего мира! Я стащу идею, если не возражаешь. А там что? Ух, какое море! Как у поздних примитивистов. Медуз нет? У примитивистов не было.

— И у меня нет, — и хозяйка забрала пакет с продуктами. — Ты очередной раз подтвердил свою гениальность, Колька, я обожаю креветки.

— Жаль, что медуз нет. Они придают морю пикантность и остроту.

— Морские ежи ещё больше остроты придают, — заметила Мара. — Анька, где у тебя тарелки? Гений, хорош болтать, займись выпивкой, в доме где-то есть рюмки.

— Морские ежи — это уже перебор, — не одобрил ежей «сантехник», оказавшийся гением. — В море важна мера, как и в литературе.

— Гений — это имя? — шёпотом спросил Дмитрий у Вампира. — Или фамилия?

— Это кликуха, — усмехнулся Вампир. — Он взаправду самый талантливый из нас. Еще в школе лучше всех сочинения писал и в литинституте всех опередил. А потом стал гениальным писателем. Николай Наргизов — неужели не знаешь? Его последний бестселлер «Ярко-зелёный айсберг» все премии собрал.

— Ах, так вот это кто! — солидно сказал Дмитрий. Но по правде, он в первый раз слышал это имя.

Тем временем шла обычная дачная суэта перед ужином. Туда-сюда из беседки в домик и обратно носили продукты, тарелки, вилки, выпивку, сокрушались, что сока мало, а водки много, и она не та, и вообще кто сегодня пьет водку, это отстой, а про хлеб, как всегда, забыли, ну и ладно, дамы хлеба всё равно не едят, а кому нужна эта брокколи, зачем ее принесли, и кто следит за мясом, оно уже подгорает, и сам ты подгораешь, а мясо еще только слегка улыбается... и так далее.

Изысканная Мара ловко резала лук и помидоры, Олечка суетилась над медовыми плюшками — они не помещались на блюде с розочками, а класть медовые плюшки на одноразовые тарелки было некрасиво. Гений расставлял бутылки, пакеты с соком и бокалы. Вампир надзирал за шашлыком, Дмитрий был на подхвате. Борис поскользнулся на апельсине среди петуний, выругался, потом сорвал с ветки привязанное розовой ленточкой яблоко и надкусил его:

— Кислое!

— Не дозрело ещё, что ты хочешь, — отозвалась хозяйка, тащившая огромное блюдо с пирогами. — Урожай в сентябре надо снимать, а сейчас конец июля. Привяжи обратно, может, оно дозреет.

Борис обалдело посмотрел на надкусанное яблоко и привязал его снова к ветке.

— Через месяц придёшь и доешь, — сказала хозяйка. — Дмитрий, перехватите у меня пироги, я их роняю.

Дмитрий успел поймать блюдо, поставил на стол в беседке, принялся. С мясом. А вон те — с рыбой. Заказные, конечно, из какой-нибудь «Штолле» или «Златой печки», кто сейчас печёт домашние пироги. Ни-

чего, всё равно вкусно. Хорошо, что он не уехал. Народ вроде приятный, хотя и слегка ненормальный. Но Дмитрий устал от нормальных людей.

Мимо прошёл серый кот. На мгновенье замер напротив мангала, посмотрел на Вампира. Вздохнул и пошёл дальше, к морю.

— Они все уходят, и никто не возвращается, — заметил Вампир. — Кис-кис! Котик, я тебе мяса дам.

Кот даже не обернулся.

— Он чувствует, что конец света, и бежит как крысы с тонущего корабля, — объяснила хозяйка. — Там, у моря, — портал в другое измерение. В ходе конца света все погибнут, но коты спасутся.

— Коты, как лемминги в тундре, целыми стадами уходят и топятя в море, — пошутил Дмитрий.

— Да ты биолог, князь! Хорошая гипотеза, — похвалил Вампир. — Ангелика, а арбуз мы будем есть, или он для красоты лежит? Тогда я его разрежу.

— Может, этот кот просто пошёл попить из моря? — сказала Олечка.

— Его на солёное потянуло? Он — кошка в интересном положении? — фыркнула Мара.

— А что? Моя кошка не любит пить из миски. Она предпочитает естественные водоёмы. Типа унитаза, — сказала Олечка.

Мимо проследовал еще один кот. Очень крупный, палевого цвета. Он зло посмотрел на Олечку и фыркнул, как Мара. «Откуда их столько берется? — подумал Дмитрий. — И ведь действительно никто не возвращается».

— Мясо готово. Ангелика, где большое блюдо? Ага, вот оно. Все за стол! — прокричал Вампир. — Колька, бокалов хватит?

Компания торопливо расселась — все проголодались. Было еще светло, но уже как-то пасмурно, поэтому зажгли электричество в беседке. Бумажные китайские фонарики на дальней черноплодке тоже засветились за компанию, хотя никакое электричество к ним не подводилось. Почему-то это никого не удивило: гости думали, что так и надо, хозяйка — что Дмитрий прицепил к черноплодке старую елочную гирлянду, а Дмитрий ничего не думал, он наконец ел. Он хватил большой кусок шашлыка — ух, хорошо! Сочное, нежное мясо с хрустящей корочкой, а вонзишь зубы — сок так и брызжет! Правильно, что он остался ужинать. В общаге ему такой шашлык не подадут.

Вампир сказал тост за хозяйку и «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», и несколько минут все ели молча. Мимо беседки по направлению к нарисованному морю прошли два крупных черно-белых кота. Очень крупных, со спаниеля величиной, а то и больше. Один увидел апельсин в петуньях, отклонился от маршрута и лапкой покатал этот симпатичный оранжевый мячик. Потом подумал и укатил апельсин с собой. Пусть апельсин тоже спасется от конца света.

— Всё это хорошо, — заметила Мара, откладывая надкусанное вареное соцветие брокколи. — Но зачем ты собрала нас, Анька? Это ведь всё не просто так: шашлык, ковёр, маскарад, бредни про конец света.

Хозяйка потупилась. Потом посмотрела на Гения. Тот поставил бокал с «пино гриджио» и откашлялся.

— Это я попросил Вивиану собрать вас, дорогие одноклассники. — сказал он. — Я всё объясню. Как вы знаете, я пишу концептуальную современную прозу на злободневные темы. Печатают, критикуют, премии дают — не жалею. Я даже слегка загордился, каюсь, когда мой роман «Ярко-зелёный айсберг» получил премию «Великая книга» и... ну, и так далее. У меня много почитателей, но и завистников хватает, это нормально. И вот недавно один мой коллега сказал: «Такие непонятные изыски для избранных интеллектуалов каждый может сочинить. А ты попробуй сбацать простой тупой детективчик. Типа все собрались на даче, едят, пьют, один

отошёл с бокалом на качели, потом бах — он убит. Никто посторонний не подходил. Спорим, что ты не сможешь!» Пospорили.

— На что? — поинтересовался Вампир. — На миллиончик?

— На шоколадку «Аленка», — сказал Гений. — Дело же не в деньгах, это вызов моему профессионализму. Мы договорились о сроке в один месяц. Я думал, сейчас левой пяткой за полчаса напишу. Оказалось, всё не так просто. Не мой жанр. Вот, например, как у меня вышла сцена обнаружения трупа.

И начал читать в телефоне:

«— Меридиан! Где меридиан? — кричала Аглая, взмахивая белым надрезанным рукавом, как нетрезвая лебедь на пресловутой пристани Сан-Франциско. Вдоль не найденного ею меридиана вытянулось тело, тупое спереди и заострённое сзади, где ноги — где раньше были живые ноги, а теперь два острых конца ботинок с «сущностью» внутри, вытянулись и сами сделались частью меридиана, скрытого облаками от космоса и вообще не существующего в реальности, а только измышлением глупых географов».

— Эж заверчено, — покрутил головой Вампир.

— А географы-то чем тебе насолили? — спросила Мара. — Тихие люди, полезные.

— Вот и я считаю — не то, — кивнул Гений. — Поэтому прошу вашей помощи. Мы все — выпускники класса с литературным уклоном нашего лица, все связаны со словесностью. Я — известный писатель (Мара, не хмыляйся так криво), Володя журналист с огромным стажем, Олечка учитель литературы, Ангелика тоже пишет какие-то там детские книжки, Мара — редактор издательства. Один Борис откололся от литературы и пошёл в медицинский, но зато добился высокого поста главного врача всем известной клиники. А главврачу очень нужно умение сочинять для Минздрава. Например, статистический анализ увеличения выздоровления пациентов вследствие переноса операционной в столовую. Или обоснование необходимости 159-й операционной, хотя мест в реанимации всего шесть. Или интерпретация федерального приказа о повышении зарплаты медикам так, чтобы при повышении она понижалась.

— Ну, это ты врёшь, гениальный писатель. Зарплату я пока не трогал, — лениво возразил Борис.

— Я пойду по лёгкому пути, это ведь не серьёзное произведение, которые обычно пишу я, а развлекательное чтиво, — продолжил Гений. — Поэтому я возьму всех нас, изменю имена, опишу дачу... наличие моря меня приятно удивило, волны подталкивают воображение. Нам надо сейчас в общих чертах придумать, кого убили, как, за что и кто убийца. И это я попросил организовать маскарад — для завлекательности. Все сидят в масках и едят шашлык — необычно, правда? Смелое решение.

— Все давно сняли маски, — проворчала Мара. — В маске есть неудобно.

— Все сняли маски, пропитанные жиром шашлыка, — продекламировал Гений. — Одна маска оказалась пропитанной кровью. Но этого никто не заметил.

— И полиция не сможет подъехать и допросить подозреваемых, потому что начнется конец света, — продолжила хозяйка. — Придётся раскрывать преступление самим.

— Конец света — это излишняя деталь, мне кажется, — возразил Гений. — Хотя если я не буду укладываться в месячный срок, конец света сгодится — всё рухнет, и убийство останется нераскрытым за неимением этого мира. Итак, кого мы уьём?

— Вот этого, — и Мара указала вилкой на Дмитрия. — Он не наш, его не жалко.

— И он князь. Князей интереснее убивать, чем простых смертных, — кивнула Олечка, брякнув колокольчиками.

Дмитрий поёжился.

— А за что? Я ничего такого не сделал, — воспротивился он.

— У каждого из нас есть причина для его убийства, — зловеще протянул Гений. — У меня даже две. Во-первых, он спёр мой сюжет, тиснул книжонку, получил премию... нет, это слишком надуманно, так не бывает в жизни. Вторая причина лучше: он мой незаконный сын или переодетая, но от этого не менее незаконная дочь. И её наличие угрожает моему семейному покою и ревнивой жене.

— Колька, ты же разведён!

— Это неважно. Хорошо, я собираюсь жениться на дочери олигарха, которая за меня не пойдёт, если узнает о существовании этой мерзавки.

И Гений кивнул на Дмитрия. Дмитрий подавился шашлыком. Мара хлопнула его по спине, шашлык в Дмитриевом организме принял приличное положение.

— Мара, теперь твоя версия!

— Он переехал мою подругу Олечку, — не задумываясь, бросила Мара. — Аж два раза, туда и обратно. Для пущей зверскости.

— У меня нет машины! — возмутился Дмитрий.

— На краденой переехал, эка важность! Или на такси, — сказал Гений. — Олечка, что ты скажешь?

— Он... он... он обольстил меня, обещал жениться и сбежал в Рио-де-Жанейро! — выпалила Олечка и покраснела.

— Да я вам в сыновья гожусь! — возмутился Дмитрий.

— Это объяснение, но не оправдание, — сказал Гений. — Но похожий сюжет уже был у классиков. Борис?

— Он оклеветал меня в Минздраве, и теперь меня снимают с должности главврача и переводят в Каменск, — мрачно проговорил Борис. — Нет, он ещё только готовится оклеветать, и я должен успеть его убить до доноса. Это не месть, а профилактика. Полезное действие. Вред убийств вообще преувеличен, не так ли?

— Володя?

— Я мирный вампир, я никого не убиваю, — сказал Вовочка и облизал клыки. — Я его только слегка укусил за шейку. В знак одобрения. Даже до сонной артерии не добрался. А он, стукач, раскричался: «Да ты вампир! Да я на тебя в полицию пожалуюсь!» Ну, пришлось его загрызть, чтобы полицию не беспокоил. Они там, бедолаги, и так заняты по горло, зачем им лишняя работа? Я о полиции радел, об общем благе, так сказать.

— Ангелика?

— Я очень не хотела его убивать, — грустно сказала хозяйка. — Он такой чудесный мальчик. Он превратил мой запущенный участок в волшебный сад. Он так старался, даже трогательно. И сразу согласился остаться на ужин, ничего не подозревая. Я подумала, что он может пригодиться, такой наивный. Обещайте, что вы пределаете это не больно.

И тут Дмитрий испугался.

Глава третья

Убийство совершается

Чёрный кот размером почти с овчарку остановился напротив входа в беседку.

— Ух и зверюга! — отвлёкся от убийства Вампир. — Кис-кис, иди сюда, у меня есть мясо!

Кот пристально смотрел на Вампира, изучая информацию о Вампировом мясе. Глаза его светились, хотя еще окончательно не стемнело. Вампир нервно облизал клыки. Кот тоже облизнулся.

— Мясо не в том смысле, — уточнил Вампир.

Монструозный кот еще подрос и снова облизнулся.

— Брысь! — нервно крикнул Вампир.

Кот проигнорировал «брысь», подошёл ближе и начал присматриваться к Вампировому бедру. Потом дёрнул ушами, словно услышал зов, вздохнул с сожалением и двинулся к нарисованному морю.

— Жуткая скотина, загрызёт и не мявкнет, — с облегчением вздохнул Вампир. — Ангелика, как ты тут живёшь рядом с этими чудовищами?

— До сегодняшнего вечера котики обычные ходили — маленькие, ласковые, мурчащие, — сказала Ангелика. — Не знаю, с чего это они сегодня распухли до слоновьих размеров.

— Значит, ты просишь убить не больно? — вернулся к прежней теме Гений. — А как? Предлагайте варианты.

— Натравить кота, и пусть загрызет, — пробормотал Вампир, он всё ещё был под впечатлением от общения с котом.

— Ничего себе не больно!

— Предварительно обмакнуть его зубы в новокаин, — уточнил Вампир. — Будет не больно.

— Сбросить с крыши, — предложила Мара. — Легко выдать за несчастный случай. Вокруг домика — подходящая бетонная дорожка.

— Да-да, он сначала починит мне крышу, она немного подтекает, а потом пусть падает, — оживилась Ангелика. — Хотя нет. Пусть починит крышу и благополучно с нее слезет. А то забрызгает кровью дорожку — не отмоешь.

— Он насильно на крышу не полезет, — сказала Олечка.

— Не полезет, так мы затащим, — сказал Борис.

— Нет-нет, я не согласна, это неоправданно, больно и не радикально, — запротестовала хозяйка. — Сломает ногу, и всё. Убивайте наверняка. И без крови.

— Утопить в море, — придумал Вампир. — Тоже легко выдать за несчастный случай: купался, далеко заплыл, и того... летальный исход.

Дмитрий приободрился — в нарисованном море еще никто не утонул.

— Тело унесёт отлив, и придётся долго ждать развязки, — отвергла идею Мара. — Лучше яд. Анька, у тебя есть яд на даче? Простой, традиционный цианистый калий? Мышьяк? Кураре?

— Да ну тебя, — махнула рукой Ангелика. — Какие яды, что ты городишь? Борис, ты же врач, хоть и начальник. Чем из подручных материалов можно отравить человека? Таблетками, которые есть у всех?

— Ах, вот зачем вы меня пригласили! Как специалиста по препаратам! А я думал... ну, я уже давно не практикую и точно не скажу... Я читал в каком-то детективе: у человека было низкое давление, а ему обманом дали несколько таблеток нитроглицерина, он выпил, давление упало напрочь, коллапс и остановка сердца. Подойдёт?

— Неплохо, — одобрил Гений. — Не зря Вивиана тебя позвала.

— Я Надежда, — исправила Ангелика.

— У кого есть нитроглицерин?

— У меня, к сожалению, — вздохнул Вампир и достал из кармана пузырек с малюсенькими таблеточками. — Бурная молодость к добру не приводит.

— У меня тоже есть на всякий случай, хотя моя молодость совсем не бурная, — сказала Олечка и показала похожий пузырек в сумочке. — Мой 9-й «А» не только до нитроглицерина, но и до цианистого калия доведёт.

- А у тебя, Борис, как с сердцем?
- Таблетки не принимаю, я здоров и работоспособен вопреки клевете завистников, — ответил тот. — Давление сто на шестьдесят максимум.
- Низковато, — тихо заметила Ангелика.
- Довольно сложно будет напоить его насильно пятью таблетками нитроглицерина, — засомневался Гений, глядя на Дмитрия. — Юноша крепкий, даром что очкарик. Отбиваться будет. Еще варианты?
- Если он аллергик, то можно дать ему аллерген, — продолжил Борис. — Например, если аллергия на кошачью шерсть, можно дать понюхать kota. Благо этих тварей тут стада ходят.
- У меня нет аллергии на котов! — обрадовался Дмитрий. — Хоть унохайся!
- У меня аллергия на мёд, — сказал Борис. — А ты, Ангелика, испекла плюшки с мёдом. Ха-ха, смерти моей хочешь? Не дождётесь.
- У меня аллергия на дураков, — поморщилась Мара.
- Вернёмся к делу, — напомнил Гений. — Можно отравить его химикатами. Что у нас есть?
- Только медный купорос, оставшийся от прежних хозяев, — вспомнила Ангелика.
- Покажи.
- Ангелика сбегала в сарайку, принесла бутыль.
- Да, он вполне доступен, любой может налить. Но он синий. Вряд ли его можно выпить по ошибке или обманом напоить жертву. Не подходит, — забраковал купорос Гений.
- К тому же отравление химикатами очень некрасивое — рвота, судороги, вопли, — добавила Ангелика и задвинула купорос под лавку.
- Допустим, у него заболело горло, — предположила Олечка, мечтательно глядя на шею Дмитрия. — Он хочет его запшикать таким спреем от горла, как его... ингалипт или каметон. Но убийца ловко всовывает ему в руку дихлофос... нет, лучше спрей от комаров и клещей. И жертва сама забрызгивает себе в горло ядовитый спрей и задыхается. Как комар.
- У меня есть спрей от комаров, — сказала Ангелика. — Но он сразу не умрет, а будет долго кашлять, и все сразу поймут, кто его убил.
- Проще всего его незаметно заколоть, — предложил Борис. — Слышишь, гениальный писатель? Коли его! А свалить на террористов из южных стран! Модная злободневность.
- Ты у нас хирург, ты и заколи. Вивиана, у тебя есть кинжал?
- Я Надежда! Но кинжал есть, — Ангелика принесла из домика маленький китайский кинжал в якобы бронзовых ножнах, украшенный пластмассовым рубином.
- Ну и безвкусица, — скривилась Мара. — Я бы не согласилась быть зарезанной такой вульгарной штукой.
- Он алюминиевый, сувенирный! Им даже кожу не проткнёшь. Вивиана, ты плохо подготовилась к убийству, — сделал замечание Гений.
- Ты не предрепреждал, что нужно именно убийство, — оправдывалась Ангелика. — Мы насчет шашлыка договаривались, а не насчет убийства.
- Ничего, уже есть насчет чего поразмыслить. Потом займусь алиби и прочей рутинной. Спасибо вам, дорогие друзья, вы меня очень выручили. Отдельное спасибо вам, князь, вы прекрасно подыграли и внесли в наше обсуждение нотку тревожной достоверности, что безмерно ценно для меня как для творческого человека. Вы что-то бледны, князь?
- Наверное, я объелся, — с облегчением сказал Дмитрий, понимая, что всё это были пустые разговоры, и никто его убивать не собирается.
- Мимо прошёл хромой полосатый кот и громко сказал:
- А я еще не объелся.

Дмитрий аж вздрогнул — теперь коты заговорили!
— Здравствуй, солнышко, присаживайся, угощайся, — радостно сказала хозяйка.

Рядом с Дмитрием на скамейке волшебным способом оказался ребенок. Дмитрий с детьми дела не имел и классифицировал их плохо, поэтому ни возраста, ни пола не разобрал. Нечто небольшое, но и не совсем мелкое, в джинсах, рубашке, с короткой стрижкой.

— Ты кто? — невежливо спросил он.

Существо хмыкнуло и потянулось за пирогом.

— Я — Неблагополучный Подросток, — важно произнесло оно. — Литературный персонаж и абстракция современности.

— Что?

— Ну, ты не читал, что ли? Неблагополучный подросток, у которого старший брат в тюрьме, младший наркоман, беременная сестра по пьянке выбросилась с седьмого этажа, мама с папой разошлись, а тётя Розамунда больна раком аж три раза.

Дмитрий посмотрел обалдело, потом выдал из себя невнятное:

— Сочувствую. Может, её ещё вылечат.

— Сестру вряд ли, она качественно разбилась, а тётю Розамунду — возможно, — серьёзно согласилось существо. — Но она навсегда останется инвалидом. Вон тот пирог с чем? С рыбой? Не ем.

— Каська, что ты мелешь! Возьми шашлык, пока он не остыл напроць, — сказала Ангелика.

— Возьму, — кивнуло существо, положило на одноразовую тарелку кусок мяса и штоллевицкий пирог с брусникой и испарилось. Не насовсем, а на качели, и устроилось там, поджав ноги.

— Это кто? — шёпотом спросил хозяйку Дмитрий. Остальные, видимо, прищельца знали и не прерывали разговора. Только Борис зыркнул неодобрительно в темноту, где растворилось существо с шашлыком.

— Дочка соседей по даче. Трудный возраст, семейные неурядицы. Время от времени она ругается с родителями и насовсем уходит из дома. Но не далеко, а ко мне. И ей хорошо — подростковый бунт, выпускание пара из перегретого котла. И родители спокойны, я присмотрю. Родных внуков у меня нет, а это — моя садовая внучка Кася.

— Кася? Кассиопея? — предположил Дмитрий.

— Нет, Катерина. Когда она была маленькая, она вместо «Катя» выговаривала «Кася». Так и осталась.

— А у нее правда, того... брат в тюрьме, сестра выбросилась... ну и остальное?

— Нет, конечно. Она всё врёт. Все люди врут, а Каська ещё и получает удовольствие от этого процесса. В прошлый раз она убеждала меня, что беременна тройней от нашего дворника Мухаммада и двух его братьев в Бухаре. А в позапрошлый — что зарубила топором учительницу литературы, отомстив за Раскольникову. Между прочим, учится хорошо, читает много. Возьмите еще медовую плюшку, Дмитрий, вы почти ничего не ели.

У забора показался еще один чёрный кот, почти невидимый в темноте. Он зашёл на участок, свернул к качелям, о чём-то поговорил с Касей покошачьи и проследовал в сторону нарисованного моря.

— Вам не кажется, что здешние коты очень большие? — спросил Дмитрий, ни к кому не обращаясь.

— Кривизна пространства, — отозвался Вампир. — Или их тут перекормливают садоводы.

— Да, искривление пространства перед концом света, — подтвердила Ангелика. — Всё нормально. Через час-другой они дорастут до размера тигров.

Дмитрию как-то враз надоели эти глупости насчет конца света, безумная хозяйка и прочие непонятки. К тому же он наконец наелся, и оставаться дальше стало незачем.

— Я поеду, пожалуй, — поднялся он. — Поздно уже, меня ждут.

Никто его не ждал.

— Никто вас не ждёт, — возразила хозяйка. — И уехать вы не сможете. За три часа до конца света перестают ходить рейсовые автобусы.

Дмитрий не поверил, достал телефон, открыл «Карты», посмотрел расписание. Последний 95-й автобус ушёл минут десять назад. Больше рейсов не предполагалось — а ведь еще нет и девяти часов! Что за ерунда?

— Не огорчайся, князь, я тоже безлошадный, — хохотнул Вампир. — Марочка нас добросит до города, как всегда. Или Борис. Или такси.

— Туман сгущается, — заметила Ангелика. — Ехать небезопасно, да и незачем. Разве вам плохо у меня? Вечер тёплый, угли в мангале уютно догорают, комаров нет.

— Кстати, почему нет комаров? — удивился Вампир. — В прошлый раз нас объели до кишков.

— Комары уже эвакуировались в другое измерение перед концом света, — сказала Мара. — Володя, а ты помнишь того вашего журналиста, который...

— Я придумал начало моего детектива! — перебил её Гений. — Слушайте: «Гости съезжались на дачу. Гремел закат, вызывая лёгкое чувство тошноты. Шашлык над нагромождением красных углей катастрофично дымился извержением Везувия. Дым чёрной плиткой 95-процентного горького шоколада лежал над слоем апельсинов, покрывавших землю. Коты играли апельсинами, не обращая внимания на трупы комаров. Трупы тоже жаждали игры, но, увы, они уже своё отыграли. Аглия в трепещущем белом ужасе вглядывалась в шашлык, распознавая знакомые черты — неужели его убили и зажарили, пригласив в гости? Нет, показалось, это зажарили кого-то другого. Побегу девичьего винограда хищно тянулись к мясу, плотоядно облизываясь — сейчас они вопьются в поджаристую корочку и выпьют мясной сок, захлёбываясь от наслаждения — не часто им выпадает такой пир. Но кто его убил?»

— Вот. По-моему, неплохо, — довольным тоном закончил Гений.

— Так ты ж у нас со школы гений, все премии забрал, — сказал Борис.

Олечка опасно отодвинулась от свисавшей плети девичьего винограда.

— А почему от заката тошнит? — спросил Вампир.

— Потому что я слегка объелся, — объяснил Гений. — Самочувствие писателя всегда отражается в тексте.

— А кто кого убил? — спросил обалдевший от высокой литературы Дмитрий.

— Пока не знаю, — развёл руками Гений. — Видите ли, молодой человек...

— Князь, — поправила Олечка.

— Видите ли, ваше сиятельство, мне говорили, что при сочинении детектива нужно сначала составить план. Но если я составлю план, то мне уже будет скучно писать дальше: зачем, если я уже и так знаю, чем дело кончится? А без плана мне самому интересно, кто кого убил.

— Два куса шашлыка осталось, кто претендует на последний? — спросил Вампир, подцепляя на вилку шмат мяса. — Мара, ты ничего не ешь. Ты худая как селёдка. Не иваси, а атлантическая после рейса через Атлантику.

— Я не очень люблю мясо, — объяснила Мара, потягивая из бокала минералку. — В крайнем случае можно телятину.

— С телятиной и говядиной распрощайся навек, — хохотнул Вампир. — Экологи выяснили, что в нынешнем парниковом эффекте виноваты не дезодоранты, как писали раньше, а коровы. Они слишком много... э-э-э... пукают. Они провоняли всю атмосферу, изменили ее состав и устроили глобальное потепление. Антарктида тает, Венеция тонет. Поголовье коров сокращают, а говядину рекомендуют заменять мясом тараканов. Или кузнечиков. Дескать, в них белка больше, чем в коровах, а пукают тараканы значительно меньше.

— Фу, — скривилась Олечка. — Вовка, ты как всегда.

— Да, я тоже про это читал, — кивнул Гений. — В нашем супермаркете, в мясном отделе, уже есть лоточки с насекомыми, жареными во фритюре. Доедим последних коров и перейдём на тараканов. О-о, какой сюжет! Роман «Последняя корова»!

— Лучше назови «Таракан приближается», это я тебе как редактор говорю, — усмехнулась Мара, допивая минералку. — Анька, где у тебя чайник? Я чай поставлю.

Да, чувствовалось, что вечеринка подходит к концу. Разговоры становились короче и бессвязнее, паузы длиннее. Лежат в стороне вынутые вампирские клыки и цыганская юбка, венок из одуванчиков валяется на траве, маскарад окончен. Ангелика и Мара убрали со стола грязную посуду и объедки и готовят чай. Олечка с Гением стоят на березовом мостике через дренажную канаву и пытаются любоваться луной, но луны из-за тумана не видно. Ничего, они любят тем, что есть, а потом делают селфи. Борис взял полный бокал, согнал Касю с качелей и устроился на них сам. Его длинные ноги не поместились и смешно торчат из полумрака. Вампир в темноте споткнулся об ананас на бахче и высказал всё, что он думает о вредных иностранных фруктах, нагло разлѣгшихся прямо на его дороге. Дмитрию хочется домой, в общагу, но такси отсюда будет не меньше тыщи, так что лучше ждать, пока кто-нибудь его не отвезёт в город. Странно, что так темно.

— Странно, что так темно, — сказала Кася, неожиданно материализовавшаяся рядом с Дмитрием. — Наверное, из-за конца света.

— Фигня это про конец света, — проворчал Дмитрий. — Ты в каком классе учишься?

— Я бросила школу. Вчера.

— Так каникулы же!

— Ну и что? Моя школа, когда хочу, тогда и бросаю. А ты в каком классе? В одиннадцатом, поди?

— Я студент, — солидно сказал Дмитрий. — Я взрослый работающий человек.

— А-а, — безразлично протянула Кася. — Какая скука. А кошка у тебя есть?

— Нет, — удивился неожиданному вопросу Дмитрий.

— У меня тоже нет. У мамы аллергия на кошкину шерсть. Поэтому я завела осьминога.

— Что?

— Ну, осьминога, не знаешь, что ли? Он совсем лысый, без шерсти. Чего не сделаешь ради мамы. А она не ценит.

— Осьминог же в море живет! В воде!

— У нас он сидит в ванне. А мы в душевой кабинке моемся. А иногда я его выпускаю побегать по квартире. Он носится вверх и вниз по книжным полкам и щупальцами сбрасывает книги на пол. Ося очень интересуется литературой. А по вечерам мурлычет своим клювом, когда я чешу ему щупальца.

— Врёшь, — не поверил Дмитрий.

— Иногда вру, — не стала спорить Кася. — Иначе скучно. И сейчас тоже скучно. Скорее бы конец света. Видел, ко мне черный кот подходил, когда я на качелях сидела? Думаешь, он пирог выпрашивал? Нет, он уговаривал меня пойти с ним в безопасное море, пока еще не грянул конец света. Но я еще не доела пирог и боялась его намочить в море. И он ушел один, весь такой гордый. Скорее бы конец света. Может, новый мир будет повеселее. Тоска зеленая. Интересно, что будет, если кто-нибудь вдруг заорёт?

И в тот же момент кто-то заорал:

— А-а-а-а!

Олечка уже не любовалась отсутствующей луной. Она бродила по саду, задумчиво расколупывая фольгу на сорванном с яблони грецком орехе. Колокольчики на ее карнавальном наряде слабенько брякали, и казалось, что где-то вдали заблудилась корова с боталом на шее. Бродила-бродила и набрела на качели. Света от беседки было вполне достаточно, чтобы всё увидеть.

На качелях лежал Борис, вытянув длинные нелепые ноги. В одной руке он неловко держал медовую плюшку, на которой смутно белели малюсенькие кружочки — воткнутые сверху в корочку таблетки нитроглицерина. В другой — покосившийся и почти падающий бокал вина... нет, вместо вина там синело что-то в полумраке невнятное, но похожее на медный купорос. В грудь наискосок был воткнут кинжал, на рукоятке зловеще поблёскивал пластмассовый рубин.

Большой одноухий кот понюхал его свешивающуюся ногу, потом зашипел, взъерошился и исчез в темноте.

Глава четвертая

Убийство обсуждается

Все кинулись на крик и замерли. Потом началось:

— О господи! Борис!

— Да он притворяется! Он притворяется!

— Глаза открыты, он подглядывает!

— Ничего не понимаю. Это плохая шутка.

— Ну, у него с юмором всегда было плоховато.

— И чего я не уехал!

— Он что, умер?

— Надо иголкой ткнуть. Если притворяется, то мигом вскочит. А если помер, то не вскочит. Тётя Аня, я пошла за иголкой.

— Кася, как ты можешь?

— А что я такого сказала?

— Нельзя так к мёртвым относиться!

— Это к живым нельзя так относиться и иголкой колоть. А мёртвым всё равно.

— Пощупай пульс!

— Сама пощупай!

— И главное, он умер именно так, как мы придумали для моего детектива! Медовая аллергенная плюшка, нитроглицерин, бокал с купоросом и кинжал! Восторг!

— Кинжал... ха-ха, кинжал!

Вампир выдернул кинжал. Олечка ойкнула.

— Он не воткнут, он просунут под мышку, как градусник, — сказал Вампир. — И крови на нем нет. Борис, мы всё поняли, ты хотел нас разыграть.

И замахнулся на Бориса кинжалом, чтобы тот испугался и вздрогнул. Но тот лежал равнодушно, глядя куда-то мимо живых.

Мара с гримасой отвращения дотронулась до руки с бокалом, рука свесилась, пальцы разжались, бокал выпал в траву. Мара потрогала запястье.

— Или я не умею шупать пульс, или у него его нет, — сказала она, вытирая пальцы о траву. — Фу, как противно.

— Подождите! Надо ничего не трогать и вызвать полицию! — воскликнул Дмитрий.

— Мальчик прав, — кивнул Вампир. — Никого чужого на участке не наблюдалось, кроме котов. Значит, его убил кто-то из нас. Или кот. Оба варианта более чем странные.

— Глупости! — взвизгнула Олечка. — Вовка, кончай свои хохмочки!

— Всё нормально, никакого убийства не было. Он хотел нас разыграть, взял плюшку, напихал туда таблеток (кто оставил пузырек на столе?), налил купороса в бокал, воткнул под мышку кинжал и лёг. И тут же скончался от случайного инфаркта, — несколько нервно проговорил Гений.

— Мы все видели друг друга. Никто не мог его убить незаметно, — сказал Вампир. — Еще немного, и я соглашусь с версией Кольки.

— Мы все ходили туда-сюда по сто раз, — возразила Ангелика. — Лично я раз пять прошла мимо качелей, пока посуду убирала и чай готовила.

— Я тоже, — кивнула Мара. — А ты, Олечка, вообще блуждала по тёмным уголкам сада как привидение. И Кольку я почти не видела.

— Я в чёрной водолазке и черных джинсах, меня в темноте не видно, — объяснил Гений. — Идеальный прикид для убийцы.

— Колька со мной стоял на мостике, у него алиби, — заступилась Олечка.

— Он не всё время стоял. И ты тоже.

— Вот! — из-за качелей выступила Кася, держа что-то в поднятой руке. — Я его ткнула иголкой! И он не вскочил и не заматерился! Значит, и правда умер, не врёт.

Все с ужасом посмотрели на Касю.

— А что такого? Следственный эксперимент, — пожала плечами та. — Я пойду иголку вымою и обратно в игольник воткну. А то вдруг у мертвеца какой-нибудь СПИД.

И пошла в домик.

— Поразительная бесчувственность у современных подростков, — дрожащим голосом произнесла Олечка. — А что вы хотите, по телевизору в новостях сплошные убийства. В моём 9-м «А» еще и не такое возможно.

— Главное — не бесчувственность, а то, что мы даже не заметили, как она сбегала в дом за иголкой и вернулась, — сказал Гений.

— Значит, мы все могли проделать... это... ну, убийство, и никто бы ничего не понял.

— А от чего он умер?

Короткая пауза.

«Что-то не так, — подумал Дмитрий. — Не пойму, что именно».

— Да-да, от чего? — настойчиво повторил Вампир. — Он не мог задохнуться от аллергического отека Квинке, потому что не надкусил аллергенную медовую плюшку. У него не могло упасть давление, потому что он не съел ни одной таблетки нитроглицерина. Он не был вполне трезв, но вряд ли отхлебнул из бокала хотя бы один глоток медного купороса, да и большая доза его не убила бы. Разве что он начал бы отплевываться, кашлять и ругаться. Кинжал под мышкой вообще не опасен для жизни, это явная инсценировка. Так от чего он умер?

— Я не могу дозвониться в полицию, — сказала Мара, терзавшая телефон.

— Попробуй заодно в «скорую», — посоветовала Ангелика. — Вдруг у него летаргический сон.

— Он — гендерный вариант Спящей красавицы, — сообщила вернувшаяся Кася. — Проснётся, если его кто-нибудь поцелует. Кто смелый?

Целоваться с трупом никто не пожелал.

— Я с ним и живым целоваться побрезговала бы, — тихо пробормотала Мара. — «Скорая» тоже не отвечает. Связи нет. Почему-то мой телефон гаснет, хотя заряд почти полный.

— Мой тоже, — удивился Вампир, глядя на потухающий экран.

— Ну конечно! Связи больше не будет, потому что начинается конец света! — оживилась Ангелика. — Как я сразу не вспомнила, я же сама это сочинила! Сначала перестают ходить автобусы, потом исчезает мобильная связь, потом отключается электричество, потом окружающее пространство тает и дематериализуется. Всё нормально, друзья мои, всё по плану. Кася, тебе бы лучше перейти на твою дачу, чтобы встретить конец света с родными.

— Они уехали в город, — сказала Кася. — И я ушла от них навсегда. Я лучше с вами, тут интереснее: трупы громоздятся утёсами, отравленное вино льётся водопадом, кинжал с рубином сам втыкается во всех подряд. Сочинение «Как я провёл лето» ожидается убойным в прямом смысле слова. Мой телефон тоже погас. Отлично. Вот пусть мама поволнуется, раз она такая.

— Этого не может быть! — взвизгнула Олечка.

— Я съезжу в город за полицией, — сказала Мара. — Олька, не истери, ничего ужасного не произошло. Я не думаю, что ты будешь сильно убиваться по дорогомую покойнику.

«Вот что не так! — понял Дмитрий. — Никто не огорчился, что одноклассника убили. Все встревожены, сбиты с толку, но не огорчены. По «дорогомую покойнику» действительно никто не рыдает».

— Если приедет полиция, они скажут, что это я убийца! — прокричала Олечка. — Потому что только у меня была причина! И я подходила к качелям! И я нашла труп!

— Глупость у тебя, а не причина, да и когда это было. А мимо качелей мы все ходили, — попытался утешить её Вампир. — Езжай, Мара, пока еще не очень поздно. Кто его знает, до сколько они работают.

Мара вышла за штакетник в туман.

— Давайте вернёмся в беседку, — предложила Ангелика. — Что толку стоять и любоваться на этот натюрморт. Труп переживёт без нашего внимания.

«Она тоже не огорчена, — подумал Дмитрий. — Даже как будто рада».

Все снова устроились за столом. Есть не хотелось, разговаривать тоже.

— Мара, что случилось? У тебя угнали машину?

Мара проскользнула сквозь зеленые плети, закрывавшие вход в беседку, и села на прежнее место.

— Чушь какая-то. Я даже не дошла до машины. Туман такой густой, что не видно вытянутой руки. И он странный, туман. Такое ощущение, что в нём ничего нет. Я попыталась идти дальше, придерживаясь за забор, но не могла его найти, пальцы тыкались в пустоту. Будто туман растворил весь мир за пределами Анькиного участка.

— Мара, детка, что ты городишь, ты же абсолютно трезвая, в отличие от всех нас, потому что за рулем, — удивился Вампир.

— Всё верно, это конец света, — кивнула Ангелика. — Всё потихоньку растворяется. Полиция, возможно, уже растворилась.

— Раствор полиции... — мечтательно протянул Гений. — Нет, пятипроцентный раствор полиции... какой образ! Анька, я у тебя его забираю для следующего романа. Это выйдет покруче «Ярко-зелёного айсберга».

— Следующего романа не будет, потому что к утру мы тоже растворимся вслед за полицией, — хмыкнула Мара. — А «пино гриджио» еще осталось? Раз мне не садиться за руль, то я выпью бокал.

— За упокой души покойника? — уточнила Ангелика, подвигая к ней бутылку.

— У него не было души. Я выпью за здоровье убийцы!

Вампир налил Маре бокал, она сделала глоток с видимым удовольствием. Дмитрий удивлялся всё больше.

— А давайте сами раскроем преступление! — оживилась Кася. — Я буду следователь, я буду вести допрос всех подозреваемых. Потому что я-то уж точно вне подозрений.

— Ну почему же вне подозрений? — ласково спросила Мара. — Ангелика рассказывала, что ты зарубила топором учительницу литературы, чтобы отомстить за Раскольникова. Это ложь, конечно. Но подозрительно, что ты вообще думаешь о топоре как средстве решения проблемы. Ты, Касенька, как раз самая подозрительная — подростковый бунт против взрослых, подростковая жестокость, тяжёлая наследственность, брат в тюрьме... возможно, придуманный брат, но это неважно. Суицид сестры — не ты ли её столкнула с седьмого этажа?

Кася захлопала ресницами.

— Подожди, Мара, при чём тут топор? — перебил Вампир. — Бориса же отравили. То ли булочкой, то ли таблеткой, то ли купоросом.

— Ага, ты еще про цианид вспомни. Синильная кислота есть в косточках абрикосов, которые вдруг срочно вырастают в Анькиной крапиве, — съязвила Мара. — Какое отравление, наивные люди! Вы все смотрели на качели спереди, в фас. А я после неудачной поездки шла от забора и увидела всё с торца. Борису дали по темечку. Вероятно, обухом топора, потому что днем топор торчал из бревна, на котором рубят дрова, а сейчас не торчит. Не верите — проверьте.

Все сорвались с мест и опять бросились к качелям.

Борис лежал по-прежнему с плюшкой. Под качелями валялись бокал и кинжал. Вампир зашёл со стороны его затылка, наклонился, пощупал.

— Липкое, — сказал он, с отвращением глядя на свои пальцы. — Ну не варенье же. Волосы слиплись. Мара права. Ангелика, где у тебя рукомыльник смыть эту гадость. Какая у него кровь противная.

Дмитрий поглядел налево, на бревно, где он сидел утром, слушая хозяйкины распоряжения. Топора в бревне не было.

— Вовка, это ты! — воскликнула Олечка. — Я видела, как ты стоял вон там с длинным тёмным предметом в руке!

— Я стоял с бутылкой водки, — возразил Вампир. — Возможно, она длинная и даже тёмная, если смотреть против света. Конечно, я мог стукнуть ею Бориса по башке, но тратить продукт на этого типа — ну нет. Самый подозрительный из нас — это Колька. Он всех собрал, он придумал все эти плюшки-купоросы, и, чтобы детектив был жизненным, он стукнул топором отдохавшего на качелях Бориса. Живенько так, позитивненько! Ради искусства!

— Ради искусства я бы что покруче завернул, — возразил Гений. — Например, обрушил на него загоревшийся полог качелей, чтоб Борька бегал живым факелом по грядкам. Под музыку Гайдна. Смерть была бы для него мучительна — покойник не любил музыку. Хм, хорошее название: «Покойник не любил музыку». Надо куда-нибудь приспособить. Пошли, ребята, в беседку, здесь неуютно, и кажется, что он сейчас зашевелится. Вон, вон ногой качает. И подглядывает.

— Да ну тебя, не пугай!

— Точно подглядывает, белки из-под век белеют, — подтвердил Вампир. — Покойникам обычно глаза закрывают. Есть желающие?

Желающих не нашлось. Все снова вернулись и снова сели за стол, уже который раз за вечер.

— Электричество гаснет, — заметила Мара.

Ангелика молча пошла в домик, стараясь подальше обойти качели — ей тоже казалось, что Борис шевелится и подглядывает. Принесла свечи. Стало лучше.

— Придется сидеть так и ждать утра, — сказала Мара. — Хорошо, что тепло. Утром туман рассеется, появится связь или я съезжу за полицией.

— Я уже устала говорить, что утром этот мир перестанет существовать, — вздохнула Ангелика. — И отлично. Он стал очень неудобным местом. Везде войны, теракты, убийства. Может, новый вариант Вселенной будет лучше.

— Тётя Аня, а откуда ты знаешь про конец света? — спросила Кася, жуя плюшку.

— Как же мне не знать, Касенька, когда я это всё и придумала! Уже лет десять назад я описала это в детской повести «Три дня до конца света». И вот потихоньку сбывается. Всё, что я пишу, обычно сбывается, это закон природы.

— И весь мир исчезнет?

— Мне думается, что люди не умрут, а перейдут в другой мир. Как говорил Стивен Кинг, люди — не одноразовые бумажные стаканчики, чтобы выбрасывать их после первого употребления. Может быть, перейдут не все.

— Молодёжь перейдёт, а мы, старики, останемся тут допивать чай и доедать пироги, — сказал Вампир. — Шашлыка мало сделали, не учли бесконечность конца света.

— Понимаете, это уже было много раз. Мироздание организует чистку. Кто его не устраивает — остаётся в старом, растворяющемся мире. Оно не пропускает тех, кого считает опасным.

— А кого не пропустили в прошлый конец света?

— Я думаю, волшебников. Предыдущий мир был полон волшебства. Это ж реальные люди — полоцкий князь Всеслав Вещий, Симон Маг, рабби Йегуда Лев бен Бецалель и прочие, описанные в документальных хрониках, а не в сказках! Возможно, волшебники немного обнаглели, и их чудеса стали экологически вредны стабильности планеты. Вот мироздание их и не пустило в новый мир, отцедив, как макароны через дуршлаг. От них остались легенды и сказки.

— Я знаю, кого мироздание не пропустило в позапрошлый раз! — воскликнула Кася, размахивая половинкой плюшки. — Летящих людей! Потому что они слишком много летали.

— Да, это интересный вариант, — одобрила идею Ангелика. — Они слишком много летали, мешая небожителям и нарушая равновесие Вселенной. Но остались их изображения на скалах всей земли, в Африке и в Сибири.

— А до этого в чистку попали динозавры, — кивнул Гений, отчего-то притихший. — Великолепные идеи. Анька, я их забираю.

— Не стоит, моя книжка уже написана и издана, тебя опять обвинят в плагиате, — возразила Ангелика. Гений сник.

— А куда делись коты? Уже больше часа ни одного кота не проходит мимо.

— Все коты уже спаслись, — сказала Ангелика. — А нам остаётся сидеть и ждать.

— А расследовать убийство? — намекнул Дмитрий. Ему было интересно, кто же из этих умных, приятных людей зарубил одноклассника топором.

— Утром приедет полиция и расследует, — сказала Мара.

— Утром наступит конец света, и всё станет неважно, — сказала Ангелика. — Если кто устал, можно пойти в домик прилечь, там есть диванчик.

— Ну, уж нет, — возразила Олечка. — Я лягу на диван, а убийца меня хрясь по голове! Я уж лучше тут посижу.

Видимо, все думали так же, потому что никто не ушёл.

— Да уже и недолго осталось, — утешила Ангелика, поправляя вконец перекосившиеся очки.

Глава пятая

Убийство расследуется

(Отрывки из никогда не написанного протокола никогда не произведённого по причине конца света допроса подозреваемых)

— Ангелика Александровна, с какой целью вы пригласили гостей?

— Мы дружим со школы и иногда собираемся на вечеринки в разных местах. Прошлый Новый год, например, отмечали дома у Олечки... Ольги Сергеевны. А поскольку я не так давно купила эту дачу, то логично было пригласить гостей именно ко мне, погода стоит отличная, невзирая на конец света.

— Кто был инициатором встречи?

— Колька. Николай Наргизов, наш гений, гордость класса. У него не ладится роман, и он посчитал, что встреча пробудит его вдохновение.

— Он часто так делал?

— Нет.

— Он никогда так не делал?

— На встречах он иногда задавал вопросы, ответы на которые использовал при написании своих произведений. Это нормально, мы все литераторы.

— Кроме жертвы. Он был врач.

— Да какой там врач. Чиновник он, начальник.

— Он тоже всегда участвовал в ваших регулярных встречах?

— Нет.

— Почему?

— Он не входил в число близких друзей.

— Почему же на этот раз вы его пригласили?

— Не помню. Возможно, мне стало его жалко, у него какие-то неприятности на работе, это было в интернете. Его хотели снять с должности главврача, потом вроде всё обошлось.

— Вы хотели его утешить?

— Нет. Я не помню. Я действовала импульсивно.

— У вас были причины плохо к нему относиться?

— Какие причины? Я давно его не видела. С чего бы это вдруг мне его приглашать, чтобы убивать.

— Вам проще всего было это сделать. Вы его пригласили. Вы, как хозяйка, знали, где топор, вы ходили туда-сюда мимо качелей, накрывая на стол в беседке. Вы ничем не рисковали: из освещенной беседки никто бы не увидел, что происходит на тёмных качелях.

— Да. Правда, топор все могли видеть, он лежал на виду. И мимо качелей тоже все ходили. Я бы исключила Олечку, она была в маскарадном костюме с колокольчиками. Ни один убийца, идя на дело, не обвешается колокольчиками, вы согласны?

— Пожалуй.

— У меня есть алиби получше: я единственная верила в конец света. А какой смысл убивать человека, если всё равно через несколько часов всех нас не станет? Зачем напрягаться?

— Но конец света — это не обязательно всеобщая гибель. Возможно, кто-то уйдёт в новый мир. Может, вы не хотели пустить покойного в новый мир?

— Интересная гипотеза. Я вспомнила еще одно алиби для себя. У меня очки сломались, изображение раздваивается. Если бы я была убийцей, я видела бы двух Борисов и ударила бы два раза. А удар был один. Значит, не я.

— А откуда вы знаете, что удар был один?

— М-м-м... не знаю. Может, удара не было вообще, а то липкое, что Вампир нащупал на затылке, было вареньем? Никто ведь не рвался облизывать лысину покойника. Такая же инсценировка, как и плюшка с таблетками.

— Почему у вашего одноклассника такое прозвище — Вампир?

— Ой, это смешная история. Ему плохо давалась математика, но он не прятался по этому поводу и вечно хохмил на уроках, доставал учительницу. Математичка кричала: «Гаврилов, ты уже всю кровь из меня выпил, как вампир!» Так и пошло. Вот уж он точно не убийца. Добрее человека я не знаю.

— А кто, по-вашему, убийца?

— Может, никто? Может, Борис всё-таки умер сам? Инсульт, например. Вы произвели вскрытие?

— Какое вскрытие, мы ничего не успели! Начался конец света, и всё следствие — коту под хвост.

— Тогда вам следует держаться версии ненасильственной смерти. Или как там оно у вас называется, когда человек умирает сам, без помощи убийцы.

— Владимир Богданович, вы всегда участвовали во встречах одноклассников?

— Ха, встречи одноклассников! Прямо так я и побежал встречаться со всеми одноклассниками. Я люблю видеться только с нашей компанией. Мы с пятого класса дружили вшестером: я, Ангелика, Мара, Олечка, Колька и ещё один наш друг, он давно умер.

— Убитый не входил в эту группу?

— Нет. Он после школы ушёл в мединститут, а мы — на филфак и журфак. Мы потеряли его из виду.

— Но Ангелика Александровна тем не менее его пригласила?

— Не сама. Её Колька попросил. Он был нужен для сюжета нового романа. Как злодей, ха-ха.

— До этой встречи вы его со школы не видели?

— Хм. Видел. К сожалению. Ну, придётся признаться, всё равно ведь откроется. Радуйтесь, вы получаете кандидатуру убийцы. Я — единственный человек, у которого были причины убить Бориса. Он был виноват в смерти моего лучшего друга. Того самого, кто еще входил в нашу компанию.

— Расскажите подробнее.

— Эх, век бы не вспоминал этот кошмар. Но я ничего не забыл, я злопамятный, знаете ли. Это произошло много лет назад. Борис тогда еще не был главврачом, он работал хирургом. Серёга тяжело заболел, требовалась сложная операция, которую в нашем городе никогда не делали. Нужно было отправлять в Москву, для этого оформлять всякие бумаги и прочее. Я позвонил Борису, чтобы он посодействовал, чтобы всё прошло гладко и быстро с направлением в московскую клинику. Но он сказал: «Отличный случай начать эти операции у нас! Я сам его прооперирую, я знаю, как это делается».

Я испугался. Я знал, что Борька — неважный хирург. Мы с Аней, его женой, позвонили больничному начальству, попытались отказать от операции. Но Борис запустил процесс на всю катушку, убедил завотделением, организовал телевизионщиков, отклики в прессе, медицинские новации, десятичасовая операция... ха, в норме эта операция длится не более трех

часов, но у Борьки ничего не получалось. Наконец закончил, сорвал овалы, после этого у начальства сложилось мнение о нем, как о новаторе и прогрессивном хирурге. Его карьера пошла в гору. А Серега через три дня умер. Я не медик, но мне по секрету говорили врачи из реанимации, что Борька вообще не то сделал. С тех пор я старался не встречаться с ним.

— Почему же вы пришли на вечеринку, если знали, что он будет?

— Я не знал. Я думал, придут только наши. Но что толку поднимать шум через сколько лет? Как вы видите, у меня была причина сильно не любить этого... не буду уточнять, кого. А больше ни у кого не было.

— Вы упомянули, что жену вашего друга звали Аней?

— Да.

— А может, Ангеликой?

Молчание.

— Значит, у Ангелики Александровны тоже была причина для убийства?

— Глупость несусветная! Чуть собачья! Вы соображайте, что говорите! Не будет же хрупкая немолодая женщина бить этого мерзавца топором! Я гораздо более подозрителен. Но я не убивал. Честно говоря, я был не очень трезв. Проманулся бы топором по темечку.

— Николай Георгиевич, это вы были инициатором встречи на даче?

— Да. Мне хотелось, чтобы мои литературные друзья подсказали некоторые идеи для детектива.

— Но покойный не был литератором. Зачем вы попросили его пригласить?

— Я не просил, это Вивиана... тьфу, Ангелика. Она вечно называла себя разными именами и обижалась, если мы путались. Она слегка безумна, мне кажется, после смерти мужа. Эта её идея насчёт конца света... и самое смешное, что он действительно начинается! Сумасшедшие иногда попадают в точку.

— А Ангелика Александровна сказала, что это вы попросили ее пригласить покойного.

— Вы говорите неправду. Она не могла так сказать. Вовка бы мог, а она нет. Даже если бы это действительно я попросил позвать Бориса, она бы вам этого не сказала, потому что побоялась бы меня... ну, подставить, подвести, что ли. Она и в школе никогда не выдавала нас, если кто-то налил клей на стул учительницы или разбил чучело орла... ну, вы понимаете.

— Разве можно разбить чучело? Оно же небьющееся.

— Это смотря как уронить. Ну, я фигурально выражаюсь. В моём романе «Ярко-зелёный айсберг» есть абзац как раз на эту тему.

— Кстати о романе. Два года назад по интернету гуляли некрасивые слухи о том, что прославленный «Ярко-зелёный айсберг», принесший вам миллионную премию и всемирную славу, вовсе не ваше произведение, что его рукопись оказалась у вас случайно, и вы...

— Гнусь какая! Оскорбительная клевета! Я подам на вас в суд! Я подал в суд и на того писаку, который запустил мерзкую сплетню в интернет, и я выиграл процесс! Да как вы смеете!

— Ну что вы так разволновались? Я как раз собирался сказать, что вы обелили своё доброе имя, слава ваша незыблема, публикации и гонорары радуют. Покойный не мог быть замешан в скандале?

— Борька-то? Да он Пушкина от Кукушкина не отличит! Не зря ушёл из литературного класса в медицинский, бездарь. Ни в чём он не был замешан. Вы что, всерьёз думаете, что это он сочинил ту гнусную клевету, и я ждал два года, чтобы ему отомстить? Ха! Я — человек быстрых действий.

Я бы его тогда убил, а не спустя два года. Но он ни при чём. Он далёк от литературных кругов. У меня нет причин его убивать.

— А весь этот антураж, бокал с купоросом, булочки с таблетками, кинжал — это ведь всё соответствует обсуждению вашего будущего романа? Может, это сделано, чтобы бросить подозрение на вас?

— Не думаю. Мне кажется, Борис сам всё подстроил, взял плюшку, бокал и кинжал и притворился мёртвым, чтобы нас разыграть. А мимо шёл убийца. Взглянул — вот топор в бревне, а вот темечко подходящее. Ну и тюкнул. Кстати, почему он умер? Голова же не разрублена пополам, там крови почти и не было.

— Насколько мы могли судить по поверхностному осмотру, удар пришёлся на самую макушку, в вертексную точку. Ударная волна пошла вдоль шеи, перелом второго шейного позвонка привёл к повреждению продолговатого мозга, в котором находятся дыхательный центр и другие жизненно важные отделы. Мгновенная смерть. Более достоверно мог бы сказать наш судебный медик, но он, как и все медики, сейчас в гуще событий, пытается спасти пострадавших от конца света. Тех, кто еще не до конца растворился.

— Ишь ты. Продолговатый мозг — а я и не знал, что кроме головного, спинного и костного есть еще какой-то продолговатый. Видимо, убийца хорошо знал анатомию. Тогда это точно не я.

— Или убийце повезло.

— Или так.

— Как вы думаете, кому убитый насолил до такой степени, что тот мог его убить?

— Откуда я знаю? После школы мы все редко встречались. У девочек были к нему какие-то претензии. За Марой он в школе бегал, задрав хвост, а она только смеялась. Оля, наоборот, к нему липла, там была некрасивая история. Не зря она сегодня кричала, что только у неё был повод для убийства. Ангелика... ну, она вам сама расскажет, чем ей Борька напакостил. Я не сплетник.

— Это похвально. Днём было довольно тепло. Почему вы надели чёрную водолазку? Чтобы быть незаметным в темноте?

— Чушь! Я думал, что к вечеру похолодает. Но конец света сопровождается выделением большого количества энергии. Мне даже жарко стало. При чём тут цвет одежды? По-вашему, Ангелика надела зеленое платье, чтобы быть незаметной в зеленой траве, подползая к Борису? Надо учитывать психологию, а не цвет свитера. Я быстро принимаю решения, а не планирую убийства издали. Я не мог заранее надеть черную одежду, рассчитывая, что, возможно, придётся кого-то убить.

— Марджори Ивановна, вы единственная в компании, кроме девочки Екатерины, были абсолютно трезвы.

— Зовите меня Мария Ивановна, я не люблю свое имя. Да, я за рулем, поэтому пила сок и минералку. Но и остальные не сильно увлекались алкоголем. Больше всех налегал на спиртное Борис. Хотя он тоже был на машине. Остальные вели себя воздержанно. Так что мы вполне достойны доверия как свидетели.

— Марджори Ивановна, как вы относились к покойному?

— Плохо. У него не было чувства юмора, зато самомнение просто зашкаливало. Этого достаточно для моей неприязни.

— Есть сведения, что убитый... как бы это поделикатнее... домогался вашей близости, но вы ему отказали?

— Хм. Ну, допустим, да. Он ещё в школе этой самой близости домогался, и потом тоже. Но он был мне неприятен всегда. Не настолько, чтобы убить, но настолько, чтобы не горевать о его кончине.

— А ваша подруга? Ольга Сергеевна?

— Там была какая-то детская попытка влюбленности с её стороны, в десятом классе, если не ошибаюсь. Борис повел себя мерзко. Но это было так давно, прошли десятилетия.

— А почему тогда она кричала, что только у нее есть повод для убийства?

— Да? Не помню. А кто это сказал, интересно? Очень интересно, кто старается навести на неё подозрения. Оля испугалась трупа и могла кричать что угодно, хоть бином Ньютона. Кстати, вот уж кто не убийца, так это она. На ее платье были нашиты бубенчики. Во время убийства такой трезвон бы поднялся!

— Тогда почему она так беспокоилась?

— У неё повышенная тревожность. И неудивительно — работать со школьниками-подростками! Но она неспособна даже муху убить.

— А кто способен из вашей компании?

— Муху? Я способна. А человека вряд ли, это противно. Я брезглива.

— Вы сейчас работаете в издательстве «Удар», это очень скромная организация. Раньше вы занимали должность главного редактора отдела в холдинге «Великая книга» и вам светила должность главного редактора всего холдинга. Блестящая карьера. Почему вы ушли оттуда?

— Это моё личное дело. К убийству отношения не имеет.

— Насколько я помню, издательство «Удар» выпускает в основном детективы с убийствами?

— Вы правильно помните.

— Ольга Сергеевна, мы не сомневаемся, что вы не убийца, почему вы так волнуетесь?

— Это ж вы встречаетесь с трупами каждый день по три раза, а я никогда не была замешана... замечена... (всхлип) и кто же убил эту сволочь, если никого не было (всхлип)...

— Почему сволочь?

— Да, о покойниках надо хорошо говорить, я знаю. Но он... он... (всхлип).

— Выпейте воды.

(Стук зубов о стакан.)

— Извините. Я точно знаю, что это не Мара. Она бы не снизошла до убийства. Он сломал ей карьеру, гад, гад, сволочь. Он сломал мне личную жизнь. Он сломал жизнь Ангелике, она так и не вышла замуж повторно. Не знаю, кто его убил, но я рада, да-да, я рада.

— Марджори Ивановна очень успешно работала в «Великой книге».

— Да она просто летела к вершинам! Но этот гад... он ещё со школы мечтал затащить ее в постель, извините, если грубо, но мои девятиклассники ещё и не так бы выразились. А он был ей противен. И когда он опять принялся за своё, она только смеялась! Борис — приятель владельца издательства «Великая книга», большие начальники часто дружат, вместе на охоту, вместе на снег... ну, горные лыжи. Борис из мести наврал что-то про Мару, мы даже не знаем, что, потому что работает она безупречно, она всю жизнь такая безупречная. И владелец «Великой книги» вызвал её и предложил уволиться по собственному желанию. Гад, гад, гад!

— Но он и вам испортил жизнь?

— Это я не буду говорить. В конце концов у меня сложилась вполне хорошая семья, дочка, внучка, да и мои девятиклассники не так плохи, как я о них обычно говорю, и доставляют мне много весёлых минут. И Мара ещё наладит свою карьеру и всем покажет! Она достойна быть министром культуры, я точно знаю. Вот тогда Борис попляшет... ах да, Борис уже этого не узнает (всхлип).

— Дмитрий Юрьевич, почему вы остались на даче после выполнения работы?

— Я не напрашивался, меня хозяйка пригласила. А я проголодался. Весь день работал. Она говорит: «Пожинаете и уедете». Ну, я и остался. А что такого?

— Вы раньше встречали кого-нибудь из присутствовавших на даче?

— Нет.

— Вы никогда не встречали убитого?

— Нет. Он, говорили, врач, а я ничем не болею.

— Вы приехали из Нижнего Новгорода?

— Ну да. Я поступил здесь в институт. И буду учиться и подрабатывать с сентября. «Рабочий дом» — это временно, не подумайте.

— Убитый год назад работал в Нижнем Новгороде в должности исполняющего обязанности главного врача больницы номер один. Недолго — его перевели обратно.

— Да? А я при чём?

— Ваша мама примерно в это время лежала в первой больнице.

— Ну и что? У неё был аппендицит. Теперь всё хорошо. Нету аппендицита.

— Вы по-прежнему утверждаете, что не имели никаких столкновений с убитым?

— Да в жизни его не видел!

— Вы занимались декорированием участка к празднику?

— Ну да. По договору номер 13.

— Это вы придумали положить ковер между беседкой и качелями?

Или это хозяйка распорядилась?

— Ну, я. Всем понравилось. А при чем тут ковер?

— Когда убийца шёл к жертве, трава могла зашуршать — она сухая, дождей давно не было. А ковёр приглушил шаги.

— Ну, вы даёте! Вот не подумал бы!

— А может, наоборот, вы всё продумали?

— Да ну вас! Я ж не знал, что убийцы по ковру гулять планируют.

— Хорошо. Кто, по-вашему, мог подойти к качелям, убить, сунуть в мертвые пальцы бокал, воткнуть таблетки в булочку, а булочку — в другую руку, вставить под мышку кинжал — как-то долго получается.

— Откуда я знаю? Возиться с трупом — нет, гораздо легче устроить эту сцену, пока он еще был неубитым. Сказать: «Подержи всё это, а я тебя сфоткаю, вот прикольно получится». Потом зайти со стороны макушки и дать по кумполу.

— Не кажется ли вам, что это сделал человек психически ненормальный?

— Ну, я думаю, что любой убийца психически ненормальный. Нормальный убивать не будет.

— А кто из этой компании показался вам ненормальным или хотя бы психически неустойчивым?

— Да все! Особенно я. Посмотрите, как я разукрасил сад для Надежды, разве нормальный человек такое соорудит?

— Там была еще Надежда?
— Хозяйка просила называть её Надеждой. Ей надоело быть Ангеликой. Ну, она старенькая уже, лет пятьдесят или шестьдесят, конечно, надоест столько лет под одним именем. У них у всех кликухи — Гений, Вампир. А меня они называли князем.
— А вы не князь?
— Нет, конечно. Но вы не смейтесь, у нас в семье есть легенда, что отец происходит по прямой линии от тех самых князей Пожарских. Смешно, да? Князь из «Работного дома». Ничего, это временно. Так что если ищете сумасшедшего, можете приклепать мне манию величия.

— Эй, а я? А меня! А меня допрашивать!
— Екатерина Евгеньевна, вы являетесь несовершеннолетней и можете подвергнуться допросу только в присутствии родителей или опекунов. Но ваши родители в связи с концом света недостижимы. Вообще этот злосчастный конец света очень затрудняет следствие.
— Нет, так нечестно, я тоже хочу допроситься! Такой случай выпал, а вы! Да в классе все обзавидуются, когда я расскажу, как давала показания и уличила убийцу!
— А вы и вправду можете уличить убийцу?
— Не, если честно, я даже не подозреваю, кто это. На убийцу больше всех был похож этот, которого убили. От него очень воняло одеколоном.
— Вы считаете, что все убийцы воняют? Именно одеколоном?
— Не знаю, я еще ни одного убийцу не нюхала. Так что срочно допрашивайте меня, я дам ценные показания, и на основании их вы найдёте убийцу. Или двух. Лучше двух, это прикольное.
— Хорошо. Так и запишем в протоколе: «В связи с концом света и учитывая настойчивое желание свидетельницы, она была допрошена без родителей». Вот тут распишитесь. Да, вот тут. О господи, что вы написали!
— Я написала «Я только за! Кася». Могу еще фамилию добавить. Но фамилия значения не имеет, я же ее сменю, когда замуж выйду. Ну, задавайте вопросы.
— Итак, вы сидели на качелях и ели пирог.
— И шашлык. Показания должны быть предельно точными.
— И шашлык. Что было потом?
— Потом подошёл этот длинный тип, которого убили, и согнал меня с качелей. Он сказал: «Вали отсюда, малявка. Ты меня ещё не интересуешь». Я хотела ответить «Сам вали», но почему-то испугалась, что он меня ударит. Нет, он бы не ударил, кругом же люди. Но, в общем, я не стала спорить. И он разлёгся на качелях, выпятив пузо, и стал пить.
— А что он пил?
— Не знаю. Что-то прозрачное. Водку или белое вино. Но точно не тот купорос, который у него потом нашли.
— А дальше?
— Дальше я ела пирог. Но из него брусника высыпалась, и стоя есть его было неудобно. А в беседку я не хотела, раз меня выгнали с качелей, значит, я проиграла, да? Кому охота признаваться, что ты слабак. И я устроилась на бревне. Не так удобно, как на качелях, но ничего.
— На том бревне, в которое был воткнут топор?
— Ну да. Там нет других бревен.
— И топор торчал в бревне?
— Конечно. Я рядом с ним сидела. Хотела на него облокотиться, но показалось неудобно. Топор был твёрдый. Топоры обычно твёрдые, это за-

кон природы. И на нем была какая-то травка намотана. Это не я намотала, так было.

— Из этой позиции вы видели всех, кто подходил к качелям?

— Да. Сначала мимо пробежала тётя Аня с подносом, посмотрела на качели и спросила что-то, а он ответил. Мне показалось, что она спросила что-то типа «Куда ты дел Касю?», а он ответил: «Съел». Но я не уверена. Она меня не видела, я в темноте на бревне сидела. Потом прошла Мара, но на качели не взглянула. Потом тетя Аня обратно прошла. Она несколько раз так ходила. И Мара тоже, и два раза этот, который князь, но он не князь, он тоже что-то носил из беседки.

— А почему ты не встала и не помогла им?

— Я? Зачем? Я не хотела помогать, это такая скука. Потом прошла учительница, Ольга Сергеевна, она что-то тихо спросила у будущего убитого. Он ответил, тоже тихо, так она аж шарахнулась. Потом подошёл Чёрный Человек.

— Кто?

— Ну, этот, в черном свитере и джинсах. Его плохо было видно в темноте. Он что-то принес и дал будущему убитому. Может, еще кто-то ходил, но я же не всё время смотрела, я отвлекалась на откусывание пирога.

— А что он дал?

— Не знаю. У меня как раз начинка снова стала высыпаться, и я старалась запихнуть в рот как можно больше брусники. Потом у меня попала затекла сидеть на бревне, и я встала и ушла в беседку.

— Что вы там делали?

— Ела. И разговаривала с этим, который князь. Также мне князь, у него даже кошки нет. Потом раздался вопль. Послушайте, но куда же делся топор?

— Наша опергруппа обыскала участок и нашла орудие убийства в дренажной канаве. Следы крови отчасти сохранились. Отпечатки пальцев смыты, конечно.

— Значит, убийца шёл к дренажной канаве мимо всех сидящих в беседке, весело помахивая топориком, и никто его не заметил! Круто! А может, вы меня заподозрите? Это было бы вообще огонь! А что? Мотив у меня есть: он прогнал меня с качелей. А я — ранимый подросток. У меня гиперчувствительное я забыла что. Сажу на бревне, а рядом топор. Я рубаю обидчика, потом отношу топор в канаву и иду в беседку доедать пироги. Здорово?

— У вас даже есть отягощающие обстоятельства: вы рассказывали, что зарубили учительницу топором. То есть прорабатывали возможные варианты мести.

— И правда! Вы меня арестуете? А можно селфи на фоне решетки?

— К сожалению, нет. У нас тут всюю идёт конец света, и арест технически невозможен.

— Жаль. Невезуха, как всегда. А селфи с топором можно?

— Нет. Топор — вещественное доказательство.

— Эх. Взрослые — такие зануды.

Глава шестая

Убийство раскрыто

— Непонятно, — сказал Вампир. — Почему мы не устраиваем истерику, не бежим, не кричим?

— Возможно, мы не верим в реальность происходящего, — предположила Мара. — Это же сюр — убитый Борька, конец света.

— А может, мы просто не существуем, — устало сказал Гений. — Мы — персонажи детектива, который прямо сейчас пишет неумелый автор.

— Светает, — заметила Оленька.

— Да ну, — усомнился Вампир, взглянув на часы. — Ещё и полночи нет.

— Посмотри сам.

Вампир выглянул из беседки. Мир вокруг изменился. Слева в появившемся откуда-то бледном свете был отчётливо виден плотный туман, уже сожравший и соседние дачи, и штaketник, и угол домика. Белёная мгла поглотила и бревно с когда-то воткнутым топором, и даже часть качелей. Борис еще громоздился на них нелепой грудой, но головы у него уже не было. А справа, за дренажной канавой и мостиком, за полутора сотками бурьяна сияли прилепленные Дмитрием фотообои. Коринфские колонны обнимал розовый свет восхода, струившийся из-за моря.

— Скорее! — поднялась Ангелика. — Скорее, сейчас всё пойдёт очень быстро. Я знаю, я это уже придумывала.

Никто особенно не поверил, но все послушно вышли из беседки и направились к заднему забору с обоями. Дмитрий оглянулся. Туман уже поглотил качели, и от Бориса остался только левый ботинок, который почему-то дёргался. «Это качели раскачиваются, — подумал Дмитрий. — Растворяются в тумане и раскачиваются, а вовсе не Борис оживает».

Длинный язык тумана дотянулся до беседки и с видимым удовольствием пожирал беззащитные плети девичьего винограда. Они дрожали и тянулись вослед уходящим людям. Дальняя стена беседки начала медленно таять, за ней лавка и край стола с недоеденными медовыми плюшками. Ангелика шагнула к нарисованным колоннам.

— Э-э, нет, детка, я первый, — Вампир отодвинул её плечом. — Опыты надо производить на наименее ценных членах общества. Как сильно пахнут эти розы на колоннах! Прямо как тогда, на твоей свадьбе.

И прошёл между колоннами в сияющее пространство. Ангелика — за ним. Сразу за колоннами, вполне себе мраморными, а не бумажными и твердо стоящими в крапиве, начиналась мелкая галечка, а затем песок. Песок вылизывали тонкие прозрачные волны, собиравшиеся далее в спокойную синеву неправдоподобной яркости. Зеленый нелепый балахон Ангелики струился, как северное сияние.

— Ух, море! — восхитилась Кася, подбегая к самой воде. — Это твой новый мир, тетя Аня? А купаться в нем можно? Ой, котики!

Слева на кромке прибоя сидели десять котов: один белый, один рыжий, один серый, один палевый, два черно-белых, два черных, один хромой полосатый и один одноухий. Нормальные коты нормального кошачьего размера, глаза не горят, клыки не торчат. Рыжий потерял о Касины джинсы и замурчал.

— Они охраняют переход между мирами, — сказала Олечка. Она и Мара уже прошли между колоннами, Дмитрий за ними следом. Роза мазнула его по щеке — погладила, а не оцарапала.

— Смотрите, черно-белый кот укатил с собой наш апельсин! Героическое спасение отдельно взятого апельсина от конца света, — заметил Дмитрий.

— Я так давно не была на море, — вздохнула Олечка. — А как мы найдём наших близких? Дочку, внучку? Кошку? Мой 9-й «А»?

— Погоди, разберемся, — улыбнулась Мара. — Этот мир совсем ново-рожденный. Он — как стакан чая, в котором ложкой разболтали чайинки. Сейчас мир отстоится, и всё станет понятно.

Дмитрий потрогал воду. Вода как вода, прохладная. Песок мокрый. Маленький краб улепетнул от его пальцев.

— Эй! Погодите! Подождите меня! Я застрял! — раздались крики сзади.

Гений нелепо торчал между двумя колоннами. Они словно разбухли — ведь только что сквозь этот промежуток прошёл Вампир, в два раза толще.

— Они меня не пускают! Помогите! Сломайте колонны! — в панике кричал Гений. — Туман уже близко! И Борис... у него уже нет глаз, но он смотрит! И хватает меня за ногу!

Все бегом вернулись, начали дёргать застрявшего, ковырять колонну — ничего не выходило.

— Этот мир не берёт тебя, — сказала Ангелика. — Колька, я всё поняла. Это ты убил Бориса.

Все замерли. Гений молчал.

— В этот раз мироздание не пропустило в новый мир убийц, — слегка нервно сказала Ангелика. — Их слишком много развелось на планете, это угрожает благополучию человечества. Конец света устроен с целью отфильтровать всех террористов, всех затеявших войны, всех убийц. И нашего Кольку. Почему ты убил Бориса, Гений?

— Потому что он гад! — завопил Гений.

— Это мы знаем, но почему его убил именно ты?

Молчание.

— Расскажи, Колька, вдруг у тебя уважительная причина, и это... хм... мироздание тебя пропустит, — посоветовал Вампир, с сочувствием глядя на побледневшее лицо друга.

— Я могу начать, — неожиданно вступила Мара. — Это ведь связано с твоим шедевром «Ярко-зелёный айсберг», да? Который дал тебе премию и славу?

Гений всхлипнул.

— Но который написал вовсе не ты, не так ли? Никому не известный автор прислал по электронной почте текст тебе — уже известному писателю — и попросил совета, или рецензии, или редактуры, или протолкнуть в печать, да? Ты тянул с ответом почти год, а за это время слегка переделал сюжет, переименовал героев, издал под своим именем, выиграл престижный конкурс и получил премию? Миллион рублей — игра стоила свеч!

— Откуда ты знаешь?

— Роман издавался в нашем издательстве, в «Великой книге». И ходили слухи: не твой стиль, и непонятно, когда ты успел сделать такой объём, и тема тебе несвойственная и прочее. Но слухи — это не страшно. Потом появился Борис.

— Да! Борис! Это он во всём виноват! — закричал Гений. — Всё было гладко, если бы не он! Я же не мог предусмотреть, что он работает в той больнице, где умирал автор... ну да, тот тип, который написал первый вариант романа. Я его улучшил! Переделал! Это не плагиат! Я взял только пару идей! Как Шекспир у Марло! Это моё произведение!

— Я не знаю, откуда у Бориса оказался черновик романа, — продолжила Мара. — Настоящий автор писал не на компьютере, он был пожилой человек и больше любил бумагу, набирал только уже окончательный текст. Его вариант почти не отличался от того, который вышел под твоим именем и получил премию. Это мог установить кто угодно. Автор не стал с тобой судиться, он умирал. Ты тут ни при чём, он был болен еще до того, как отправил тебе текст. Но Борис наверняка сказал, что это ты уморил бедного гения, украв у него дело всей его жизни.

— Да! Да! Он так и сказал! — воскликнул Гений. — И он сказал... сказал, что отдаст это журналистам. Во все газеты, в интернет-источники. Везде! И в суд! Я предложил... я предложил ему деньги, чтобы он не делал этого. Автор уже помер, какой смысл ворошить старое. Роман живёт...

— Роман живёт, гонорары сыплются, пресса тебя на руках носит, — сказала Мара с безразличной усмешкой. — И что было дальше?

— Борис взял деньги. Потом ещё. Потом ещё. Потом увеличил требуемую сумму. Но я не хотел его убивать! Нет! Я платил! Только вчера я перевел ему очередной «взнос». Поэтому он не боялся меня и приехал на дачу — кто же будет убивать шантажиста, только что заплатив ему? Убивать логичнее перед оплатой.

— Убивать вообще нелогично, — пробормотал Дмитрий.

— И что же произошло у меня в саду? — спросила Ангелика.

— Он лежал на качелях со стаканом водки, мерзкий, как всегда. Я принес ему плюшку, в которую воткнул таблетки Вампира, и бокал с купоросом. И сказал: «Давай сделаем селфи: ты со всеми этими атрибутами и я рядышком как писатель. Можно закрутить интересное интервью. Тебе тоже нужен позитив в прессе после твоего скандала в прошлом месяце». Он сказал: «Хорошо, но еще нужен кинжал». И сам вставил себе кинжал как градусник. Мы сделали селфи. Я потом удалил фото, после того как...

— После чего?

— Я отступил за качели и посмотрел на топор. Повернул голову и посмотрел на лысеющую макушку Бориса. И... и всё. Теперь можно было никому ничего не платить и ничего не бояться.

Все молчали.

— Он сам виноват! Я не хотел! Это моё подсознание! Он был гад, гад! — Гений дёргался между колоннами, и казалось, что вот-вот выскочит. Потом колонны сделались мягкими, как зефир. И туман поглотил их. Только несколько лепестков роз упало на гальку.

— Пойдёмте, — сказала Ангелика. — Этот мир будет без убийц. По крайней мере, первое время. Без войн, без взрывов самолетов, без бомбёжек, без расстрелов заложников. И без ударов топором по голове.

— Эх, — вздохнул Вампир. — Всё-таки жалко Кольку. Свой же. Эх.

— Интересно, есть ли в этом мире Нижний Новгород? — вслух подумал Дмитрий.

— Да, давайте искать своих, — поддержала Олечка. — Мою семью. Вовкину дочку с внуками. Касиных родителей. Как тут ориентироваться в этом мире? Сплошное море.

— Значит, пойдём по морю, — сказала Ангелика. — Это не так сложно. Были прецеденты.

И ступила на прозрачную синеву воды. Синева держала, как хороший паркет, только была скользкой. Ангелика чуть не упала, Вампир поддержал, взглянул ей в лицо.

— У тебя очки уже не скособоченные, а нормальные, — удивился он. — Сами починились.

— Потихоньку всё нормализуется, — сказала Ангелика.

— Моё издательство разорится, — усмехнулась Мара. — Оно специализируется на детективах с окровавленными трупами. Опять искать новую работу.

— Кис-кис, — позвала Кася, и коты двинулись следом, нервно нюхая твёрдое море, и новорожденный мир сиял вокруг них. Апельсин катился сам, как сказочный колобок.

А что из этого выйдет — никто не знал, потому что такого ещё не случилось в истории человечества: чтобы мир был совсем без убийств и насилия.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Сергей Беляев

Кинематографический перекресток

В первый день 1898 года екатеринбургская газета «Урал» напечатала новогодний рассказ-иллюзию «Через сто лет»¹. Герой рассказа оказался в Екатеринбурге будущего и увидел город таким, каким он стал в конце XX века. Гладко вымощенные мостовые и тротуары, электрические фонари и электрические экипажи, величественного вида здания, в которых разместились горный институт, народный театр, музей, библиотека и велодром. И... ни одного кинотеатра.

Ко времени публикации рассказа Екатеринбург, как известно, уже был знаком с кинематографом. «Движущиеся фотографии» дважды — на Пасхе и летом — демонстрировались здесь в прошедшем году, их показывали и годом ранее. Но, по всей видимости, даже фантазия писателя пока еще не была способна нарисовать картину последствий появления изобретения братьев Люмьер.

Понадобилось не сто, а всего лишь несколько лет, чтобы кинематограф прочно вошел в жизнь города и его жителей. Зрелище на экране притягивало, удивляло, порой шокировало екатеринбуржцев. В рядах его поклонников оказывались все, невзирая на возраст, социальный статус, прежние художественные предпочтения и состояние кошелька. Впрочем, так было не только в Екатеринбурге.

Читатели новогоднего номера газеты «Урал» за 1898 год, перешагнув рубеж столетий, стали свидетелями стремительного прогресса в сфере кинематографа. Поток кинокартин, хлынувший на зрителей, непрерывно расширялся, обновлялся и казался бесконечным. Кинокартин выпускалось столько, что даже в разгар кинобума любой екатеринбургский кинотеатр мог позволить себе отличный от конкурентов репертуар. Для знакомства с образцами основных жанров экранного искусства достаточно было посетить один сеанс. Программа каждого из них составлялась из пяти-семи коротких — до десяти минут — немых кинолент. Сменяя друг друга, следовали драмы, мелодрамы, трагедии, комедии, феерии, «натура», документальная хроника. Возросшим спросом на подобную продукцию не замедлил воспользоваться владелец фотографического магазина В.Л. Метенков, ставший со временем крупным продавцом кинооборудования и прокатчиком кинокартин.

Уровень, на который в короткий срок вышло кинопроизводство, открыл для провинции возможности, не уступавшие столичным. Кинокартины, анонсируемые как «только-только полученные из Парижа» или готовящиеся к показу «первым экраном в день выпуска одновременно с Москвой и Петербургом», не являлись для Екатеринбурга редкостью. А ленты с документальными сюжетами позволяли зрителям почувствовать себя очевидцами событий — торжественных или траурных церемоний, карнавалов, стихийных бедствий, — происходивших далеко от Урала. Шанс увидеть на экране

Сергей Беляев — искусствовед, автор книг, учебников, статей, посвященных истории культуры Урала. Постоянный автор журнала «Урал».

¹ Судя по подписи-псевдониму, автором рассказа, вероятнее всего, был прозаик и журналист П.П. Баснин.

эпизоды из жизни родного города у екатеринбуржцев появился тоже. В качестве кинодокументалистов выступали В.Л. Метенков и владелец другого фотографического магазина (позднее и кинотеатра) И.И. Рона. Запечатленные ими события — не будничные: пасхальные и масленичные гулянья, торжество по случаю пятидесятилетия отмены крепостного права, парад у Кафедрального собора, разорительный пожар на Отрясихинской улице², бега и скачки на екатеринбургском ипподроме. Были и другие киноленты, снятые в городе в тот же период, с 1910 по 1913 год. Интерес к ним зрителей не могла остудить даже пресса, всегда сообщавшая обо всем происходящем подробно, а главное, намного оперативнее.

Довольно быстро добирались до Екатеринбурга технические новинки. В начале XX века город увидел в действии «Биоскоп», «Аниматограф», «Оперомегафон» и другие аппараты, созданные изобретателями в разных странах. Увидели здесь и предвестников цветного кино — «картины в красках». В августе 1907 года местные меломаны впервые смогли оценить «поющую картину». Это был экранный вариант оперы Ш. Гуно «Фауст». С помощью аппаратов «Оперомегафон» и «Эльжефон» демонстрация киноленты осуществлялась с синхронным воспроизведением записи изображения и звука. Позднее в программах киносеансов появилось еще одно кинематографическое чудо — «говорящие картины». В отличие от «поющих» для их показа не требовалось дополнительного оснащения кинотеатров звуковоспроизводящей аппаратурой. Немые картины становились говорящими благодаря актерам (их называли кинодекламаторами), которые произносили тексты (а порой и пели), находясь за экраном. Одна из таких «говорящих картин» была снята в 1910 году в Екатеринбурге для куплетиста Т.К. Сидоренкова. Получилось что-то вроде фильма-концерта. Артист — в великорусском костюме и в лаптях — исполнил ряд своих номеров: монологи и злободневные куплеты под аккомпанемент балалайки. Во время демонстрации картины в кинотеатре «Рона» он же, скрытый экраном, озвучивал эти номера. А затем увез картину с собой в турне по европейской России и Сибири.

Влияние кинематографа испытывала на себе вся зрелищная инфраструктура города. Перемены ознаменовало появление особых, предназначенных только для показа кинокартин заведений — электро-театров (так первое время называли кинотеатры). Их владельцы снимали помещения в домах, принадлежавших частным лицам. Первый в городе электро-театр с броским названием «Grand Illusion» был открыт накануне Рождества, в декабре 1907 года, в доме номер 26 на Покровском проспекте³. Но уже вскоре о нем вряд ли кто-нибудь бы вспомнил. Так же быстро исчезли электро-театры «Луч», «Одеон», «Комета», появившиеся позднее по разным адресам. Зато другие, такие как «Магнит» в доме В.К. Макарова на Главном проспекте⁴ или «Рона» в доме М.Д. Мередина на Покровском проспекте, продержались долго, более двух лет.

Похожая картина наблюдалась и на давно известных зрелищных площадках. Безымянная муза нового искусства прекрасно чувствовала себя в капищах других муз — в стенах театров и клубов. Кинематограф вначале потеснил драму, оперу и даже цирк и садовую эстраду, временно соседствуя с ними в одних залах. Затем обосновался в некоторых из них на длительный срок. В апреле 1910 года под кинотеатр «Марс» был сдан Казанцевский театр, а в августе того же года в концертный зал А.Е. Обухова на улице Клубной⁵ вселился кинотеатр «Фата-Моргана». И это, заметим, был не первый случай в истории этого зала. Такая же участь, только раньше, постигла Городской театр (рассказ о нем особый и ждет впереди). Расположившись

² Отрясихинская улица — сейчас улица Радищева.

³ Покровский проспект — сейчас улица Малышева.

⁴ Главный проспект — сейчас проспект Ленина.

⁵ Клубная улица — сейчас улица Первомайская.

в залах, где прежде царили драма и опера, кинематограф не лишил зрителей некоторых привычных удовольствий, сопутствовавших театральному времяпрепровождению. Антракты, как в доброе старое время, заполнялись музыкой военного духового оркестра, танцевальные вечера и святочные маскарады устраивались по окончании киносеансов.

Расширение пространства, освоенного кинематографом, и невероятное увлечение публики новым зрелищем на первых порах не воспринималось как нечто тревожащее. Екатеринбургский журналист Вячеслав Чекин не был одинок, предрекая кинематографу огромную будущность и называя его «одним из могучих завоеваний человеческого гения». В экранном искусстве журналист видел союзника (но и конкурента) театра в борьбе за «души человеческие». Сожалеть приходилось — и не только ему — о пребывании кинотеатров в «дурных руках» хозяев, для которых существовала одна цель — нажива⁶.

Через год от спокойного тона журналиста не осталось и следа. В очередном фельетоне В.П. Чекина кинематограф представлен «дерзким и победоносным врагом», грозящим гибелью «всему великому, всему талантливому в области театра». Одновременно с этим не отрицалось и очевидное. Несмотря на несметный набор «отвратительных качеств» (безвкусице, ограниченность, нахальство, цинизм и прочее), кинематограф имел колоссальный успех⁷. В возникновении этой «странной» ситуации В.П. Чекин не был склонен винить только кинематограф, нетребовательных зрителей или владельцев кинотеатров, ставивших превыше всего интересы кассы. Немалую долю ответственности он возлагал и на современный ему театр: «Там полное разложение: господство циничных фарсов, глупых комедий, густо сдобренных нездоровыми “соусами”, миниатюр». Кинематограф же, по мнению журналиста, помог выявить немощность театра, который нужно спасать, пока еще не поздно⁸.

Не обошел вниманием сложившуюся ситуацию и журнал «Разумный кинематограф и наглядные пособия», недолго выходивший в Екатеринбурге. Само название журнала отражало позицию редакции относительно подлинного предназначения кинематографа. Со страниц издания звучал призыв к созданию «разумных кинемо» — в противовес наживе, «во имя интересов знания, культуры и просвещения»⁹. Об одном из примеров успешной реализации этой идеи в Екатеринбурге журнал сообщал своим читателям. Речь шла о научно-популярных лекциях, которые привлекли в Городской театр многочисленную аудиторию. Кинематограф позволил собравшимся воочию увидеть на экране те новинки техники и редкие природные явления, о которых подробно рассказывали лекторы¹⁰. Начинание получило продолжение, и сам редактор-издатель журнала Н.П. Тихонов позднее тоже участвовал в проведении подобных лекций.

Между тем к 1913 году, когда издавался журнал «Разумный кинематограф», количество кинотеатров в Екатеринбурге поубавилось. Это не означало, конечно, что градус интереса горожан к кино снизился. Кинобум достиг своего апогея в 1910 году. Новый год город встретил тогда с четырьмя кинотеатрами, на пасхальной неделе их было уже шесть, а в конце года — восемь. К этому нужно прибавить временные площадки. Киносеансы устраивались и в Верх-Исетском народном доме, и в цирке-театре, и в летнем театре Харитоновского сада. Со следующего года началось постепенное

⁶ Никто-не. Отклики. Сказка в жизни (Штрихи) // Уральский край. 1911. 5 июня.

⁷ Никто-не. В защиту кинематографа // Голос Урала. 1912. 3 июня.

⁸ Никто-не. В защиту кинематографа. Ч. II // Там же. 1912. 23 июня.

⁹ Великий кинемо! // Разумный кинематограф и наглядные пособия. 1913. № 3. Стлб. 69–70.

¹⁰ Екатеринбург // там же. 1913. № 1. Стлб. 23.

движение вспять. Накануне Первой мировой войны окнами в мир кино для екатеринбуржцев оставались четыре кинотеатра, сосредоточенные в одном месте, на пересечении Главного и Вознесенского проспектов¹¹. В то время как в других частях города кинотеатры закрывались, на этом перекрестке происходило обратное. Причем кинотеатр, появившийся здесь последним, размещался в здании, которое, если бы сохранилось, непременно было бы украшено табличкой с надписью: «Памятник архитектуры. Здание в стиле модерн построено специально для кинотеатра».

Как всё начиналось

Точкой отсчета в истории этого знакового для города места стал 1909 год.

На фотографических карточках с видами Екатеринбурга, изданных В.Л. Метенковым, будущий кинематографический перекресток запечатлен с разных ракурсов. Снимки сохранили облик Городского театра, занимавшего (и занимающего сейчас) угловое положение на нечетной стороне Главного проспекта. На этой же стороне, напротив восточного фасада театра, просматривается островок зелени: не то парк, не то сад на участке золотопромышленника П.А. Конохова, особняк которого, значившийся под номером 49, стоял поодаль. Угловое одноэтажное здание на противоположной, четной стороне Главного проспекта принадлежало редактору-издателю газеты «Уральская жизнь» П.И. Певину. Успешного издателя хорошо знал Д.Н. Мамин-Сибиряк и отнюдь не в шутку называл его человеком, «который из ничего создает». К 1909 году П.И. Певин стал еще и домовладельцем. Помещения в угловом здании он сдавал под конторы, магазины, временные выставки. Сам он жил по соседству, в доме, который построил ближе к лютеранской кирхе. Первый этаж дома занимали редакция газеты и типография, а второй этаж с конца 1906 года арендовало Коммерческое собрание, о котором мы еще вспомним. Через несколько лет этому клубу суждено будет сыграть решающую роль в окончательном превращении перекрестка в кинематографический. Пока же обратим внимание на протяженное двухэтажное здание, стоящее на четной стороне Главного проспекта, между Вознесенским проспектом и Колобовской улицей¹². Это был тоже доходный дом. Он принадлежал золотопромышленнику В.М. Имшенецкому и носил название «Дом Пале-Рояль». Под одной крышей здесь размещались одноименные гостиница и ресторан с концертным залом, кофейня, несколько магазинов.

До 1909 года из названных зданий к истории кинематографа в городе имел отношение только Городской театр. И то — как временная площадка. После первого киносеанса, состоявшегося в театральном зале в ноябре 1896 года, редкий сезон проходил без того, чтобы какой-нибудь приезжий предприниматель не снимал бы на день-два этот зал для показа новых кинолент. Всё остальное время Городской театр неизменно следовал своему главному предназначению и оставался храмом Мельпомены.

Ожидалось, что сезон 1909/10 годов тоже не станет исключением.

Согласно газетным сообщениям, еще в феврале 1909 года городская управа, отказав нескольким претендентам, заключила договор на аренду театра с антрепренером А.Я. Альтшуллером. Ранее он уже взял на себя обязательство в предстоящем сезоне привезти оперную труппу в Верх-Исетский народный дом. По заключенному новому договору антрепренер получил право ставить любые — драматические или музыкальные — спектакли и на второй сцене, в Городском театре. До начала сезона было еще далеко. Поэтому управа, рассмотрев предложение предпринимателя француза Кая Лоранжа, сдала ему театр в аренду на несколько месяцев для устройства

¹¹ Вознесенский проспект — сейчас улица Карла Либкнехта.

¹² Колобовская улица — сейчас улица Толмачева.

кинематографических сеансов. В четверг, 14 мая 1909 года¹³, кинематограф в Городском театре начал свою работу.

Казалось, судьба будущего театрального сезона была определена. В летние месяцы не пришлось пустовать и театру, который даже пополнял казну города отчислениями от доходов кинематографа. Но в августе А.Я. Альтшуллер обратился в городскую думу с заявлением об отказе от аренды театра. Антрепренер, которому еще только предстояло дебютировать на этом поприще, опасался, что его оперная антреприза в Верх-Исетском народном доме может столкнуться со сложностями (финансовыми, конечно) в связи с открытием теплого цирка-театра (о чем А.Я. Альтшуллер, подписывая договор в феврале, еще не знал). Экстренное заседание думы, судя по информации прессы, было недолгим. Гласные (то есть депутаты) в полном согласии с членами думской театральной комиссии решили удовлетворить просьбу антрепренера во имя интересов оперного дела. Время показало, что этот жест со стороны думы помог предприятию А.Я. Альтшуллера выстоять в условиях серьезной конкуренции с драмой, цирком и кинематографом. И хоть на фоне признанного художественного успеха оперного сезона его материальные итоги выглядели скромно, это всё же был далеко не худший финал для частной антрепризы.

В Городском театре между тем Кай Лоранж продолжал устраивать кинематографические сеансы. Они не прекратились ни осенью, ни зимой, ни позднее, когда француза сменил другой арендатор. Горожанам, на чьих глазах происходили события в 1909 году, оставалось только смириться с потерей городского храма Мельпомены, помнившего еще времена грозного генерала В.А. Глинки. «Пришел черед другим», — писал в те дни екатеринбургский поэт и журналист П.Я. Блиновский¹⁴. Действительно, оперу в сезоне 1909/10 годов принимал Верх-Исетский народный дом, драму — зал А.Е. Обухова. В старом театре обособивался кинотеатр — первый на перекрестке Главного и Вознесенского проспектов.

Несмотря на общедоступные цены на билеты (от десяти до сорока копеек), кинотеатр делал внушительные сборы, каких не видела ни одна антреприза. Убедившись в надежности этого нового источника поступлений в бюджет (в виде процентов от дохода), городские власти, видимо, и не думали о возвращении в театр оперы или драмы, продемонстрировав вновь предпочтение кинематографу. В начале 1910 года управа передала театр следующим арендаторам — местному предпринимателю И.Н. Волкову с компаньонами, согласившимися отчислять в городскую казну даже большую, чем предшественник, долю своих доходов.

О том, что в этом здании несколько десятилетий ставились спектакли и собирались местные театралы, напоминало теперь только прежнее название. Оно сохранялось в публикациях екатеринбургских газет. От него не отказались и владельцы кинотеатра. Вплоть до 1916 года реклама кинопрограмм печаталась под заголовком: «Городской театр-кинематограф».

Единственным на перекрестке этот кинотеатр оставался всего лишь несколько месяцев. В конце сентября 1909 года тот же Кай Лоранж открыл второй кинотеатр, арендовав у П.И. Певина одноэтажный угловой дом на четной стороне Главного проспекта. Кинотеатр получил название «Новый электро-театр». Еще через несколько месяцев, когда управа передала Городской театр И.Н. Волкову и К°, через газеты К. Лоранж уведомил любезную публику, что с 7 марта 1910 года он будет демонстрировать кинокартины только в одном кинотеатре, в доме П.И. Певина. Для этого случая он даже

¹³ Здесь и далее даты указаны по старому стилю, в соответствии с информацией екатеринбургских газет 1900-х и 1910-х годов.

¹⁴ Мистер Бумс. Городской театр в цветах (Мрачная элегия) // Уральский край. 1909. 8 сент.

приготовил вместо привычного калейдоскопа коротких кинолент «большую» сенсационную картину «Отверженные».

Похоже, К. Лоранж не намеревался переименовывать оставшийся в его руках кинотеатр. В справочниках «Весь Екатеринбург», изданных в 1910 и 1911 годах, заведение француза фигурировало как «Новый электро-театр». Так же некоторое время его называли и в городской прессе. Но постепенно именно в прессе «бесцветное» название уступило место более яркому и оригинальному. «Новый» стал «Лоранжем», возможно, не без молчаливого одобрения владельца.

В 1911 году Городской театр и «Лоранж» вошли в тройку лучших кинотеатров города. В одной компании с ними оказался кинотеатр «Варьете», появившийся недавно, но уже оставивший позади себя такие кинотеатры со стажем, как «Магнит» и «Звезда» (бывший «Рона»). За свою недолгую историю (он был открыт в ноябре 1910 года) «Варьете» успел обрести популярность у зрителей. В его стенах предпочитала собираться интеллигентная публика, любили бывать дамы. Кинотеатр стал третьим на перекрестке Главного и Вознесенского проспектов. Он обосновался в «Доме Пале-Рояль». Отдельный вход, оформленный с претензией на роскошь, привлекал внимание издали. Внутри, под стать своим соседям — одной из лучших в городе гостинице и первоклассному ресторану, — «Варьете» встречал зрителей заново отделанным, небольшим уютным залом и приятной обстановкой. Премником «Варьете» с октября 1912 года стал кинотеатр «Художественный», сохранявший репутацию, унаследованную от своего предшественника.

У газетчиков были основания для того, чтобы кинотеатры, находившиеся теперь на трех сторонах перекрестка, называть лучшими. Как, впрочем, были основания и для критики в их адрес. Похвальными отзывами, в частности, удостаивали зрительные залы. Самым вместительным из них располагал Городской театр, остальные уступали ему, но были также хорошо оборудованы и удобны. Более серьезным достоинством — пожалуй, даже главным, — считали лучшую для тех лет кинопроекторную аппаратуру, позволявшую воспроизводить изображение на экране практически без мерцания.

Общим слабым местом первое время являлось музыкальное сопровождение немых кинокартин. Шаблонные, безвкусные, а порой и нелепые (например, свадебная сцена на фоне погребального марша), музыкальные иллюстрации становились объектами справедливой критики. Положение в корне изменилось после приглашения квалифицированных исполнителей — пианистов и оркестровых музыкантов. В Городском театре в августе 1911 года место за роялем занял выпускник Пражской консерватории, «любимец московской и харьковской публики», пианист Н.И. Шнейдерман. В следующем году его сменило трио (скрипка, виолончель и фортепиано), а позднее, с мая 1913 года, — оркестр слепых, практически сразу завоевавший симпатии екатеринбуржцев. Музыканты оркестра не только сопровождали своей игрой показ кинокартин, но и выступали в антрактах, исполняя попури из опер, переложения романсов, танцевальных пьес, народных мелодий. Успех антрактных концертов у публики побудил администрацию кинотеатра даже начать публиковать в газетах программы выступлений оркестра.

В «Варьете» для музыкальных иллюстраций и игры в антрактах предпочитали иметь балалаечный оркестр. Балалайки звучали позднее и в «Художественном», который поддерживал сотрудничество с известным в городе оркестром под управлением Я.П. Крапивина. Там же недолго выступал струнный оркестр, но основную нагрузку выполнял дуэт скрипки и фортепиано.

«Лоранж» славился своим трио, состоявшим в штате кинотеатра с сентября 1912 года. Пианист В.М. Калиновский, возглавлявший этот ансамбль, являлся и автором оригинальных аранжировок музыкальных произведений, предназначавшихся не только для трио, но и для больших коллективов. Кар-

тина «Камо грядеши», например, демонстрировалась в апреле 1913 года с участием хора и военного оркестра, которые исполняли аранжированные В.М. Калиновским фрагменты из опер «Камо грядеши» и «Нерон». Можно добавить еще, что «Лоранж» был единственным кинотеатром, устраивавшим бенефисы своих музыкантов-иллюстраторов.

Киноафиша перекрестка включала всю жанровую палитру кинопродукции тех лет. В распоряжении заядлых киноманов было три дня, чтобы увидеть все новинки. После этого кинотеатры меняли свои программы, анонсируя их не иначе как «роскошные», «выдающиеся», «грандиозные». К этому в городе уже попривыкли, как и к обещаниям показать картины «первым экраном». Однако очередной набор кинолент обычно мало чем отличался от предыдущего: те же похождения Макса Линдера, еще одна-две комедии и «сильная» драма, приправленные видовой зарисовкой, снятой с натуры. Время от времени в этом пестром собрании оказывался Пате-журнал с обзором мировых событий и уж совсем редко появлялись так называемые научные картины. Наиболее взыскательные зрители пренебрежительно называли такие программы «винегретом» или «окрошкой». Правда, готовились эти «блюда» из новинок, отсутствующих у соседей. За весь 1911 год только картина «Анна Каренина» показывалась одновременно в Городском театре и в «Варьете». В ближайшие два-три года подобное дублирование репертуара случалось также крайне редко.

Картина «Анна Каренина» — не единственный пример обращения молодого кинематографа — отечественного и зарубежного — к сюжетам известных литературных произведений. Список таких обращений был бы довольно длинный. Назовем лишь некоторые из них. В 1911 году, кроме «Анны Карениной», зрители увидели картины «Освобожденный Иерусалим» (по поэме Т. Тассо), «Собор Парижской Богоматери» (по роману В. Гюго), «Каширская старина» (по пьесе Д.В. Аверкиева). В следующем году в кинотеатрах перекрестка демонстрировались картины «Сафо» (по роману А. Доде) и «Бесприданница» (по пьесе А.Н. Островского), а в 1913 году — «Демон» (по поэме М.Ю. Лермонтова) и «Обрыв» (по роману И.А. Гончарова). Нельзя не упомянуть и киноверсию романа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». Съемки картины происходили в Екатеринбурге и окрестностях, а премьерный показ состоялся в кинотеатре «Художественный»: первой серии — в декабре 1915, второй — в январе следующего года.

Об интересе кинематографа не только к литературе свидетельствовала еще одна более ранняя кинопреьера. В ноябре 1913 года кинотеатр «Лоранж» включил в свой репертуар снятый на пленку балет Л. Делиба «Копеллия». Екатеринбургские зрители, уплатив двугривенный, получили редкую возможность почувствовать себя на спектакле в московском Большом театре. Перед ними выступали артисты императорского балета, а главную партию исполняла знаменитая уже тогда балерина Екатерина Гельцер. Эффект присутствия в театральном зале, надо думать, смогли усилить музыканты «Лоранжа», сопровождавшие своей игрой показ киноленты.

Любопытная подробность содержалась в анонсах названных выше картин. Кроме сведений о жанре и актерском составе, участвовавшем в съемках, приводились данные о метраже кинопленки. Так зрителей извещали о том, что их ждет встреча с «большой» картиной. Подобные репертуарные новинки уже не были редкостью, но пока еще могли удивлять. У кинематографа появились технические возможности, позволявшие снимать и выпускать на экраны киноленты, которые намного превосходили по продолжительности продукцию киноиндустрии первых лет. Демонстрация картины «Освобожденный Иерусалим», к примеру, при длине пленки 1085 метров занимала приблизительно 50 минут. А уже вскоре были преодолены следующие рубежи: полторы и даже две тысячи метров.

Соседи-конкуренты

Соседство трех кинотеатров, находившихся в нескольких шагах друг от друга, до поры до времени выглядело мирным. Соперничество, разумеется, имело место, но пребывало, так сказать, в латентной фазе. Бескровные бои велись главным образом на рекламном фронте. Как-то, правда, возникли подозрения, что за действиями мальчишек, срывающих афиши, стоял кто-то из конкурентов. Возможно, всё так и было. Но до причинения более серьезного ущерба друг другу дело не доходило.

Всё изменилось в конце 1911 года, когда «Лоранж» значительно расширил и обновил зрительный зал, совершив это преобразование с невиданной быстротой. Тотчас же после открытия зала произошло перераспределение зрительских потоков (и, соответственно, денежных доходов). Пальма первенства перешла к «Лоранжу», соседи должны были довольствоваться тем, что оставалось от неожиданно набравшего силу конкурента. Но, судя по всему, ни Городской театр, ни «Варьете» мириться с ролью аутсайдеров не собирались. Вначале они развязали рекламные баталии, затем попытались явить публике суперсенсационный репертуар и даже сумели отыскать среди «кинематографического хлама» кое-что достойное внимания. И, наконец, обратились к новому сильнодействующему средству.

Вот что рассказывал об этом очевидец, уже знакомый нам Вячеслав Чекин.

«Состязание не на жизнь, а на смерть, — писал он, — началось с тех пор, как Городской театр торжественно объявил: “А у меня кинемодрама!” и начал безбожно коверкать чеховские миниатюры. Остальные конкуренты не стерпели, и “пошла писать губерния”. Перед ошалевшим обывателем замелькали: миниатюры, еще миниатюры, певицы, куплетисты, имитаторы...»¹⁵

События, о которых поведал журналист, происходили в феврале 1912 года. Тогда Городской театр и «Лоранж» одновременно пригласили небольшие труппы артистов и впервые соединили киносеансы с представлениями театров миниатюр. Победа вновь досталась «Лоранжу». Репертуар его труппы оказался разнообразнее и привлекательнее. Кроме миниатюр (в том числе написанных А.Т. Аверченко), артисты исполняли комические монологи, мелодраматические, романсы. Эти программы позволили зрителям получить более или менее ясное представление о театрах миниатюр — явлении модном и уже популярном в столице, но Екатеринбургу еще не знакомом.

«Лоранж» и впредь сохранял лидерство и в некоторых отношениях на шаг опережал своих конкурентов. Если кинокартины, чем-то выделявшиеся из общего ряда, появлялись здесь не намного чаще, чем у других, то гастролеры выступали практически непрерывно. Летом 1912 года киносеансы вновь соединили с короткими спектаклями, на сей раз в исполнении труппы лилипутов. Новостями «Лоранж» встречал зрителей осенью. К работе приступил уже упоминавшийся ансамбль музыкантов во главе с В.М. Калиновским, при кинотеатре открылось кафе, а зрительный зал после очередной перепланировки приобрел вид грота царства гномов.

Соседи, разумеется, тоже не бездействовали. Соперничество изменило отношение к кинорепертуару: его стали отбирать более требовательно, не оставляли без внимания качество музыкальных иллюстраций. Вместо «винегрета» или «окрошки» кинотеатры всё чаще предлагали «большую» картину, поражающую своим метражом. Так, нашумевшая в сентябре 1913 года картина «Гибель Помпеи» была снята на киноплёнку длиной три тысячи метров. На тысячу метров ее превосходила картина «Углекопы» (по роману

¹⁵ Никто-не. Состязание кинематографов // Голос Урала. 1912. 17 марта.

Э. Золя «Жерминаль»), вышедшая на экраны позднее. Предлагался, конечно, и «десерт» в виде двух-трех коротких кинолент.

Этим, однако, не ограничивались изменения, произошедшие в содержании работы кинотеатров. Стремясь не отстать друг от друга, они превратились в кино-концертные заведения. Редкие прежде киносеансы с концертами отныне стали едва ли не рядовым явлением. Перед публикой выступали артисты всех мастей — певицы, имитаторы, трансформаторы, босоножки, чудодеи. Реклама превозносила их не меньше, чем очередные «шедевры» кинематографа. Имена «всемирно известных», «знаменитых», «неподражаемых» гастролеров не исчезали с афиш кинотеатров вплоть до начала Первой мировой войны, да и позднее, уже не так часто, появлялись тоже. Продолжала наведываться в город и труппа лилипутов, которую привечали в кинотеатре «Художественный». Между тем сочетание кино, театра и эстрады сулило зрителям не только дополнительные впечатления (причем не обязательно яркие). Подлинное мастерство в своем жанре демонстрировал далеко не каждый приезжий артист. Зато цены на билеты повышались в любом случае.

Последнее обстоятельство современники считали еще одним поводом для того, чтобы упрекнуть владельцев кинотеатров в стремлении нажиться. Не будем спорить. Но напомним и о других фактах. Из прессы тех лет известно, например, что в кинотеатрах по особым дням устраивались бесплатные сеансы для учеников начальных школ. Первым провел такие сеансы в Городском театре И.Н. Волков еще в марте 1910 года. Инициативу подхватили «Фата-Моргана» и «Лоранж», но успех в этом деле сопутствовал только последнему, не раз принимавшему изъявления благодарности от представителей школьного ведомства. Кроме этого, известно и о благотворительных сеансах, проводившихся время от времени в Городском театре и «Лоранже». Собранные средства кинотеатры передавали в пользу комитета по разбору и признанию нищих, союза борьбы с детской смертностью, Уральского майского союза¹⁶.

Финальные страницы

О возможном появлении на перекрестке еще одного, четвертого кинотеатра в городе заговорили весной 1912 года. Осведомленные лица даже указывали место, где якобы намечалось строительство. Внушительных размеров стильное здание должно было встать рядом с Городским театром на нечетной стороне Вознесенского проспекта — там, где еще недавно находилась усадьба Петровских. Новость, однако, оказалась только слухом, который довольно скоро стих.

Строительство, начавшееся в следующем году на угловом участке напротив восточного фасада театра, не оставляло сомнения в том, что четвертый кинотеатр всё же займет свое место на перекрестке. На стройку со смешанными чувствами бросали взоры владельцы соседних кинотеатров — спокойную жизнь им явно не предвещало появление нового конкурента. С волнением наблюдали за ходом работ заказчики — члены совета старшин Коммерческого собрания. Строительство затягивалось, требовало дополнительных средств и грозило значительным превышением сметы. (Опасения позже подтвердились. Незадолго до открытия кинотеатра совет старшин доложил общему собранию членов клуба, что затраты на возведение здания составили не 35, а 50 тысяч рублей¹⁷.)

¹⁶ Уральский майский союз — общественное объединение, основано в 1909 году. Преследовало цель содействовать сближению детей с природой.

¹⁷ В Коммерческом собрании // Зауральский край. 1914. 27 марта.

Старшины Коммерческого собрания взялись за незнакомое и, как оказалось, весьма дорогостоящее дело неожиданно для самих себя. По давно вынашиваемому плану предполагалось построить только собственное здание клуба, чтобы наконец-то расстаться с тесным наемным помещением, за пользование которым приходилось ежегодно выкладывать солидную сумму. К лету 1913 года всё для этого было готово. У золотопромышленника П.А. Конюхова был куплен удачно расположенный участок, протянувшийся от Вознесенского проспекта на восток вдоль Главного проспекта. Здание клуба было решено возвести на некотором удалении от перекрестка, оставив угловой участок свободным. Именно это обстоятельство привлекло внимание группы лиц, предложивших совету старшин построить на свободном месте кинотеатр. Эти же лица выразили готовность заранее заключить договор на длительную аренду будущего здания.

Перспективное предложение, обещающее, выражаясь коммерческим языком, увеличение доходности места, было принято. С августа 1913 года вступили в силу скорректированные планы: первым построить кинотеатр, а затем — соседнее здание клуба. Тогда же из газет екатеринбуржцы узнали, что по окончании строительства в угловое здание переселится кинотеатр «Лоранж».

Несмотря на издержки, строительный дебют старшин Коммерческого собрания был признан в целом успешным. Глядя сейчас на фотографии, запечатлевшие архитектурный облик зданий кинотеатра и клуба, можно согласиться с современниками, считавшими, что город приобрел достойное украшение своей центральной части.

Вначале, как и намечалось, отпраздновал новоселье «Лоранж». Первые киносеансы в новом помещении состоялись на Пасхе, 6 апреля 1914 года. В сентябре следующего года пришел черед перебраться в собственное здание и клубу. По старому адресу «Лоранжа», в доме П.И. Певина, продолжил работу кинотеатр, получивший название «Мир».

Так завершилось образование кинематографического перекрестка, сохранявшего свой неофициальный статус около столетия.

Время преобразило облик этого места, пощадив только бывший Городской театр. Там, где когда-то стояли дома, принадлежавшие П.И. Певину и В.М. Имшенецкому, выросли многоэтажные строения. Здания нового «Лоранжа» и Коммерческого собрания скрыли, как в футляре, гранитные стены театра музыкальной комедии. Не раз меняли названия находившиеся на перекрестке кинотеатры. До финиша почти вековой дистанции добрались «Колизей», «Совкино» и «Салют». Уверены, их еще помнят даже нынешние молодые екатеринбуржцы.

За прошедшие годы историю перекрестка окутал на удивление стойкий туман легенд. Самая известная из них приписывает строительство первого кинотеатра на перекрестке (и первого в городе!) «французскому отцу уральского кино» Каю Лоранжу. Указывается и дата строительства — 1909 год. Красивая легенда! И ей, похоже, уготована долгая жизнь. Даже энциклопедии («Бажовская» и «Екатеринбург», например) предпочли ее достоверным фактам, увековечив на своих страницах.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Константин Комаров

«В нашу прозу с ее безобразьем...»¹

*Заметки о прозаическом шорт-листе
Девятого сезона премии «Лицей»*

Начнём сразу с лауреатов.

Занявший третье место роман Анны Бабиной «Знаки безразличия» предваряют довольно странные извинения перед «коллегами-юристами» за «некоторые вольности», допущенные «в описании Системы». «Система» с заглавной буквы сразу же провоцирует ассоциации если не с движением хиппи, то с антиутопиями. Не думаю, что Оруэлл или Замятин стали бы извиняться за полёт своего воображения, подкладывая себе такую «соломку». Интригует и другое предуведомление — о случайности всех совпадений с реальностью. Однако при переводе в художественную плоскость вся интрига теряется — жизнеподобия в бабинских персонажах не очень много. При том что под индивидуализацию, казалось бы, заточена сама композиция — части романа названы по фамилиям героев, подразумевая модернистское переключение оптики. Но ни его, ни гоголевской галереи типажных портретов не выходит. Чем быстрее сливаются друг с другом действующие лица, тем явственней проступает за ними автор-кукловод, не дающий им зажечь собственной жизнью. Подобные провалы в характерологии не перекроет даже закрученный в духе Стивена Kinga (у которого, кстати, с характерами как раз всё нормально) сюжет. Остросюжетный триллер (даже если в нём участвуют представители такой спокойно-консервативной среды, как университетская кафедра) подразумевает саспенс. Но бабинскому саспенсу подвергнуться трудно. Мешает многое: например, топорноватые, тормозящие повествование диалоги и реплики разной степени вымученности («Мне здесь ещё работать, я молодой преподаватель, и, как говорит наш заведующий, за воротами университета стоит очередь из желающих занять мою должность») или рыхлая композиция: едва ли не половину романа пропавших в городке Староуральске девочек

Константин Комаров — поэт, литературный критик, литературовед. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. Автор литературно-критических статей в журналах «Новый мир», «Урал», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь» и др. Лауреат премии журнала «Урал» за литературную критику (2010). Стихи публиковались в журналах «Звезда», «Урал», «Гвидеон», «Нева», «Новая Юность», «Волга», «Бельские просторы», «День и ночь» и др. изданиях. Автор нескольких книг стихов. Участник и лауреат нескольких поэтических фестивалей. Живёт и работает в Липецке.

¹ Заметки К. Комарова о прозаическом шорт-листе Восьмого сезона премии «Лицей» были опубликованы в предыдущем номере Урала (2025, №12)

(которые периодически становятся «девушками» — действительно, велика ли разница?) просто обсуждают, как обсуждают новости, пока действие топчется на месте. Необходимый экшен безбожно растягивается, а нерв повествования неумолимо истончается, хотя автор, очевидно, считает, что этой инерцией нагнетает напряжение. Тягомотно-коряв и язык: «вместо гипотетического пламенного воззвания грянул звонок», «сдабривая расуждения о качестве китайских товаров неозвученным матерком», «циничный диалог» (тут явно страдает точность эпитета) etc. Местами крайне причудлив синтаксис: «В круге света заметались пылинки. Они сияли осколками ёлочной игрушки, которые в его детстве измельчали медным пестиком». Есть вопросы и к точности словообраза, многие картинки не так-то просто визуализировать: «Одежда и личные вещи пропавшей были развешаны на ёлке, как игрушки»². Натянуты (в отличие от того же Кинга) попытки юморить и иронизировать: «чтобы отвлечься, глянула видеоурок по контурингу. — По чему? Это что-то из геометрии? Они вместе смеются», «Свет³ поспешила за убегающей картошкой», «всё в квартире было настолько пастельным и новым»⁴ etc. Психологическая точность не точнее языковой: так, очарование первого снега персонаж не может почувствовать по той простой причине, что «чувствует только всяких уродов — и ищет их, пока не найдёт», а в самый напряжённый момент героиня вдруг начинает думать цитатами из песен группы «Король и шут» («Жаль, нет ружья»), после чего серьёзно воспринимать типовую голливудскую драчку (с разбитым об голову цветочным горшком в финале) уже никак не получается. Раздражает жонглирование уменьшительными формами имени: в одном абзаце «спешит и помешивает» Свет, садится Света, наливают Светику, а пьёт опять Свет. Автор знаменитой баллады «Светлана» Василий Жуковский, вероятно, слегка поёжился бы.

Выдерживать вышеупомянутый саспенс в стилистике а la «спина, утратившая девичью гладкость и прямоту», или «совсем неженское движение обеих рук», или «каждый холмик может оказаться чьей-то могилой» чрезвычайно трудно, вот он и не выдерживается. Перегружают и ослабляют текст многочисленные отвлечения на вопросы о том, кубиками или ломтиками крошить огурец в салат, и прочие жизненно важные для движения сюжета нюансы или малообъяснимое появление внезапного «поэта Николая Колпанова», из творчества которого почему-то цитируется проза⁵. «Жевание» слов в диалогах перемежается порой отрывистыми фразами, призванными, вероятно, создать хоть какую-то иллюзию динамики, и в большинстве своём банальными и лишними авторскими ремарками («иронично», «как в кино — только это не кино», «Влажный голос. Слишком влажный» etc.). Да, в романе есть цепкие наблюдения, запоминающиеся сравнения («стиралка, похожая на бочку», «гнилой зуб деревянного дома», «шпанистые голуби»), пластичные описания («Люди плыли в этом странном сиянии, как в аквариуме, поводя муаровыми хвостами»), но, во-первых, их мало, а во-вторых, на

² Если, например, шапку ещё как-то можно представить висящей на ёлке, то куртку или штаны — уже никак. Абстрактные «личные вещи» уводят образ в сторону дремучей абстракции, чем его губят, хотя реанимировать его можно было бы элементарным названием конкретных «личных вещей». Сложно представить и «трупы в позе боксёра» (в какой из?). Таких «непредставимостей» по роману рассыпано много.

³ Выбранную форму имени и органику её сочетаемости с глаголами женского рода даже комментировать не буду.

⁴ Пастельное и новое это примерно как «копать от забора и до обеда».

⁵ И ещё по мелочи: курсивные выделения, от которых читатель чувствует себя неловко, как будто он самостоятельно не в силах понять важность того или иного существительного, глагола или местоимения («после всего», «она хочет думать», странная маскировка мата («завали п-к, шмара») и т.д.

одной наблюдательности и метафоричности детективный сюжет опять же не вытянешь.

В общем, ни Сайлент Хиллом, ни Твин Пиксом, ни штатом Мэн, ни Скоптопригоньевском, ни даже Нижним Новгородом из гораздо больше похожего на триллер романа прошлогоднего победителя и члена жюри этого сезона «Лицея» Анны Маркиной «Кукольная» бабинский Староуральск (который выписан очень слабо, никакая узнаваемая «уральскость» его почти не индивидуализирует) не становится. «Угрюмые цеха и суровые дома» (а можно и наоборот) — вот и вся разработка хронотопа. Хотя в средненький сценарий роман вполне можно переработать, и конвейер отечественных сериалов пополнится ещё одним «продуктом». «Литературная основа», а точнее, её скудность позволяет сделать это быстро и безболезненно. По-сериальному смотрится и высосанный из пальца финал, к которому лубочно и нарочито прикручена поверхностная «социалочка». Переваливающемуся с боку на бок сюжету не удаётся создать даже иллюзии компенсации хлипкого психологизма. Вялые тестовые (и в смысле тягучести, и в том, что автор откровенно тестирует на них свои писательские способности) герои в вялых тестовых обстоятельствах. Эпилог особенно наглядно демонстрирует «рецептурность» этого «триллера», его сконструированность. Последняя жертва маньяка, т.н. «final girl» (опять привет сериальности, в финале ещё и сериал «Знак» по телевизору идёт — толстый намёк), бодро рассуждает, что «на восстановление психики могут потребоваться годы», а от моралите о том, что маньяки «не должны возвращаться в общество. Мы не имеем права рисковать» и традиционных обвинений полиции в безалаберности уже просто с души воротит. Последняя фраза («На припёке желтеют капли первой мать-и-мачехи») добавляет к дидактике ещё и проходной лиризм по типу «жизнь продолжается, несмотря ни на что». Какая-то затянувшаяся басня получается, ей-богу.

Прежде чем перейти к серебряному призёру — повести Анны Баснер «Последний лист», в целях экономии букв забегу вперёд, сказав, что почти все отмеченные в романе Бабиной недостатки в большей или меньшей степени и в том или ином «изводе» свойственны почти всем финалистам, что общего оптимизма, конечно, не прибавляет...

Повесть «Последний лист», однако, производит неплохое впечатление — по крайней мере, поначалу. Довольно точно и тонко воссоздано остранённо-детское, а после подростковое мироощущение главной героини — Таси. Диалогическая речь — живая, плотная, энергичная, без «прослоек» избыточных реплик, фраза телеграфна, центростремительна. По-бунински густы, суггестивны и синестезийны описания (в частности, растительного мира: «цвели акварельные нарциссы, горели бальзамины, кудрявились левкой — дивные, полупрозрачные, сладко налитые краской, как леденцы», «стебли наперстянки раскачивались, беззвучно трясли колокольчиками», «мшистое железо»). Удачна и уместно дозирована ирония («Сердце коммуниста должно биться неустанно и страстно — это ей, девятилетней, доходчиво объяснили в школе»). Увлекательно развёрнута «мысль семейная». Видно, что со словом, образом, ощущением и эмоцией автор работает точно. Интересен и обоснованный профессией героини («перелицовка на русский сиропных книжек») металитературный план, дающийся в разных регистрах: пародийном («Что уж говорить о бесконечных «оливковых глазах», «соблазнительных бёдрах» и прочих трепещущих органах, которыми, превозмогая страх и стыд, так и эдак соприкасались любовники в порывах внезапно настигшей страсти») и серьёзном («превращала эротическую избыточность и пестроту в тонкие, почти набоковские намеки и полутона»), любопытны коллизии взаимоотношения с языковой «глиной», преодоления материала. Отчётливы строящиеся на чутко уловленной детали портреты («компания Нелли сплошь состояла из тонкокостных нимфоподобных поэтесс и красивых, словно демоны Врубеля, поэтов»). Психосоматически ощутима и объёмно-

полновесна метафорика: «Беседовали — словно нашаривали палкой в лесу знакомые заросшие тропинки», вихрь — «овеществленная, зримая музыка, сыгранная без единой ноты».

Тут-то и возникает весомое «но», которое ни обойти, ни объехать. По мере чтения крепнет ощущение, что обещает повесть гораздо больше, чем даёт. Происходит это ощущение из обидного несовпадения модернистского лиризма и языковой пластики с твёрдым, неповоротливым и однолинейным нарративом. Стил, как это часто бывает, побеждает сюжет, не совпадая с ним, подминает под себя и подменяет собой. «Набоковское» письмо (которому автор откровенно симпатизирует) требует набоковской же виртуозной повествовательной работы, а лирическому «мышлению опущенными звеньями» весьма неуютно в рамках традиционного последовательного, однотонного событийного развёртывания. Этот неуют серьёзно портит впечатление от в целом неплохо исполненной повести. В какой-то момент автор явственно начинает идти на поводу у читателя, и что самое печальное, читателя массового. Рассказ о взрослении Таси гораздо убедительней дальнейшего действия, в котором не пойми откуда возникают противоположаемые такой прозе авантюрные выверты и навороты — подписанное матерью Таси «письмо против лысенковщины», контрабандно вывезенная из Лондона Библия, попадание Таси в тюрьму и т.п. Очарование текста размывается и разрушается неотвратимо, нарастающая как снежный ком сюжетно-композиционная раздробленность губит органику перетекания слов и фраз друг в друга, а единое словесное полотно сменяется раздёрганной лоскутностью отдельных картинок. Повесть начинает напоминать затянувшийся синопсис, конспект, план романа с незаполненными пустотами и прогалами (десятки пропущенных по ходу дела лет, в которые как бы не происходило ничего, сильно бьют по восприятию, швы заметны). А самое печальное, что на корню уничтожается замаячившая было перспектива качественного «романа взросления» — с глубиной проникновения в переживания Тасей смерти матери, в сложности её созависимых отношений с «подругой-мачехой» Нелли и т.д. Текст уходит в плоскость «перелицовываемых» Тасей попсово-глянцевых книжонок. В итоге мы имеем множество разбросанных качественных «кирпичей», но не видим здания, а соответственно, не можем говорить о цельнооформленности, законченности и художественной состоятельности произведения. Но неприхотливый «пицц», разумеется, эту контрабандно-тюремно-лондонскую кашу «схавает» за обе щеки, а писатель и рад развлечь непочтенную публику нехитрыми побасенками. Воистину прав Мандельштам: «У толпы есть только затылки». Лиц нет. А за явно небесталанную Анну Баснер обидно.

Победила же в «Лице»—2025 самая что ни на есть густопсовая пошлость в виде романа Светланы Павловой «Сценаристка». С первых строк представленного на сайте «Лицея» фрагмента о любой языковой пластике можно забыть, мы погружаемся в выморочный язык «креативных менеджеров» («нужно врать на собеседовании, а враньё отнимает ресурс») и в слабо поддающиеся прорубанию дебри аляповатого синтаксиса («Ян был так красив, Зое не хотелось его разубеждать в том, что она настоящая хозяйка библиотеки»). Да, это он, пустой, усталый и безжизненный слог большинства выпускников CWS. Тематико-мотивный уровень столь же примитивен. Ни уму, ни сердцу читателя, который всегда может взять с полки Уэльбека (у кого менее взыскательный вкус — Бегбедера, а у кого совсем невзыскательный — прости господи, Сергея Минаева), «Сценаристка» не даст ровным счётом ничего. Стил, язык, сюжет — всё здесь под стать ментальному примитивизму заглавной героини — «сценаристки» Зои, разрывающейся между богемным окружением ухаждёра Яна и друзьями — поклонниками инстасамки и Юры Борисова⁶. При

⁶ Антитеза эта, конечно, поражает воображение свежестью и новизной. «Они сошлись — вода и камень...» и далее по тексту...

этом незнание того, как пишется слово «нагромождение» (Ян ведёт философский тг-канал «Нагромождение смыслов»), не мешает Зое чувствовать себя «женщиной из рассказов Бунина»⁷, хотя богатый внутренний мир её подаётся примерно так: «она выбрала любить, а не думать грустную мысль». Вся эта несусветная пошлятина победившего «пластмассового мира», наполненного пустотой перекачанных отравленным гелием интернета молодых людей, просто вопиет об ироническом и даже сатирическом остраении и обыгрывании, которое одно могло бы если не спасти текст, то хоть попытаться это сделать. Но беспомощные попытки иронизировать вызывают только жалость («Зоя, куда вы пропали? Ваше сердце ко мне охладело? Или отныне вы предпочитаете общаться только путём передачи писем с сургучной печатью, на хорошо надушенной бумаге? :—) Да, именно с этим смайлом»). При этом автор явно всерьёз сочувствует Зое, и сочувствие это обнуляет весь «остраняющий» потенциал.

Очень трудно поверить, а ещё труднее смириться с тем, что это у нас считается литературой, причём лучшей литературой. «Сценаристка», как и предыдущий «нетолстый роман» Павловой о расстройках пищевого поведения «Голод», триумфально шествует по премиальным листам уже «взрослой литературы» («Ясная Поляна», к примеру), хотя даже в шорте «Лицея» он смотрится примерно так, как стихи небезызвестной Ольги Ершовой в финале первого сезона премии «Слово». Меж тем уже анонсирован выход книги в «Редакции Елены Шубиной», на сайте которой близкая, видимо, по духу Павловой писательница Ксения Буржская продвигает «Сценаристку» следующим образом: «Любовь, нелюбовь, счастливые трусы, несчастливые свидания, американо со сливками и вера в то, что завтра случится чудо — и придёт тот, кто нужен, а всё, что не нужно, — отвалится и растворится в течении времени, московских изогнутых улицах, титрах и мелькании кадров. Света Павлова — наша русская Бриджит Джонс или Кэрри Брэдшоу, которая даже в самом пугающем умеет увидеть хорошее и этим нас вдохновить». Не знаю уж, кого подобная «реклама» способна вдохновить на чтение. Разве что ради интриги со «счастливыми трусами»...

Оглядим оценивающим взглядом и не стяжавшие пьедестала (зато стяжавшие многочисленные утешительные спецпризы) произведения финалистов.

Прозой (и поэзией, за которую она уже была удостоена лицейской «бронзы» в 2023 году) Варвары Заборцевой восхищаются многие, в т.ч. многие представители профессионального литературного сообщества. Я этого восхищения не разделяю. При наличии в русской словесности великолепного северного сказителя Бориса Шергина работать с северным этнофольклорным материалом — значит, изначально обрекать себя на вторичность художественного метода. В рамках этой изначально вторичности невероятно сложно найти свой неповторимый интонационный камертон⁸. На мой взгляд, Заборцевой найти его не удаётся. Белый цвет и свет из её поэтической книги «Белым по белому», заливающий и прозаические страницы вошедшего в шорт-лист сборника повестей и рассказов «Марфа строила дом»⁹, — свет искусственный, нарочитый, люминесцентный и вызывающий очень быстрое утомление. Минимально вооружённым глазом заметна сконструированность, имитационность речевого потока, который (по самой гибкой и животворной природе своей) любой сделанности сопротивляет-

⁷ Интересно, какой именно. У Бунина в разных рассказах очень разные женщины. Но до конкретики ли тут...

⁸ В своё время, помнится, похожим образом прогремели, завоевали премию «Дебют» и благополучно затихли околофольклорные стихоподелки поэтессы и фольклориста Леты Югай, с сомнительным успехом «усушивающей» в лирические «гербарии» живой деревенский говор.

⁹ В «Урале» была озвучена и принципиально иная точка зрения на повесть В. Заборцевой «Марфа строила дом». См. рецензию П. Сусллова (2024, № 5). — Ред.

ся априори и реагирует на неё мгновенно и аллергически. Такой стилевой «аллергией» тексты Заборцевой, регулярно выпекаемые ею, аки карельские «калитки», кажется, страдают неизлечимо. Искусственность того, от чего ждёшь абсолютной естественности, неизбежно разочаровывает, напоминая декоративностью своей блоковский «Балаганчик», разыгрывающийся на дивных просторах Русского Севера. Нарочитое «олитературивание», разрушительная его дискретность убивает подлинность сказового хрупкого слова, его со-природность. Сказовые интонации не стыкуются с дискурсом «деревенской прозы». Впечатление создаётся такое, будто у условного Валентина Распутина всё время отбирает рукопись некий безымянный сказитель, чтобы через некоторое время её вернуть. «Выехать» в этой ситуации можно только на экзотической тематике, предложив свежий голос уставшей от бесконечных «Сценаристок» городской аудитории. Так в своё время «зашёл» в столичную литературную жизнь, измотанную символистскими «духами и туманами», голосистый «рязанский Лель» Сергей Есенин.

Но в том-то и дело, что само по себе уснащение прозаического слова различными пословично-поговорочным «сиропом» («Главное, дом единый поставит, где муж и жена как два ската крыши — если крепко сошлись под одним коньком, никакая капля воды червоточиной не проникнет») или элементами диалектного «фонетического письма» в речи заборцевских бабушек¹⁰ («Запорхай, главное, получче, а то вороны вытащат»), смешанными с тяжеловесной книжностью изъяснения представителей среднего и младшего поколений, правдоподобия этой прозе явно не добавляют. Как и философская раздумчивость автобиографической героини с навязчивыми обертонами полусхоластической наивности, где мудрость подменяется мудрёностью, замудриванием: «Может, оно вернее — каждому дому за свою память крепче держаться, сначала свою память сберечь, а потом уже, если место останется... <...> Может, оно и не нужно. Может, в доме нужнее своя память. Вдруг придёт большая непогода, а дом к ней готов, своё тепло приберет». Мне представляется, что словесное воплощение живой, трепещущей мысли должно выглядеть несколько по-иному¹¹.

Да, тематически и мотивно архангельская Пинега находится в центре повествования, но, по сути, оказывается сбоку припёку, это несовпадение видимого и сущностного и разъедает текст изнутри. Получается больше про украшательство, нежели про красоту. К тому же почти ничего специфически «северного» (кроме знакомых любому туристу вышеупомянутых «калиток») Заборцева нам не демонстрирует, а пресловутый «колорит» гнездится в основном в топонимике («Кулойские и Андельские угоры») и ономастике (Манефа, Марфа). Изображается деревня как деревня, и что её отличает от деревень, например, алтайских, — не разобрать. Попытка же мифопоэтики, связанная с образом «журавля» («Не знаю, сколько еще я лежала бы на мосточках. Журавель меня поднял»), тянет лишь на бледную тень распутинского Хозяина. Показателен финал повести: «Что я построила? Ровным счётом ничего. Зато у нас появился стол». Стол есть, а дома нет. Художественное здание не выстроилось. В искренности любви пинежанки Заборцевой к своей земле не усомнишься, но одной искренностью литература не создаётся. Проза, как и поэзия, пишется, как говорил, кажется, Малларме, не «идеями, а словами». А из слов, насильно стыкующих донельзя уплощённый «лад» «деревенщиков» с имитацией сказа (который не может просто «апгрейдить» текст, а должен пропитывать его от и до), много не построишь. Беловодье обернулось бледноводьем, местами искусным, но искусственным бисероплетением, для занятий которым вовсе не обязательно родиться и жить на

¹⁰ Которым в их лубочной сусальности довольно далеко до тех же распутинских или беловских.

¹¹ Для наглядности можно сравнить со сборником карельских загадок, который я однажды прочёл с огромным удовольствием.

этой земле. При чтении Белова и Распутина со товарищи, кстати, мыслью о такой необязательности совершенно не возникает.

Валентин Распутин, между прочим, упоминается («Расскажи это Вампилову. Или Распутину, чья дочь здесь погибла») в сборнике рассказов его земляка, иркутянина Ильи Подковенко, с суровым и неудобным даже чисто фонетически названием «Вост-Сибирград». Жизнь молодых и не очень людей в «Сибирграде» тоже сурова и неудобна, по крайней мере, судя по концентрации агрессии и насилия в рассказах. В каждом из них кого-то убивают, пытаются или на худой конец унижают, называют «тварью», «мразью», «грязной свиньёй», «утырком» и т.п. Агрессия сия подана абсолютно в лобовую и потому малоинтересна, будучи к тому же обрамлена примитивным «пацанским» философствованием («Но в том и красота, что в этом хаосе ты отвечаешь за себя сам, за свои решения и поступки, принимаешь на себя ответственность! В этом гордость человеческая! Мы венец природы, Федя!»), одобрена удивительными анатомическими открытиями («близость между мужчиной и женщиной подразумевает для мужчины проникновение внутрь») и дивной фиксацией психосоматики персонажей («Раздвинулась она с парализованной мимикой», «Её переломило истерикой»), а также убийственной в своём пафосе моральюшкой («кто-то должен возвращать людям самих себя. Кто-то должен»), вызывающими читательскую неловкость попытками посентиментальничать («через год привёл на крышу «скворечника» свою первую «птичку». И только с ней, в мгновение после пика близости, снова почувствовал ту самую лёгкость»). Как после первого прыжка») и деланым юморком («Пришлось следить за бывшей коллегой, дабы по итогу встречи не только он, но и в него ничего не воткнули»¹²). Порой кажется, что разговаривают не сибирские парни, а дворяне екатерининской эпохи, только что прочитавшие «Юности честное зерцало» пополам с «Энциклопедией юного джентльмена» и под просмотр «Слова пацана». Выраженное устами одного из персонажей стремление автора к психологическому реализму («К достоинству через грязь и кровь... Есть в этом что-то от Достоевского. Творите, Николай, творите. Хочется про жизнь, про человека, настоящего, а не инстаграмных кукол. У нас в Сибири таких ещё много, кто руками работает, головой думает и не боится кровь проливать»), конечно, похвально, вот только реалистичность этого психологизма в рассказах такова, как будто автор пытается попасть в дартсовую «десяточку» из гранатомёта.

Заканчиваются же скучные зарисовки придуманного быта предсказуемым ничем. Никакой экзистенции и «метафизической пуповины», толстые намёки на появление которой рассыпаны то тут, то там, разумеется, не проявляется (правда, одной из безликих героинь симпатично само слово «метафизический»). Очевидно, что даже самую средненькую антологию современного рассказа эти творения не обогатят. Остаётся лишь надеяться, что написанная Ильёй Подковенко биография Иосифа Уткина (незаслуженно забытого советского поэта) интересней и познавательней его прозаических творений.

Алина Митрофанова вошла в шорт-лист со сборником рассказов с интригующим своей животрепещущей «актуальностью» заглавием «Когда я была женщиной». Живущая в Ленинградской области бабушка из открывающего сборник рассказа «Дождик будет» мало чем отличается от заборцевской пинежской бабушки (и речево, и поведенчески), что позволяет вновь констатировать прискорбную «стёртость» хронотопа (а в «этнопрозе» на нём держится почти всё). У Митрофановой вообще с Заборцевой много общего: от поэтического «бэкграунда» (в одном из рассказов, кстати, персонаж-графоман читает свои стихи про кота) и конкретных образов (журавель и Журавлиха) до общей наивно-дидактической интонации рассказчицы. Вы-

¹² Речь идёт об эротической сцене, если кто не понял.

шеупомянутый рассказ, например, завершается вынесенным из разговора с мудрой бабушкой выводом, что на кого попало «слово своё» расходовать не следует. В целом по сборнику очевидно, что писать автору не о чем, от чего автор мается, представляя на наш суд плоды этой маеты: любовные девичьи горести (постоянные) и радости (редкие), сопровождаемые размышлениями такого уровня: «Братъ деньги у парня? Ты же сильная и независимая. Это шаг назад». По всему понятно, что перед нами проза не столько «идейно-содержательная» (с идейным содержанием в современной «молодой» прозе вообще всё обстоит грустно), сколько «ощущенческая». Правда, основное ощущение, остающееся от неё, — тотальный, безальтернативный, неистребимый инфантилизм. Инфантилизм этот ещё и глуповат, причём отнюдь не пушкинской поэтической «глуповатостью», да и сквозная тема «невзросления» идёт, кажется, не от по-настоящему трогательного «Маленького принца» и даже не от «Питера Пэна». Понятно, что автор пытается передать воодушевлённое сияние юности, когда ярко светит солнце и весь мир распахнут взорам, но по факту читатель остаётся наедине с плоским и второсортным «наивняком». До боли примитивная рефлексия, явленная во внутренних монологах¹³, перемежается пустоватыми диалогами, которые, похоже, нужны лишь для того, чтобы внутренне монологи уныло разбавлять. При этом текст насквозь пропитан духом театральности, лицедейства.

Временами героиня искусственно взбадривает себя («Бежать! Бежать под дождём, под грозой! Развеселиться. Рассмеяться хохотом ведьмовским!»), и количество восклицательных знаков на единицу текста многократно увеличивается, но, в соответствии с известной поговоркой о повторении слова «халва», взбадривание это только подчеркивает тянущуюся с первых строк смертельную усталость текста от себя самого, от инерционности и банальности собственного развёртывания. Как будто текст сам безмолвно просит не продолжать его, пристрелить на месте, как издыхающую клячу, но безжалостный автор продолжает понукать его словесным хлыстом, взнуздывая то пресной фантастикой (внезапная «Альфа-Центавра»), то жеванием «розовых соплей» («Нет, я, блин, пипец влюбилась!») подросткового мелодраматизма, то высосанными из пальца притчеобразными переживаньями деревянной идолицы из заглавного рассказа, то мишурными блёстками псевдосказочного флёра (принцы и принцессы из рассказа «Молчание Паулины»), то квелыми поэтизмами и бессильным комизмом, то слезодавильней с малоубедительными потугами на иронию. Такой вот «пипец».

Лев Кузьминский, представленный в шорт-листе фрагментом романа «Дневник невидимки», мог бы, наверное, написать рассказы Алины Митрофановой не хуже (но и не лучше) самой Алины Митрофановой. Потому что в его романе тоже безраздельно царит всё тот же инфантилизм. Между тем биографическая справка сообщает, что Кузьминский — дипломированный психолог, и уже поэтому от него ждёшь какого-никакого знания материала и вживания в психологию подростка. Но вместо этого перед нами — замысловатая имитация дневника, без всякого зазрения совести переходящая в малахольную прозу. Ведущая этот дневник десятиклассница (мыслящая и чувствующая, правда, на уровне шестиклассницы), зная о существовании «Записок из подполья», Платонова, Хармса, Олеси, Зощенко и особенно Генри Торо, с которым она совершенно необоснованно соразмеряет своё поведение (находясь, в отличие от Уолдена, не в лесу, а в самом что ни на есть московском комфорте), занята исключительно описанием не особенно интересных взаимоотношений с друзьями, наречёнными тоскливо однообразными прозвищами (Красотка Катя, Малышка Маша, Давид Друзид, Робкий Рома). В образе героини нет даже хилого намёка на достоверность, она

¹³ Вот лишь один из множества образчиков: «Нос толстоват, а губы можно и побольше. Да и роста бы ещё сантиметров десять для идеала. Но любимая женщина — всегда красавица, потому что любимая, такой закон».

выглядит неким выведенным в пробирке посредственного воображения гомункулусом. Учится она в самой, судя по всему, благополучной не только в России, но во всей Вселенной школе 1603, ибо полностью избавлена от взаимоотношений с родителями и учителями и никакими проблемами (кроме того, какую музыку послушать и в какой соцсети посидеть) не отягощена. Разве что лениво да похода завистливо подметит, что у стройноногой одноклассницы «изо рта несёт чёрными липкими носками»¹⁴. Цитата, кстати, очень показательная в плане разговора о «стиле» романа, добавлю ещё одну — тоже про запахи: «Большинство мальчиков уже переоделись. Пахло от них отвратительно. Как будто мальчики по утрам натирали пальцы ног какашками Камки».

По ходу чтения нарастает обида за современных подростков, жизнь которых, конечно, гораздо насыщенней, интересней и разнообразней. Из романа психолога, как будто гидронасосом, выкачана вся психология. Правильно чувствуя, что подростковая литература (как и литература вообще) устала от «травм», и даже это «травмоговорение» пародируя (рецензия на роман «Отец»), противопоставляет ей Кузьминский не психологический реализм действительного бытия молодых людей, а некий идиоллический, стерильный «барби-мир», где принцессы (в отличие от собаки Камки) не какают. Обмен подобного «шила» на «мыло» «травмы», может, и равноценный (хотя на этом фоне и «травма» смотрится выгодней), но для художественной литературы — бессмысленный и беспощадный. Зато не бессмысленный, как видим, для книжного рынка, раз издан роман аж в самом «Лайвбуке». Получается, что (не устаю удивляться!) кто-то это читает. Ну, или просто смотрит забавно-шаржевые карандашные портреты персонажей, являющиеся иллюстративными подпорками для не «тянущего» самого по себе текста (как музыка для слабого стихотворения, превращающая его в «текст песни»).

Юлия Шляпникова ничтоже сумняшеся определяет жанр своего романа «Наличники» как «магический реализм» (при этом великой латиноамериканской троицы, похоже, не читала совсем), который в понимании юной писательницы выглядит примерно так: «ну это там, где призраки всякие есть, привидения там». Заботливо «придушивая» читательскую свободу истолкования, разжёвывает автор в предуведомлении и главную мысль своего произведения: «“Наличники” родились из мысли “а что может заставить человека вернуться в родной маленький город и остаться там жить?”» Сам же текст, не церемонясь, с ходу ошарашивает такой прелестью, как «пернатые петухи» и глубочайшим наблюдением: «Мы все разные, так что и время для каждого из нас течёт по-разному. Именно об этом моя история»¹⁵. Ну и далее вяло скрипит понурый нарративчик, не радующий ни магией («призраки могли рассказывать чудесные истории о своих жизнях» — вот и вся магия), ни реализмом, если не считать таковым косноязычные попытки описывать реальность неподъёмными фразами вроде «придавала больше эстетичности обработкой». В общем, Кортасару, Маркесу и Борхесу явно не по себе. Одна из заботливых сносок, однако, поясняет, с чем по неопытности начинающая писательница перепутала «магический реализм»: «Ромфант — романтическая фантастика, жанр, появившийся в начале XXI века для женской аудитории». Теперь понятно. И это тоже кто-то читает, популярность сайтов типа «Author.Today» тому порукой. Всё это было бы смешно, если бы не привкус полынной горечи («Наличники», кстати, уже вышли в издательстве «По-

¹⁴ Белые, видимо, пахнут как-то иначе. Прямо зюскиндовский «Парфюмер», а не девочка-подросток...

¹⁵ Так интерпретационная свобода оказывается задушена окончательно: без самоуправства, пожалуйста, у нас же тут «магический реализм», отражающий действительность в её поступательном магическом развитии. Легко представить такое предуведомление во вступлении к «Игре в классики», к «Сто лет одиночества» или к «Саду расходящихся тропок», не правда ли?

льнь») от того, что очередной сырец выдаётся за полноценное литературное свершение, а поощрение в виде выхода в финал крупной премии провоцирует толком неоперившегося автора и далее заводит этот буквенный тарантас, дребезжащий от натуги и грозящий развалиться чуть ли не на каждом абзаце.

Ангелина Малютина с романом «Вася включил китайскую народную музыку» — хоть и слегка помастеровитей Шляпниковой, но тоже ничем не радует и не удивляет, а вот разочаровывает многим: привычно изнурителен синтаксис («Абсолютное преимущество жизни на первом этаже начиналось от малого количества ступенек до нужной квартиры и там же заканчивалось»), «неподражаемый образ, сочетающий опухший нос и голливудскую укладку», «из забот остался только завтрашний будильник»), избыточны, мутны и громоздки предложения («Занятая ночь не даёт шанса проявить слабину»), дремуче-претенциозны образы и метафоры («мягкий голос извне встал бетонным забором между Ритой и её планами», «Чужое горе задело силки и осталось в ловушке, тревожа сложившего ружьё охотника»), речь частенько отдаёт самой низкопробной канцелярщиной («Рита была новичком в сожительстве со сверстниками, поэтому действовала по наитию в рамках своей скромной личности»), психология же одномерна, как блин («Мысли о неминуемой смерти отлично сочетались с видом умирающей улицы»). Стремление проявить оригинальность собственного видения в сочетании с предельной неумелостью словесного выражения этого видения столь навязчиво, что мгновенно сводит всю возможную самостийность к нулю: «Рита нашла себя спящей за столом в позе сдвинутого колеса грузовой машины». Конечно же, не обошлось и без умопомрачительных открытий и прозрений («идеальный внешний вид решает многие жизненные проблемы»). В редких случаях эту неуклюжесть можно счесть приёмом, странной попыткой стилизации под Платонова, но каждый из таких моментов «придавлен» печатью случайности, неосознанности «находки»: «мечтала увидеть свою кровать и погладить её хотя бы взглядом», «мастер-класс по изготовлению исторически достоверных бубликов», «дыхание кусающей осени».

Персонажи романа говорят и думают, как запрограммированная про-износить определенные слова нейросеть, при том что нейросеть сгенерировала бы их внешнюю и внутреннюю речь лучше. Так, вставная «исповедь» заглавного Васи пестрит оборотами типа «все прошлые года я был отродьем, эгоистичным куском сахарной плюшки», «женщина, родившая меня» etc. «Исповедь» эта становится развязкой практически утонувшего в необязательных деталях и пояснениях блеклого сюжета и отличается жуткой театральностью (она даже разделена на «акты»), контрастирующей с реалистическим ключом остального повествования. Излишне говорить, что этот вставной театрик с котурнами, гримом и высокопарными признаниями («пытался отрезать себя от мира, ведь я будто никогда и не был его частью», «Я был мерзавцем. Я чувствовал себя мерзавцем») никак композиционно не оправдан и не обоснован. Несуразный пафос проникает даже в сноски: в частности, о жирафе Самсоне поясняется, что он в Московском зоопарке «обрёл своё вневременное убежище».

Примечательно, что в биографической справке Малютина («автор многочисленных личных дневников и детских стишков», к слову) признаётся, что «пишет каждый день с шести лет», множит книги на близких к ксероксу скоростях Дарьи Донцовой («Написала первую книгу год назад, вторую — полгода назад») и «мечтает своими произведениями вдохновлять и поддерживать читателей). Как почерпнуть из подобного письма «вдохновение и поддержку» — вопрос из риторических, но высокий гуманистический посыл очевидно не воплощён, ибо следование античному призыву «ни дня без строчки!» не отменяет чрезвычайно обременительной для нынешних «тридцатилетних» необходимости вычитывать и отделять текст. А квалифицированные литредакторы, к сожалению, вымирают как таковые.

Главным (а по большому счёту единственным) светлым пятном этого шорт-листа стал для меня не стяжавший никаких призов цикл (включающий повесть и рассказы) саратовца Максима Симбирёва «Забытьё». Кажется, ему пусть ещё не слишком уверенно, но всё же удаётся нащупать модернистский баланс, золотую середину между воображением и реальностью, не выпячивая при этом первого и не обедняя, не редуцируя вторую. В повести¹⁶ «Жертва» Симбирёв осуществляет многомерное художественное исследование феномена «жертвенности» — с неослабевающим нервом, но без скоса в сторону пресловутой «травмы». Грамотно локализовано место действия, вынесенное в названия глав («Квартира мамы», «Квартира бабушки»). Очевидно автобиографический, но тонко художественно преобразённый главный герой Максимка сообщает повести должный градус классической (в толстовско-русоистском духе), а не «надутой» исповедальности. Герои и ситуации в кои-то веки не проваливаются по критерию жизнеподобия. Язык чист, телеграфно плотен и в то же время потоково стремителен. К месту использованы метафоры и сравнения («запах охватывал, прилипал и скоростным поездом нёсся в ноздри», «опоры линий электропередачи стоят, словно мачты после шторма»). Где надо появляется (а где не надо — не появляется, что не менее важно) ирония. Во внутренние монологи умело вкраплён органичный им диалогизм и «пунктирность» непосредственной дрожи переживания («мама — живёт — человеческой жизнью — у мамы — больше времени — Максимка — живёт — человеческой жизнью — Максимка — не одинокий»). Прямоговорение здесь действительно даёт внятность, чёткость посылки, а не вырождается в очевидность очевидного («Мама всё равно гладила по голове и говорила, что Максимка самый лучший, но мне было мало, я чувствовал фальшь»). Со знанием дела использован приём перехода с первого лица на третье (и обратно), призванный подчеркнуть самообъективацию героя в «пограничных» стрессовых ситуациях («Больше Максимка не умирает»), по делу употребляется и концентрирующее экспрессию «цветаевское» тире. Традиции отечественного психологизма усвоены в полной мере: даже эротической сцене первой близости (на которых спотыкается чуть ли не каждый первый «молодой писатель») — веришь: «Пахнет резиной. Руки в смазке. Максимка нависает над Соней, словно обезьянка. Соня лежит, раздвинув ноги. Она похожа на куклу из детства». Жёсткая внятность сбалансирована с набоковским «плетением». Тень «паука Набокова» вообще вполне закономерно (а не притянута за уши) нависает над повестью эпиграфом из «Дара» и блуждает по «квартирам» её глав. При этом удивительным образом Симбирёву удаётся «повенчать» Набокова с его абсолютным антиподом — Достоевским.

Рассказы, в общем, отличаются теми же достоинствами, хоть и сделаны попроще. В цикл они не просто собраны, но объединены единством авторского сознания и цельнооформленностью оптики, в основе которой трезвый иронический взгляд на действительность, но ирония эта не постмодернистски-разрушительная, а романтически-«защитная». А защита действительно требуется, потому что слишком много в сознании сквозного героя инфантильного. Но автор об этом инфантилизме знает, работает с ним, рефлексивно острая и препарировав всё, что в герое сопротивляется взрослению. Незрелость героя, таким образом, претворена с писательской зрелостью. «Литературность» насыщенных (а не напичканных) разнообразными аллюзиями рассказов («Филфак» и др.) тоже не постмодернистского покрова и потому не раздражает. Это не центон-палимпсест, но напряжённое осмысление словесности как профессии и как своего дела, литературное прожива-

¹⁶ Наконец-то случилось жанровое попадание, и перед нами действительно — повесть (от — «повествовать») без ложного замаха на «эпос частной жизни», хотя эпоса (как, впрочем, и лирики) в ней значительно больше, чем в представленных в финале «романах».

ние литературы в себе и себя в литературе, полноценная метапрозаическая рефлексия. Цитаты у Симбирёва по-мандельштамовски «цикадны», они не замыкаются на себе, а реально участвуют в конструировании динамического и многослойного мыслеобраза: «Шаламов с трудом дошёл до остановки, как будто путь создавал Васильев из группы «Сплин»». Мне импонирует симбирёвский зрячий, осмысленный подход к письму, выделка стиля (а стиль, вспоминая Бюффона, — «это человек»), которой так остро не хватает остальным «шортерам». У каждого рассказа есть собственный «ключ», своя «необщность» — будь то полилог «говорящих симулякров», ситуативные зарисовки, стилизация некролога и комментариев к нему или художественно мотивированные фантастические допущения. Пожалуй, только совсем короткие рассказы («Звонок» и др.) выбиваются из цикла, смущая своей «конспективностью». Есть ощущение, что Симбирёву не стоит останавливаться на рассказах и повестях. Кажется, он может замахнуться на роман — настоящий роман, а не то, что обычно именуется таковым в коротких списках «Лицея». Будем посмотреть.

Теперь можно и к выводам.

С жанром «тридцатилетние» не справляются совсем, со стилем тоже, равно как с характерологией, психологией и рефлексией над «вызовами времени». Их потолок пока — автобиографический очерк невысокого уровня с необоснованными претензиями на художественную прозу. В несчастных же случаях отхода от автофикшна и включения воображения тут же обнажается его натужность, обнуляющая жизнеподобность (и жизнеспособность) текста. Аристотель не просто так говорил о лежащем в основе творчества «мимесисе», подражании природе. В подавляющем большинстве представленных на «Лицей» произведений этой со-природности, естественности движений души, «диалектики» этой самой души — кот наплакал. Почти всё тускло, блекло, вяло, одномерно.

Современный «тридцатилетний» прозаик твёрдо усвоил, что выдумывать ничего не надо¹⁷, что можно выехать на голый документальности и «правде жизни», абсолютизовав этот «метод» и доведя его до абсурда. Но художественная правда не равна жизненной, она подразумевает при-думывание, во-ображение (воплощение в образы), фантазирование. Если писатель не хочет/не может собственно сочинять, ему имеет смысл задаться логичным вопросом: а нужно ли вообще писать прозу? Может, лучше сразу — мемуары.

Ещё Лев Толстой, как мы помним со школы, определял внутреннюю самостоятельность личности через способность к духовной эволюции, к «нравственным исканиям». И делил по этому признаку своих героев на «живых» и «мёртвых». У сегодняшних молодых прозаиков персонажи, кажется, не развиваются вообще — они просто «даны нам в ощущениях», весьма примитивных. Хуже того: судя по всему, авторы и не понимают, зачем такое развитие вообще нужно. Потому и нет в их романах, повестях и рассказах (в меньшей степени) «позвоночного столба» (в лучшем случае — его слабая нарративная имитация), и, соответственно, текст «обмякает», едва стартовал.

Бросается в глаза обилие обращений к детству, отрочеству и юности, которые рядом с трилогией Толстого или даже с «Детскими годами Багрова-внука» Аксакова никак не поставишь. Как и стенания о проблемах жизни в глубинке (равно как и елейное воспевание этой жизни) не поставишь рядом с прозой «деревенщиков». С печалью вспоминается «дистиллированная

¹⁷ А в тех случаях, когда всё же начинает выдумывать, — уж лучше бы не начинал...

вода», которой «жизни не хватало», из соответствующего стихотворения Леонида Мартынова. Потому и высказанный в одном из интервью оптимизм председателя экспертного совета премии Романа Сенчина, верящего, что кто-то из «тридцатилетних» напишет что-то великое о дне сегодняшнем, я разделить не могу. Хотя и очень хотел бы.

Литература — дело одиночек и дело одинокое. Уникальность и самостоянье художественного высказывания в ней всегда будут ценней и важней задним ли, передним ли числом, но всегда с долей утрирования выведенных поколенческих признаков. Хемингуэя ведь мы любим как Хемингуэя и уже во вторую очередь как представителя «потерянного поколения». Поколение сегодняшних «тридцатилетних» я назвал бы растерянным. Но для читателя и литературы важней не объединяющая «растерянность», а разделяющая неповторимость художественной реализации.

Болезненное желание расковыривать однообразные душевные «болячки» душит на корню «вымысел», над которым благодарный читатель мог бы «слезами облиться», или низводит его до низкопробной фантастики / фэнтези. В итоге не получается толком сказать ни о времени, ни о себе.

От мысли о том, что более тысячи ежегодно подаваемых на «Лицей» прозаических заявок, десятки тысяч страниц прозы, уступают очень редко и/или ненадолго выходящим за ограду любительского сочинительства творениям финалистов, — становится не по себе. Я очень рад буду ошибиться, но критическая трезвость диктует мне уверенность в том, что эти тексты не переживут не только своё время, но вряд ли доживут и до следующего сезона, когда будут смыты очередной подкрашенной водичкой упражнений молодых романистов и рассказчиков. Такова инерция медийного воспроизведения и раскрутки попадающих в орбиту «Лицея» текстов. Механизм этот недавно наглядно вскрыл много лет специализирующийся на «лицейской» прозе¹⁸ критик Антон Осанов, с горечью разочарования подводя итоги Девятого сезона: «Премия «Лицей» превратилась в маленькую «Большую книгу» — безопасный отбор благопристойных консенсусных текстов. Вместо поиска неизвестных рукописей, вместо тематической и жанровой смелости вот уже второй сезон «Лицей» занимается в прозе отбором сервильных издательских проектов, зачастую руками представителей этих самых издательств»¹⁹. Такое себе занятие, честно говоря.

Говоря словами поэта, который вряд ли бы по доброй воле отдал премии «Лицей» своё имя, — «унылая пора». Только вот «очам очароваться» практически нечем. Однако ежели, вопреки всему наличествующему пессимизму, из нынешних лицейских семян вырастет хотя бы пара-тройка деревьев, способных обогатить роскошный лес отечественной прозы, — можно будет только порадоваться. На эту призрачную радость и остаётся уповать.

¹⁸ Правда, изгнанный из соответствующего вк-паблика из-за жалоб особо ранимых и обидчивых молодых прозаиков. В царстве победившей «тоталерантности», слёзок от каждой царапины и прочей «снежинковости» иначе и не бывает, увы...

¹⁹ А. Осанов. Во что превратилась премия «Лицей»? — <https://vk.com/@580885829-vo-chto-prevratilas-premiya-licei>.

ПЕРСТ УКАЗУЮЩИЙ, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ СЧЕТОВОДА САПОГОВА И ПИОНЕРА КОСТИКА

Михаил Елизаров. Юдоль. — М., АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2025.

В «Похождении бравого солдата Швейка» главный герой делится воспоминаниями о своём счастливом пребывании в сумасшедшем доме. Там собрались разного рода достойные личности. Обильно представлена в заведении и академическая среда: «Познакомился я там с несколькими профессорами. Один из них все время ходил за мной по пятам и разъяснял, что прародина цыган была в Крконошах, а другой доказывал, что внутри земного шара имеется другой шар, значительно больше наружного». Новый роман Михаила Елизарова — неожиданное, нелинейное продолжение его премиальной «Земли». Насколько «Юдоль» может оказаться больше, значительнее предыдущего романа, и предстоит нам разобраться.

Немногие современные отечественные романы могут зацепить читателя, привыкшего к разным вывертам и ходам. Но Елизарову это удается с первых строк:

«Сразу после выхода на пенсию Андрей Тимофеевич Сапогов решил продать душу Сатане. А до того сорок лет просиживал штаны в окраинном собесе».

Первые страницы романа обещают высокий темп повествования. После маргиниденовских страданий, связанных с неудачными любительскими колдовскими экспериментами, Андрей Тимофеевич буквально взлетает на вершину провинциального сатанинского комьюнити. Прорыв в карьере обеспечивается приобретением

реликвии невиданной тёмной силы — потерянного пальца Сатаны. Его на своей ничем ни примечательной руке носит школьник Костя. Сапогов буквально отгрызает перст Темнейшего. Вооружившись им, он отправляется покорять провинциальную сатанинскую тусовку, собравшуюся на ежегодный слёт в местном доме культуры. Но для тех, кто рассчитывает на дальнейшее нарастание действия, приготовлен сюрприз. Очень большое место в романе занимают эпизоды мистико-философских диалогов, которые ведёт туповатый Костик с Божьим Ничто.

Теологические вставки могут вызывать двоякие чувства. Для эстетов попроще они повод в поисках сатанинского экшена ускорить чтение романа, пропустить скучные онтологические и этические выкладки. Но и для подкованной аудитории, знающей, что у Мартина Хайдеггера есть известное сочинение «Бытие и время», а также менее известное, но не менее глубокое «Время и бытие», и увлечённо разбирающейся в гностических премудростях, точнее, прелести текста, — приготовлена своя ловушка. Вот обозреватель одной из последних газет страны торжественно итожит: «Но все-таки главная дихотомия романа — это не колдуны и «обычные люди», а дихотомия Сущего и Бытия, кантовских ноуменов и феноменов, неглубокой реальности, воспринимаемой человеческим мозгом, и трансцендентной, божественной Глубокой Реальности».

Перед нами, по сути, парафраз мистических, «тёмных мест» романа. Можно и таким образом, попав под несомненное обаяние книги, признать её силу и влияние на человеческий мозг. Но, на мой взгляд, подобное говорит отчасти о «неглубокой реальности» преломления «Юдоли» в сознании уважаемого критика. Мне бы хотелось рассмотреть новую книгу писателя в историческом измерении, приблизить его к нашему сознанию.

Ещё со времён первых рассказов писателя многие отмечали его особую фото- и фактографическую привязанность к эпохе позднего Советского Союза. После появления «Мультиков» и «Библиотекаря» мнение укрепилось и стало почти общим местом в отношении писательской манеры Елизарова.

И в «Юдоли» мы видим примеры почти «физиологических очерков», посвящённых позднесоветскому быту. Вот описание внешнего вида временного хранителя пальца Сатаны: «Костя носит синюю школьную форму. На пиджаке, где отлетела алюминиевая пуговица, пришит соразмерный протез. Нарукавный шеврон, изображающий солнце и раскрытую книгу, аккуратно надорван сверху, чтобы использовать его как дополнительный карман. Под пиджаком голубая рубашка и алый галстук с замусоленными концами. С наружной стороны лацкана приколот пионерский значок».

Описание мира оставляет странное, двойное впечатление. Зрительная точность сочетается с угнетающей монохромностью изобразительного ряда. Такое ощущение, что перед нами набор фотографий. Их быстрая смена даёт иллюзию движения, но мы знаем, что это обман. Сознанию хочется открыть причину этого словесно-зрительного обмана. Писатель, впрочем, даёт некоторые подсказки. Вот сцена, относящаяся к периоду становления Сапогова, когда он пытается наладить контакты с представителями сатанинского общества. Ведьма Макаровна нехотя проговаривает некоторые вещи, которые неприятны романтически настроенному счетоводу:

«Ведьма подносит блоседчко к губам и сплёвывает обсосанный грильяж — будто выпал гниловатый зуб:

— От него тоже, старичок, помощи не дождёшься. Сатана никого не спасает...

— Это почему же?! — застывает Андрей Тимофеевич за начальство. — Кого попало он, может, и не станет выручать, а своих верных помощников уж точно в беде не оставит!

— Уверен?

— Не сомневаюсь! — убеждённо отвечает Сапогов.

— Романтик ты, Тимофеич. Как в народе говорят, на чёрта надейся, да сам не плошай! Ты же слышал, как сказал Валерьяныч. Сатана и себе помочь не в силах...

— Я что-то не пойму... — Сапогов резко отодвигает чашку. — Вы вообще за Сатану?!

Вопрос точно из фильма про Гражданскую войну или революцию.

— Я-то?.. — переспрашивает Макаровна. И придурковато, как Мона Лиза, улыбается. — Да как тебе сказать...

— Прямо!

— Ох, Тимофеич... — ведьма вздыхает. — Не обижайся, хоть и выдали тебе рога и пятна, но в делах наших ты ещё ни аза не смыслишь! Хочешь знать, за кого я? А за саму себя! И ещё за то, чтоб не умирать подольше».

В последнем замечании Макаровны — «И ещё за то, чтоб не умирать подольше» — заложен код, который раскрывает ещё одну неявную отсылку романа. Я говорю обо всем известной «Сказке о потерянном времени» Евгения Шварца. Почему в мире Елизарова «злые волшебники и волшебницы» не «пропали, как будто их и не было на свете», а вполне основательно прописаны в действительности? Ответ содержится в романе. Напомню, что юные балбесы Шварца смогли победить нечисть не тем, что они бросились изучать таблицу умножения или принялись остервенело выстрегивать скворечники. Нет. Они победили за счёт своего же раздолбайства. Петя Зубов забрёл в тёмный лес, в котором и обнаружил логово зловредных стариков. Своих же товарищей по несчастью, также превратившихся в стариков, Петя идентифицировал самым нормальным, естественным образом: «Посмотрели Петя и Наденька и вот что увидели: летит трамвай, девятый номер. А на «колбасе» висит старичок. Шапка лихо надвинута на ухо, борода развевается по ветру. Едет старик и посвистывает. Товарищи его ищут, с ног сбились, а он кагаётся себе по всему городу и в ус не дует».

Костик — второй главный герой «Юдоли» — формально также принадлежит к трудным детям. Но сравним его действия с похождениями разухабистых сорванцов Шварца. Да, он пропускает школу. Но при этом он не рассекает по улицам, не стреляет из рогатки, а по-стариковски отсиживается дома. Пенсионером его сделало время — эпоха падения империи, когда она зависла над бездной, сохраняя внешнюю монументальную статичность, но сила земного притяжения фатально обрекает её на неизбежное обрушение. Для любителей необязательных, хотя и глубоких ин-

тригующих параллелей отмечу интересную деталь. В имени Пети Зубова заложено двойное значение: Пётр, как мы знаем, означает в переводе с латинского «камень». Оно усиливается «клыкастой» фамилией Пети. Крепким во всех смыслах хулиганам сталинской эпохи и противопоставляется юный герой Елизарова. Да, в имени Кости вроде бы есть отсылка к чему-то твёрдому. Но паренёк хлипковат. Поэтому и Сапогову практически без труда удалось своими старческими челюстями (зубы, конечно, прорежены временем) ампутировать безымянный палец — пропуск в inferнальный мир.

Обратим внимание на неожиданное замечание по поводу «гражданской войны» или «революции». Эти слова звучат диссонансом миру «Юдоли». Комиссарское замечание Сапогова: «Я что-то не пойму... Вы вообще за Сатану?!» Противоречие заключается в том, что «революция» и «гражданская война» чужды романному пространству. Последние понятия абсолютно стёрлись ко времени так называемой перестройки — периоду угасания всяческих смыслов, превратившись в набор клише и шаманского бормотания. Не зря в одном из эпизодов выныривает известный «целитель» конца восьмидесятых. Под деревянный голос Кашпировского вся страна раскачивалась на табуретках перед телевизорами, сляясь впасть в транс. К сожалению, последующие события показали, что это получилось. В одном из «тёмных мест» романа говорится об уничтожении связи между словами и вещами. Это хорошо соотносится с центральной, на мой взгляд, главой, описывающей слёт областных сатанистов в доме культуры имени Виленина. Слиплись не просто буквы, всё пространство оказалось заполнено переставленными, дико соединёнными словами. И конец этого мира запрограммирован. Рано или поздно случайный набор звуков сложится в заклинание, которое и уничтожит засыпающий, ненужный самому себе мир:

« — Войну! — дружно просят люди.

Корец кивает, по-обезьяньи выдвигнув вперёд нижнюю челюсть, гундошит под дворовые аккорды:

Между Небом и грешной Землёй!..
Между Господом и Сатаной!..
Каждую среду и каждую ночь...
Война-а-а!..

Гитара звучит рыхло и глухо, словно сделана из картона. Это обычная «ленинградка», переделанная под шесть струн. На жёлтой фанерной деке переводные картинки и рисунки фломастером.

Под стать отсыревшему инструменту невыразительный голос исполнителя:

Я хотел бы остаться с тобой!
Но я демон с перебитым крылом!
С перебитым серебристым крылом!
Облом!..»

Безусловно, что последнее — облом, быть может даже весьма болезненный, — должен испытать и читатель. Виктор Цой — одна из немногих фигур консенсуса по отношению к эпохе середины — конца восьмидесятых. Его признают и ему симпатизируют неформалы, представители крупного бизнеса, не менее солидные патристические мыслители. Но в мире «Юдоли» автор «Звезды по имени Солнце» причисляется к одному из областных во всех смыслах представителей сатанинского сообщества. Тем самым подчёркивается абсолютная принадлежность всего «перестроечного мира» к тёмной стороне истории. Обратим также внимание на характерную оговорку в отношении Цоя, названного не «Робертовичем», а «Кимычем». Перед нами явная отсылка к когда-то известному барду и сценаристу Юлию Черсановичу Киму, который в середине шестидесятых годов принимал активное участие в диссидентском движении. Понятно, что связь между «Кимычем» и Кимом не столько этническая, сколько идейная. Шестидесятники плавно трансформируются, перетекают в восьмидесятников. Если первый пел «Я не разбойник и не апостол, и для меня, конечно, тоже всё не просто», то для Кимыча всё ясно и просто — он не неудачливый жулик с придурковатыми напарниками, а «демон с перебитым крылом». Учитывая общую убогость и провинциальность сатанинского слёта, претензии Кимыча на тёмное, мрачное величие выглядят не менее жалко.

Парадокс в том, что адские прислужники в реальности являются как раз неуклюжими мошенниками и метафизическими попрошайками, разом потерявшими остатки профессиональной гордости и своего лидера — сына турецкого подданного. Перед нами скитающиеся по мелким городам и посёлкам городского типа Паниковские, Балагановы, Козлевици. Интересно, что Елизаров использует не такой уж и частый приём в русской литературе — в тексте присутствует закадровый рассказчик-комментатор. Самый известный пример такого рода — «Бесы» Достоевского. Так в неявной форме обозначается литературное происхождение и генеалогия вселенских тёмных сил областного масштаба.

Мы знаем, что в современной русской литературе есть ещё один автор, любящий использовать говорящие, прозрачные имена для своих героев и так же свободно комбинировать реальность с фантазмагорией. Речь, конечно, идёт об Александре Андреевиче Проханове. Между двумя писателями присутствует определённое понятное сходство. Но укажем на важное несоответствие. При всей отрицательности прохановских антигероев они встраиваются автором в гигантскую космогоническую картину, где разворачивается онтологическая война между Добром и Злом. Поэтому персонажи Проханова несколько увеличены в размерах. Это такие серьёзные средние бесы. В мире же Михаила Елизарова адепты тёмных сил довольствуются пацанскими историями о своих героических победах. Даже областной лидер сатанистов Валерьяныч на том же слёте ударников по светлым силам вынужден для поддержки своего сомнительного авторитета развлекать неофитов рассказами о целой серии выигранных битв:

«— Как сейчас помню тот день! — развязно бахвалится перед колдовской молодёжью Прохоров. Даже ногу отставил в сторону на стоптанный каблук. — Двадцать девятое сентября одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года! Мною был повержен и уничтожен апостол Андрей Первозванный! Раздавил я божьего прихвостня!..

— Уж не этим ли нуждающимся в починке штиблетом, дорогой Валерьяныч?»

Хвастливый, не знающий меры Валерьяныч не успокаивается:

«— А потом пошло-поехало! — продолжает как ни в чём не бывало Прохоров. — Тринадцатого ноября восемьдесят восьмого я аннулировал Сергея Радонежского, а аккурат через неделю сразил Николая Угодника, святого негодника! Больше не почудесит! Но настоящий триумф ждал меня, ребятки, в поединке с архангелом Гавриилом! Не поздоровилось крылатому трубадуру Гаврюше!..»

Отдавший душу Сатане, но тем не менее профессионально честный (бывших счетоводов не бывает) Сапогов пытается устыдить разошедшегося лидера, напомнив тому его же недавний драматический рассказ: «Наведывался я в церковь одну за упокой ставить да свечки поминальные тырить. Месяц хожу, второй хожу... Кто-то за плечо трогает. Оборачиваюсь — здрастье-мордасте! Святые, понимаешь, как были босые, повывлазили с образов: Николай Чудотворец, Серафим Саровский, Сергей Радонежский, Тихон Задонский, Даниил Московский, Пантелеймон Великомученик — вся божья шобла! И как начали меня без предупреждения метелить ногами! Я кричу: «Суки, все на одного! Николай, Серёга, Тихон! Давайте один на один махать, по-честному!» Да куда там! Били всей толпой! Тихон, подлец, на мошонку пяткой наступил, а Богородица хихикала, ладошкой рот закрывала! Потом дома месяц отлёживался».

Перед нами типичные представители уличной шелупони, которых бьют, когда их замечают. Поэтому они, конечно, верные последователи Темнейшего, но стараются перевести свою службу в русло необременительного вредительства соседям по коммунальной квартире. Эффективность их манипуляций со слюной и остатками волосяного покрова недругов также вызывает серьёзные сомнения. Ужас в том, что историю не всегда вершат Александры Македонские. Не так редко на большую сцену неведомая сила выталкивает жалкие фигуры, которые своими действиями рушат миры, не понимая того, что они делают. Есть ощущение, что Елизаров находит точную историческую форму отражения нашего одновре-

менно и недавнего, и уже такого далёкого прошлого. «Юдоль» в этом отношении непростой, но исторически точный роман. Сквозь оккультную дымку внезапно возникает картина мира, которую почему-то не хочется видеть.

Михаил ХЛЕБНИКОВ

КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ

**Лидия Григорьева. Термитник:
Роман в штрихах. — С.-Пб.:
Алетей, 2020–2025.**

Необычная трилогия Лидии Григорьевой, ставшая предметом горячих обсуждений в литературном мире, привлекательна уже одним своим названием. Оно универсально, поскольку многое проясняет в содержании книги, в ее композиционной организации, а также в жанровых и языковых особенностях. Что такое термитник? Это — надземная часть жилища термитов. Причудливое сооружение с многочисленными ходами и камерами, грибовидной, конической или вытянутой формы. Важно, что термитники постоянно надстраиваются, пока жива колония обитающих в них термитов. Все эти определения неизменно вызывают ассоциацию с человеческим сообществом.

Люди, подобно насекомым, постоянно копошатся, что-то делают, куда-то бегут. В сущности, это типичная жизнь мегаполиса. О тараканьих бегах термитоподобных жителей больших городов и повествует нам эта книга. Хотя почему только больших городов? Лидия Григорьева тщательно изучает человеческое сообщество, разбросанное по всем, даже самым отдаленным уголкам мира. Причем ее взгляд не скользит по поверхности, а проникает вглубь, в ту самую невидимую, подземную часть красивого сооружения, которую обычно стараются не показывать. Но именно эта подводная часть айсберга и дает подлинное представление о нашей жизни.

Не случайно излюбленной формой повествования автора «Термитника» является монолог. Герои коротких рас-

сказов (а всего их 120, по 40 в каждой части трилогии) нередко говорят от первого лица, благодаря чему мы видим ситуацию как бы изнутри, не в самом приглядном, а точнее, в подлинном свете.

Читая эти истории, я несколько раз ловила себя на странном ощущении: как будто меня погружают на дно темного подвала, где почти нет света и мало воздуха. Скорее всего, это чувство связано с особым, даже уникальным авторским взглядом на мир. Эти бесконечные катакомбы — не что иное, как подвалы человеческой души. Рассказчик ведет нас по ним, как по лабиринтам, в надежде на то, что мы не струсим. Не испугаемся зловонного запаха тления или случайно прошмыгнувшей из-за угла мыши.

Ведь за годы в душах скапливается много всяческой грязи. А уж сколько в них страшных тайн — одному богу известно. Но Лидия Григорьева наблюдает за человеческим муравейником, смотрит на него скорее с иронией, нежели с ужасом. Ирония еле заметно, но все же ощутимо сквозит в строках ее коротких рассказов: «Он никогда не думал, что может так низко пасть! А тут пошел выгуливать ее таксу, поскользнулся, упал, разбил очки, долго елозил вслепую по грязному тротуару в надежде, что найдет их целыми, выпустил из рук поводок, эта мерзкая сучка дала деру, и он понял, что Жанна его никогда не простит, что жить ему больше негде.

И он — заплакал».

В сущности, несколькими штрихами обрисована частная человеческая трагедия. Но при этом ситуация кажется почти анекдотической — настолько нелепым и смешным является повод для расставания. Но такова ирония нашей жизни.

Слово «термиты» (по крайней мере, в том контексте, как его употребляет автор) дают важный отсыл и к жанровой специфике книги. В послесловии Александра Карпенко приводится авторская цитата: «я пишу термиты как бы взахлеб — на одном дыхании...»

Здесь, как выразился бы сам автор, возможна автозамена. Есть же новеллы, притчи, басни в прозе. А теперь есть еще и термиты — вполне себе новый жанр, способный привлечь литературоведов.

Ну и конечно же, термитник — это прямое указание на композиционные особенности произведения. Каждый из рассказов не существует отдельно, сам по себе, а становится очередной надстройкой одного огромного сооружения, где все продумано до мелочей. Эдакий особняк «Красная Роза» — такой же живой, дышащий, нескончаемый, как и у Стивена Кинга.

Сомнения в целостности замысла здесь не возникает, поскольку композиционных скреп хоть отбавляй. Одна только Вероника Хохлова — героиня, «кочующая» из тома в том, — чего стоит! Но дело не только в повторяемости персонажей (а с некоторыми из них, как, например, с живущими в Бельгии Надей и Игнатом, автору удается создать целый цикл историй), но и в единстве авторского замысла, и в общности сюжетных поворотов, и во многом другом. Так что, в сущности, перед нами не что иное, как роман в рассказах или, используя определение самого автора, «роман в штрихах».

Ни для кого не секрет, что фрагментарность, дискретность повествования, его нарочитая прерывистость, ломающая традиционное читательское сознание, — характерная черта постмодернистского сознания. Не так давно я писала рецензию на книгу Александра Чанцева «Духи для роботов и манекенов». В ней мы сталкиваемся с похожей тактикой повествования: сюжет тут условен и представлен не последовательными событиями и действиями героев, а сквозными образами-модулями авторских идей. При этом сам Чанцев выбранный стиль «рассказов в заметках» обосновывает так: «фрагмент — это единственный доступ к бесконечному».

У Григорьевой это работает несколько иначе. Создавая текст на стыке разных жанров, она все же умудряется остаться в пределах реалистической картины мира. Характерная для современной прозы аморфность сюжета в её книге отсутствует — есть конкретные истории и частные судьбы, спрессованные в короткие и поучительные истории. О фрагментарности же уместно говорить применительно не столько к методу изложения материала, сколько к стратегии выстраивания художественной картины мира. Как уже было сказано, каждый рассказ

мыслится как часть единого целого, как кирпичик единого здания.

Книга многоголоса — с нами говорят представители разных социальных слоев. И простые рабочие, и мелкие служащие, и олигархи, и беженцы, и мобилизованные, и новые русские. Нередко за частными судьбами встают страницы российской истории. Вот откровения эмигрантки, скучающей в Англии, в то время как сын ее «ушёл служить в советскую армию, оказался сейчас в российской, хотя никто еще толком не понял, что это такое...». Вот зловещая фигура «оборотня в погонах» — большого начальника в военном ведомстве, страдающего внезапными приступами лунатизма. А вот история несчастной Анны, работавшей в вечерней газете, которая «в перестройку, еще до перестрелки» была необычайно популярной среди читателей. Угораздило же ее влюбиться в гея!

Каждый новый том — новая эпоха. В третьем томе все чаще звучат отголоски нашего недавнего пандемического прошлого и нынешнего военизированного настоящего. Извечная тема человека и истории — судеб, перемолотых ее жерновами, — звучит все отчетливее и драматичнее.

«...Дед говорил, тогда коза их от смерти спасла. Козьим молоком кормились, выжили. Глядишь, и сейчас спасутся. Вот только доползти бы до козы, да отвязать, да дотащить упряму до подвала. Вот ведь принесла их нелегкая из Тюмени на юга, на дедовский хутор в донецкой степи. Отдохнули, называется, всей семьей, поели овощей и фруктов, что и говорить. Ох... лишь бы до козы добраться, когда обстрел закончится. А там и трава не расти...»

Однако внутренний, потаенный сюжет еще более привлекателен. «Подвалы человеческих судеб» — как раз то, что дало некоторым рецензентам право назвать «Термитник» произведением, близким по замыслу к «Божественной комедии». Когда мы читаем тот или иной рассказ, возникает такое ощущение, что в нем присутствует кто-то еще помимо самого героя. Как будто герой предстает перед кем-то незримым, но могущественным — способным просветить его жизнь, как рентгеновскими лучами. И в этом

есть некая исповедальность. Как будто всем рассказчикам дали изрядную дозу порошка честности — и они не смогли скрыть то, что давно таилось в их душах. Внезапные проблески откровенней — типичное для героев «Термитника» поведение. Вот как, например, рассказывает о своей жизни одна из героинь: «Бывало, как прицепится к ней мужик, так и тащится потом, как порожний прицеп. Тарахтит по колдобинам её судьбы, гремит бортами кузова. А отцепить жалко. В этом прицепе, глядь-поглядь, уже и поклажа житейская накопилась. Жалко бросить-то, в дальней дороге любая рухлядь может пригодиться. Вот хоть взять эту кошму из верблюжьей шерсти. Когда и зачем он ее привез в... дом, сейчас уж и не вспомнить. Такую хоть в степи постели, ею же и укройся, — так ни одна змея не заползет, не тронет. К чему это она... ах, да. Режиссёр он был...»

Как говорится, шила в мешке не утаишь. И герои выплескивают всю подноготную о себе. Иногда невольно. И тут помимо многоголосицы в повествовании слышны еще два автономных голоса — высшие, неземные голоса, пребывающие в постоянной борьбе за человека, чья душа — извечная арена добра и зла: «Человек слаб — он является заложником собственных страхов и фобий, он мелочен и жалок, жесток и мстителен. К тому же падок на соблазны», — утверждает первый антагонист. И в книге находится множество тому подтверждений.

Свекровь, не скрывающая своей ненависти к невестке, молодой начальник отдела, равнодушный к хорошему секретаршам, парень, которому нравилась девушка в розовой кофточке, но который женился на старосте курса в строгой белой блузке, герой, с малолетства ненавидящий «любые завязки-развязки, даже шнурки»... Все эти типажи невольно заставляют воскликнуть вслед за рассказчиком: «Что возненавидишь в детстве, то потом и аукнется. Как же тут без Фрейда».

Но тут сразу подключается другой голос, выступающий уже не в роли прокурора, а в роли адвоката. Он утверждает, что человек может быть велик духом и при желании способен преодолеть даже собственные страхи

ради высокой цели. Так любовь возвысила душу молодого менеджера Всеволода Кутузова, который «до дрожи в коленках боялся лифтов», но ради встречи с возлюбленной «просидел в лифте около восьми часов и даже не заметил этого».

«Да, но человек смертен — а порой еще и внезапно смертен!» — побулгаковски восклицает голос антагониста. Действительно, в трилогии полно красивых (и не очень) историй со смертельным исходом. Их так много, что от каждого рассказа начинаешь невольно ждать трагической концовки — и нередко эти прогнозы себя оправдывают. Провалившийся под лед школьный автобус с детьми, богачка Матрона Нифантьевна, пришедшая на выставку своего зятя и погибшая там от внезапной вспышки «громоздкой железной штуковины», пианистка Катя Лихолетова, которая «как-то неудачно повернулась» и наткнулась на острый нож от брелока... Истории кажутся нескончаемыми, и даже хочется воскликнуть: «Так же не бывает!» Но именно так и бывает — и лихая пуля находит виновных, и божья кара постигает виновных, и самые красивые, яркие планы разбиваются о лодку несчастного случая.

Но человек помимо своей внезапной смертности обладает еще редкой способностью выживать в экстремальных условиях — даже на войне, под пулями, или в чужой неведомой стране. Было бы во имя чего жить и за что бороться.

Да, жизнь трагична и непредсказуема в основе своей, и если задумываться об этом постоянно, то можно сойти с ума. Но автор «Термитника» выбирает иной, гораздо более продуктивный путь — слегка посмеяться над всем, подняться над ситуацией, а не увязнуть в ней по уши.

Как может это сделать писатель? Разумеется, с помощью языка. Языковая игра на грани абсурда — фирменный знак Лидии Григорьевой. Аллегория, алогизмы, парадокс, притча, каламбур — все это действительно близко автору. Но более всего, как мне кажется, причудлива здесь игра с многозначными словами. На столкновении разных значений одного и того же понятия, на абсурдном и комическом сопоставлении различных речевых

ситуаций, которыми эти значения обрастают, нередко строится сюжет рассказа: «В первый же день посадила на кофточку жирное пятно! И разлюбила. Но не кофточку, а мужа. Хотя в нем самом никогда не было ни жиринки...» Всего три предложения. А история кажется цельной и завершённой. В ней хватает и горечи, и доли юмора. И она понятна любому читателю.

Особенно впечатляет рассказ «Мимо вены» из второй части книги. На красивой, изящной игре омонимов строится внутренняя и жизненная драма главной героини: «Внутри-венно, — сказал доктор, — добавьте ещё три кубика». А ей послышалось: внутри ВЕНЫ... Да... Внутри ВЕНЫ, наверное, очень красивая архитектура... да... Венская опера, шницель по-венски, венский вальс и венские пирожные. Всё это потом, потом, в будущей жизни, которой, оказывается, может и не быть...»

Игра на грани фола... Но тем, возможно, она и прекрасна. О Лидии Григорьевой вполне можно было бы сказать словами Эрика Берна: «человек играющий». При этом игра мыслится не как действие, а как некое перманентное состояние души. Потому что если не играть (с жизнью, со смыслами, с самим собой) — можно сразу умереть. Творчество сродни игре, потому что оно неподвластно законам здравого смысла. Хотя смотря что понимать под ним.

Елена СЕВРЮГИНА

ДВЕ ПАПКИ

Надежда Сикорская. Русский тенор Соломон. — М.: Время, 2025.

Ведущий тенор Большого театра Соломон Хромченко мемуаров, увы, не оставил. Хотя вспомнить и обнародовать мог очень и очень многое. Как и герой романа Евгения Водолазкина «Авиатор», он был практически ровесником XX века: родился при Николае II, ушёл из жизни при Путине. И был свидетелем, а в каких-то случаях и непосредственным участником событий, как теперь модно выражаться, «глобального масштаба». После смерти Соломона Хромченко его внука

Надежда Сикорская нашла две папки: оказалось, дедушка всё-таки скрупулёзно фиксировал наиболее значимые эпизоды собственной жизни, собирая театральные программки, вырезки из газет и прочие документы с упоминанием своего имени. Плюс ко всему, конечно же, делился с внучкой многочисленными байками. Девочка запоминала. А повзрослев, решила сделать за дедушку то, чего он так и не успел совершить. Рассказала от его лица всю историю жизни. Получилась объёмная романизированная биография «Русский тенор Соломон».

Уже само заглавие книги может вызвать вопрос. Русский? Всё же здесь как у писателей: тот, кто пишет на русском языке, может называться русским писателем вне зависимости от национальности. А ведь практически тот же вопрос прозвучал в 1934-м, когда Соломона Марковича приняли на работу в Большой театр. Невзрачный, но наделённый тайной властью человек по фамилии Редькин надавил на молодого солиста, предложив стать русским по паспорту: «Будем менять на Семёна Михайловича или будем себе карьеру портить, не успев начать?» Хромченко с психологическим давлением справился, имя менять отказавшись. Хотя аукнуться это ему могло — наступали годы сталинских репрессий. Самого Сталина тенор впервые увидел в роковом для страны 1937-м: «Это было ровно за неделю до премьеры “Травиаты”: 11 декабря 1937 года Сталин выступил в Большом театре с речью перед кандидатами в депутаты и партактивом Москвы, накануне первых в истории Советского Союза выборов в Верховный Совет СССР... Сам по себе факт присутствия Сталина в Большом театре не был чем-то из ряда вон выходящим: он часто бывал на спектаклях, причём сидел обычно не в царской ложе, а в боковой. Те, кто осмеливался вообще как-то это комментировать, говорили, что он боялся получить пулю в лоб, хотя сами представляете, с какой охраной он являлся. Может, и боялся, а может, демонстрировал скромность, которая у тогдашнего руководства была в моде».

Роль Сталина в дальнейшей судьбе Соломона Хромченко окажется отнюдь не зловещей — скорее даже наоборот. Благодаря тому, что в разгар

Великой Отечественной вождь задумает сменить гимн СССР, тенор познакомится и станет общаться «с практически всеми лучшими композиторами и поэтами той поры: Александровым, Шостаковичем, Хачатуряном, Туликовым, Дунаевским, Блантером, Хренниковым, Лебедевым-Кумачом, Николаем Тихоновым, Исаковским, Антокольским, Долматовским... Всех сейчас и не упомнить». Именно Хромченко вместе с Алексеем Ивановым будет исполнять для правительственной комиссии бесчисленные варианты гимна. Вот оно — живое свидетельство. Надежда Сикорская делится подробностями, которые знают немногие. Больше её дедушки мог рассказать разве что Сергей Владимирович Михалков, которому вместе с Эль-Регистаном пришлось часами сидеть над текстом, «чуть ли не каждое слово сверяя с Ворошиловым». Воспоминания Михалкова об этом эпизоде Сикорская тоже приводит. И всё же рассказанное Соломоном Хромченко кажется более ценным, ведь он мог видеть картину целиком. Подобный обобщающий взгляд на исторические темы становится одним из ключевых достоинств книги. Картина глазами художника — это одно, картина глазами зрителя — другое. Здесь же восприятие получается двойным. Хромченко фактически становится проводником между художником и зрителем, а Сикорская — его ретранслятором. Мы сталкиваемся с удивительным кумулятивным эффектом: на глазах читателя складывается пазл из воспоминаний главных действующих лиц, связанных с тем или иным событием.

В следующий раз тенор увидит Сталина уже после Великой Победы. Хромченко станет одним из артистов, выступавших на концерте в Кремле 24 мая 1945 года, где и прозвучит произнесённый вождём «знаменитый тост за русский народ». «Запел я неаполитанскую песню: “Любви волшебная звезда царит в вечерней тишине...” И на словах “О, волшебница весна” беру верхнее си. Тут Сталин медленно оборачивается, внимательно взглядывает на меня и так и остается сидеть, вполоборота. Стараюсь не встретиться с ним взглядом, чтобы не превратиться в соляной столп, а главное — не перепутать слова. Не знаю как, но допел.

Сталин свёл ладони и заплотировал. Остальные немедленно последовали его примеру — весь зал встал». Спустя несколько лет опять-таки именно Сталин решит жилищный вопрос артистов Большого театра, поручив передать им квартиры в доме 25/9 на Тверской улице, тогда носившей имя Горького. Надежда Сикорская, прожившая там два с небольшим десятилетия, вспоминает: «Среди наших соседей были пианист Эмиль Гилельс и тенор Сергей Лемешев, балерина Майя Плисецкая, Марина Семёнова и Суламифь Мессерер, арфистка Вера Дулова, дирижёры Александр Гаук, Василий Небольсин, Кирилл Кондрашин, Александр Мелик-Пашаев и многие другие советские музыканты мирового уровня», и делится рассказанной дедушкой смешной сценкой: однажды тот на собственной кухне поймал с полочным соседа — драматурга Николая Эрдмана: «Зашёл за солью, Соломон Маркович, а тут у вас такие тефтельки — это уже моя четвертая! — словно нашкодивший ребенок, сообщил он и виновато развёл руками: — Моя Наташа совершенно не умеет готовить».

Тем не менее смешное в жизни Хромченко чередовалось со страшным. Если мысленно разложить описания главных событий в две папки — белую и чёрную, объём их окажется примерно одинаков. И страшное так или иначе тоже было связано с именем вождя. Символическая история встречи в 1944-м в Большом театре с солдатом по имени Костя, который до этого спас выступавшего на фронте в составе артистической бригады тенора. В мае 1944-го после ранения, лечения и выписки из госпиталя Костю отпустили домой — в Крым, к родным. Дом оказался пуст: «Двери нараспашку, всё вверх дном. От русских соседей узнал, что всю его семью, как и всех вообще татар, депортировали (этого слова он, конечно, не произносил) как “фашистов” (слово “коллорационист” тоже было Косте не под силу). “Я вся война прошёл, а мой жена, мама мой, сын мой — враг? Как же так, товарищ артист?” — вопрошал он меня с полными слёз глазами». Да, «за два с половиной майских дня по решению Сталина были депортированы, как мы узнали позже, почти 185 тысяч крым-

ских татар — “за сотрудничество с оккупационными властями”. То есть целый народ». Хромченко сможет помочь Косте, найдёт его семью, приютит всех у себя.

Или обратимся к другому эпизоду, способному закончиться весьма печально. 1948 год — убийство по приказу Сталина другого известного Соломона — Михоэlsa. Месяц спустя Хромченко вызвали к директору Большого. Но в кабинете его встретил не директор, а невзрачный, но наделённый тайной властью человек по фамилии Редькин, когда-то настоятельно предлагавший Соломону Марковичу сменить имя. И теперь Редькин от предложенных перешёл к прямым обвинениям: «Сионистской пропагандой вы занимаетесь, вот чем... Причём начали вы эту подрывную деятельность давно, ещё в 1937 году, — он заглянул в свою папку. — Вот программа вашего концерта в Малом зале Консерватории. Где это вы откопали у Балакирева “Еврейскую песню” и почему прекрасный романс “В крови горит огонь желанья” решили петь на музыку не Глинки Михаила Ивановича, как все, а какого-то Шварца?.. С какой целью вы ввинтили ваши еврейские штучки в классический репертуар?!» Выпутаться Хромченко сумеет, но какой ценой! Ему придётся совершить поступок, за который до конца дней будет стыдно. Первая из двух найденных Надеждой Сикорской папок, легших в основу книги, была очень толстой. В ней — многочисленные достижения бабушки. «Во второй же оказалась одна-единственная газетная вырезка: статья в газете “Советский артист” за февраль 1948 года за подписью деда. Я бы не обратила на неё особого внимания, если бы не прицепленная скрепкой бумажка, на которой его рукой было написано: “Надюля! Прошу тебя разобраться, понять и не судить строго”». А кого в той статье вынужденно громил Хромченко, пытаюсь тем самым спасти себя, читайте в романтизированной биографии.

Десять лет назад, рецензируя книгу Евгения Водолазкина «Авиатор» (HomoLegens, 2016, № 2), я вспоминал другой роман того же автора — «Соловьёв и Ларионов», у героя которого было две папки — «Живые» и «Мёртвые». Такие вот предвестники

интернета. В глобальной паутине биографию Соломона Хромченко найти несложно. Однако столь обширной и систематизированной прежде не существовало. Заслуга Надежды Сикорской ещё и в том, что возможности Сети она прекрасно задействует в книге. Поговорить о блестящем исполнителе и не услышать его голоса было бы странно. С этой целью на страницах размещены QR-коды на аудиозаписи. Читаем! Слушаем!

Станислав СЕКРЕТОВ

ВРЕМЯ СВЕТЛЫХ СТРАННОСТЕЙ

Борис Кутенков. Критик за правым плечом: Избранные заметки о классиках, современниках, литературном быте. — М.: Синяя гора; Саратов: Амирит, 2025.

Эта книга представляет собой новый вид мемуаристики, основанной на первоисточниках из соцсетей и телеграм-каналов. Люди пишут. Ежедневно фиксируя события нашего странного времени и мысли по их поводу. О художественно-интеллектуальных достоинствах многих «марающих» гипотетическую «бумагу» своих аккаунтов можно поспорить. Прочитал — забыл.

И совсем не то, когда и пишется привычно с прицелом на сиюминутность (завтра всё это провалится в пропасть под спудом новых постов), но в то же время знаешь, что всё это останется в интернетной ноосфере. На века. Словом — «а не выдумать ли новый жанр?». А почему, собственно, новый? Разве не является «Дневник писателя» Достоевского по сути тем же самым? Свежим, ещё не успевшим застыть слепком времени, который, впрочем, понятен и легко осмысливаем и на довольно ощутимом временном расстоянии.

Кажется, у Бориса Кутенкова получилось пересобрать прошлый литературно-мемуарный опыт на новый лад. И потомкам будет небезынтересно узнать, как выглядел литпроцесс в первой четверти XXI века глазами его активного участника. Структура книги такова, что когда её читаешь, то всё —

как в первый раз. Будто и не читала прежде этих постов через несколько минут после их публикации. Очевидно, это происходит по двум причинам. Во-первых, все заметки собраны по тематическим разделам. Это, наверное, как нудное упражнение для тренировки зрения — отделять чёрные фасолинки от белых и складывать их в разные кучки. Золушкин труд, который, однако, в случае с текстами дисциплинирует и, как бы это ни прозвучало, вдохновляет. Из этого логично вытекает и «во-вторых». У Кутенкова и правда выстроился некий сюжет, о котором сказано вскользь в авторском предисловии. Одно эссе тематически плавно перетекает в другое, будто автор говорит: «а вот кстати...» Это похоже на тягучую, но захватывающую застольную беседу, где начали с обмена семейными новостями, а закончили политикой. И постепенно собирается перед нами пазл личности автора. Пазл его мировоззрения в контексте современности.

Впечатлительно-многословный школьник из «нулевых», слишком интеллигентный на фоне своих гоповатых сверстников и слишком укоренённый в массовой культуре, как в музыкально-попсовой, так и в литературе (Донцова, Маринина...), — отчасти он таким же и остался. Многословность стала ещё более цветистой и иногда не поддающейся дешифровке, если не знать контекста. Раздвоенность между сложной, интеллектуальной и эмоционально насыщенной поэзией (в том числе и собственной) и маскультом в некоторых его проявлениях — об этом не единожды сказано в книге. Как и о собственном промежуточном статусе в (убеждён автор) искусственно созданной литературной иерархии, о вечном нахождении между молотом и наковальней, когда вроде бы ещё не литературный «старец» и не зазвездившийся хайпожор (хотя по количеству упоминаний в Сети он обогнал многих), но уже автор многих нужных литературе проектов, способных отделить чёрные фасолинки от белых, дать понять нам, кто есть кто ныне в словесности.

В конце первого раздела Кутенков, на предыдущих страницах рассуждавший о природе поэзии вообще и о стихах конкретных литературных пер-

соналий, внезапно предельно откровенно оценивает и своё собственное творчество в нескольких ипостасях — и как поэта, и как критика-культуртрегера. Это позволяет заглянуть в условную замочную скважину и подсмотреть если не «из какого сора», то каким способом растут стихи Бориса Кутенкова — «протяжного поэта» (определение Даниила Иванова) с «засильем пятистопного анапеста» (из эпиграммы, написанной когда-то Сергеем Арутюновым на полях его подборки).

Второй раздел, «“Джедай с лопатой света” и другие эссе», кажется наиболее драматичным. На этих страницах в чат вошла актуальная повестка. Уже давно не секрет, что после определённой даты литературная жизнь прежней не будет. И автор, которого меньше всего подозреваешь в интересе к «политическому», с горечью пишет об этих изменениях, повлиявших на отношение к стихам, на общение с коллегами. Этот раздел — доверительный и тонкий разговор с читателем. Без нервного вопрошания — «С кем ты?»: каков бы ни был ответ, это не должно отвлекать от главного — от самой поэзии, чтоб не истончился и не высох этот живительный ручеёк.

Не так уж не правы те, кто не приветствует слишком явного озвучивания своей политической позиции. Подбивать баланс будем потом, а пока — творить вопреки всему.

О своём «вопрекизме» Борис Кутенков говорит с долей самоиронии, называет свою бурную культуртрегерскую жизнь то «деятельной депрессией», то желанием убыстриться. Для творческого акта же важно другое — уединённое, провинциальное, выбивающее из привычного ритма.

О провинции (без негативных коннотаций — «для обидчивых можно заменить на “регион”») Борис пишет много, с ощущением новизны и непрекращающегося удивления от того, как там воспринимают «столичную» поэзию — без снобизма, внимательно и с желанием вникать и читать. Может быть, именно из этого вырастает привычка автора уезжать в маленькие города для уединённого творчества, плодотворного чтения и самопознания, чтобы почувствовать себя кем-то ещё, не похожим на привычного, которого

знает Москва и которого (что удивляет автора) много читают и в провинции. Свои уединённые ретриты без интернета и нежелание обзаводиться смартфоном Борис относит к своим «светлым странностям», помогающим переварить реальность, меняющуюся едва ли не ежедневно не всегда светлым образом.

От рассуждений об этой самой реальности и реакции на неё литпроцесса повествование раздела вырывает на бытовые истории, немного ироничные, приправленные даже некоторым мистицизмом, происходящие в уединённости провинциальных квартир. И создаётся ощущение, что даже в этих специально созданных обстоятельствах автор не один ни минуты (кот под кроватью, голубь-соглядатай, сосед, который умер...). В этом разделе, пожалуй, всё, что о жизни, что позволяет твердо стоять на земле, о тех мелочах, приятных или не очень, которые не дают сойти с ума. Ну, и конечно, о стихах, об их восприятии самим автором и о восприятии его собственных стихов другими. О всепобеждающем «вопрекизме» литературных мероприятий в столицах и в более скромных населённых пунктах. Где каждый, кто способен адекватно воспринимать литературу и жизнь, — тот самый «ждедай с лопатой света» (метафора из стихотворения Анны Русс).

Третий раздел своим названием говорит сам за себя — «О классиках и современниках». Здесь более масштабно раскрывается именно культуртрегерская составляющая деятельности Кутенкова. Но мы имеем дело не с отстранённой фиксацией явлений литературы. Автор гостеприимно вводит нас в свой личный круг чтения, анализируя своё отношение к прочитанному ещё в детстве Мозму или то, почему ему так близки тексты Татьяны Бек.

Обширное место в этом разделе занимает интерес к мемуаристике, в том числе и современной, той, где можно уже встретить фамилии знакомых или свою собственную. Я всегда читала мемуары с ощущением подглядывания, но этот вуайеризм мне нравился. Другое дело, что порой картинка в «замочной скважине» искажается под взглядом мемуариста. Кажется, что

тот же взгляд на мемуарную прозу и у Бориса Кутенкова. С одной стороны, хочется правды, а с другой стороны, этой опубликованной правды никогда не будет. При жизни героя она превращается в сплетню, а после его смерти покрывается «мемориальным глянцем». Всё это особенно остро проступает в заметке о книге Наталии Черных, в которой, по мнению Бориса, изрядная доля обиды на многих, пусть иногда и подсознательной. Конечно, человеку всегда подспудно интересно, что думают о нём другие, пусть он этого и не озвучивает. В этом смысле показательно эссе, где Борис пытается представить, как выглядел бы мемориальный опрос памяти себя.

Сам раздел «О классиках и современниках» внезапно превращается на глазах читателя в мемуар о людях, с которыми приходится вольно или невольно коммуницировать автору, и о нём самом. Снова и снова на пределе откровенности Борис Кутенков пишет об отношении к литкритике, о противоречиях и точках сближения массовой и «высокой» литературы, о преодолении снобизма. И очень много мыслей о контексте нашего времени. Автор не называет по имени те приметы политической реальности, что обострили и без того противоречивые отношения в литературной среде, подверженной, с одной стороны, духу конкуренции, а с другой — тусовочному конформизму. Но многое читается между строк. Относится к этому читатель может как угодно. Но вся эта книга — от первой до последней буквы — видится мне наиболее подробным и детальным свидетельством литературной и околосредовой жизни первой четверти нового века.

Я вышла из этой книги с ощущением, что продолжению быть. Литература не кончается никогда. Молчать ей некогда, ибо вокруг происходит жизнь, и её надо зафиксировать и пересказать. И кто-то подсказывает, куда должен повернуть сюжет этого вечно-го реалити-шоу жизни. То ли суфлёр-невидимка, то ли просто персональный критик за правым плечом.

Ольга ВАСИЛЕВСКАЯ

Страшное взросление

Пол Линч. *Благодать*. / Пер. с англ. Ш. Мартыновой. М.: Иностранка, Азбука-Агтикус, 2025.

Великий голод, который произошел в Ирландии во второй половине 1840-х годов, стал национальной травмой для ирландцев. В результате этого бедствия население страны сократилось почти на четверть. Сегодня есть исследования, описывающие эту трагедию, но практически нет прямых свидетельств тех, кто пережил эти события. Известный ирландский писатель и лауреат Букеровской премии Пол Линч описал Великий голод в своем романе «Благодать», выпущенном на языке оригинала в 2017 году. Это третий роман писателя, а Букеровскую премию он получил за пятый — «Песнь пророка», о котором я уже писал ранее (см. «Урал», № 12, 2024). Однако «Благодать» — это не просто хроника смертей и ужаса. Это высокое произведение изящной словесности, созданное большим мастером. Роман рассказывает романтическую и приключенческую историю, он описывает опыт взросления, а кончается ни много ни мало горем смерти и чудом воскресения. Путешествие, которое, казалось бы, приводит к свету истины, в итоге кончается суровым предостережением о том, что даже дарующие руки могут ударить, и нужно всегда различать божественный мир и человеческий. Линч не ставил себе цели намекать на современность, но признает, что его история эхом отзывается на современные события, например, миграционный кризис в Сирии.

Главная героиня книги — это четырнадцатилетняя девочка по имени Грейс, которую многодетная мать фактически выгоняет из дома, потому что не может прокормить. Мать остригает Грейс волосы, чтобы сделать ее похо-

жей на мужчину, в последний раз кормит мясом и выставляет на улицу — пусть идет в соседний город и ищет работу. Грейс уходит вместе с братом по имени Колли, но брата потом возвращают домой, и Грейс продолжает путь одна, хотя брат незримо остается рядом с ней.

Грейс отправили искать заработок, но в общем-то всем понятно, что предприятие это бесполезное. Известно, что урожай картофеля погиб, а мужики по всей округе сидят без работы, злые на весь свет. Поэтому подразумевается, что, если Грейс будет воровать, в семье ее не осудят. И действительно, с ликами голода Грейс сталкивается уже в начале своего пути. Проходя через селения и городки, она видит запустение и людей, которые словно выбралась из тел и стали собственными тенями. Во время своего путешествия Грейс доведется побывать в разных местах Ирландии и позаниматься разными вещами. Она будет помогать перегонять скот, наймется на работы по дому к одной женщине, будет трудиться на строительстве дороги, после чего вообще на время станет преступницей, чтобы в конце быть почти полностью сломленной голодом — умереть и воскреснуть. За эти несколько лет она повзрослеет психологически и физиологически и превратится в молодую женщину, которой уже без всяких иллюзий понятно, чего от нее хотят мужчины. Это будут тяжелые испытания с частой необходимостью физически защищать себя, но Грейс все выдержит и придет к истине о том, что нет никакой истины. Она убьет себя прежнюю и родится новым человеком. Это и есть необратимость взросления. Ей долгое время нужен был мужской пример, кто-то вроде отца, и она пыталась найти сильных мужчин среди тех, с кем сводила ее судьба. Нужна была и мать, бывало, за мать она принимала посторонних людей. Но эти потребности не тормозили ее становления как личности. Большую часть этой работы она проделала сама, учась не только у людей, но и у природы.

Единственная причина, по которой у Грейс от увиденного не развилось смертельное уныние, заключается в том, что у нее просто нет опыта. Будь у нее годы взрослой жизни, спрессованные в плиты, эти плиты раздавили

бы ее. А так она полна энергии, ходит целыми днями, примыкает к разным людям, ошибается и учится — в общем живет. Но этот первичный опыт, который она только начинает приобретать, уже окрашен скорбью, просто импульс этой скорби еще не таков, чтобы уничтожить душу. В моменты раздумий она уже сравнивает себя с мертвой, ведь у нее, как и у любого мертвеца, есть только прошлое и нет будущего. Смерть и холод — вот истина этого мира, а жизнь и тепло — явления временные, редкая милость природы. Грейс любит жизнь и хочет жить, но не возражала бы, если бы ее пристрелили. В этом парадокс ее пути. Прозрев свою судьбу как все равно ведущую к смерти, она часто готова сдаться и прекратить сопротивление. В такие моменты она хочет просто исчезнуть и не быть. Но какая-то энергия жизни всегда спасает ее, а раз так, значит, в этом есть смысл, и с новой силой возвращается ощущение ценности того, что ты просто существуешь. Бывают у нее совершенно эйфорические ощущения, что весь мир подарен ей в личное пользование, и тогда она совершенно счастлива.

Голод — это страшный опыт. Люди отдают за еду все, некоторые уже едят траву, камни и кору деревьев. На лицах никаких эмоций, они напоминают морды животных. Грейс видит таких людей и хочет помочь, но не может, потому что одновременно с жалостью чувствует омерзение. Большие трагедии не всегда объединяют общество, часто они действуют противоположным образом. Грейс, несмотря на все страдания, проникает на самую изнанку бытия и находит даже там какое-то тихое торжество существования, которое рождается из покоя умирания. Пол Линч поэтически сравнивает этот покой с тем, как «держишь в сомкнутых чашках ладоней успокоенные перепуганной птицы». А Грейс вовсе не невинный ангел. Видя девочку с хлебной корзинкой, она фантазирует, как нападет на нее, стукнет по голове и отнимет хлеб.

Путешествие Грейс — это не просто последовательность событий и поступков. Это еще последовательность ощущений и чувств. Не просто люди вокруг, а весь необозримый мир с его бездонным небом, бескрайней землей,

сильным ветром и тихим снегом воздействует на нее. Она прислушивается и присматривается, чувствует касания, различает шорохи, ощущает свое дыхание и слышит стук сердца. Мир говорит с ней то грозным, то ласковым языком, и Грейс захвачена эмоциями, через которые, как подземная лава, иногда пробивается страх. А ночи учат ее, что у реальности нет прочной основы, и явь легко может превратиться в сон. Грейс наедине со стихией мира и пытается усвоить урок, который ей хотят преподать. Глядя на небо и видя падающие звезды, она очарована увиденным и с восторгом загадывает желания, полагая, что единственная на свете была этому свидетелем. Она понимает, что эти мгновения неповторимы, и ценит их как величайшую драгоценность. В этом мире и человеческая свобода как будто приглашается. Свобода не в том, чтобы прийти в этот мир, а в том, чтобы из него исчезнуть, и Грейс не против, если ее жизнь заберут дождь или ветер. С другой стороны, жизнь тоже имеет ценность, и гораздо большую, чем правила и мораль.

Скитаясь по Ирландии, Грейс встречала разных людей, поэтому ее опыт нельзя изобразить черно-белой краской. Были те, кто хотел ее убить, и таким она желала самой медленной и мучительной смерти. Но были и те, кто спасал и заботился о ней. На каком-то очередном повороте пути Грейс примет философию одного парня, который помогал ей отбиться от похотливых преследователей. Он скажет простые слова. Бог нас оставил, люди предоставлены сами себе, Корона ничего не делает для бедняков, а богачи по-прежнему ни в чем себе не отказывают, когда на улицах валяются трупы. Не следует полагаться на надежду, она лжива. Нужно брать дело в свои руки и спасаться самостоятельно, отбирая еду у тех, кто ее забрал. Но Грейс не станет горячим разбойником-неофитом, потому что процесс ее взросления не принимает никакие идеи надолго. Будет, наоборот, время, когда она уверует в божественную благодать, спустившуюся лично ей, а потом снова разочаруется.

Взросление Грейс будет состоять в том, что она во всем начнет сомневаться. Слова людей, их внешний вид, шутки и серьезность — все это для

нее теперь не совсем настоящее. Настоящее было в детстве, но детство закончилось. Теперь ей остается только хохотать, потому что мир стал непознаваемым, хотя смысл путешествия Грейс в том и состоит, что она пытается этот мир познать. Главная цель, конечно, добыча пропитания, но одиссея Грейс в куда большей степени превращается в страшное и удивительное познание природного и человеческого мира, чем в борьбу за кусок хлеба. Сколько же в мире вопросов, на которые нужно дать ответ! Что такое душа, где она находится, меняется ли душа с возрастом, умеет ли она смеяться? В беседах с призраком брата Грейс будет ступать на территорию философии. Но опыт ее окажется парадоксальным. Грейс много чего видит и много чему учится за годы скитаний, но одновременно ощущает себя той, кто эти годы не прожил, а просто просуществовал. Иногда она с трудом сможет вспомнить лицо матери.

В ирландских мифах есть сюжет о том, что, когда длинное путешествие прерывается или заканчивается, путешественник теряет самость — резко стареет или умирает. Длинное путешествие Грейс действительно напоминает одиссею, но итог нельзя назвать полностью пессимистичным. Грейс потеряет многое, на долгое время она лишится даже дара речи, но именно самость она скорее обретет.

Проза Пола Линча российскому читателю может напомнить Плато-

нова, когда мы читаем фразы вроде «воры убили лошадь в еду» или «старик устал от прожизванья последних дней». Одновременно «Благодать» по силе можно сравнить с романами Фолкнера, и Линч в своей книге приходит к тем же выводам, к которым пришел Фолкнер в «Особняке», когда писал, что забвение уничтожит всякую память и неравенство. Линч пишет похожим образом:

«Вдруг видит она, как устроена память, что память в конце концов рушится в великое забвенье, какое объемлет рано или поздно и ее саму, и всех в Блэкмаунтин, и всякого человека на земле, и одной этой мысли достаточно, чтобы лопнула у тебя голова».

Итог печальный, но путь Грейс все равно имеет смысл. Она проходит через ряд экзистенциальных катастроф, которые страшны, как кошмар, и реально могут закончиться для нее смертью. Путешествие оставляет шрамы, а шрамы пытаются передать опыт, но все равно до конца не могут подготовиться к встрече с реальностью, потому что она непредсказуема. В эти моменты ей хочется того, что невозможно сделать одновременно, — силой жизни утвердить себя и одновременно исчезнуть, рассеяться как дым. Однако стремление жить все равно победит, несмотря на сокрушающую силу забвения. Поэтому роман «Благодать» страшный, но все-таки жизнеутверждающий.

Сергей СИРОТИН

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

Хроники русской революции. Россия, 2025. Реж. А. Михалков-Кончаловский

Что? Где? Когда?.. И почему?

Почему комедия да еще и пессимистическая? А почему «Хроники»? И почему фильм, а не сериал? 16 серий, 5 частей — и каждый раз в титрах написано «Фильм». Ну пусть будет фильм, если режиссер считает, что сериалы — это что-то недостойное его таланта. Но почему все-таки «Хроники»? Единственно что там есть хроникального, так это *настоящая* кинохроника тех лет, которую использовали многожды до Кончаловского и будут использовать после. А вот в его собственном материале приметы хроники отсутствуют начисто. Там очень много эпизодов с выдуманными героями, чуть меньше — с историческими личностями и этими же выдуманными героями, без которых исторические личности, похоже, обойтись не могут, и почти нет эпизодов, которые как раз и могли бы составить эту самую хронику.

Как там у Булгакова: «...что же это у вас, чего ни коснешься, ничего нет!» И ведь действительно! «Кровавого воскресенья» нет, Первой мировой войны нет (есть только развал русской армии в ее конце), отречение царя — за кадром, расстрел мирной демонстрации в июле семнадцатого подразумевается, а в кадре — лишь толпа с лозунгами возле дворца Кшесинской и Луначарский выступает вместо Ленина.

Это по сути лишь вторая массовая сцена после встречи Ленина на Финляндском вокзале.

Это что за большевик
Лезет к нам на броневик...

Да, броневик есть, и Ленин не только залез на него и выступил с пламен-

ной речью, но потом еще и домой в нем доехал, вроде как на такси...

Ну а после тех демонстраций и расстрелов Ленина объявят немецким шпионом и придут арестовывать, но он, как нас и учили на уроках истории СССР, скроется в Разливе у рабочего Емельянова, где будет писать статьи, есть сваренную Емельяновым уху и купаться в голом виде (чему нас на уроках не учили).

Потом не будет штурма Зимнего, Гражданской войны, Брестского мира, Кронштадтского мятежа, польского похода Сталина и Тухачевского, и никаких вам Деникина, Колчака, Врангеля, батьки Махно, но и Буденного, Фрунзе, Чапаева, само собой, тоже. 6 июля будет, но тоже как бы за кадром: говорят о мятеже в Ярославле, об аресте Дзержинского, потом мы узнаем, что Дзержинского освободили, а эсеров, которые его держали в плену, расстреляли на месте — и, собственно, всё. Правда, показано убийство Мирбаха эсером Блюмкиным и очень подробно — как большевики покинули съезд Советов, а эсеров заперли в Большом театре, где проходил съезд, и не выпускали.

И да! Чуть не забыл, но хорошо, что вспомнил: не увидим мы ни убийства Распутина, ни знаменитого «выстрела Богрова» (убийство Столыпина), ни выстрелов Каплан сами знаете в кого... И убийства царской семьи тоже не будет, только дом инженера Ипатьева мельком покажут... На всякий случай уточняю: «не будет» означает, что не будет снятых Кончаловским эпизодов, изображающих эти события, а будут лишь разговоры о них, иногда — кадры *настоящей*, тех времен, кинохроники и само собой — комментарии, голос диктора (отнюдь не Копеляна) за кадром.

Эти комментарии заслуживают отдельных комментариев. Не могу понять, то ли режиссер полагал, что только так можно комментировать события тех лет, то ли хотел спародировать интонации советских дикторов. Мне сразу вспомнились аналогичные комментарии к давнему, еще советских времен, фильму «Дни Турбиных», без которых, очевидно, фильм не выпустили бы в прокат и которые звучали диким диссонансом к тому, что происходило в фильме. Эти бежевые шторы... и броненосец «Пролетарий»...

В общем, не знаю. Кончаловскому видней. Скажу лишь, что так же, как те комментарии не испортили впечатление от «Турбиных», так и эти не помешали с интересом и удовольствием смотреть и *анализировать* «Хроники». А ведь как мне не хотелось их смотреть! Всё откладывал и откладывал, да еще отрицательные отзывы сыпались один за другим, а начал смотреть — и оторваться не мог, пока до конца не досмотрел. А перед тем как писать, еще раз посмотрел, медленно, вдумчиво, с авторучкой в руке. Если все мои замечания, примечания и вопросы тут изложить, то получится текст размером со список действующих лиц и исполнителей.

Бессонница, героев имена,
Я список всех ролей прочел до половины...

А список этот поистине огромен! Я тут на одном сайте нашел его, скопировал, и он занял 27 страниц, по 15 имен на странице, то есть более четырехсот ролей! И даже когда отсеял всех солдат, моряков, извозчиков и старушек, которые в титрах не значатся, так и то осталось 105 вполне значимых имен. Из них семь — главных, но из семи главных четверо главнее, потому что они — те самые выдуманные герои, без которых не обходится ни одно мало-мальски значимое событие в фильме и на которых собственно и держится сюжет.

Вот они:

Михаил Прохоров (*Юра Борисов*),
Ариадна Славина (*Юлия Высоцкая*),
Алексей Тихомиров (*Никита Каратаев*) и Лютер (*Александр Мизёв*).

Одиссея капитана Прохорова

Ну, большую часть фильма Миша¹ вообще-то полковник, но начинал-таки жандармским ротмистром, то есть в переводе на пехоту — капитаном. Капитаном (ротмистром) он, впрочем, побыл минут 10 экранного времени, а потом сам Николай II утвердил его в должности начальника спецотдела по борьбе с терроризмом Охранного от-

деления и повысил в звании до подполковника. Потом он как-то незаметно стал полковником, и опять же сам царь перевел его в контрразведку Генштаба и наградил орденом Св. Владимира 4-й степени. Причем не просто наградил, а свой собственный с груди снял и собственноручно Прохорову на грудь нацепил!

Но это было уже позже, в 1911-м, а все годы до этого и после этого, вплоть до победы большевиков, в каждой серии, в каждом эпизоде мы видим полковника Прохорова. Он и у Столыпина доверенное лицо, и Распутин к нему благоволит, и с кражей снарядов лично разобрался, и Кшесинскую хотел разоблачить под видом банкира, но она сама его разоблачила, а потом соблазнить пыталась, и в Могилев, в Ставку его с секретными документами посылают, и к Корнилову, но уже с деньгами... И, наконец, венец карьеры: царя с семьей отправляют в Тобольск и, разумеется, только полковник Прохоров может обеспечить безопасность при посадке в поезд, сам Керенский его выбрал. И тут трогательная сцена в вагоне, как бы эпизод с портсигаром из тех же «Дней Турбиных», но наизнанку: царь действительно подарил Мише золотой портсигар, Миша припал к груди царя-батюшки... и прослезился. То есть Миша прослезился, не царь.

При том в этой же самой 11-й серии Прохоров зачем-то предупреждает Ленина, что его сейчас придут арестовывать как немецкого шпиона, и Ленин уплывает в Разлив. Так что трогательная сцена в вагоне (снял фуражку, припал к царской груди) напоминает поцелуй Иуды...

По мне, так одиссея полковника Прохорова должна была завершиться еще в предыдущей серии, когда, наглядевшись, как Корнилов расстреливает и вешает дезертиров, Прохоров идет на берег реки, где группа казаков закусывает и поет казацкую песню, и Прохоров (сам из казаков, кстати), просит у них коня, как-то очень лихо, по-казачьи, впрыгивает в седло и скачет, скачет неведомо куда... Красивый эпизод, и какой красивый был бы уход, чтобы в самом конце пасть где-нибудь в Крыму, у Врангеля, в последнем отчаянном бою... И пусть комиссары в пыльных шлемах склоняются молча

¹ Полагаю, что если вполне взрослого полковника играет Юра, то и мне позволено впредь называть героя Мишей (оно и короче, кстати, получается).

над ним: он свою вину перед Россией искупил и теперь свободен!

А вместо этого вполне бесславный конец: служит этим комиссарам, но и их предаёт: снабжает документами бывших товарищей, бегущих к белым, а потом пьёт водку в кабаке (ох и много же водки выпито в «Хрониках»!), скучный, в штатском... и лысый (!), и подсаживается к нему английский шпион Сидней Рейли, которого уже не полковник, а военспец Прохоров ловил, но не поймал, называется *турецкоподданным* и предлагает на английские деньги организовать нечто вроде Союза Меча и Орала...

Я не предал белое знамя...²

Предал, Миша, предал, чего уж там...

Сердце красавицы...

Ну, а к чему это сердце склонно, вы и сами знаете. И да, это про нее, про Ариадну. Одних мужей у нее было пятеро, официальных и полуофициальных. От первого осталась только фамилия, второй был английский офицер, третий — инженер с завода Путилова, в убийстве которого она призналась, хотя убивала не она, четвертый опять англичанин, застреленный при захвате посольства Прохоровым (а не надо было отстреливаться из двух пистолетов сразу!), ну а пятый... вот где самый цимес: Максим Горький!

Ну, а то что Лютер, Алексей и наш Миша были ее любовниками, само собой разумеется. Особенно хорош и brutalен в любовных сценах Миша: то он в ресторане перед дамским туалетом (а первый английский муж тут же, в ресторане сидит) с нее трусы снимает и потом уже за кадром, но с грехотом имеет по-казацки, то перед поездкой к Корнилову опять же имеет, но уже по-офицерски: не снимая шинели и в сапогах, а то, в очередной раз поимев (за кадром), пуговики на спине застегивает, не выпуская из зубов папиросы, и при этом допрашивает про Ленина, Троцкого, Горького *et cetera* — что поделаешь, служба-с...

Лютер вроде бы в кадре был скромнее, разве что называл ее проституткой, потому что она отдавалась ему

(«из постели моей целыми днями не вылезала!») — и все ради того, чтобы попасть в боевую группу. Изображала заложницу при ограблении банка, возила на себе запалы для бомб, пришитые к нижней юбке, участвовала в операции, где с одной стороны был Миша, а с другой — она, Лютер и Алексей. После этого всё больше по мужьям и любовникам (исключительно за кадром), но при этом именно из-за третьего и четвертого мужа посидела в тюрьмах — в «Крестах» и на Лубянке. Правда, сидела недолго: в первом случае допрашивал ее, само собой, наш Миша, и он быстренько ее отпустил на волю, а во втором Горький просил за нее раненого Ленина, после чего увез с собой на Капри.

Отмечу, кстати, что на протяжении 15-ти серий вся наша героическая четверка совершенно не стареет, хотя проходит почти двадцать лет. И только в последней серии мы видим лысого Мишу, и у Ариадны, когда она смотрит на Горького, оплакивающего Ленина, лицо 60-летней женщины. Если вспомнить, что она соблазнила Алексея, будучи старше его лет на двадцать, то так и должно быть.

«О, жены — порожденье крокодилов» — Сказал Шекспир — увы, не без причин, В обличьи ангельском, с улыбкой милой Вы пожирате сердца мужчин!³

Веселый убийца с карандашами

Почему-то Лютер любил убивать при помощи карандаша, воткнутого в ухо. Именно любил: он, конечно, не был психопатом и серийным убийцей, но если надо было для дела партии, работал с душой. Но при этом и чувства юмора не терял: угрожает, например, кому-то, но при этом продолжает улыбаться — уж как он Богрова лупил, оказавшегося провокатором, но ведь весело лупил, с шутками и прибаутками, а потом отправил вместо себя Столыпина убивать.

И притом ведь сам Лютер был двойным агентом: он работал на Курловского, начальника Прохорова в Охранке. Но там что-то странное было, словно и не политика, а деньги тут замешаны, Курловский казенных денег аж 3 млн

² Александр Блок.

³ Виктор Гусельников.

украл! И когда Прохоров задержал Лютера в синемаатографе «Аврора»...

Да, конечно, это ошибка, притом двойная. Только в 1930 г. синемаатограф «Пикадилли» стал называться кинотеатром «Аврора», но это еще не все: Лютера арестовали в 1905-м, а «Пикадилли» был построен в 1913 году... Впрочем, автор имел полное право *придумать* любой кинотеатр, какой ему был нужен по ходу сюжета.

В общем, когда Прохоров задержал Лютера в несуществующем синемаатографе «Аврора», Курловский Мишу увел из камеры под каким-то предлогом, а Лютер попросил у охранника карандашей, убил его и сбежал. А когда Курловский велел ему зачем-то собрать всю боевую группу, сообразил, что замыслил жадный полковник, и быстроенько сбежал за границу, прихватив с собой Ариадну.

Ну а кончил Лютер, разумеется в ЧК — пока не в числе жертв, а среди палачей, но вряд ли ему удалось бы пережить Ежова и Берия...

Музыка революции

Да, Алексей много говорил о музыке революции, а о музыке как таковой не говорил — он ее исполнял. Был очень талантливым, может быть, даже гениальным пианистом. Играл и для Горького, и для Ленина (у Горького на Капри они и познакомились, и Алексей стал преданным помощником Ильича). И при этом был прирожденным убийцей: во время той операции с Ариадной и Лютером (о которой я говорил выше) они с Ариадной ударили на извозчике от городских, Алексей отстреливался и, когда попал в городского, визжал от восторга и кричал: «Я убил его! Убил!...» Но при этом, когда при нем вешали Гапона, блевал в уголке, а Ариадна веревку подавала. Правда, потом и она, бледная, водку из рюмки Гапона же пила...

Ну а потом пианист становится чекистом в группе Лютера, участвует в расстрелах и, как сам признается Ариадне, не может спать, если никого не убьет. И вот идут они из ресторана, Ариадна пыгается вспомнить стихотворение Волошина, и тут вдруг подсказывает к ним какая-то тетка, явно из бывших, и декламирует это стихотворение, а Алексей достает револьвер и стреляет

в тетку — раз и другой. Ариадна в ужасе убегает, а Алексей говорит спокойно: «Вот теперь я выплусь...»

Позже, когда большевики заперли эсеров в Большом театре, Алексей не ушел вместе со всеми, остался с Марией Спиридоновой, которой искренне восхищался. Когда эсеры запели «Вихри враждебные...», он им аккомпанировал на рояле (это все-таки оперный театр был), а когда Спиридонова попросила что-нибудь сыграть вместо разговоров о политике, исполнил нечто мощное и героическое. Я подумал, что наверняка «Революционный этюд» Шопена, но не угадал. Он ведь все время играл Скрябина — и тут исполнил его же этюд ре-диез минор (ор. 8 № 12).

Позже, когда Спиридонова прилегла отдохнуть на креслах за кулисами, Алексей принес ей кипятку и леденцов. «Добрый дядя — конфетку дал, а мог бы и зарезать...» И зарезал бы, если бы это была не Спиридонова и если бы ему приказали.

И Ленин такой молодой...

Больше всего Кончаловского ругали за Ленина (*Евгений Ткачук*). Ну не нравится никому такой несерьезный Ленин. Клоун из цирка, а не вождь пролетариата. И да, поначалу этот Ленин уж слишком бойкий, особенно когда удирает от полиции из типографии Парвуса. Только что не подпрыгивает на бегу, как мальчишка. Но при этом и мягкий, и нежный с Инессой Арманд. А после броневика и выглядеть стал намного серьезнее и старше. Ближе к финалу, по мне, так и вовсе хорош, например, в разговоре с Горьким, когда прикладывает рыжую кошку к раненому плечу — она его «лечит». Ну и в последнем «ленинском» эпизоде, когда его больного, с бритой головой, везут в Кремль, как он смотрит на Москву за окном! Будто прощается не только с Москвой, но и с жизнью.

В общем, по-моему, из «клоуна» получился... нет, *вырос* у нас на глазах настоящий Ленин. Даже, может быть, более человечный, чем настоящий.

И если хроники у Михалкова-Кончаловского не получились, то все-таки получилось очень неплохое и оригинальное кино.

Валерий ИСХАКОВ

ВЕРНИ МНЕ МОЙ 2008-й

Прочёл «Среднюю продолжительность жизни» Максима Семеляка.

Летом 2008 г. главный герой выкапывает прах матери, чтоб развеять над озером Боровое. Затем мечется между домом отдыха и тремя своими квартирами в Москве, попутно решая вопросы гражданина, человека и почтительного сына. Действия почти нет, одно роед-муви, психоделия и разговоры.

В 2008 г. я впервые приехал в Москву. Точнее, в Липки, на форум молодых писателей. После Москвы поехал в Ленинград: лежал там на диване и читал «Русскую жизнь», «крипто-патриотическое издание», колонку про секс в которое так и не написал ни герой романа, ни сам Семеляк.

Отношения с отцом наложены на разницу занятий: отец — фотограф (Свет), сын — филолог (Воздух), танцует об архитектуре, переводит с музыки на слова. Получается неплохо: статьи Семеляка интереснее той музыки, о которой они написаны. Музыка — плохая, статьи — хорошие. Но приходят файлообменники, и статьи о музыке становятся никому не нужны. Музыка, впрочем, тоже.

Из книги Семеляка можно накопывать массу интересного изюма о соотношении визуалки (стихии Отца), словесности (стихии матери-корректора) и музыки (стихии сына). Сам не перестаю писать о гибели словесности под напором визуалки. Дж. Б. Пристли заметил это в Британии ещё в 50-е гг. Россия, как всегда, немного отстала. Впрочем, словесность умирает, но не сдаётся: она до сих пор ведёт арьергардные бои в лице того же Семеляка.

Визуалка атаковала.

Свидетельствует Вадим Чернов: «Лет в семь я любил листать книжку «В тисках духовного гнёта», выпущенную в серии «Империализм без маски». Там были фотографии Майкла Джексона и группы Kiss — и, не имея возможности послушать, я представлял их музыку. Собственно, это и были мои любимые артисты в первом классе). Спустя пару лет, когда уже услышал, Майкл меня не разочаровал. А вот Kiss показались очень попсовыми — фотография звучала куда лучше!»

Герой Семеляка — как правильный эдипальный мальчик, играет за маму-корректора против папы-фотографа, за слова и буквы против света и визуалки (я ему, как книжник и фарисей, сочувствую). Простой человек в нормальной среде обитания визуалкой интересуется мало, ходит по запаху, как медведь. Фотоаппарат научил его видеть, подсадил на иглу взгляда. Задача Семеляка, филолога-штурмовика из «Афиши», — «взгляд немножко затуманить», разучить видеть. Трагедия «Средней продолжительности жизни» не только, как остроумно заметил Лев Рыжков, в самоцензуре свально-эротических моментов (иначе она не смогла бы появиться в печати и выдвинуться на БК). Книжка должна была стать торжеством над Папой (воином Света). Герой вдумчиво расхламляет папину квартиру, заваленную плёнками, снимками и прочим негативом. Все продукты фотожизнедеятельности отправляются на помойку. Если повезёт — в огонь.

Прошло 17 лет, и на помойку отправились продукты творчества самого Семеляка.

Но не будем о грустном. Есть ещё более тёмная сторона. Соотношение сред-медиумов — не так важно. Медиум, конечно, — месседж. Но тот, кто отправляет послание, кто владеет средой, — всё-таки важнее.

Семеляк делает вид, что не понимает, как и зачем устроен шоу-бизнес.

Поясним устройство шоу-бизнеса на примере футбола.

Я недавно пересмотрел миниатюру Райкина «22 бугая на полтора

часа» (которую знал из пересказа Романа Неумоева) и понял, что не так с футболом, а также со всем остальным шоу-бизнесом, включая духовку. Напомню для молодого поколения, что Райкин предлагает футболистам бегать с катками и асфальтировать футбольное поле.

Это футбол по Райкину.

Есть футбол по Льюису — это когда дети в закрытом учебном заведении разбиты на три группы: самые крепкие играют, ботаны — болеют, и ещё есть небольшая группа, которая следит за тем, чтоб ботаны болели максимально искренне.

Есть футбол по Гаспарову — когда смысл бессмысленному придаёт своим голосом гениальный комментатор (Озеров!). Как пишет Гаспаров, когда слушаешь Озерова, не зная правил игры, в голове возникают сюрреалистические картины.

Семеляк комментирует всё вокруг, как Озеров футбол, по-брахмански, широко закрывая глаза на вклад культурной индустрии в контроль над массами. «Там, где хотят иметь рабов, надо как можно больше сочинять музыки» (Толстой). Правнукшудр, внук кшатриев, брахманский сын на брахманской должности, уже почти дорос до состояния просветления. Но тут приходят новые кшатрии и просят на выход. Одновременно файлообменники обесценивают его танцы об архитектуре. Приходится переквалифицироваться в сочинители, собирать «пазл существования» максимально бюджетным способом.

Я всю жизнь живу в нормальном, не искривлённом урбанистической пространстве, где рысь не убегает в лес от фермеров-рысеговодов, а естественным образом выходит из лесу пожрать. Где езда «на собаках» предполагает езду на собаках, а не электрички. И пароход «Н.В. Гоголь» назывался просто «Гоголь» и возил не НКВД-шников на отдых, а корейцев из Северной Кореи на работу.

Позволю себе подойти к семеляковскому тексту объективно.

Обитает Семеляк недалеко от «Аэропорта», и называет писательские дома «живыми кладбищами». Уподобление домов гробам — старая

шутка кочевников. Дальше он шутит про классовую разницу надгробий и сравнивает кладбище с отдельным сбором мусора. Это привязка к предыдущей книжке «Значит, ураган...». Лидер группы «ГрОб» Летов временами впадал в эко-фашизм и мечтал сортировать мусор в Сан-Франциско. Лейтмотив «Значит, урагана» — песня «В небо по трубе», с очевидной отсылкой к трубам Аушвица и к окончательному решению человеческого вопроса. То, что главный герой снимает квартиру рядом с пабом «Черчилль» и корчмой «Тарас Бульба», тоже говорит об идеологической ориентации семеляковской психогеографии.

Смешная фамилия «Спиженковы» в самом начале кладбища — это герой видит могилу своей собственной книги СПЖ, «Средняя продолжительность жизни». О чем это говорит? О том, что книга «сп...жена» (выражаясь словами автора: «полностью интертекстуальна») и мертва. Я не знаю, писал ли Семеляк в бытность свою студентом стихи, но текст его — неритмичный, как пост-рок. Кстати, критик Новиков, упоминаемый в романе, жив.

Основные мотивы книги.

Отношения с родителями. Атомизация и дальнейший полураспад личности, показанный изнутри. Единственный ребёнок в семье закономерно распадается на элементарные частицы. Не зря автор вспоминает атомы-камакадзе старика Эпикура.

Интересно сравнить с «Дождём в Париже» Романа Сенчина. Герой-рассказчик, в сущности, такой же хмырь, как и Андрей Топкин, но с филологическим образованием по французскому отделению (на курсе у него могло бы быть погоняло «Сен-Семельяк»). Герой Сенчина уплощается ходом развития медиа, инволюционируя от пластилинового войска под кроватью до залипания в Википедии и неспособности сличить Кайтселийт и Омакайтсе. Личность Андрея Топкина уплощается сетями, как личность планокура. Личность героя СПЖ так же уплощается культуриндустрией. Модным пьянством с продакт-плейсментом всех этикеток Семеляк маскирует классовую шизофрению.

Михаил Маяцкий в книге «Курорт Европа» резюмирует «идеал и оружие всемирного разрушения», современного европейца: «Как трудящийся, он, конечно, хочет, чтобы промышленность оставалась в его стране, чтобы у него росла зарплата и т. д. Как потребитель, он голосует ногами и кошельком за дешевые товары, произведенные в солнечно-беспрофсоюзных краях. Как гуманист, он возмущен условиями труда своих далеких азиатских собратьев. Как капиталист, он ожидает, что его акции принесут ему максимальную прибыль благодаря самоотверженному трудолюбию, принятому среди все тех же собратьев».

Семеляк, как потребитель, слушает пиратскую музыку. Как трудящийся — торгует словами в пользу магазина «Трансильвания» (Залесье), продаёт эту самую музыку. Как гуманист — он за всё хорошее против всего плохого. Как капиталист — за то, чтобы «хорошие люди наконец поубивали всех плохих людей».

То, чем страдает герой Семеляка, определила девушка из «Самой лёгкой лодки в мире» Юрия Коваля — «борьба борьбы с борьбой».

Свидетельствует филолог Вадим Чернов: «Вообще связь прозы Коваля и Семеляка не очевидна, но интересна. В романе «Самая лёгкая лодка в мире» с юмором и стилем описано такое же психоделическое путешествие московского интеллигента семидесятых. И тоже присутствуют чудаковатые персонажи, роковая женщина, обилие воды и выпивки».

Герой Семеляка — еврокурортник из ближнего Подмосковья. Тема тузов, туризма и кочевья — крутящий момент романа. *Doing things and going places*, изгнание из Рая, возвращение в Эдем. «Если я услышу все прекрасные песни мира, то можно собрать пазл существования», — мечтал Семеляк. Прекраснодушие, достойное австралийских аборигенов, не дорезанных английскими колонизаторами. Это можно понять в кантианском ключе: разрушение единства апперцепции (расщепление атома-индивидуума) и есть изгнание из рая. Собрать «пазл

существования» — собрать все свои субличности.

Для этого креативному шизофренику нужно несколько квартир, под каждую субличность. У Максима Анатольевича и имена заготовлены под каждую: Мак, Макс, Максим, Максимилиан, и для каждой — разные вещества с разными компакт-дисками для саундтрека. А так как столько квартир на одну пятую точку с трудом может набрать даже «позднее потомство» «трёх мушкетёров» из НКВД, то тело (носитель субличностей) логично и закономерно выталкивается в номадизм, становится кочевником.

«Темно и скромно происхождение нашего героя». Он выдаёт себя за внука Зошенко, на самом деле в классовом отношении потомок гоголевского Петрушки, который любил читать вывески на кабаках и ярлыки на бутылках. Потом он научился писать: писал так же, как читал. Чичиков свою деревеньку в Херсонской губернии назвал селцо Павловское, а после выхода «Мёртвых душ» и сам стал зваться Павловским (политтехнолог Павловский — его прапраправнук), а потомки Петрушки сделали карьеру в НКВД. Самый значимый фотоснимок отца — на реке Чичкан в Киргизии. Река напоминает о бывшем хозяине, Павле Ивановиче Чичикове.

Кочевали они соответственно. Из селца Павловское — в Дом на набережной. Из Дома на набережной — в отдельные квартиры в районе «Аэропорта», детям — отдельные комнаты. Отдельные квартиры создали средний класс. Отдельные комнаты для детей — создали атомизированное поколение. Потом каждой субличности понадобится отдельное пространство. Герою Семеляка для каждой его осколочно-психоделической субличности нужна новая квартира: съёмная, от папы, от мамы, от бабушки, ведомственная, номер-люкс в доме отдыха, просто номер.

Чувствительный мещанин ищет место своим чувствам.

Когда людей лишают родной земли, их отправляют путешествовать либо сразу в трубу, либо в бутылку,

либо по кроличьим норам контента, в междумирье, к богам Эпикура. Семеляк перемещается в запахе электричек, вспоминает гэдээровскую детскую железную дорогу, и «трейнспоттинг реальности» изящно замыкается анекдотом о смысле жизни в поезде Москва — Краснодар 1973 г. Я заострил внимание именно на «трейнспоттинге», потому что мы в клубе на Набережной как раз обсуждали «Кровавый проект» Макрея, а Юля лично успела поучаствовать в особенностях шотландских особенностей, trainspotting, гадании по поездам.

Если снять психоделический флёр, то книжка Семеляка — об оскудении НКВД-шного дворянства. Так же как «На игле» Уэлша — логическое завершение депортации шотландских горцев «на иглу». «Маргарет Тэтчер была невидимой рукой, стоящей за «Трейнспоттингом» (Ирвин Уэлш). Она прикончила англо, построенный лейбористами в 60–70-х гг. Когда Рэнтон говорит: «Не было такого понятия, как общество, и даже если бы оно было, я больше чем уверен, что я к нему не принадлежу», — он цитирует Тэтчер: «Такого понятия, как общество, не существует. Есть только отдельные мужчины и женщины, и есть семьи». Развал общества предшествует развалу семьи, так же как развал семьи предшествует развалу

личности — до состояния наркомана или шизофреника-креакла.

Ирвин Уэлш (что по-ангლოსаксонски значит «чужой») топит за независимость Шотландии, хотя, как и его герой Рэнтон, сделал деньги на лондонской недвижке. «Спасибо Гитлеру, — любит говорить Уэлш, — Лондон хорошо разбомбили: после войны стало очевидно, где хороший район, для риэлтора — много интересной работы». Кровавый ватник Семеляка должен был покаяться перед прогрессивной общественностью за написание книг об оголтелых холуях Шнуре и эко-фашисте Летове. Именно поэтому «Средняя продолжительность жизни» нашпигована осколочно-разрывными аллюзиями — чтоб сбить с толку. Чтобы перевести стрелки, почвенники у Семеляка с пронемечью: лодочник Люферс, политолог Сергей Вильгельмович Фарфоров. Семеляк как бы уточняет — пепел не из Аушвица, прах матери, и развеиваю я его по завету других, правильных немцев (прах Ангельса был развеян над Ламаншем). Не «Волшебная гора», а озеро Китеж (Боровое). В Китеже — кит, внутри кит-Левиафана — офисный планктон, два миллиона пророков в телеграм-каналах.

На них мир стоит.

**Василий ШИРЯНВ,
Камчатка,
посёлок Вулканный**

Редакция не рецензирует и не возвращает рукописи и не вступает в переписку по поводу отвергнутых материалов.

Рукописи, в которых отсутствуют данные об авторе (имя и фамилия, обратный адрес или телефон), не рассматриваются и не возвращаются.

Все произведения, опубликованные в журнале «Урал», размещаются в Интернете. Если Вы считаете, что публикация электронной версии нарушает Ваши авторские права, просьба заранее предупреждать о Ваших возражениях.

Перепечатка любых материалов возможна только с согласия редакции. Ссылка на «Урал» обязательна.

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций.

Журналы с полиграфическим браком возвращать в типографию.

Уважаемые подписчики!

Обращаем ваше внимание, что оформить подписку на наш журнал на 2025 год можно по единому индексу 73412:

- на сайтах: <https://www.pressa-rf.ru/> или <https://www.akc.ru/> (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов);

- в отделе продаж агентства ОАО «АРЗИ», направив заявку по электронной почте: Govorkova@arzi.ru или позвонив по тел. (495) 680-99-71 (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов).

А также:

- в любом почтовом отделении через электронный каталог «Почта России». Приходите, называете индекс ПС429 — и вас подписывают!

Подписку на журнал «Урал» можно оформить также в Центре подписки и доставки ООО «Урал-Пресс Город» по адресу: Екатеринбург, улица Мамина-Сибиряка, 130, телефоны: 262-65-43, 262-78-98.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-58576 от 14 июля 2014 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Редакция журнала «Урал»
Учредитель — Министерство культуры Свердловской области

Главный редактор — Олег Анатольевич Богаев

Редакция:

Сергей Беляков — зам. главного редактора по творческим вопросам

Надежда Колтышева — зам. главного редактора по вопросам развития

Константин Богомолов — ответственный секретарь

Андрей Ильенков — зав. отделом прозы

Юрий Казарин — зав. отделом поэзии

Валерий Исхаков — литературный сотрудник

Александр Зернов — литературный сотрудник

Татьяна Сергеенко — корректор

Юлия Кокошко — корректор

Наталья Бушуева — бухгалтер

Редакционная коллегия:

О. Богаев, С. Беляков, Н. Колтышева, К. Богомолов, А. Ильенков, В. Исхаков

Адрес издателя: 620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 24, 4-й этаж

Редакция журнала «Урал»: 620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 24, 4-й этаж

Адреса электронной почты: editor.ural@mail.ru, poetry@uraljournal.ru (для поэзии)

Телефоны:

376-57-49 — главный редактор

376-57-54 — зам. главного редактора по творческим вопросам, отдел прозы, отдел публицистики

376-57-41 — зам. главного редактора по развитию, ответственный секретарь, отдел критики

376-56-25 — бухгалтерия, отдел поэзии

Оформление обложки — Альберт Сайфулин.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии

ООО «Издательство УМЦ УПИ» 620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2

Подписано в печать 23.12.2025

Дата выхода в свет 27.12.2025

Формат 70x108/16. Бумага типографская № 2. Уч.-изд. л. 20,6

Тираж 1100 экз.

Заказ № 8265

Цена договорная

Журнал «Урал» в Сети:

<http://uraljournal.ru/>
http://vk.com/zhurnal_ural

Электронная версия журнала «Урал» находится по адресу:

<http://magazines.russ.ru/ural/>

АНТОЛОГИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ШЕДЕВРА

Игорь Северянин

Январь

Январь, старик в державном сане,
Садится в ветровые сани, —
И устремляется олень,
Воздушной вальсовых касаний
И упоительней, чем лень.
Его разбег направлен к дебрям,
Где режет он дорогу вепрям,
Где глухо бродит пегий лось,
Где быть поэту довелось...
Чем выше кнут, — тем бег проворней,
Тем бег резвее; все узорней
Пушистых кружев серебро.
А сколько визга, сколько скрипа!
То дуб повалится, то липа —
Как обнаженное ребро.
Он любит, этот царь-гуляка,
С душой надменного поляка,
Разгульно-дикую езду...
Пусть душу грех влечет к продаже:
Всех разжигает старец, — даже
Небес полярную звезду!

1910. Январь

Журнал «Урал» вы можете приобрести в екатеринбургских магазинах: «Дом книги» (ул. Антона Валека, 12), «Пиотровский» (ул. Бориса Ельцина, 3, Ельцин Центр, 2 этаж), а также в Музее изобразительных искусств (ул. Воеводина, 5), в Музее «Литературная жизнь Урала XX века» (ул. Пролетарская, 10) и в Свердловском академическом театре драмы.

Подписывайтесь на журнал «Урал» с любого месяца.

Это делается так:

- на сайтах: <https://www.pressa-uf.ru/> или <https://www.akc.ru/> (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов);

а также в электронном каталоге «Почта России»; в отделе продаж агентства ОАО «АРЗИ», направив заявку по электронной почте: zakaz@akc.ru или позвонив по тел. (495) 680-99-71 (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов).

А также:

- в любом почтовом отделении через электронный каталог «Почта России». Приходите, называете индекс ПС429 — и вас подписывают!

Подписку на журнал «Урал» по-прежнему можно оформить и в Центре подписки и доставки ООО «Урал-Пресс Город» по адресу: Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130, телефоны: 262-65-43, 262-78-98.

Информационные спонсоры журнала «Урал»:

